

Огни Кузбасса

№ 6 / 2022

18 января губернатор Кузбасса С. Е. Цивилев наградил авторов и исполнителя песни «Тыловая» (слова Н. Мурзиной, музыка М. Шампорова) областными наградами. Н. Мурзина и М. Шампоров удостоены медали «За служение Кузбассу», исполнитель песни Т. Чукреева получила медаль «За веру и добро». Облетев за короткий срок всю страну, «Тыловая» вызвала горячий отклик слушателей. Авторы получили много писем с благодарностью. Различные исполнительские коллективы попросили разрешения взять ее в свой репертуар. Песня была опубликована на каналах Дмитрия Медведева, Рамзана Кадырова, Амана Тулеева, Владимира Соловьёва, военных обозревателей Михаила Онуфриенко и Юрия Подоляки. Популярный певец Олег Газманов представил «Тыловую» в хит-параде проекта патриотической песни «Родники». Она звучала по радио «Комсомольская правда», «Крым», «Радио России. Ямал». На фото слева направо: С. Е. Цивилёв, Т. Чукреева, Н. Мурзина, М. Шампоров.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

А. И. Юдина,
г. Кемерово, министр
культуры и национальной
политики Кузбасса

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Законодательного
собрания Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 6 / 2022

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Вера ЛАВРИНА
Олег МАКСИМОВ
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Агата РЫЖОВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

16+

Содержание

ПРОЗА

Евгений Чириков. На линии огня. Рассказ	3
Игорь Малышев. Хлам. Трагедия-комедия-фарс	10
Павел Кренёв. Рассказы	29
Виктор Байлагашев. Тридцатьвторушка. Рассказ	54
Борис Дюкин. Долгий летний день. Рассказ	60
Виктор Брюховецкий. Старик и Сеттер. Рассказ	82

ПОЭЗИЯ

Роман Рубанов. Мы – русские! С нами Блок!	7
Валерий Дмитриев. Бой за Русский мир	27
Марина Брюзгина. Тревожное одиночество	52
Алексей Бурко. Вспомнишь струну магистралей	58
Ирина Надирова. Эпоха раздражения	80

ПУБЛИЦИСТИКА

Нина Воронина. Цена прогноза	88
Александр Савченко. Не тем путем плывем, товарищи!	91
Анатолий Сазыкин. «Россия, Русь! Храни себя, храни!» Русская поэзия и русская историческая память	97
Александр Балтин. Огни поэзии Кузбасса	101

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Сергей Пшеничников. Шория	104
---------------------------------	-----

КНИГА ПАМЯТИ

Александр Коваленко. Шуркина Анжерка и его дед Павел	111
Вячеслав Кабин. Байки сибирского аборигена	125
Сергей Кузнецких. Миша Стрельцов	142

БЕЛЬМАСОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Анна Мамаенко. Стихи. Юлия Малеванова. Лето на подоконнике. Рассказ. Анна Фенина. Задержана по запросу Интерпола. Рассказ. Елена Басалаева. Счастливая была. Рассказ	145
--	-----

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Андрей Махалов. Таежная сказка	159
--------------------------------------	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анатолий Сазыкин. 47 особых голосов (к выходу в свет 1-й книги «Современная литература Кузбасса»)	162
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Дмитрий Мурзин	166
Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2022 год. Подготовил Дмитрий Мурзин	170

Русскому поэту и драматургу Александру Петровичу Сумарокову – 305 лет

(1717–1777)

«Язык наш сладок, чист, и пышен, и богат; но скудно вносим мы в него хороший склад». Так писал Александр Сумароков, поэт и драматург, которого величают «отцом русского театра». Он стал родоначальником целых важнейших областей отечественной культуры, эстетической мысли, журналистики, языковедения, поэтики, драматургического мастерства.

ХОР КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ

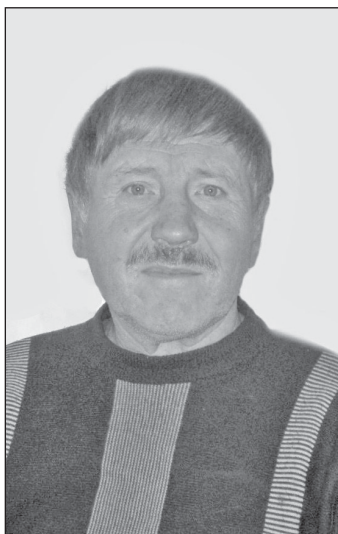
Приплыла к нам на берег собака
Из-за полночного моря,
Из-за холодна океяна.
Прилетел оттоль и соловейка.
Спрашивали гостью приезжу,
За морем какие обряды.
Гостья приезжа отвечала:
«Многое хулы там достойно.
Я бы рассказать то умела,
Если бы сатиры петь я смела,
А теперь я пети не желаю,
Только на пороки я полагаю».
Соловей, давай и ты оброки,
Просвищи заморские пороки.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.
Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.
Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.

1762–1763

**Евгений
ЧИРИКОВ**

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Рассказ

Яна с беспокойством думала о маме. В субботу, запасшись продуктами, она пришла на ту единственную улицу, которая символизировала былой частный сектор.

Пространство вокруг было безлюдно: все те, кто решили остаться, попрятались по хатам. Белый саманный домик мамы стоял среди последних снегов зимы. Двор замыкался металлическими воротами. В угол ограды был встроен двухэтажный гараж с присоединенной к нему теплицей. В глубине огорода приветливо махала хвостом Жулька, помесь таксы и дворняги. Сразу за огородом тянулись рельсы, по которым на кирпичный завод возили каолин.

Маме в начале февраля исполнилось 82 года. Если Яна имела вид краснощекой, корпулентной женщины с чуть вздернутым носом и волосами цвета воронова крыла, то седина мамы белизной могла поспорить со снегом. Еще ребенком она пережила немецкую оккупацию, потом послевоенную бесхлебицу. Да и позже сыскались невзгоды. Яна до боли жалела ее.

Несколько месяцев назад мама превратилась в ходившего еле-еле инвалида со сломанной шейкой бедра. Благодаря газу ей жилось легче, чем тем, кто топил печку дровами и углем, как во многих соседских домах. Папа умер давно.

Здесь, на улице, не существовало радио, телевизоров и электроплиток: электричество отключилось. Связь с миром могла быть только мобильная, пока хватало зарядки. С шести вечера до шести утра действовал комендантский час. Занавесив окна по всем правилам светомаскировки, женщины повечеряли при свече и легли спать. Так закончился день 26 февраля 2022 года.

3

Яна Ивановна Сильченко имела двухкомнатную квартиру в пятиэтажном доме, работала в школе учителем английского языка: 25 лет педстажа. Ее дочь с мужем и детьми год назад уехали в Польшу.

До сих пор поселок жил тихо. Кирпичный завод обжигал огнеупоры для мариупольских домен. Шахтеры ездили на шахты Угледара.

Брехню киевских политиков с телеэкранов жители слушали как-то отрешенно. Тщательно наряженная дама в имидже Леси Украинки (тай зовсім не українка, теж леді Ю) предлагала окружить Донецк колючей проволокой, а раздухарившийся шоколадный король угрожал, что «наши дети будут учиться, а ваши сидеть в подвалах».

Яна гнушалась политики и жила чисто хозяйственными интересами. Как и все окружающие, она понимала так: пикнешь – убьют. Тут ничего не

ЧИРИКОВ Евгений Стефанович родился в 1952 году. Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. Основная профессия – журналист. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса», в альманахе «Тобол и вся Сибирь». Издал две книги художественной и ряд книг документальной прозы, в том числе две – в серии «Замечательные люди Кузбасса». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

поделаешь. Ты летишь в самолете. Куда он, туда и ты. И приземляешься в нем же.

Поселок входил в Донецкую область, но после 2014 года остался во власти Украины, километрах в двадцати от ДНР.

Когда в Киеве молодежь начала по-гитлеровски зиговать, народ изумился: це ж вони зовсім з розума збилися! Но, опять же, ничего тут не попишешь.

Утром в четверг 24 февраля Яна Ивановна собиралась на работу. Позавтракала оладушками со сметаной. Из окна виднелась ледяная стынъ неба, но газовое отопление создавало в квартире приятный климат. Ночью Яну насторожил далекий, неясный, еле доносившийся гул. Она недоумевала: что это?

На автобусной остановке уже гуртовались коллеги. Одна из них приставила к уху мобильник: шо, уроки?... Женщину обступили.

— Шо це таке?

— Не розумію... Кажуть, усе позже поведать. Уроки отменяются...

Вернувшись домой, Яна включила телевизор и узнала: русские наступают! О боже! Что же это? Как понять?

Через день грохот приблизился. Задрожала пластиковая дверь балкона. Поселок всполошился на глазах. У магазинов завились длинные очереди. По дорогам вон из поселка мчались машины. Многие соседи Яны паковали вещи. Никто не знал, чем все кончится. Кое-где украинские солдаты грабили закрывшиеся торговые точки, разбивая двери и швыряя товары на тротуар. Та же участь постигла несколько аптек. Улицы поселка бороздила военная техника.

Примерно в три часа ночи Яна с мамой проснулись от шума. То пришли оборонцы батькивщины. На улице галдели мужские голоса, резала слух автоматная пальба, визжали издыхавшие от пуль собаки. Солдаты вламывались в покинутые жителями дома. Выбрасывали во двор вещи, посуду, стреляли в подвалы.

Утром выяснилось, что они заселились в дом напротив через дорогу. Накануне событий соседи выехали оттуда в дикой спешке и панике, со следами расставаясь с тем добром, что осталось внутри. Скоро раздался грубый стук в ворота Сильченко.

— Мы ищем сепаров! Е у вас сепаратисты? Вы хто будете?

Яну затрясло, дрожь в коленях отдавала в голову. Чистокровная украинка, она едино хорошо

говорила и по-русски, и по-украински, но поначалу держалась лишь мовы. Не дай боже, за оговорку в пользу москальского словечка солдат вскинет автомат!..

— Я вчитэлька...

Однако те заговорили в участливом тоне, причем, как ни странно, больше по-русски, чем по-украински. К Яне подошел ясноликий хлопец, озаренный улыбкой.

— Вы так похожи на мою маму! Почему вы не эвакуировались?

— Так никто ж не думал... Машины нет, як мы уедем? Маты у мене старенька та хвора... Будьте ласковы, скажите, шо вам надо, я вынесу... Но кушать ничего нема. Хлиба нема. Компот будете пить?

— Та, будем.

Парень выпил одну кружку и другую.

— Дякую! Це ж вы зробили?

— Ну як же.

— У вас щасливіе руки!

— Та шо щасливіе! Вот яблунька растет, вот мята. Все свое, хлопцы. Як же хочется мира...

Солдаты вроде даже собирались куда-то доложить, что здесь есть люди. И обещали, что дня через два их вывезут. А пока посоветовали пожить в подвале, где всего безопаснее.

Яна высказала просьбу сделать каганец: сама не умеет, а свечки кончились. Один вызвался помочь, спустился в подвал. В награду он получил банку укропа с чесноком.

— О-о-о! — понюхал он. — Укроп!

На каганце Яна грела маме воду. Фитилек его быстро сгорал. Маленький широкоплечий боец подарил ей огарок свечи.

Днем она выходила покормить собаку. Солдаты расстреливали собак и даже кошек. Собак-то еще понятно... Но кошек зачем? Во многих дворах висели бумажки: пожалуйста, не убивайте собаку, она сторожит наше добро... Но куда там! Благодаря тому, что Жулька мудро молчала, забившись в конуру, когда мимо топали солдатские берцы, ее не тронули.

Яна шла по огороду тихонечко, опасливо. Вокруг никого. Как вдруг из-за забора:

— Здрастуйте!

Оказывается, там пост поставили.

А через час завязался бой.

Женщины ютились в подвале с бетонным фундаментом. Сверху он укрывался грунтовой насыпью.

Бой начался с перестрелки. Украинцы стреляли из-за насыпи, видимо, гранатометами. С той

стороны били минами и снарядами. Над подвалом все шаталось и ходило. От фундамента отлетали куски бетона. Из трубы-отдушины сыпались комья земли. Дочь обложила маму кусками пенопласта. Они вжались в самый глухой угол.

Канонада казалась нескончаемой, но внезапно оборвалась. Как после грозы, местность наверху замерла. Яна стояла посреди двора и ошеломленно озиралась вокруг. Неподалеку что-то горело. От гаража осталась только лестница и часть верхней площадки. На месте теплицы было пусто. Соседский дом напротив прямым попаданием разнесло в щепки. Земля там и сям зияла воронками. И все это случилось не в кино. Сознание с трудом постигало картину яви.

Солдаты уходили из поселка. Вдалеке, в самом конце улицы, виднелся увозивший их автобус. Неужели все страшное на этом кончилось? Или нет? Они с мамой думали, что Жулька погибла, и очень обрадовались, увидев ее живой и невредимой.

Через два дня военные вернулись, другие, незнакомые. Дверь подвала открылась неожиданно.

– Э-э! Е там кто?

– Здесь мы с мамой и больше никого нема! – откликнулась Яна в испуге и поднялась наверх. – Когда ж нам мира ждать?

– Не переживайте! – ободрили ее. – Мы у лису теперь стоим. Отсюда уже не уйдем. К нам пришла помощь. У нас есть самолеты! У нас есть танки!

Перед мысленным взором Яны как живой предстал Великоанадольский лес... Красивейший лес, заложенный в степной зоне еще до революции. Дед Яны в своей юности, выпавшей на царское время, копал там лунки под саженцы дубов – одна копейка за лунку. Сколько влюбленных встречались в этом лесу на свиданиях, катили туда на велосипедах...

Газ в дом уже не подавался. Яна грела пищу на маленьком костерке между кирпичами. На улице костер разводить не разрешалось, чтобы москали не стреляли по дыму. Она лишь чуть нагревала кирпичи, чтобы согреть воду для мамы, дать запить ей таблетки.

Воду первое время брала из далекого колодца, бегая туда с мольбой к Господу, в страхе от шальных взрывов и воя мин. Плачешь, молишься и бежишь. Она хотела попроситься в подвал к соседям, чтобы им с мамой не быть одним. После боя дорогу сплошь усеивали гильзы, ноги прямо катались по ним. Соседи не согласились принять

их, но погрели воду. Их дом стоял в стороне от главного обстрела и один из немногих на улице остался цел.

Потом Яна натаивала воду из сосулек и снега. Температура в подвале не превышала минус двух градусов.

Солдаты подогрели на горячих кирпичах тушенку, предложили поесть и Яне Ивановне, но она отказалась, хотя, кроме компотов, в подвале почти ничего не осталось.

Через сколько-то дней первобытного существования разгорелся второй бой, еще страшнее первого.

Рядом с подвалом стрекотали пулеметы. Мины ухали одна за другой. Когда пулемет замолкал, становилось не по себе, потому что было понятно, почему он умолк.

Яна боялась, что их просто засыпят землей, замуруют внутри. Что по ним сверху будут ездить танки. Накануне она написала записку, что здесь люди, и прикрепила к подвальной двери. Но кто прочитает ее в этом конце света?

Утром пришлось разгрести завал, чтобы выбраться наружу. Дверь вывернулась из петель. Яна привязала ее маминым поясом, навесила одеяло. Лицо на улице обжигало морозом.

От двора уже ничего не осталось, все полегло руинами и свалкой строительного мусора. Ни забора, ни металлических ворот, только груда арматуры. Если смотреть на дом с улицы, то он уцелел. А внутри его нет. Как фанерная декорация на сцене. В конце огорода рядом со сгоревшим танком лежал убитый солдат.

Силы покидали измученную душу. Яна добрела до дороги и увидела идущую навстречу фигуру в военной форме. Она опустилась на колени. Ей было неведомо, чей идет солдат. Украинские обходились без всяких опознавательных знаков. Некоторых она видела даже в гражданской одежде, а одного с оранжевой ленточкой. У этого, идущего, белели две повязки – на рукаве и на колене.

– Я вас очень прошу! – взмолилась Яна Ивановна при его приближении. – Не стреляйте больше с нашего двора! Не говорите, что это удобная позиция!

– Успокойтесь! – опешил тот. – Успокойтесь! Мы их далеко прогнали!

– Кого? Кого прогнали? Кто ты?

– Не переживайте. Не плачьте. Все будет хорошо. Мы ищем, где какое оружие осталось. У вас есть что-нибудь во дворе?

– Возле двери разгрузка лежит.

– Мы собираем оружие, каски, бронежилеты, разгрузки. Успокойтесь, не плачьте!

На улицу въехало много бэтээров, огромных, чудовищных, красивых. Соседи выносили к дороге каски, разбитое оружие. Военные собирали все это. Один прошел в огород Сильченко, осмотрел воронки. Взглянул на куски тел, лежавшие на том месте, где оставалась ранее верхняя площадка гаража: оттуда стреляли украинские бойцы. Яна попросила этого парня, чтобы помог закрыть дровяной сарай, ей хотелось сохранить дрова сухими. Паренек с теплыми глазами на худощавом, слегка восточном лице не отказал в просьбе.

– Откуда вы? – поинтересовалась она.

– Из Дагестана.

– А как зовут?

– Иса, – сощурился он в улыбке. – Это мой прозвище. А вообще-то я Иисус. Это мое имя по паспорту.

Она спросила, не хочет ли он спуститься в подвал. На долю секунды воин замялся.

– Могу. Где подвал?

И взял автомат наперевес.

– Только не стреляйте! – спохватилась Яна. – Умоляю вас! Мама, отзовись! – крикнула вниз. – Скажи, что ты там!

Мама подала голос... Было уже темно. Яна с солдатом спустились во тьму. Она нащупала огарок свечи, который зажигала только для мамы, когда давала ей лекарства. Солдат посмотрел на седую старушку.

– Ее надо жиром растирать, – посоветовал он.

– Да где же я жир возьму? – удивилась Яна Ивановна.

Жители хоронили погибших солдат-одиночек у дороги, ставили на могилках крестики из палочек. Но на большую массу трупов ни сил, ни желания не хватало.

В низинке, на стороне поселковых дач, лежало рядами что-то около 150 изуродованных тел. Приходили люди из военных властей. Снимали с формы убитых шевроны, брали документы. Распароливали телефоны пальцами трупов и сообщали родственникам об их гибели. Некоторые хлопцы были всего дней пять как призваны. Зимний холод не мешал мертвым испускать густой смрад. В небе стаями кружили вороны. Голодные собаки наблюдали издали, ожидая ночи. Отведав человечины, они войдут во вкус и обратятся в лю-

доедов. И потом, как в настоящем апокалипсисе, будут охотиться на живых...

Утром Иса прикатил ко двору Сильченко железную тачку и оставил на дороге, так как по забитому кучами обломков двору к подвалу не было подступа.

– Это все, что я могу для вас сделать. Я нашел ее в конце улицы.

От людей Яна узнала, что ее квартира цела, и решила перевезти маму. Но путь лежал через завод, который простреливался украинскими снайперами и артиллерией.

Яна выбралась на дорогу, к ней подошел патруль.

– Куда вы собрались?

– До своей квартиры в поселке.

– Да, вам нужна эвакуация... А что же вы в подвале живете, когда у соседей дом?

– Ну, что соседи... Что дом... Они два раза грели мне воду...

– В военное время надо помогать друг другу...

– Ну, хоть так помогли...

Яна Ивановна отвязала Жульку, отпустила ее на свободу. И повела маму к БТР. Их переправили в поселок внутри брони. Дальше дочь повезла старенькую на тележке. Яна была безмерно благодарна Исе за помощь. Он как будто с неба спустился. Что за чудесное имя такое у него?!

Прошло одиннадцать дней с того времени, как они с мамой попали в гущу боев. На календаре значилось уже 8 марта... 8 марта!

Соседей в доме осталось мало, но они терпеливо переносили военное лихолетье. Яне с мамой посоветовали спать у несущих стен, в коридоре или в туалете, чтобы не попасть под обрушения.

– Украинцы ж нас и мочат! «Точки-У» пускают! И бредят, шо русские!

Первую ночь Яна спала необычайно крепко. Ей приснился солдат, жадно пивший компот. Было видно, как его мучает жажда.

– Вы так похожи на мою маму!

Все они, умирая, вспоминают маму... Все, все, все... Яна Ивановна вздохнула и открыла глаза. Мир был полон светлого утреннего покоя, пение сверчка напоминало гимн восходу.

И как это было ужасно, что где-то недалеко будто вылетела пробка от шампанского. Посыпалась штукатурная крошка. В груди тоскливо заныло. Начинался новый день...

Роман
РУБАНОВ

МЫ – РУССКИЕ!
С НАМИ БЛОК!

* * *

А смерть придет, закурит, запоем,
Хлебнет из фляжки
И скажет: недолет и перелет –
Не так уж страшно.

Страшнее быть неузнанным в степи
И нелюбимым.
Все пули в одного, но ты терпи.
А вдруг да мимо?

Котлы горят, и люди говорят.
Да что там люди!
С небес идет без остановки град
Из всех орудий.

Но ты терпи, курни и не бойсь,
Глаза у страха
Невелики. Пройдет и эта жизнь.
Мы все из праха.

Она докурит, выпьет и уйдет
Слова искать.
И будет недолет и перелет
Под Иловайском.

И, землю собирая пятерней,
В кровавой каше
Уснешь. И Бог домой тебя вернет
К небесным нашим.

* * *

Мы – русские! С нами Борхес,
и Маркес, и Эдгар По.
Мы – русские! С нами борются.
На нас нападают толпой.

Богатства, что в недрах, манят
захватчиков, как магнит.
Мы – русские! С нами Рахманинов,
Чайковский, Сен-Санс и Шнитке.

Нас гимна лишали, флага,
вытаптывали и жгли.
Лупили по нам с флангов,
стирали с лица земли.

А мы возрождались из пепла,
выстраивались из руин.
Мы – русские! С нами Шпенглер,
Левкипп, Демокрит, Плотин.

Великую литературу
замалчивают под шумок,
стирают нашу культуру...
Мы – русские! С нами Блок!

Стыдить нас всем миром не надо,
в нас накрепко сплетены
Флоренский и Леонардо,
Набоков и Арнотт.

7

Нас видят живой мишенью,
блуждающей меж берез.
Хотите культуры отмены?
Так мы с собой заберем

Моне, Ренуара, Сартра,
Шагала, Дали, Дега...
По ком буреизвестник каркает?
По ком голоса снега?

По вам. Вы культуру продали,
сменяли на бусы, на хлам.
Она горбуном юродивым
покинула Нотр-Дам.

Оставьте. И перестаньте
нас в смертных грехах обвинять.
Мы – русские! С нами Данте.
Он выведет нас из огня.

* * *

Бог войны говорит грозным голосом,
Сотрясая донецкую степь.
И пехота за ним не угонится,
И на танках за ним не поспеть.

Он, как море, исполнен удали.
Он идет за верстою верста
К тем, кто заняли в Мариуполе
Азовсталь.

Бог войны говорит страшным голосом.
Так другие не говорят.
А Серега из города Горловки
Что-то вроде пономаря:

Он за ним, он всегда с ним рядом,
С этим богом, который суров.
Он подносит ему снаряды –
Слать приветы нацбату «Азов».

Он уверовал в бога этого,
Что стоит за простых людей.
Этот бог не вращает планеты,
Не умеет ходить по воде,

Он прокладывает дорогу
В ржавой слякоти и снегах.
Страшный бог. Грозный бог. Но другого
Бога нет у нас для врага.

ТАРАС

– Что ты, сынку, дрожишь от страха?
А ну, стой и не шевелись!
Помогли тебе твои ляхи?
– Видишь, батьку, не помогли.

...Украинская ночь прозрачна,
И тиха, и, как сыч, глуха.
Укрепляется дух казачий
С криком первого петуха.

Но Тарас словно на поминках
По Остапе. А здесь... сейчас...
– Сынку, сынку... ну что ж ты, сынку?
Жизнь вся спалена, как свеча.

Как бурсацкий задор, Андрийка?
Да-а-а... с мазунчика спрос каков!
Слышишь, польская канарейка
Пилит пилочкой город Львов?

Как же так ты переметнулся?
Продал всех! Обо всех забудь!
Слышишь, Гоголь перевернулся
С боку на бок в своем гробу?

Польской бабы крутые плечи
Охмурили тебя, дружок.
Ну, теперь тебе, сынку, легче?
Ну, теперь тебе хорошо?

Как ты родину на коленки
Променял, песий хвост, скажи?
Это скажет Христос Кукубенко:
«Одесную меня садись!»

А тебе лишь одна дорога:
Пуля с батькиного ружья.
Породил я тебя такого.
И убью тебя тоже я.

Так предать! Ни страны, ни флага,
Ни двора теперь, ни кола.
Ну-ка, поворотись, бродяга,
Чтобы пуля ровней легла.

...Он опустит ружье и скажет:
– Что-то сердце в груди болит.
А теперь пусть огонь попляшет.
Пусть железо поговорит.

И какие еще вопросы
К казаку, коли пробил час?
Миллионы цветов Новороссии
Были выжжены. А сейчас

Время смыть эту гарь и сажу,
Кашу крепкую заварить.
А за нас – пусть огонь попляшет,
Пусть железо поговорит.

* * *

Парень тот, что убит под Стахановом,
Встанет, и жизнь повторится заново:
Средняя школа двадцать восьмая,
Парад на площади на 9 Мая,

Трамвай до Теплогорска – туда и обратно,
Художка, катанье на лодке с братом,
Поджиганье покрышек за гаражами,
Розмовляющие українською горожане...

А потом – воронки, кровавые реки, трупы.
Трубят архангелы в мятые медные трубы.
Полк поредел, но доблести не утратил.
И собираются вместе убитые братья,

Чтоб снова город Стаханов закрыть собою
От украинских снарядов. Стоит собором
Золотоглавым парень, вчера убитый,
Он будет стоять, он не сойдет с орбиты.

Все пули в него одного. Он стоит как камень.
Сердце перед собой держит двумя руками.

Архангел снимает трубку, там голос Бога:
– Михаил, подмени его, пусть отдохнет
немного.

* * *

Кому мать родна, кому теща,
кому в поле трава...
А в тылу и вояки толще,
и диван

мягче. Взгляд острей, шире, зорче –
рассуждай не ленись.
А в тылу каждый сам себе зодчий
строит жизнь.

А в дыму одному не страшно –
там свезло не свезло.
А в дыму разобрать, где наши,
тяжело.

А война – она шуток не любит,
ей бы жертв.
По своим Украина лупит,
попадая уже

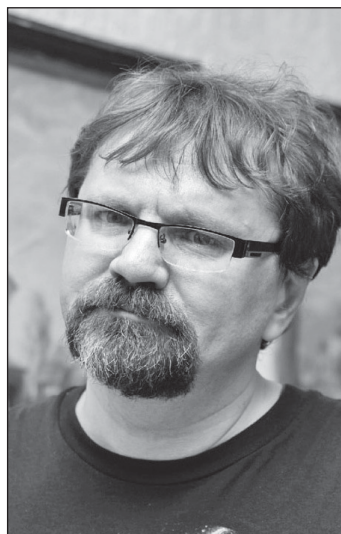
в наших. Ей и своих не жалко,
ей бы всех.
Умирать в феврале не жарко:
раз – и в снег.

А возьмет за горло безверие –
плачь навзрыд,
чтоб под музыку артиллерии
с Христом Богом поговорить.

**Игорь
МАЛЫШЕВ**
ХЛАМ

Трагедия-комедия-фарс

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В комнату вкрадчиво проник рассвет, тонкими пальцами вора-карманника коснулся высоких, от пола до потолка, полок, заваленных темной, плохо различимой в сумраке и, наверное, оттого кажущейся живой массой.

Оленин, мучимый бессонницей, в полной темноте ходил по квартире, трогал вещи на полках. Свою квартиру, свой полуподвал, что спрятался в одном из старинных домов Сивцева Вражка, идущего, как известно всякому москвичу, несколько параллельно старому Арбату, Оленин знал лучше, чем руку или любую другую часть тела. И проистекал этот факт из того, что и квартира, и ее содержимое интересовали его куда больше собственного тела. Ему не нужно было света, чтобы понять, к чему он прикасается. Руки его легко, словно ночные насекомые горячей лампы, касались экспонатов и тут же отлетали прочь. Обычно резкий и неприятный голос старика звучал нежно и умиротворенно.

– Значок «Активист ОСОАВИАХИМ СССР». Чкалов его носил. Летчик от Бога... Обломок расчески Керенского...

Старик понюхал целлулоидный обломок, когда-то, возможно, и вправду бывший расческой, по-старчески дрябло закашлялся.

– Кхе. Даже и пахнет-то неприятно. Так себе человек. Ни два ни полтора... Поплавок удочки Пришвина. О, какой красавец!

Оленин взял поплавок, несколько раз дернул рукой, изображая поклевку, дребезжаще засмеялся.

– Перчатка Муссолини... Мягкая. Умели ведь раньше делать. А вот... Капсула с пеплом детей Освенцима.

Старик замер, прислушиваясь, давно забытым движением неловко покачал капсулу на руках, будто баюкал младенца.

– Вот они, маленькие. Русачки, украинчики, белорусы, полячки, евреи... Все тут. И никто ни с кем не спорит, не ругается... Ни кацапом не зовет, ни жидам, ни хохлом...

Рассвело. Из темноты проступила и выкристаллизовалась лежащая на полках невообразимая мешанина: кости, телефоны, черепа, черепки, пишущие машинки, холодное и огнестрельное оружие, ветки вереска и багульника, бутылки, кнопки, тряпки, камешки, бесформенные куски непонятно чего, колышки, рогульки, шляпы, кепки, брелки, сережки и запонки без пар, стеклышки от витражей, секстант, компас, гильзы, пули, статуэтки, картины, кораллы, монеты, газеты, окурки, ботинки, перья, ремешки

МАЛЫШЕВ Игорь Александрович родился 29 октября 1972 года в Приморском крае. Образование высшее техническое. Работает инженером на атомном предприятии. Поэт, прозаик, драматург. Публиковался в журналах «Москва», «Роман-газета», «Новый мир», «Юность», «Дружба народов». Выходили книги «Лис», «Дом», «Там, откуда облака», «Номах», «Маяк», «Сланские были и небылицы» и др. Финалист литературных премий «Ясная Поляна», «Большая книга», «Русский Букер». Живет в Ногинске.

от часов и часы, рюмки, веревки, щипцы, цепи, маятники...

– Подкова коня, убитого вместе с императором Александром Вторым. Вон как боковина стесана. Это когда конь в агонии бился, о мостовую копытом колотил... Да... А вот тут у нас кое-что посовременней...

Оленин взял легко узнаваемый что на вид, что на ощупь кругляш.

– Знак «Мерседеса» с машины, в которой взорвали бандита Сильвестра. Тоже история... Так... Бомба. Одна из неразорвавшихся бомб Каляева. Надо поосторожней с нею. А то мы с тобой, Маркиз, вслед за Сильвестром отправимся.

Он осторожно задвинул бомбу вглубь полки, погладил напоследок, будто кота: мол, спи, спи.

– Пивная бутылка, из которой пил сам Эдуард Багрицкий! А внутри, Маркиз, смотри, кусочек рачьей клешни. Хе-хе. Вот ведь вещь! «По рыбам, по звездам проносит шаланду, три грека в Одессу везут контрабанду...» Кстати...

Оленин направился к древнему, круглобому, как инопланетная капсула, холодильнику «ЗиЛ» с захватанной, но все еще блестящей хромированной ручкой. Холодильник открылся тяжело, будто нехотя.

– Сопротивление бесполезно, – буркнул ему старик. – Я хоть и постарше буду, но с тобой еще справлюсь.

Сверху слышались тяжелые шаги, от которых вздрогнули стены и заскрипели половицы.

Оленин недовольно покосился на потолок:

– Кто ж там поселился? Динозавр какой-то... Надо бы сходить разогнать.

Откликнувшись на вибрации, вздрогнула цепь в больших, ростом с полтора Оленина, напольных часах. В давно остановленном механизме скрипнули шестеренки, маятник из потускневшей латуни пришел в движение. Стеклопанель дверца, отгораживающая внутренности часов от мира людей, со скрипом отворилась.

Оленин изумленно замер возле холодильника.

– Вы это серьезно? – по-птичьи наклонив голову набок, не мигая, обратился он к часам. – Я же не заводил вас уже лет... лет... Даже и не вспомню, сколько лет не прикасался к вам. А вы, оказывается, стоите тут заведенные. Молчите просто. Затаились...

Старик вспомнил о деле, нырнул в глубины «ЗиЛа».

– Так, динозавр, значит... – слышалось откуда его сосредоточенное бормотание. – Дипло-

док... Аргентинозавр... Лиоплеврадон. Хотя нет, лиоплеврадон не подходит, он водоплавающий. Тогда антарктозавр, зауропосейдон, футалонгозавр...

Из зиловских недр старик вынырнул с початой литровой бутылкой в руке, близоруко и весело оценил объем. Из кармана халата достал ребристую, похожую на шахматную ладью стопку. Выпил, крикнул с таким удовольствием, что судорога прошла через его тощее, жесткое, будто сплетенное из проволоки тело.

– Вот так! Вот так! Ах, хорошо!

Шумно втянул воздух, мотнул головой. Вернул бутылку на место, подошел к часам, остановил маятник, закрыл дверцу. Посмотрел вверх, погрозил неизвестному «динозавру» пальцем, похожим на дубовый сучок.

Опустил стопку в карман, с сожалением оглядел полки:

– Ах, Маркиз, Маркиз, какой музей мог бы из моего собрания получиться! А? Лувр, Эрмитаж и галерея Уффици. Ну да ничего, ничего...

Прошелся, любовно оглаживая свою коллекцию. Неожиданно захихикал, прислушиваясь к ощущению и потирая сухие птичьи руки:

– Похорошело! Итак...

Поднимая легкую дымку пыли, Оленин пово-
рошил экспонаты.

– А, вот он где... Апчхи! – Он чихнул негромко и тонко, как чихают кошки и дети. – Конверт с волосами Сергея Есенина. Я уж думал, потерял его. Это когда Сергей Александрович стригся, в июле двадцать третьего года, цирюльник, поклонник его, припрятал несколько прядок.

Он осторожно открыл конверт старчески-желтого цвета, заглянул внутрь, тронул кончиком пальца белесые локоны.

– Потом они еще каким-то образом к Мейерхольду попали. А он же всю жизнь ревновал свою жену, Зинаиду Райх, к Есенину... Чудом не сжег. Чудом...

Оленин сдвинул брови, воздел руку к потолку.

Ох, как устал и как болит нога!..

Ржет дорога в жуткое пространство.

Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,

Приют дикарей и оборванцев?..–

продекламировал он в стиле актеров старой школы, глядя в сумрак в дальнем углу.

Голос его окреп, наполнил пространство, будто кто-то надул здесь огромный воздушный шар, разом вытеснивший все постороннее.

*...Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается...*

С сожалением, как расставался со всем, что ему нравилось, он вернул конверт на место. И тут же ухватился за огромную темную массу.

— А, вот вещь! Кусок первого занавеса МХАТа...

Оленин завернулся в тяжелую, будто сотканную из камня, материю, выдвинул вперед острый подбородок. Отыскал в беспорядке на столе маленькое круглое зеркальце, попытался оглядеть себя.

— О кроха, ты не в силах отразить величие титана!.. — продекламировал старик, указуя перстом на кругляш в своей ладони.

Он подошел к напольным часам. В стекле, за которым в бархатном полумраке виднелись гири, цепочки и неподвижный маятник, отразилась его фигура. Оленин сделал суровое лицо. Не обращая внимания на крупные, прогрызенные молю дыры в занавесе, покрутился перед стеклом, повернулся одним боком, другим, остался доволен увиденным.

— Маркиз, кот-мой-кот, похож я на патриция? — осведомился он. И, не дождавшись ответа, заключил: — Больше, чем патриций. Похож!.. О, где ты, Брут? Где бродишь, что злоумышляешь? — спросил он часы.

Из дыр в ткани выглядывал старый, некогда шитый золотой нитью, а теперь затертый до непроницаемой серости халат. Складки занавеса качались тяжело и солидно, будто все еще помнили роль, что была отведена им в иной, теперь уже навсегда утраченной жизни.

Оленин поглядел на себя, на занавес, снова на себя, снова на занавес.

— Мы словно созданы друг для друга, — сказал он, погладив древнюю ткань.

Взгляд его упал на узкое окно под потолком, из которого, разбиваемый ногами прохожих, лился по-осеннему яркий солнечный свет.

— Ох ты! — спохватился он. — Часов девять уже, не меньше. Пора, пора...

Глядя в зеркало, Оленин царственным жестом, словно стотысячную шубу, скинул занавес с плеча и снова остался доволен собой. Поднял и скинул его снова. Потом еще раз и еще. Потом спохватился и, будто актер, вышедший из образа, позабыл разом и суровость в уголках глаз, и вели-

чественную осанку и взялся за стоящий на столе телефон.

Снял трубку, посмотрел недоуменно вокруг:

— Какая дрянь стянула записную книжку?

Поднес трубку к уху.

— И гудка нет! — Огляделся гневно, словно ища, кого бы разорвать в клочья, но спохватился: — Это ж не тот аппарат! Нет, Маркиз, ты видел эту клоунаду? Хе-хе... Не тот телефон. Это телефон Микояна. В Кремле стоял. Видишь, тут и диска нет. Герб есть, а диска нет.

Оленин обошел стол, тоже заваленный хламом. Среди беспорядка отыскался другой аппарат, как и положено, с дырчатым, будто сделанным из сыра маасдам, диском. Осторожно, с недоверием поднес трубку к уху, услышал пищание. Тронул лежащую рядом записную книжку с крошечным, едва помещающимся в пальцах огрызком карандаша.

— Так на чем мы, стало быть, остановились? Ага... — бормотал он, вращая разболтанный механизм. — По порядку. Потому что порядок прежде всего. Орднунг юбер аллес!.. Алло! — закричал он, услышав ответ. — Ленчика можно к телефону? Оленина. Нет такого? А Вареньку? Тоже Оленину. Нету? Что, и не было никогда? Кто-кто... Дети это мои. Жаль. Ну, вам-то, понятно, не жаль...

Оленин нажал на рычаг и принялся снова крутить диск.

Нагревая истертый линолеум, солнечное пятно проделало путь почти в половину комнаты, когда старик медленно опустил трубку на аппарат и записал в блокнот последний набранный номер.

— Ладно, Маркиз, хватит на сегодня. Кстати, ты где? Кс-кс.

Шаркая тапочками, старик прошел к холодильнику, достал пакет молока, поболтал.

— Марки-и-из! Кс-кс-кс. Слышишь, нет? Кс-кс-кс. Тебе говорю, хитрое животное!

Сощурился, вгляделся в завалы на полках.

— Да ты неголодный, что ли? Все спишь. Вы, коты, любите поспать. А мне, Маркиз, сегодня опять дети и Маша снились. Да так ясно я их видел. Вот прямо как тебя.

Он огляделся.

— Кс-кс-кс! Не объявился еще? Ну, спи, спи. Все проспишь. По полгода спать готов, как медведь...

*Ах ты, кот, ты мой кот,
Расчудесный ты мой кот.*

*Ты почто, мой кот, молчишь,
Где-то спрятавшись, сидишь? –*

пропел Оленин на мотив «Ах ты, сад, ты мой сад».

Склонился над блюдцем возле стола, налил молока. Рядом с блюдцем лежал пучок высохшей травы. Старик собрал былинки, выбросил в мусорное ведро.

– ...И ведь всегда ты такой был. Еще когда я тебя щенком на Арбате подобрал, ты уже такой был. Сунул тебя за пазуху, ты тут же и уснул... Так вот, дети мне снились. С Машей. В яблоневом саду. При чем тут яблоневый сад? Я и яблоки-то не люблю. И не любил никогда...

Его монолог оборвал звонок телефона. Старик отпил из пакета, запрокинув голову, побулькал молоком и только после этого взял трубку.

– Ну? – сказал резким неприятным голосом. – Что надо? Какая реновация? Что это еще за черт такой, реновация ваша? Какой капитальный ремонт? А я тут при чем? Вам надо, вы и ремонтируйте. Или вы хотите, чтобы я дом отремонтировал? Нет? И на том спасибо. Что? Съезжать? Что?! К чертям собачьим! К свиньячим! И слушать не хочу!

Он бросил трубку, но телефон тут же снова разразился трескотней.

– Алло. Кто это? Кто? Опять вы? Ну... И что... Двухкомнатную в Теплом Стане дадите? Ну да. Сейчас кота одену и в этот ваш Теплый Стан побегу. Прямо босиком. Как олень.

Оленин бросил трубку и посмотрел на нее с торжеством, как гладиатор на поверженного соперника.

– Слышал, Маркиз, как я ее отбрил? Ваш дом, говорит, подлежит капитальному ремонту, переезжайте в Теплый Стан. Насовсем переезжайте! Сейчас! Не на того напали. Знаю я эти фокусы. Меня в клетушку на окраине забросят, а мою квартиру отремонтируют и продадут за миллионы! Ишь! В зеркале дураков искать будете, иуды. Маркиз, ты был в Теплом Стане? Хотя куда тебе. Ты и за дверь-то всего один раз в жизни выходил. Я вот тоже не был. И я сомневаюсь. Да, сомневаюсь!

Он потряс в воздухе пальцем.

– Может, и нет никакого Теплого Стана на самом деле. Так, один звук. Как Атлантида. Звук есть, а земли нет. Может такое быть? Может. Не на того, повторяю, напали. Развелось вас, чертей, и названиваете, названиваете, людям жизнь портите. Передушил бы, ей-богу. Вот так взял бы и передушил.

Телефон зазвонил снова.

– Ах ты ж, чертова машина! Опять они. Ну, я не знаю, что сделаю... Удушу! Ясно? – закричал он в трубку, давая «петуха». – Вот так возьму и удушу! Своими собственными руками. Еще раз позвоните – найду и удушу! Все!.. А? – Он смешался, замер, пытаясь начать соображать. – Кто? Какой ботинок? Что за чушь? Ботинок Хлебникова? Из Харькова? Ну, приносите. Мне надо взглянуть. Я человек серьезный. Антиквар в третьем поколении, меня не проведешь. Вы знаете, где я живу? Отлично. Но учтите, если принесете какое-нибудь барахло, выгоню веником, как мышь. Я не могу тратить время на ерунду. Всего хорошего.

Он достал из кармана рюмку. Понюхал, перевернул над разинутым ртом, из рюмки упала одинокая капля. Оленин долго шевелил губами и языком, будто пережевывал эту кроху. Прощелся в раздумьях по дому.

– Слышал, Маркиз? Ботинок Хлебникова из Харькова! Это тебе не какой-нибудь хлам. Это реликвия. Великолепно. Хе-хе. Ну-ну, пусть несет. Я такие вещи сразу чувствую. По ним ток идет. Беру в руки и сразу понимаю: вот она, находка. У меня нюх. Инстинкт. Хе-хе. В своем деле я зверь, – с удовольствием заключил он.

Оленин еще некоторое время расхаживал по дому, размышлял то вслух, то про себя, жестикулировал. От этих занятий его оторвал звонок в дверь. Оленин подошел, чувствуя себя хозяином положения, неприлично долго глядел в глазок.

– Ну? – наконец спросил он громким неприятным голосом.

– Это мадам Жукова, – раздался приглушенный дверью голос. – Помните, я оставляла в заклад фуражку своего деда? Унтер-офицерскую фуражку маршала Жукова.

Оленин задумался.

– Ждите, – наконец буркнул он, направляясь к столу. – Какая еще мадам маршала Жукова? – бормотал на ходу, скребя щетинистый, как наждак, подбородок. – Откуда на мою голову? Да еще в фуражке...

Из развалов на столе он извлек большую пыльную книгу с кожаным корешком, принялся листать, читая и шевеля губами. Не находя подтверждения словам внезапной визитерши, пожимал плечами, бесшумно негодовал.

– Товарищ Оленин! – послышалось из-за двери.

– Имейте терпение! – крикнул Оленин, продолжая читать. – Ага, вот... Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый год. Фуражка... м-м-м... унтер-офицера Жукова. Получено от Жуковой... Под залог... Под залог... Ага... Мурмурста рублей. А, вспомнил. Долго ж ты шла, калоша старая.

Он закрыл книгу, хлопнув ею так, что комнату заволочло пылью, словно туманом.

– Да, я помню вас, – сказал, остановившись перед дверью.

По пути он успел снова набросить на себя кусок занавеса.

– Я никогда и ничего не забываю.

– Это замечательно, – повеселевшим голосом отозвалась мадам Жукова. – Я хотела бы ее забрать. Фуражку.

Оленин беззвучно размахивал руками от негодования, не зная, как еще выразить чувства.

– Товарищ Оленин? Вы здесь?

Он нехотя открыл дверь, но цепочку не снял.

– Да. Что вы хотели?

– Выкупить фуражку, – повторила мадам Жукова с легким раздражением. – Я деньги принесла.

– Прямо сейчас хотите выкупить?

– Конечно!

– И что, всю сумму принесли?

– Всю до копейки.

– С процентами?

– Ну естественно.

– А продать? Продать не надумали?

– Такое не продают, – с пафосом ответила мадам.

Оленин, исчерпав все возможности увильнуть от очной встречи с Жуковой, неохотно снял цепочку:

– Входите. Только не наследите тут. У меня чисто.

В сумрачные чертоги одинокого гордеца вошла строго, но бедно одетая женщина. По виду можно было предположить, что она ровесница Оленина. Одежда ее была темных тонов, на голове шляпка с вуалью, в которой просвечивала дырочка с рубль размером. Спину она держала прямо, и по всему было ясно, что согнуть эту женщину при всей ее хрупкости не так-то просто.

В руке мадам Жуковой светился, словно фонарик, яркий тугой помидор, который она несла прямо перед собой.

– Что это у вас? – кивнул Оленин на овощ, закрывая дверь на ключ и пряча его в карман.

Мадам Жукова с некоторым изумлением посмотрела на свою руку с помидором, словно только что ее увидела, но тут же спохватилась:

– Ах, это... Я получила пенсию, зашла на рынок. Вот купила помидор. Очень красивый.

– Один помидор?

– Да, и что? – с вызовом спросила дама.

– Обычно помидоры продают, хм, килограммами.

– Знаете, молодой человек, размер моей пенсии – это мое личное дело. А вы что это в хламиде? Сегодня праздник? Я что-то пропустила?

– В хламиде... – фыркнул Оленин. – Надо ж такое сказать... Это, матушка, не хламида. Это памятник эпохи!

– Что ж это ваш памятник моль-то так побил? – едко заметила она.

– Моль – птица вредная. Грызет даже памятники. Стойте здесь, – строго указал он место у стола. – Никуда не ходите. – И потом проворчал себе под нос: – Странная какая-то. Еще кота мне напугает...

Демонстративно медленно, явно испытывая терпение визитерши, Оленин прошелся вдоль полок. То и дело останавливался, перебирал свои веточки, пробки и стекляшки, будто совсем забыв о присутствии постороннего человека. Мадам держалась как сталь. Наконец собственный спектакль утомил антиквара и он в самом деле озабочился поисками.

– Где же она...

Вскоре его цепкие лапки выудили из развалов аккуратно закутанную в ткань фуражку и положили ее на стол.

Мадам Жукова, решив ответить старику «любезностью на любезность», вдруг словно потеряла интерес к происходящему и принялась рассматривать квартиру старого собирателя редкостей. Увидела портреты на стене.

– А это кто у вас?

– Сволочи! – мельком проследив направление ее взгляда, ответил Оленин.

– Какие еще сволочи?

– Детки мои, вот кто! Мерзавцы, каких свет не видывал.

– Странные какие-то портреты, – усомнилась наследница маршала. – На вырезки из «Огонька» похожи.

– Сама ты на вырезку из «Огонька» похожа, – тихо, но так, чтобы женщина услышала, произнес старик. И добавил уже громче: – Подойдите сюда.

– Прекратите командовать, в конце концов! Мы не в казарме.

Прорезавшийся в ее голосе гнев порадовал желчную натуру старика, и он позволил себе слегка улыбнуться.

– В казарме, не в казарме... Мы у меня дома! Давайте деньги.

Он взял купюры. Шевеля губами, начал счет, время от времени рассматривая банкноты на просвет.

Гостя тем временем повернулась к часам, взгляделась в отражение в стекле. Жестом, не лишенным кокетства, поправила выбившуюся из под шляпки прядку крашенных волос.

– Эта мятая совсем. Потертая какая-то... Это вообще не пойми что... А эта фальшивая!

– Как вы смеете! – вспыхнула, оборачиваясь, мадам Жукова.

– А, нет-нет, – куражась, смилостивился Оленин. – Похоже, все-таки настоящая. Все верно: двести рублей долга, да еще четырнадцать процентами с восемьдесят четвертого года набежало.

Он положил деньги в тот же карман, где была припрятана рюмка, похлопал сверху, будто подтверждая надежность места.

– Будем считать, в расчете. Вот здесь распишитесь.

Он указал пальцем строку в разлинованной, густо исписанной амбарной книге.

– Что вы пишете? Какая еще мадам Багратион? Вы в своем уме? Да, зачеркивайте. Вот так. Порядок.

С чувством захлопнув книгу, Оленин чуть замялся, держа в руках закутанный в тряпку головной убор великого маршала.

– Мадам Багра... Жукова, хорошо, вы не хотите продать мне эту фуражку. Но отчего же вы ее в музей не отдадите?

Посетительница протянула руку, глядя в глаза старику:

– Знаете, я пыталась. Но, в отличие от вас, ни один музейщик не поверил, что эта фуражка принадлежала моему деду маршалу Жукову.

Оленин с неподдельной горечью развел руками:

– Мир полон идиотов, мадам. Знаете, ко мне однажды грабители залезли. Меня дома не было, кот на хозяйстве оставался. Так вот, они влезли, прослышали, наверное, что я антиквар, думали, у меня тут какие-нибудь короны, скипетры, брошки, бриллианты...

Оленин мелко-мелко захохотал, прикрывая рот ладонью.

– Перевернули, подлецы, все вверх дном и ничего не взяли! Ни единого гвоздя! Им и в голову не могло прийти, что тут вещи поценнее корон и бриллиантов хранятся! Ну не идиоты ли? Идиоты.

Но это, как видите, бывает даже к счастью. А то вынесли бы все подчистую. Я после этого случая железную дверь поставил. Видите, какая? – Он кивнул в сторону прихожей. – Мощь! На века! Как в бункере Сталина!..

Тут Оленин, вспомнив, что разговаривал с почти незнакомым человеком, оборвал монолог.

– Впрочем, жаль, что вам уже пора уходить. Всего хорошего.

Помедлив, с сожалением отдал фуражку, проводил мадам Жукову. И, полязгав замками, закрыл тяжелую дверь. Задумчиво прошелся по комнате, вытащил из кармана стопку, не заметив, что при этом выпали полученные от госты деньги – мятые, потертые бумажки. Понюхал стопку, вздохнул, постучал зубами о стеклянный край.

– Вот так, Маркизушка. Вот так... И ничего не подделаешь. А ведь я уверен, тысячу раз уверен, что это настоящая фуражка. И только этим имбецилам в музеях ничего не докажешь.

Он остановился, изогнулся крючком. И голосом противным, будто скрип пенопласта по стеклу, каким, по его мнению, разговаривают имбецилы, произнес:

– «Нет денег на экспертизу. Вероятность одна на десять миллионов». – Разогнулся и громгласно выпалил: – Это вероятность, что у вас мозги есть, – одна на десять миллионов! Мне достаточно было в руки ее взять, и никакой экспертизы не надо! – Он встал на цыпочки и ткнул пальцем сверху вниз. – Она ведь дрожит прямо, неужели ж эти остолопы не чувствуют? Ничего, пусть. Пусть считают меня сумасшедшим! Пусть за спиной шепчутся. В кулачок прыскают. Идиоты. Тупицы. Сборище пыльных ослов. Время покажет, кто прав! Дети разберутся. Из моего собрания такой музей получится! Главное ведь, Маркиз, что все здесь подлинное. Все, до последней соринки. Ручаюсь! Голову свою могу поставить! Было б у меня три головы – я бы все три, ни секунды не сомневаясь, поставил.

Он скрежетнул зубами. Желваки на скулах проступили – твердые, как голыши.

– Только б не умереть раньше срока. А то ведь выкинут все на помойку, не дождавшись, пока дети приедут. Тут ведь столько всего!

Он прошелся вдоль полок, раскинул руки, будто пытаясь обнять все разом.

– Вот... Ворот кольчуги Даниила Галицкого, манжета Булгакова, осколок ножа гильотины Марии-Антуанетты, карандаш Лжедмитрия Первого, песок Вавилона, суглинок Владимира... А это что у

меня? Забыл... Нет, помню! Камешек с могилы Гомера.

Он тронул его осторожно, будто новорожденного котенка, прижался щекой.

– Живулька какая!

Двинулся дальше.

– Кусочек одежды Ганди... Обрывок струны гитары Высоцкого...

Он долго, будто впад в транс, бродил по квартире, бормотал, вызывая в воображении тени людей и событий ушедших лет. Из этой медитации Оленина вырвал звонок, заверещавший у входной двери. Вернувшись в реальность, старик некоторое время непонимающе хлопал глазами, потом ощупал свое костлявое тело, словно желая убедиться, что он вернулся сюда полностью. Звонок продолжал бесноваться, и Оленин поспешил на его зов, опрокинув по дороге блюдо с молоком для кота и не заметив этого. У двери он остановился, пригладил волосы, оправил одежду и лишь после этого приник к глазку.

– Ну? – с вызовом спросил.

В ответ послышалось невнятное бормотание.

– Что? Ах, ботинок Хлебникова... – каким-то сверхъестественным образом разобрал он. – Ну, входи, входи, ботинок Хлебникова.

Он открыл дверь и впустил маленького человечка, почти карлика. Человечек был помят и выглядел больным: глаза его за стеклами очков краснели даже в полумраке прихожей, голос был хрипл и крупнозернист, руки и тело подрагивали. Гость шумно вздохнул, и движение воздуха рассказало Оленину о причинах нездоровья маленького человечка.

– Ну? – повторил Оленин, держа гостя вплотную к двери.

Тот трясущимися руками достал из целлофанового пакета с большой цифрой пять старый ботинок. Оленин, сложив по-наполеоновски руки на груди, строго и испытующе следил за его манипуляциями.

Вслед за ботинком человечек извлек из пакета книжку, с трудом справившись с тремором, открыл на заложенной закладкой странице и принялся быстро, запинаясь, читать:

– Анатолий Мариенгоф, «Роман без вранья», страница 35, второй абзац сверху. «В Харькове жил Велимир Хлебников. Решили его провести. Очень большая квадратная комната. В углу железная кровать без матраца и тюфячка, в другом углу табурет. На табурете огрызки кожи, дратва, старая оторванная подметка, сапожная игла и шило. Хлебников сидит на полу и копошится в каких-

то ржавых, без шляпок, гвоздиках. На правой руке у него щиблета. Он встал нам навстречу и протянул руку с щиблетой. Я, улыбаясь, пожал старую дырявую подошву. Хлебников даже не заметил».

Он остановился, поднял глаза на Оленина.

– Это она. Щиблета.

– Щиблета?

– Щиблета, – кивнул человечек, поправляя очки.

– А говорили, ботинок, – строго заметил Оленин.

– Оговорился.

– Ладно, давайте.

Оленин взял щиблету, помял, потер, обнюхал. Закрыв глаза, замер. Человечек нервно переступал с ноги на ногу, выжидал и наконец не выдержал:

– Да настоящая она! Что я, врать буду...

– Пс! – цыкнул на него старик.

– Ой, мамочки... – тихо, с глубоким страданием в голосе произнес маленький гость.

– Еще слово – и выгоню, – произнес, не открывая глаз, Оленин.

Все замерло. В тишине человечек беззвучно переминался, поднес ладонь к лицу, помассировал глаза, виски.

И тут Оленин глухим замогильным голосом принялся говорить:

*Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранном свитке
Восчла роковое письмо.*

*Ты свитку внимала немливо,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебе наблюдала хотя.*

Человечек застыл, глядя в недоумении на Оленина, оглянулся по сторонам, словно в поисках того, к кому обращены речи старика.

Оленин открыл глаза.

– Прекрасно. Сколько вы хотите за нее? – сухо спросил он.

Человечек пошевелил губами, набираясь храбрости и сил, и выпалил:

– Пятнадцать тыч... – Концовка фразы вышла скомканной, и он поправился: – Тысяч!

Оленин сурово посмотрел на гостя.

– А вы знаете, что Хлебников видел вещи, как они есть? – внезапно спросил он. – Знаете?

Стоящий перед ним человек моргнул за стеклами очков и ничего не ответил.

— Вещи ведь совсем не те, какими кажутся! — Оленин отвернулся и принялся говорить стоящей напротив него стене: — Вещи — кривляки, вещи — обезьяны. Вечно корчат из себя не пойми кого и стараются сойти за нечто другое. Видеть предметы теми, кто они есть на самом деле, редкая способность, и у Хлебникова она была. Но тут возникает другая проблема. Не все, что видишь и знаешь, можно выразить словами. Отсюда и весь этот ломаный хлебниковский размер, дерганные рифмы, рубленные и словно бы разрушенные и неправильно собранные словесные конструкции. Нельзя передать вещи, недоступные пониманию человека, при помощи обычного человеческого языка. Впрочем, это не только к Хлебникову относится. Хлебников — поэт не человеческий и потому не гениальный. Гениальный поэт — тот, кто переводит с нечеловеческого на человеческий без потери смысла... Хлебников не был гением, слишком многое терял при переводе. Был слишком «не человеком». Писал переводы с языка травы, каменного угля, солончака, степи и сам был скорее травой, каменным углем, солончаком, степью, нежели человеком... Помните, «степь отпоет»? Смешной случай... — Оленин хихикнул. — Lošt in translation. Утеряно при переводе.

Старик засмеялся, радуясь, что оформил свою мысль в столь удачную словесную форму. А потом как ни в чем не бывало повернулся к человеку:

— Щиблета ваша хороша. В ней Хлебников. Впрочем, я начинаю говорить как Хлебников.

— Мне все равно, — сказал человек. — Мне очень нужны деньги. Кажется, если я не выпью, то могу умереть.

— Да мне, собственно, тоже все равно. Умирайте сколько угодно. Только щиблету оставьте. Кстати, она у вас откуда?

Человек медленно открыл и закрыл глаза.

— Можно рюмку водки?

— Нет. Откуда ботинок?

Человек смирил себя и произнес:

— Я специалист по Хлебникову. Еще с советских времен. Советская власть не любила Хлебникова, хотя он советскую власть любил.

— Кстати, знаете, почему не любила?

— Он был шире и дальше любой власти. Ни одна власть на земле не смогла бы полюбить Хлебникова.

— Советская власть хотела объединить и горца-чеченца, и лесника-карела, и степняка-бурята,

и рабочего из Москвы, и еврея-ученого из Питера. Ей нужны были простые и ясные, подходящие каждому смыслы. Хлебников же, как любой стоящий поэт, смыслы создавал и множил. Власть никогда не поспевает за множасьими смыслами. Маяковский на короткий срок смог обуздать себя и, возможно, именно оттого и умер. Хлебников же был человеком, множащим смыслы бесконечно, поскольку, как я уже сказал, более родственен зверям, ветрам и птицам и видел мир с таких ракурсов, с каких человеку не увидеть его никогда. Советы строили государство, основанное на ясности слова. И слово это должно было быть понятным и чистым, как кристалл соли. И все, кто, как им казалось, могли замутить этот кристалл, должны были скрыться.

— Я не в состоянии ни спорить, ни соглашаться. Мне очень надо выпить. Я могу умереть.

Оленин посмотрел на его бледное, будто рыбье, брюхо, лицо, и гадкое чувство власти над другим человеком протекло через каждую жилку и каждое нервное волокно его тела.

— Двести рублей, — наконец провозгласил старик.

— Десять тысяч.

— Не смешите. Двести рублей.

— Извините, у вас выпить нет? — спросил гость.

— Нет, — сурово отрезал Оленин.

— Хорошо. Пятсот, — уступил владелец щиблеты.

— Двести, — улыбнулся Оленин. — Двести, милый юноша!

— Ну хоть триста!

— Двести четырнадцать, и ни копейки сверху. Все равно больше никто не поверит, что эту щиблету действительно держал в руках Хлебников. Только я один во всем свете поверю.

Человек порывисто выхватил щиблету из руки старика и вышел. Лицо его дрожало от негодования. Оленин, склонив голову набок и прислушиваясь, остался стоять перед полуоткрытой дверью, даже не думая ее закрывать на замок. Чутье и опыт не подвели. Не прошло и минуты, как дверь снова распахнулась. Человек сунул щиблету в руку старика. Попытался что-то сказать, но не смог. По лицу его было видно, что он еле удерживается от слез. Оленин опустил руку в карман, но не нашел денег. Задумчиво обернулся, увидел лежащие на полу купюры, неторопливо поднял их.

— Что за странная манера держать деньги на полу? — произнес он.

Оленин вручил гостю двести четырнадцать рублей, и тот мгновенно исчез.

– Ближайший магазин на Гоголевском бульваре, сразу за углом, – сказал он вслед человеку.

Тот в ответ лишь нечленораздельно булькнул.

– Вы, если что, заходите, я вам эту щиблету... потрогать дам, – пообещал старик, закрывая дверь.

Человечек был ему определенно симпатичен, но радость победы не давала проникнуться состраданием к поверженному сопернику. Победители и счастливчики – страшные эгоисты. Мелко хихикая и потирая ручки, Оленин прошел к холодильнику, ловким, каким-то гусарским жестом выудил бутылку. Выпил и замер, мечтательно глядя на солнце, отражающееся в окне дома напротив.

– Ай да я! Ай да делец! – наконец произнес он. – Вот так-так! Маркиз, щиблета Хлебникова! Не что-нибудь. Щиблета Хлебникова! О-го-го! Ну, где еще есть такое? Нигде, только у меня! Только у меня! Тра-та-та! Тра-та-та!

Широко раскидывая колени, он сделал несколько нелепых па возле холодильника.

– А если б не я? А? Что? Пропала бы вещь! Пропала! Сгинула! А я спас! Люди потом в музее будут смотреть и думать: «Ай да Оленин, молодец какой! Не дал вещи сгнуться». Хлебников! Это вам не Чубайс какой-нибудь, прости господи. Или Абрамович, дважды прости господи. Дети знают цену таким вещам. Маркиз, ну иди! Порадуйся со мной. Целый день тебя не видел.

Он оглядел свои «хоромы».

– Ох, да ты все молоко уже выпил. И блюдце, как всегда, перевернул. Сумасшедший кот. Драть тебя некому. Сколько раз просил: не переворачивай ты его...

Оленин налил в блюдце новую порцию молока, замер на полпути и резко выпрямился.

– Маркиз, я ж совсем забыл... И ты, дармоед, не напомнил! Я ведь собирался сегодня по музеям пройтись.

Старик забежал, засуетился, словно в его квартиру с минуты на минуту должен нагрянуть некий высокий гость. Роняя вещи и немилосердно пыля, извлек откуда-то галстук-бабочку, спрятал мхатовский занавес, почистил затрапезный халат. Застегнулся на все пуговицы, придирчиво осмотрел себя в старое, облупившееся по краям зеркало. Увиденное не разочаровало.

– Отлично, – сказал он себе самодовольно. – Хотя бабочку можно бы и поновей. Да и халат тоже... Но, но, но! При всем прочем – элегантен, как рояль! А? Ловкач и выжига! Хе-хе.

Он сбил с лацкана пылинку, прокашлялся, взял несколько нот, пробуя голос, и потянулся к телефону.

– Алло. Аристарха Евфратовича, будьте добры. – Голос его был глубок и важен, как у какого-нибудь генерал-аншефа. – Оленин говорит. Он меня знает. Алло, Аристарх Евфратович? Добрый день. Узнали? Да, Оленин. Я вам на прошлой неделе ружье Тургенева приносил. Ну да... Остаток ствола. Ржавый. От разорвавшегося ружья. Да, и в дневниках этот случай описан. А я утверждаю, что описан. И прошу за него всего-то сорок тысяч рублей. Да, рублей. Смешные деньги. Ну и что? Зато он настоящий. Как кто может подтвердить? Я! Я могу! Или вам моего слова мало? Ну, знаете! Вас антиквар в третьем поколении с пятидесятилетним опытом уверяет, что вещь подлинная, и это не аргумент? Как вас с таким подходом взяли музеем руководить? Я бы вас туалетом на улице управлять не допустил. Профессионалам он не доверяет! Да мне начхать на ваши экспертизы. Соплями начхать! Зелеными! И растереть! Да как вы смеете?... Трубку бросил. Скотина! Маркиз, ты слышал? Как же я не люблю эту братию! Передумал бы, как котов! Ой, Маркиз, извини. К тебе это не относится. Ты у нас человек порядочный.

Оленин полистал записную книжку.

– Кто у нас тут еще есть?

Палец его проворно бегал по фамилиям, некоторые из которых заставляли его морщиться, будто он прикусил язык, некоторые вызывали брезгливую гримасу, но находились и такие, поразмышляв над которыми он снова брался за телефон.

От этого кропотливого занятия антиквара в третьем поколении оторвал звонок в дверь. Оленин, не закончив набирать очередной номер, повесил трубку и направился к двери.

– Ну? – обратился он к человеку за дверью свой обычный вопрос.

– Это Коля, – послышался детский голос.

– Шарахнуть бы тебя об забор, Коля, – произнес Оленин сквозь зубы. И уже громче добавил: – Иди домой.

– Я вам собачку принес.

– Какую еще собачку? Зачем? У меня кот живет!

– Праправнучку Муму.

– Это ты, наверное, мать свою принес, маленький негодяй! – опять сквозь зубы произнес Оленин. И резко выкрикнул: – Иди домой, Коля! И прекрати таскать мне всякое непотребство. Му-

му – вымышленный персонаж. И потом, ее утопили раньше, чем она принесла потомство.

– Значит, не возьмете?

– Нет. Может, мне еще и тебя взять?

– Не, – весело отозвался голосок. – Я к вам не пойду. Я у вас с ума спрыгну. Такой же, как вы, стану!

– Что? Вон отсюда! А то я возьму старый штучер и выстрелю тебе солью в зад!

Звонок заверещал, будто хотел взорвать оленинские барабанные перепонки, а за дверью слышался дробный топоток убегающего ребенка.

– Уши отрежу и коту скормлю! – прокричал Оленин в замочную скважину. – Выросли цветочки на помойках, – ворчал он, уходя от двери. – Благоухают – не продохнуть.

Он сел на стул и сердито уставился перед собой.

– Хорошо бы детей лет до десяти, а лучше этак до четырнадцати держать в намордниках. Чтобы прежде, чем говорить, думать научились. А то мозги размером с ириску, а оно уже разговаривает. Нет. Ты помолчи, подумай, что людям сказать хочешь. Созрей хоть до восковой спелости, а потом начинай звуки издавать. А то бегают, твякают под дверью. Шантрапа!

Последнее слово он прокричал себе за спину, в сторону прихожей. Потом взял со стола записную книжку, нахмурился:

– Кто у нас тут следующий?.. Уже и страницу-то потерял...

Но тут снова раздался звонок.

– Да что ж это такое!

Оленин долго смотрел в глазок, поворачивал голову под разными углами, словно надеясь, что изменение угла обзора прояснит ситуацию.

– Маркиз, там какой-то мужик с телеграфным столбом. Представляешь? – прошептал он уголком рта и поскреб макушку, укрытую редкими волосками. – Зачем мне телеграфный столб? Электричество он тут собрался проводить, что ли? Так у меня есть вроде.

Он щелкнул выключателем, под потолком загорелась едко-желтая немощная лампочка, по виду чуть не ровесница Оленину.

– Да, есть.

Звонок зазвенел снова.

– Ну?! – наконец требовательно произнес старик, не отрываясь от глазка и разглядывая чернявого человека, стоящего в обнимку с чем-то, по виду и вправду напоминающим телеграфный столб.

– Отец, я тут тебе матч принес, – раздался веселый голос с восточным акцентом.

Оленин оглянулся по сторонам, словно прикидывая, где разместить здесь столб, и переспросил:

– Какой еще матч?

– А нет. Не матч. Это я, черт нерусский, слова путаю. Мачт! Мачт я тебе принес. Слышь, от корабля старинного. От этой... Непобедимой! Как ее, шайтан... Непобедимой армады.

– «Непобедимой армады»? Мачта корабля испанской «Непобедимой армады»? И откуда она у тебя?

– Слышь, из моря.

– Хе-хе! – захихикал старик и пригрозил двери пальцем. – Ты на себе от Ла-Манша нес?

– Зачем «на себе», ата? – В голосе восточного гостя послышалась озабоченность. – На корабле. У меня брат моряк. На сухогруз ходит. Слышь, да? Он привез.

Объяснение не слишком убедило старика, но тем не менее внутри у него что-то дрогнуло, как бывало при близкой удаче.

– А про меня откуда узнал?

– Соседи ваш рассказали. Живет, сказали, в первой квартире... Этот... У, шайтан... Антиквар живет. Серьезный человек. Понял, да?

Оленин, не снимая цепочки, приоткрыл дверь.

– Это верно, я антиквар, а вот ты кто?

Он подозрительно оглядел владельца странного артефакта, скинул цепочку.

– Ладно. Вноси.

Восточный человек внес черный массивный обломок бревна и с интересом осмотрелся. На Оленина пахло пряностями и дымом.

– Мачта... – пробормотал он, вцепляясь в нее глазами. – Давай посмотрим, что за мачта... Сюда клади. Ага. Все, отходи, не мешай.

Оленин принялся ходить вокруг бревна – то ли как хищник вокруг добычи, то ли как голубь, обхаживающий самку. Потягивал носом воздух, ноздри его вождеденно раздулись. На лице проступил нервный румянец, красные жилки на носу и щеках обозначились резче. Он ходил, горбясь, сгибаясь все ниже и ниже, напоминая уже не хищника и не жениха, а скорее шамана в трансе.

Гастарбайтер за его спиной покрутил пальцем у виска, пробормотал:

– Правду хорошие люди говорили, совсем привет старикашка.

Оленин, опускаясь все ниже и ниже, дотронулся до бревна и тут же отдернул руку, словно обжегшись. Отскочил, отошел в угол, достал коше-

лек и принялся считать деньги, бормоча и споря с самим собой:

– На еду совсем ничего не останется. А пенсия двадцать первого. Три дня... Ладно, хлеб пока есть. На молоко Маркизу тоже хватит. Ну, разведу водой немного в крайнем случае. А может, и так хватит. За свет опять заплатить не получится. Ладно, не в первый раз.

Он решительно повернулся к гостю, сунул ему деньги, будто ткнул ножом в живот.

– Вот сто двадцать рублей. Больше не просите, все равно не дам.

Взял мужика за плечо и подтолкнул к двери, намереваясь поскорее выпроводить. Однако восточный гость уперся.

– Э-э! Ну что ты предлагаешь? Обидеть хочешь? Оскорбить? Ай-яй-яй. Седой человек. Да этот бревен просто в подъезд занести и то больше стоит!

Оленин навалился на него, оттирая к двери.

– Нету денег. Как говорил Борис Березовский, «деньги были, деньги будут, сейчас денег нет». Идите, юноша.

Восточный гость был недвижим, как заводской забор.

– Что значит «нету»? Ата, так не разговор. Не нужен этот колдобина – обратно отнесу. Или просто сяду тут, и все. Понял, да?

И он действительно уселся на бревно с видом, будто готов провести здесь как минимум остаток дня, а может, и недели.

Оленин выпрямился, твердым, как гвоздь, пальцем указал на дверь:

– А ну, вон отсюда!

Гость лишь отмахнулся с деланой усталостью. Темные масляные глаза его сияли покоем и лукавством.

– Ой, не шуми, ата, голова заболит.

Пошарил по карманам потасканной спецовки, достал сигареты.

– Здесь нельзя курить! Тут исторические реликвии хранятся! – сдвинув брови, рявкнул Оленин.

Гастарбайтер закурил, хитро прищурился, демонстративно стряхнул пепел на пол. В стекле остановившихся напольных часов увидел стоящего за его спиной Оленина. Сложил из пальцев «пистолет», выстрелил в отражение старика, подул в указательный палец, как в ствол, и засмеялся.

– Ах, так?! – гурзой зашипел Оленин. – Ну, басмач, пожалеешь.

Он отбежал к полкам и вернулся с изогнутым, похожим на берцовую кость кремневым пистоле-

том. Раздался щелчок, по-видимому, означавший, что оружие приведено в боевую готовность.

– Молись, чебурек! – тоном, не оставляющим сомнений, приказал Оленин.

– Э-э, ты чего? – Гастарбайтер обернулся, посмотрел на чудное оружие с любопытством и опаской.

– Чего-чего... Я тебе, азиатская рожа, сейчас третий глаз во лбу открою! Ни один шайтан не закроет!

– Ты это!.. Хорош уже! Вдруг он стреляет?

– Стреляет, Мамай, не сомневайся. Это пистолет кавалерист-девицы Дуровой. Она из него десяток французов в восьмьсот двенадцатом положила. Сейчас и ты ляжешь. Ну!

Оленин принялся угрожающе наступать на супостата. И супостат дрогнул.

Послунявив пальцы, аккуратно затушил окурок, запасливо спрятал за ухо и с неожиданной добротой в голосе произнес:

– Правду про тебя люди говорили, вся голова ненормальный.

Он поднялся и пошел к двери. Быстро разобрался с засовами и замками.

Обернулся и с восхищением добавил:

– Но ты ураган-дед! Понял, да? Уважаю!

Старик со вздохом облегчения закрыл за ним дверь.

– Браво, Оленин! – нервно и радостно воскликнул, хлопая себя по груди. – Браво, старый воин! Кутузов и Наполеон в одном лице! Не грех и... хе-хе... отпраздновать викторию.

Рюмка пролетела пташкой, за ней вторая. Оленин устало опустился рядом с бревном, тронул темное дерево руками. Лицо его опало, заострились, под подбородком натянулись складки старческой кожи. Он лег на пол, обнял бывшую мачту руками, прижался щекой, и на него обрушился целый шквал звуков и запахов, от которых пошла мурашками кожа... Перед глазами заметались отблески пламени, накатил шум моря, гул от далеких и близких разрывов, треск дерева. Сумрак вздрагивал красным. Рот Оленина открылся, и из него сами собой полились слова.

Старик говорил с закрытыми глазами, как сомнамбула, нервно вздрагивая, ежась и по временам скрипя остатками зубов:

– Все горит, горит... Дым. Кислый запах пороха. Грохот. Пушки стреляют. Как будто бьют под дых. Хряск дерева. Обломки разлетаются во все стороны. Впиваются в тело... Куски железа... Отрывают от людей клочья мяса... Кровь, кровь повсюду... Скользко... Не устоять на ногах. Палуба покрыта опилками и кровью. Опилки, чтобы впи-

тивать кровь, чтобы не скользить. Но все равно скользко. Боль... Кричат люди. Живые так кричать не могут. Это мертвые кричат. Просто они еще не знают, что умерли. В трюмах захлебываются раненные... Ползут по лестницам вверх. Как черви. Давят друг друга. Но вода наступает быстрее. Из трюма поток горячего воздуха... Корабль тонет...

Снова заверещал дверной звонок. И почти сразу же, словно отозвавшись ему, разразился трезвонком звонок телефонный. Несколько секунд Оленин метался, словно не понимая, где находится, и не зная, куда пойти в первую очередь. С выражением крайней, почти детской растерянности на лице в итоге выбрал дверь.

– Ну?!

– Письмо Венеры Милосской Нике Самофракийской не интересует? – слышались подростковые, галдящие наперебой голоса. – От мертвого осла уши? Рукава от жилетки? Нос Буратино!

– Паспорт Чингачгук?! – пробасил кто-то из подростков неожиданно глубоким голосом.

– Тьфу вам в лицо! – крикнул Оленин и бросился к телефону.

Но не успел добежать, тот умолк. Оленин на всякий случай все же снял трубку, произнес просительно: «Алло!», однако в ответ услышал лишь пустой безнадежный гудок.

– Спиногрызы бессовестные! – крикнул старик в сторону двери. – А если это из музея звонили? Хотели купить что-нибудь? А, бестолочи?

– Есть пенсне царя Соломона! – продолжали выкрикивать за дверью. – Череп Вольтера-ребенка! Силиконовая грудь Клеопатры! Спинер Софокла!

– Варвары! Коту скормлю!

– Какому коту, убогий? – слышался дерзкий смех. – Твоего кота пять лет назад машиной переехало. Хорош бредить!

– Это вас машиной переехало! А Маркиз, кот-мой-кот, сегодня молоко вылакал и блюдо перевернул. Сейчас возьму шашку и порублю вас в капусту! Или в милицию позвоню!

– Милиция на вызовы из дурдома не приезжает! Да и нет давно никакой милиции.

Оленин, потеряв терпение, схватил с полки ржавую шашку, распахнул дверь:

– Ну, погодите у меня, зверьки...

Едва слышав лязг засовов, дети кинулись вверх по лестнице, и Оленину осталось довольствоваться лишь их топотом и смехом.

– У, бесенята! – прокричал он им вслед, воздев над головой заржавленное оружие и став похожим на нескладный, почти пародийный памятник.

Новый телефонный звонок сорвал его с места. Спешно закрыв дверь, Оленин поторопился к столу.

– Да! Оленин! Что?! – едва не дымясь от гнева, закричал он. – Опять вы?! Никуда не поеду! Ни в Теплый Стан! Ни в Тушино! Ни в Бобруйск! Животные. Никуда! На носу себе зарубите! На носу поганом своим так и зарубите! Топором! Ясно? Выселите? Раньше я вас всех выселю! Из нор ваших крысиных! Выселят они... Не надо меня пугать! Я пуганный. Сам кого хочешь напугаю. Спокойно она говорит... Это я спокойно говорю! Никуда не поеду! Мой дом. Все.

Он швырнул трубку.

– Надоели!

Он обессиленно опустился на стул, уронил саблю на пол, закрыл лицо руками.

– Устал я, Маркиз. Устал.

Он взъерошил волосы на висках.

– Так, а что я хотел? – Оленин растерянно оглянулся. – Я же ведь делал что-то. Но что? Вот память, память. Старый склеротик. Ах да, музеи!..

Но снова звонок в дверь. Старик даже не удивился. Действуя с монотонностью уставшего автомата, он положил руку на цепочку и буркнул:

– Ну?

– Уникальная вещь, чернильница Бакунина.

Оленин привычными движениями приоткрыл дверь, не снимая цепочки, хмуро скомандовал:

– Суйте.

Внутрь просунулась рука с небольшим прозрачным пузырьком. Оленин недоверчиво посмотрел, понюхал воздух, почти коснулся стекла кончиками пальцев, но в последний момент убрал руку.

– Пустышка! – сказал как отрубил.

– Нет-нет. Точно, Бакунина!

– Пустышка, – уверенно и ровно повторил он. – Вранье. Уберите руку.

– Господин Оленин, точно говорю.

– Хотите рубль за нее? Из уважения к старине.

– Рубль?! За чернильницу Бакунина?!

– За пузырек мутного стекла.

– Ну, знаете!..

– Нет? Ну и чудесно. Уберите руку.

Он начал закрывать дверь, рука исчезла, будто ушла в темную воду.

– Опять с мысли сбили. А, музеи! Вот.

Вернулся к телефону, полистал записную книжку.

– Если он еще жив, старый вор, – сказал он себе, накручивая диск. – Богдан Ильич? Здрав-

стуйте. Как самочувствие? Это Оленин. Не помните? Антиквар! Да, тот самый...

Он недоуменно посмотрел на трубку, будто в ствол пистолета, давшего осечку.

– Связь прервалась...

Он снова набрал номер.

– Алло! Тут что-то со связью... Алло! Трубку бросил. Ах, негодяй! Подонки сиракузский!

Он сделал движение, будто колотит трубкой по столу, и снова принялся изучать записную книжку.

– Липницкий... Нет. Кто? Шайзе? А, не, Шлейзе. Было бы смешно, если б я позвал к телефону господина Шайзе... А это кто? Х-н-к-н-сян... Дал же бог фамилию... Пять согласных подряд. Из семи букв – шесть согласных. Заспанцев... К псам его...

Звонку в дверь Оленин не удивился.

– Да, хреновую пьесу написал этот режиссер, хреновую. Никакой фантазии, – шаркая ногами, отправился он к источнику звука.

– Ну?

– Здравствуйте! – произнес довольно молодой, но неуверенный и сбивающийся голос. И тут же замолк.

– Ну, и?... – с нарастающим нетерпением подбодрил визитера Оленин.

– Здравствуйте, – еще менее уверенно повторили за дверью.

– Здоровались уже! Чего надо?

За дверью послышался шумный, лошадиный вздох.

– Мне нужен господин Оленин, – обреченно произнес голос.

– Это я.

– Вас-то мне и надо, – совсем уж безрадостно сказал гость. – У меня к вам дело... Я слышал... Дошли слухи, что у вас есть... есть веревка...

За дверью все стихло, словно там никого и не было.

– Прекратите мямлить! – рявкнул Оленин, чувствуя, как его наполняет новая энергия. – У меня много чего есть. На три музея хватит. Что конкретно вас интересует?

– Меня? Ничего. То есть да... Интересует, конечно же. Веревка русских поэтов.

– Что-что? – удивился Оленин, такого экспоната он в своей коллекции не припоминал.

– Веревка, на которой повесился Сергей Есенин...

– Ах вот оно что... Допустим, есть. И что?

Снова пауза.

– Можно мне войти?

– Еще не знаю.

– Видите ли, я тоже поэт. Ефимцев моя фамилия. Не слышали?

– Нет.

– Вот. И никто не слышал.

– Поэтов всегда слишком много. Именно поэтому читать современную поэзию не стоит.

– Так вот, веревка... Вы не подумайте, я очень хорошо понимаю, какая это святыня. Мы хотели бы приобрести у вас веревку.

– Приобрести? – В голосе Оленина послышались живые нотки заинтересованности. – Я не продаю свои экспонаты частным лицам. Только музеям!

– Я от музея! – поспешно заверил визитер. – самого настоящего музея! Поверьте!

Оленин несколько растерялся. Такие предложения поступали ему очень редко. Если быть честным, это вообще было первое предложение такого рода. Продать да даже и отдать что-либо в настоящий музей оставалось давней и недостижимой мечтой старого антикара, по поводу которого музейная среда никак не могла определиться – считать его безумцем или же прохиндеем.

– Вот как... От какого?

– От Рязанского... Рязанского краеведческого музея.

– Что, и документ у вас есть?

– Да-да. Вот.

Оленин открыл дверь, оставив цепочку накинута.

– Вот, пожалуйста.

В щель просунулась тертая красная книжечка с потускневшими золотистыми буквами.

Оленин выхватил пропуск из пальцев никому не известного поэта. Начал изучать и тут же воскликнул с негодованием:

– Просрочен!

– Тут, понимаете... Я не успел продлить, – поспешно заверил Ефимцев. – Но когда вернусь, обязательно...

Оленин выдержал длинную паузу, которую в среде полуобразованной интеллигенции любят именовать «мхатовской».

– Хорошо, входите.

В дверной проем протиснулся высокий нескладный юноша немного за двадцать. Остановился, затоптался на месте, не зная, куда девать длинные, будто купленные по случаю руки. Оленин привычно спрятал ключ в карман, где тот звякнул о стеклянный бок стопки. Старик ощущал волнение и, обычно дьявольски гордый, непривычную неуверенность в себе.

– Так-так... – произнес он, не соображая, с чего начать. – Это очень хорошо, что ваш музей заинтересован... Я рад...

– Я тоже.

Они постояли некоторое время, бестолково глядя друг на друга.

– Можно посмотреть? – спросил Ефимцев.

– На что?

– На веревку.

– Какую? Ах, веревку... Извините. Да, конечно.

Оленин забегал, засуетился. Открыл grossбух, нашел нужную запись. Грохоча, приволок шатку, всю в потеках краски и известки стремянку. Вскрабкался, попутно обретая черты пожилой неряшливой обезьяны, принялся шарить по полкам.

– Так... Полка три, место тринадцать. Или тридцать один? Ах ты ж, склеротик...

Он снова слез, проверил по grossбуху.

– Да тринадцать же, тринадцать, – досадуя на себя и оттого еще больше волнуясь, бормотал он. – Сейчас, сейчас. У меня все на месте, – успокаивающе заверил он с верхотуры Ефимцева и смешно, как ему казалось, пошутил: – Фирма венников не вяжет, фирма делает гробы.

Вряд ли сам Оленин да и кто бы то ни было вспомнили бы, когда старик последний раз шутил с посетителем.

Он слез, держа в руках пыльный до полной непрозрачности полиэтиленовый пакет. Стал развешивать, полетела пыль. Оленин и Ефимцев принялись наперебой чихать. Оленин – быстро и смешно, как кошка, Ефимцев – редко, ухая при этом, как гаубица, и стесняясь своей громкости.

Отчихавшись, старик извлек из пакета веревку с петлей и поднял ее перед собой. Та закачалась в воздухе, похожая на маятник.

– Вот, – сказал старик.

– Неужели та самая?

– Даже не сомневайтесь.

– Можно?

Малоизвестный поэт трепетно взял в руки реликвию. Оглядел сверху донизу, произвольно тронул себя за шею.

– Но я должен быть уверенным, что она не будет лежать в запасниках! – непререкаемым тоном произнес Оленин.

Ефимцев, погруженный в свои мысли, ответил не сразу.

– Что? Да-да, конечно. Какие еще запасники! Такая вещь... Как она к вам попала?

– Человек принес.

– Она ведь должна быть в архиве питерского ГПУ.

Оленин пожал плечами:

– Наверное, тот человек украл ее. Люди вообще вороваты.

– Давно это было?

– Что?

– Веревку вам принес тот человек.

– Не очень. Лет тридцать назад.

– Я тогда еще не родился.

– Для вас, значит, давно. Извините, я бы хотел узнать: сколько вы за нее можете дать денег?

– Денег? – переспросил Ефимцев, не отрывая глаз от веревки. – Миллион.

– Миллион? – пораженно выдохнул Оленин. – Целый миллион? Мне?

– Да. И еще пятьсот тысяч.

Оленин искательно заглянул ему в лицо:

– Вы не обманываете? Правда?

– Правда.

Оленин пришел в сильнейшее возбуждение. Жилка на виске у него забила, глаза забегали.

– Ах ты, ах ты... Миллион пятьсот тысяч... Миллион пятьсот тысяч! Боже мой! Боже мой! Какие невероятные деньги. Это ж тогда можно!.. – Он оглянулся вокруг, заговорил срывающимся, пляшущим голосом. – Знаете, у меня есть мечта. Вы видите все эти экспонаты? Это собрание начал собирать мой прадед, потом дед собирал, теперь вот я. И знаете, здесь все настоящее. Все до последней пылинки! Я такие вещи чувствую. Если вещь настоящая, связана с чем-то большим, по ней словно ток идет. Вот как по этой веревке. Вы чувствуете? Ток. Чувствуете?

– Да... Чувствую.

– Вот-вот. И здесь везде так. – Он показал вокруг. – Троньте это. Или это. Столько подлинных исторических памятников, но никто их не видит. Словно они в землю зарыты. А ведь это же история человечества! Наша жизнь и наше спасение. Я бы очень хотел показать их. Но ведь нигде! А вот если у меня будет миллион пятьсот тысяч, я ведь смогу арендовать зал в каком-нибудь музее и там показать свое собрание! Понимаете? Должны же люди почувствовать, что это подлинники! Что это живая история! Должны! А дальше дело пойдет. Начнут приглашать в разные города. Даже, может быть, в другие страны! Надо только начать. Вы пришли с таким предложением! У меня просто сердце трясется! Нет слов!

Он потерял ручки, захихикал, восторженно забормотал себе под нос что-то нечленораздельное.

– Может быть, по такому случаю... – Оленин показал небольшой зазор между большим и указательным пальцем правой руки. – Чуть-чуть? А? Не против?

– Я? Нет. Я не против. Я только за.

Гость говорил теперь медленно и всем видом своим, всеми движениями и реакциями напоминал человека, погруженного даже не в воду, а в среду еще более плотную, вроде масла или меда.

Оленин отправился на кухню, принялся искать рюмку и закуску для гостя, сам-то он никогда не закусывал. На середине поисков остановился, замер, спрятав лицо в ладонях и едва удерживаясь от радостного крика. Посмотрел в окно под потолком, сложил руки перед собой, будто в молитве, но не молился, он не был религиозен. Волнение переполняло его, голова отказывалась работать...

Ефимцев, проводив взглядом спину хозяина, отправился к двери. Бесшумно открыл два засова, снял, не звякнув, цепочку. Дернул ручку раз, другой, дверь не открылась. Ключ от последнего замка находился в кармане Оленина. Поняв, что оказался в западне, Ефимцев с веревкой в руках заметался по квартире. Подошел к окну, но оно находилось слишком высоко, да и размеры его были столь невелики, что пролезть в него смог бы разве что ребенок или человек комплекции Оленина.

Тогда с выражением крайнего отчаяния на лице Ефимцев привязал веревку к самой высокой перекладине стремянки, оказавшейся почти на уровне его головы. Быстро накинуд петлю на шею. Тяжело дыша, постоял несколько секунд, морщась и шепча что-то. В этот самый миг на пороге комнаты появился Оленин и оторопело уставился на Ефимцева.

– Вы зачем балуетесь? – только и успел произнести старик.

Ефимцев подпрыгнул, поджал ноги. Петля съехала, затянулась у него под носом. От резкой боли Ефимцев взвизгнул, так что у Оленина зазвенело в голове и заложило уши.

– Прекратить! – закричал старик первое, что пришло на ум.

Ножки древней стремянки разъехались, Ефимцев вместе со стремянкой рухнул на пол. Раздался грохот, после которого наступила тишина, и в ней отчетливо стали слышны шаги прохожих по тротуару и далекий крик ребенка.

Оленин растерянно подошел к несостоявшемуся самоубийце. Осторожно тронул за плечо, потряс:

– Вы что?.. Эй! Вы как?.. Живы?

От вопроса к вопросу голос его креп и наконец налился гневом.

– Вы что творите? – загремел он. – Вон! Вон отсюда!

Оглушенный падением и криком, Ефимцев зашевелился под стремянкой и, не разбирая дороги, пополз на четвереньках. За ним со скрежетом волочилась лестница.

– Стоять! – рявкнул старик.

Шипя от отвращения, Оленин снял с Ефимцева петлю. Поднял стремянку, отвязал веревку. Осмотрел, пригладил растрепавшиеся нити, бережно убрал в полиэтиленовый пакет.

Ефимцев сидел на полу, держась за распухший нос. На лице его застыло разочарование.

Оленин лез по стремянке к верхней полке и нервно бормотал:

– Дошла страна! Явилось поколение! Повеситься не умеют. Господи, откуда ж столько идиотов на Русь нанесло? Бедная ты моя Родина-мать... Родина слонов и идиотов. За нос себя подвесить решил. За нос! Это надо додуматься! Вот же большая фантазия!.. – Он повернулся и с высоты обратился к пребывающему в прострации Ефимцеву: – Вон отсюда, я сказал! Дилетант! Слабак! Недоразумение! Вон!

27

Видя, что Ефимцев не собирается выходить из оцепенения, Оленин спустился, решительно взяв его жесткой птичьей лапой за шиворот. Поднял на ноги и повел, а скорее потащил к двери, изрыгая сдавленным голосом проклятия:

– Вон! Короед рязанский! Тля! Святотатец!..

Выкинув поэта за дверь, порывисто и яростно выпил стопку водки. Но водка не только не успокоила волнение, но словно бы даже разбредила еще сильнее. Старик ходил по квартире, потрясая руками и хватаясь за голову.

– Это он что, по-настоящему? А если бы?.. Если бы смог? А? Ну, если получилось бы? Идиот. Ему ведь лет двадцать – двадцать пять, да? Такой молодой... И уже такой идиот. Мать у него, наверное, есть. Отец... – Тут он оглянулся на портреты детей, которые эксцентричной мадам Жуковой показались похожими на вырезки из журнала «Огонек». – А он, глядите-ка, вешаться собрался. Им-то каково будет? Подумал он? Какой же дурак! Ах какой дурак! Молодой, высокий, поэт. Что ж не жить-то? Экая бестолочь. И главное, почему у меня? Места другого нет? В России столько деревень! Миллионы, миллиарды деревень! Казалось бы, выбирай любое – и вперед. Нет, ему надо было у меня, антиквара Оленина, в квартире повеситься! Мало мне своих забот.

Он остановил свое хаотичное мельтешение, посмотрел на дверь. Прислушался – тишина.

– Вот ушел куда-то. Куда? А я тоже хорош...

Из-за двери послышался то ли стон, то ли вой. Звук нарастал, и голос становился все более узнаваемым. Оленин заглянул в глазок. Увидеть никого не смог: должно быть, Ефимцев уселся прямо на пол, привалившись спиной к двери.

Оленин в негодовании всплеснул руками, ударил по двери ладонью:

– Прекратите выть! Слышите?

Вой качался в подъезде, напоминая то ли плач, которым заходились вдовы на похоронах в прошлом веке, то ли колыбельную.

– Я вам говорю! Прекратите выть!

Он потоптался возле двери.

– Чертова бездарность, – сказал он негромко. – Даже воет как-то неинтересно. Будто другой бездарности подражает.

Оленин в негодовании приоткрыл дверь, вой стал гораздо громче: дверь была толстая, будто действительно сделанная на случай ядерной войны.

– Я... Я милицию сейчас вызову! Прекратите выть! – крикнул он в открывшуюся щель. – Как шакал, ей-богу! Замолчите! Перед соседями неудобно. А, черт...

Он скинул цепочку, распахнул дверь.

Из приоткрытой соседней двери за ним с любопытством наблюдала сморщенная старушечья мордочка.

– Извините за шум! – рявкнул на нее Оленин и, взявшись обеими руками за шиворот, втащил Ефимцева обратно в квартиру.

Протащил гостя по комнате, усадил на стул. Задышавшись от усилий, оперся руками о стол и закрыл глаза.

Ефимцев, длинный, безвольный, сидел, похожий на оплывшую свечу, и продолжал причитать:

– Ничего не сумел в жизни. Ничего. Даже повеситься и то не смог. Бездарь. Неудачник. Как жил ничтожеством, так и...

Оленин даже растерялся от таких самобичеваний. Сипя и задышавшись, попытался успокоить:

– Ну, ладно, ладно... Что вы так... Это лишнее, не надо. Подумаешь, повеситься не смог. Бывают в жизни ситуации и похлеще.

Голова работать отказывалась.

– Вот, выпейте, – сказал он, не зная, чем еще один человек может помочь другому. – Пейте, пейте. Водка полезна. Бывает...

Ефимцев выпил, закашлялся, из чего стало видно, что пьет он редко.

– Закусите.

– Кто ж водку сухарем закусывает... – произнес Ефимцев между всхлипами.

– Это хлеб. Подсох просто, – уточнил Оленин.

– Ничтожество. Мелочь. Таракан...

Оленин, приняв оскорбления на свой счет, что часто случается с людьми, наделенными воспаленной гордостью, гневно выпрямился, намереваясь дать отпор проходивцу.

– ...Поэтишка, – добавил Ефимцев.

Оленин, поняв, что не он мишень для оскорблений, облегченно вздохнул и постарался спрятать свой несостоявшийся порыв за участливостью.

– У вас что-то случилось? – спросил он.

– Нет, ничего! – ответил Ефимцев. – Понимаете, в том-то и дело, что ничего у меня не случилось! Мне двадцать два года, а у меня до сих пор ничего в жизни не случилось! Ни любви, ни признания, ни взлетов, ни падений – ничего! Даже трагедий серьезных в жизни не было!

– Вам что, трагедий не хватает? – скривился Оленин.

– Нет... Не в трагедиях дело, конечно. Просто жизнь как тряпка. Безвкусная, бесформенная, бесконечная тряпка. Влажная, теплая... И вот я жую ее, жую. Зачем? Не знаю! Не хочу я такую жизнь! Понимаете? Я поэт. Я стихи пишу. А они выходят тусклые, вялые, как... Как рыбы потрошенные. Бывает, конечно, блеснет что-то, и кажется: вот еще чуть-чуть – и из меня хлынет большое, горящее, настоящее. И небо развернется, как свиток... Помните, в Апокалипсисе? Там небо сворачивается, как свиток, а я все жду, когда оно развернется, как свиток. Жду, жду... А жизнь уходит. Кровь остывает. Вот Есенин... Мне кажется, когда он писал, то не касаясь земли ходил и воздух вокруг него звенел. А от моих стихов только... пятки чешутся...

– И что же вы, думали, если на его веревке повеситесь, откроется вам что-то? Бездны распахнутся? Прямо под пятками... – Оленин не мог удержаться от того, чтобы не съязвить.

– Да ничего я не думал! – махнул нехотя рукой Ефимцев. – Хотя... Нет, думал, конечно. Думал. Надеялся если не в стихах к нему приблизиться, так хоть в смерти где-то рядом встать. Меня ведь, знаете, даже не печатают почти. Один раз напечатали, да и то словно поиздеваться решили. Наша местная газетенка... Бумага плохая, шрифт скособолен. Стихи на последней странице были, с правой стороны колонка. Так у них там край пропечатался плохо, концов строчек видно не было.

Какие-то обрывки фраз, без рифмы, без смысла. «Когда мне гру... И льет печаль... В полнеба го... На серый ту...» Впечатляет? Надо мной потом все эти наши рязанские недопоэты издевались. — Он соскочил с лица и, кривляясь, проскрипел: — А почитай-ка, брат Ефимцев, что-нибудь из своего классического: «Офелия ру... И лилий ку...» Смешно, правда?

— Очень, — с самым серьезным видом согласился Оленин. — Погодите, я вам сейчас одну вещь покажу...

Он открыл гротеск, пошелестел страницами и отправился к полкам. Снова полетела пыль, раздалось мелкое кошачье чихание.

— Вот, «Новый журнал для всех», — наконец вернулся он к гостю. — Тысяча девятьсот пятнадцатого года. Читайте.

Ефимцев принялся покорно читать:

— Потонула деревня в уха... Заслонили избытки ле... Только видно, на кочках и впа... Как синее кругом не... Есенин, «Русь».

Ефимцев умолк, дочитывая стихотворение про себя.

— Видите? — сказал Оленин, протягивая руку за журналом. — Не вы первый, не вы последний.

Ефимцев вернул журнал и неловко спросил:

— А вы знаете легенду про эту веревку?

— Не люблю легенд, — поморщился Оленин. — Им нельзя доверять.

— Да, я понимаю. Но это очень интересная легенда. Говорят, что на этой же веревке повесилась Марина Цветаева.

— Чушь! Может, и Рылеева тоже на ней вешали?

— ...И еще с десятков менее известных и совсем никому не известных поэтов на ней же... Эту веревку еще называют «веревкой русских поэтов». Говорят, она ходит по стране и собирает свой урожай.

Оленин нахмурился:

— Ну, вообще, она действительно... Вся боль и ужас. Но чтобы и Есенин, и Цветаева, и еще с десятков... Нет, не думаю, — отмахнулся он.

— Я, наверное, пойду, — сказал Ефимцев.

— Не смею задерживать, — не скрывая облегчения, произнес хозяин.

Когда Ефимцев уже подошел к двери, Оленин приказал:

— Стойте.

Гость покорно остановился, вопросительно глядя на старика. Оленин пожевал губами.

— Скажите, молодой человек, про музей и миллион пятьсот тысяч вы наврали?

— А я сказал про миллион и пятьсот тысяч?

— Да.

— Извините... Так вышло. Я, как веревку увидел, сам не свой стал. Не понимал, что говорю и делаю.

Оленин понимающе-неодобрительно кивнул.

— Жаль...

— Скажите, а почему у вас часы стоят? — внезапно спросил самоубийца-неудачник, глядя на мрачный ящик в углу. — Сломаны?

— Нет. Просто не терплю звука идущих часов.

Проводив Ефимцева, Оленин прошептал: «Душно». Открыл окна и до самого вечера сидел, наблюдая, как ветер приносит красные кленовые листья и они, словно звезды на морское дно, ложатся на пол его квартиры. Он поднял за черешок один лист, смотрел сквозь него на свет, поиграл им. Потом засунул в карман на груди, и тот торчал оттуда, как бутоньерка. Выпил водки, съел сухарь, который предлагал Ефимцеву, проворчал: «Не понимаю, что ему не понравилось».

Листья с шорохом перемещались по полу, льнули к ногам старика, будто играющие дети животных — щенки или котята. Он разговаривал с ними, говорил, что скоро зима, но и зима пройдет, будет лето, но оно тоже пройдет, и так будет продолжаться долго-долго, но это неправильно, это в корне неверно, и тут надо что-то менять, иначе слишком многое зря, и, возможно, вообще не стоило и начинать всю эту суету... Листья — хорошие слушатели, они не возражали Оленину, одобрительно шуршали, разбредаясь по углам квартиры, будто подыскивая место для зимовки. В окна влетали новые...

В воздухе носилось едва ощутимое, тонкое, как трещина во льду, предчувствие зимы.

Окончание следует.

**Валерий
ДМИТРИЕВ**

БОЙ ЗА РУССКИЙ МИР

* * *

*За Русский мир, за Русь святую
Идут сыны на смертный бой,
А сердце яростно бунтует
И рвется на передовую,
Чтоб сына заслонить собой.*

*И вот он, бой, большой и страшный,
И снова смерть глядит в глаза.
Здесь, словно в схватке рукопашной,
Не умереть почти нельзя.*

*Припал солдат к земле стылой.
Смерть усмехнулась и ушла...
Не потому ль, что мать молилась
За жизнь, которую зажгла?*

СЫНУ

*Ты только стой, сынок, не падай,
Когда в глазах оскал врага,
Когда в ушах лишь вой снарядов
И в кровь окрасились снега.*

*Ты только стой, сынок, не падай,
Когда кругом горит земля.*

*Твои друзья с тобою рядом,
А за спиной – твоя семья.*

*И вся страна твоя большая,
Родимый край, и отчий дом,
И даже предки защищают
Тебя от пуль своим щитом.*

О РУССКИХ ВОИНАХ

*Твердят враги: у них сердца из стали.
В бою их даже пуля не берет.
Они в огонь идут не за медали:
Случись – любой шагнет на пулемет.*

*Не зря по миру столько обелисков.
Под ними спят российские сыны.
Лежат в земле поэты, гармонисты,
Кто не пришел домой с большой войны.*

*Лежат они кто в братской, кто в окопе,
Сердцами заслонив свою страну.
Забыли злопыхатели в Европе,
Кто им однажды подарил весну.*

ПОВЕСТКА

*Мы помним отцов молодых,
Их спины в ржавеющих ранах.
Ровесников знаем седых –
Героев Чечни и Афгана.*

*Повестки на фронт и на бой
Вручала судьба на пороге.
Войну и дорогу домой
Осилить досталось немногим.*

*Знакомый листочек держу.
Волнует сыновья повестка.
«Не бойся, отец, послужи,
Пока подрастает невеста».*

ОЗОРНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

*Захотелось вдруг запеть,
Тишину вспугнуть губами,
Незнакомку разглядеть
На стогу, под облаками.*

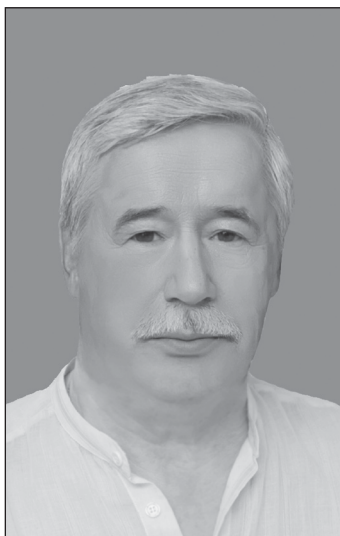
*Сердце просится в полет,
Трудно выстоять в сторонке.
Я, похоже, с той девчонкой
Облака кладу в зарод.*

*Сочиняю на ходу...
Плещет весело юбчонка.
«Принимай! – кричит девчонка. –
Не поймаешь – упаду!»*

Павел КРЕНЁВ

Рассказы

ЗВЕЗДОЧКА МОЯ ЯСНАЯ

Как хороши, как свежи были розы...
И. Мятлев

Яркие события, надолго или навсегда проникнувшие в нашу жизнь, как правило, состоялись где-то в начале юности, когда маленькие сердца только-только начинают впитывать и воспринимать неведомые ранее ощущения: сладко-печальные, трепетные чувства к какой-то давно знакомой девочке, вдруг ставшей таинственной, а то и любимой; неожиданно открывшиеся новые краски облаков и неба, терпкие запахи весны или осени, радость встреч с хорошими людьми, горечь прощания с близкими, нагрянувшее вдруг восторженное осознание распаханности и бесконечности мира...

Это всё – самые первые признаки взросления, перехода из одного возраста в другой.

Со мной было так же.

Например, я никогда толком не разглядывал полевые цветы. Просто шел по ним на лугах, ненароком мял, топтал, как это делали все наши деревенские ребята. В мальчишеском возрасте я все время торопился куда-то – на рыбалку, на охоту, на сенокос... Сердце мое барабанило brave марши, под них я ритмично вышлепывал

навстречу озерной глади, неся в руках удочки, торопясь к окуням и плотве. А ромашки, одуванчики и васильки жили в это время независимой от меня жизнью, и вся их неземная краса, все их желтые, синие и белые полевые разливы простирались передо мной, мягко окутывали меня, но я их не замечал. Все это было просто яркими цветовыми пятнами на фоне луговой зелени. Не более того.

29

Так ведь и в жизни. Мы зачастую проходим мимо славных и добрых событий и людей, не замечая их ценности, и переоцениваем личные качества людей недостойных. Мы большие путаники в этой жизни.

Наверное, это прежде всего касается мужского пола. Все потому, что мужчины и есть самые большие обалдуи в таких делах. Сердца их более черствые, чем у пола противоположного. Часто не замечают они, например, красоты женской, не выказывают внимания к ней, заинтересованности. Не видят, не могут различить даже то, что женское создание с детства сохнет по ним. Проходит мимо тебя такая с загадочным видом, глаза у нее в разные стороны, туманные... Ну, проходит и проходит... И девушка так и уплывает от тебя, может быть, судьба твоя уплывает. Вы теряете друг друга. Я только в зрелые годы обнаружил: несколько девчонок, которых знал в

КРЕНЁВ (ПОЗДЕЕВ) Павел Григорьевич родился 28 октября 1950 года в деревне Лопшеньга Приморского района Архангельской области. Окончил Ленинградское суворовское военное училище, Школу военных корреспондентов, факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Автор 18 книг и множества журнальных публикаций. Лауреат всероссийских премий им. Н. С. Лескова и Александра Невского. Заместитель председателя правления Союза писателей России. Живет в Москве.

детстве, стремились ко мне. Но я прошел мимо них по неведению моему глупому. Я был слишком юн и неопытен тогда.

А бывают случаи просто казусные. Судьба подсказывает тебе: привязанность твоя сердечная была неуместной, и надо просто отвернуться и забыть! Вот, к примеру, в школе нравилась мне одна девочка, Люда Павлинова. Были у нее совершенно черные волосы с синим отливом, и этот небесный цвет, разлитый внутри цвета черного, волновал меня, западал мне в душу. Она же проходила мимо, не замечая меня. А может, делала вид, что не замечала.

Однажды в сентябре весь класс копал картошку. Привычное это было дело для всех – копание картошки для народного хозяйства. Задание простое – идти за тракторной картофелекопалкой и собирать клубни. Кто наберет три ящика – тот свободен. Поэтому все поторапливались.

А ящики по размеру были разные, и наметанный глаз лентяистого школьника (меня!) в куче привезенной тары мгновенно выделил один совсем небольшой. Маленький ящик – залог быстрого выполнения задания! Я схватил этот ящичек, потянул к себе. И почувствовал с другой стороны жесткое сопротивление. Кто бы это? Оказалось, уцепилась за деревянную планку – она! Та самая, симпатичная, черноволосая с синим отливом – Люда. Мне надо было отпустить руку, отдать ящик тайной моей симпатии, но не смог я этого сделать: желание поскорее уйти домой победило.

И я сказал ей уверенно и жестко:

– Людка, отдай ящик!

А она, вместо того чтобы повиноваться воле сильного пола, просто провела по моему лицу сверху вниз кончиками пальцев правой руки. Просто провела, и все, даже без особого нажима... Тут, правда, надо уточнить: пальцы у Людки были оснащены острейшими ногтями, которые правильнее назвать коготками. На моей изумленной физиономии образовались ровненькие и глубококонькие полосы красно-коричневого цвета... И я, ошеломленный, опустил руки. Зазноба же моя, победив меня, с гордым видом унесла красивый трофей в виде маленького ящика для картошки. И она, а не я ушла с работы раньше всех.

Я же, с расцарапанной физиономией вернувшись домой, уплелся на повесть. И там, сидя на заветном чурбачке, впервые задумался о ко-

варстве женщин и о том, как это плохо – носить в сердце безответное чувство.

Но сердечные страдания недолго меня терзали, потому как были они, скорее всего, легковесными. Наверное, Провидение отвело меня от каких-то более серьезных последствий в будущем: в конфликтных столкновениях Люда Павлинова могла бы вообще оставить меня без глаз, с ее-то ноготками и безбашенностью...

Тогда же, в детстве, судьба подарила мне чувство очень сильное, бесконечно трогательное и в то же время печальное, суровое. Но, как всем известно, редко когда первое чувство это обходится без таких испытаний.

Вот она, моя повесть...

Это было необычное для меня утро. Я шел в недавно построенную школу, что теперь возвысилась на краю нашей деревни. Справа лежало и степенно колыхалось мелкой волной бесконечное, радовавшее глаз море. Солнце уже изрядно приподнялось над ним, раскидало по всей шире розово-желтые лучи, и, отраженные от легких, ершистых волн, расшершавленных шустрым бризом начинающегося дня, они разбрызгались по всему сине-белому морскому и всему цветному пространству моей деревни. Бегали по проснувшимся домам, по бережному песку, по одежде и лицам людей, по мне, шагающему с кислотавой физиономией в новое здание школы, в новый класс.

Радоваться, в общем-то, было нечему. Я всегда любил и не любил школу. С одной стороны, она нравилась, потому как учеба давалась мне легко. А с другой...

Я терпеть ее не мог. Школа отнимала у меня рыбалку. Налеты на реки и озера с удочками наперевес. А там подъязки и лещи один другого крупнее, там форель и кумжа... А еще школа отнимала у меня лесные затемненные закоулки, полные шустрого зверья, дичи, приключений и всяких тайн, лесные избы, где в темных углах прячутся всевозможные таинственные звуки, где по ночам по потолку ползают какие-то пугающие кривляки-тени и где всегда так интересно!

Я шел и с грустью осознавал, что все это у меня отнимается на целый учебный год. Опять тетрадки, учителя, дурацкие, неразрешимые контрольные по алгебре, унылость домашних заданий – весь тот ужас, который именуется учебным процессом.

Я шел в свой первый старший – пятый класс и не знал, чем он меня встретит.

...Перед крыльцом стояла какая-то девчонка. Явно чужая, не наша, не деревенская. Высокая, повыше меня ростом, довольно-таки угловатая и голенастая. Коричневое платье, сверху белый чистенький фартук. Она кого-то ждала.

Не подойдя еще на близкое расстояние, я заметил: была она в той поре, когда школьные девчонки, сверстницы, на глазах начинают преобразоваться... Только что носились по коридорам, задирались, дрыгали косичками, за которые так и хотелось подергать (что я и делал регулярно, получая в ответ звонкие шлепки по различным частям тела). И вдруг в своих, незамысловатых девчонках образуется некая статья, какая-то загадка... И отстраненность. Они почему-то начинают свысока глядеть на сверстников, уединяться по углам, о чем-то азартно шептаться, тараща сияющие глазки и зыряка ими по сторонам. Меняются их осанки, фигуры, пропадает угловатость: что-то в них округляется, что-то увеличивается... Вот уже и реснички вдруг становятся выразительнее, длиннее, что ли, а глаза превращаются в маленькие глубокие колодцы, в которых совсем не разглядеть дна... Происходит вечный, довольно скорый процесс взросления девчонок и превращения их в прелестных созданий.

А в пацанах, моих одноклассниках, ничего такого не происходит, они еще долго остаются такими же шалопаями, какими и были. Это я знаю по себе.

Девочку как раз такой поры я и встретил на крыльце нашей школы.

Я толком не разглядел ее, прошел мимо. И уже из дверей вернулся. Две вещи заставили меня это сделать. Во-первых, невежливо проходить мимо человека, явно нездешнего и, судя по всему, не знающего, куда идти, что делать. Во-вторых, проходя мимо, я все же заметил: незнакомка была необычайно симпатичной. И авантюрный дух, присущий мне с малолетства, не мог не заявить о себе.

Я вернулся. И обомлел: на меня уставились громадные глазищи, цвет которых совпадал с раскинувшимся позади морским простором – ярко-синим и необъятным. У ее глаз был точно такой же – ярко-синий цвет! Светло-пепельные волосы, зачесанные назад, плотно облегающие маленькую прелестную головку, плюс бледное, слегка продолговатое лицо с легким румянцем,

тонкая фигурка – все это создавало восторженно-очаровательный образ девочки моей мечты! Именно с такой хотелось бы мне прогуливаться вдоль нашего моря, взявшись за руки, разговаривать на какие-нибудь приятные темы и вместе с ней мечтать, мечтать...

«У нас в деревне таких девчонок сроду не бывало!» – подумалось мне.

– Здравствуй, – сказал я не очень смело.

– Привет, – неохотно произнесла она, и ее глаза стали еще огромнее.

В них образовалось что-то вроде легкого, совсем легкого интереса ко мне. Почти равнодушного. Словно какое-то существо вдруг прибежало к ней из деревни, встало перед ней и вот стоит разговаривает.

Какое-то время я как дурак молчал, не зная, какой бы вопрос задать поумнее. Но умных вопросов в голове не было.

– Кого-то ждешь?

А она отвечала с четко различимой подковыркой:

– Да, жду. А тебе какое дело?

Мне надо было бы взять да и уйти: не люблю я всяких подковырищиц. Но что-то меня тормознуло. Необычная она, красивая...

– Я вижу, ты не деревенская. Заблудилась, может...

– Жду я девочку одну, подругу.

Ну, ждет и ждет, а я тут ни к селу ни к городу. И я убежал в свой первый старший класс.

Вот такой была встреча с Катей Кряжевой, моей первой любовью.

А вечером, за ужином, старшая сестра Лида вдруг повела разговор о какой-то девчонке из их класса:

– Она из Ленинграда приехала... Умница такая разумница. Мама у нее в больнице с туберкулезом, из нашей деревни родом, отец-радист на контейнеровозе в заграничку ходил, умер неожиданно два года назад... Пришлось девочке к нам в деревню ехать, к бабуле своей, Феклисте Селиверстовне. Сейчас у Катки ни отца, ни матери...

Пошли тяготящие школьные дни, недели, месяцы, четверти... Уроки, тройки, четверки, но и пятерки тоже: я сносно учился. Хотя жил тогда вольготно, безвекторно, так сказать, серьезных стимулов для отличной учебы не имелось никаких. Жизненная установка, конечно, была, но она тускло просвечивала где-то в туманной да-

ли: по совету первой учительницы вознамерился я поступать в Суворовское училище, а это лишь после восьмого класса. До его окончания еще бежать и бежать – дистанция в четыре года! Я стопроцентно знал: за такой срок смогу выстроить любые оценки. И самым наглым образом лентяйничал на уроках, получая нарекания от учителей и выслушивая грозные родительские наставления.

Тем более у меня имелось множество других увлекательных занятий: ловля куроптей в силах, походы с отцом на дальние озера, где в глубинных коряжниках почивал жирнющий налим, а ближе к весне – косачи, глухари, рябы...

А в школе... В школе появилась забота-заблудка – и сладко-радостная, и счастливая, и томительная до невозможности.

В школе я был влюблен! Конечно же, в нее – в Катю Кряжеву.

Увлечение это началось с рассказа сестры, из которого получалось: Катя – безотцовщина, родитель ее умер в морских походах. Кому не жалко сиротинку? Я по ночам просыпался и подолгу ворочался, с ужасом представлял себе: вдруг лишился бы отца или матери, что бы я делал? Это же тоска смертная, я вряд ли бы ее пережил. Куда без родителей? Все равно что потеряться в лесу и обитать в нем без самой близкой поддержки. А кругом зверье да лешие, а они еще хуже всякого зверья... В лесу без родителей нельзя, кто-нибудь да сожрет.

Среди людей тоже без родителей трудно, сироту и обидеть могут. Надо бы ее защитить как-то.

И я придумал быть к ней поближе. В классах мы с ней разных, но вот на переменах старался держать Катю в пределах видимости. Поглядывал, как бы не обидел кто ненароком. Деревенская ребятня – хулиганье страшное. Хотя и побаивался я, конечно: вдруг с громилой каким-нибудь придется сцепиться – накостыляет он мне самому, защитнику. У нас такие крепкие ребята водились.

Но однажды подглядел я такую картинку. Ее, может и нечаянно, сильно толкнул Колька Веснин, отчего Катя отлетела к стенке. Веснин не извинился. А она держала портфель в правой руке... И Колька превратился вдруг в боксерскую грушу, в мешок с опилками, ее же рука стала чем-то вроде лопасти ветряной мельницы, закружилась в воздухе колесом, а портфель ритмично и сильно стал падать то на голову Кольки,

то на другие болезненные места. Катя так наступила его портфелем, что Веснин сам стал стучаться об эту стенку и заорал что-то громкое и невнятное, из чего можно было понять только то, что он сдается и просит прощения, причем медленно.

И я подумал тогда: зачем этой боевой ленинградке моя помощь, если она сама полкласса отметелит, если потребуется. И я перестал ее охранять.

Но вы только представьте такую вот метаморфозу: мое чувство жалости к Кате переросло... в любовь к ней.

Я ведь ни разу не испытывал ее, эту самую любовь, она появлялась только в кино и в книжках, но там говорилось все о ком-то другом. А тут она приперлась ко мне и поселилась во мне самом.

С чего все это началось, я не помню точно из-за давности лет. Скорее всего, с запаха, вдруг проникшего в меня однажды в школьном коридоре и ставшего для меня сильным потрясением. Дело было так. Перед уроком истории я держал перед собой учебник и пытался вникнуть в ход исторических процессов, в результате которых произошла великая пролетарская революция. Так частенько бывало, когда дома предмет не готовил и ничего не читал, а тут надо держать ответ. Скоро-наскоро, наспех схватываешь обрывки каких-то событий, с трудом отправляешь в память фамилии неких героических людей, их имена... И идешь на урок, на очередное позорище, ничего не успев запомнить, потому что наспех история не запоминается.

Так вот, я стоял перед классной дверью и лихорадочно листал учебник истории. Передо мной вдруг кто-то остановился, я поднял глаза и увидел ее, Катюшу Кряжеву. Она стояла и хлопала синими глазами. Я чуть сознание не потерял от неожиданности...

– Павлик, а где Лида, сестренка твоя? Ее почему-то нет на уроках, а она мне нужна.

И она сама, и слова ее плыли в каком-то тумане. Увидеть Катю так близко... Разговаривать с ней...

– Дома она, заболела... – пролепетал я.

– А-а, ну ладно, увидимся завтра.

И Катя ушла. Казалось бы, никчемный разговор. Но он меня потряс и на всю жизнь остался в памяти. Почему? Потому что я впервые в жизни вдохнул в себя удивительно чарующий запах женщины. Она, конечно, не была еще никакой женщиной, шестиклассница Катя Кряжева, но

запах от нее исходил абсолютно женский! Никогда раньше я не мог себе представить, насколько он восхитителен и волнующ, этот запах! Очаровательная смесь ромашек, мать-и-мачехи, еще каких-то полевых цветов и аромат чистого женского тела...

Наверное, этот сладкий женский дурман впервые пробудил во мне, мальчишке, что-то мужское – он меня потряс! Отчетливо помню, как у меня в тот момент вспыхнуло нестерпимое желание уткнуться лицом в этот аромат, раствориться в нем.

Уже будучи взрослым, я понял, что так может пахнуть только любимая женщина.

А тогда я не сразу осознал свою влюбленность. Но почему-то вдруг на переменах начал, держа в руках открытый учебник, намеренно слоняться по коридору около ее класса и в тех местах, где она прогуливалась с подружками. При этом делал вид, что старательно читаю свой учебник. На самом деле я ждал ее.

Обычно она долго не появлялась. Какая-то глупая причина держала ее в классе. А может, мне просто так казалось, ведь я изнывал оттого, что она не выходит. И вдруг! Словно вспышка света, словно взрыв воздуха! Распахивалась дверь класса, и на свет божий выскакивала она! Обязательно с какой-нибудь подружкой или с моей сестрой Лидой. Они мчались куда-то... Я за ними никогда никуда не мчался – это было бы уж совсем... Не мужик, а хвостик какой-то...

Но умчаться куда-нибудь вместе с Катей страшно хотелось. Именно страшно: я боялся ее, по-дурацки страшился подойти к ней и заговорить. Я не знал, о чем можно говорить с девочкой, сильно тебе понравившейся. Делал несусветные глупости: выскакивал вдруг, будто нечаянно, из-за угла навстречу ей и проходил мимо с каменной физиономией. Для меня было неопишмым счастьем просто прошмыгнуть мимо нее, поглядеть как бы ненароком, хоть глазком увидеть ее вблизи.

Я любил ее! По-глупому, по-мальчишески, но честно.

Я похудел, стал гораздо хуже учиться. Учителя не понимали, что со мной происходит. Родители тоже.

Я уходил из дома к морю, устраивался на бревнышке около самой воды и под плеск набегавших волн пел грустные песни, посвященные моей любви. Особенно трогала меня песня про то, как молодой боец упал возле ног боевого ко-

ня и закрыл свои карие очи... Иногда я плакал под свои песни, и слезы мои были горестными от жалости к погибшему бойцу и светлыми от светлой моей любви.

А сестра Лида, прекрасно все давно распознавшая, все давно визнавшая, выговаривала мне:

– Чего ты, Пашка, как дурачок какой-то, ходишь вокруг да около! Подойди к Катке да и признайся, мол, дружить с ней хочешь. Она с тобой охотно подружится, я ведь знаю.

Хорошо бы, но это было совершенно невозможно: я страшно трусил. Одно только нахождение поблизости с ней вызывало бешеное сердцебиение, а тут – подойти, заговорить... Все это не соответствовало слабым моим душевным силкам!

Я извелся весь.

Как-то раз увидел на ее лице слезы. Катя вдруг ушмыгнула из коридора, неожиданно так, быстро, и я потерял ее. Пошнырял по коридорам, заглянул в какие-то двери. Потом догадался выйти на крыльцо.

Она стояла, прислонившись к перилам, в уголке крыльца. Отвернувшись от возможных глаз. Холодил ноябрь, сквозил с северо-востока борей и продувал мой пиджачок. А она в платице стоит, и плечи ее трясутся. Утирает глаза ладонью...

Как же мне тогда захотелось подойти к ней и обнять за трясущиеся плечи!

Мне надо было бы сделать это, надо! Но я опять трусил. Подошел, встал сбоку и глядел, как она плачет. Как вздрагивает ее носик. Наверное, у нее куда-то запропастился носовой платок, и она промокала глаза кончиком фартука. Как же я жалел ее, мне тоже хотелось разреваться! Я не мог спокойно и отчужденно смотреть, как сильно печалится такой родной для меня человек.

– Тебе помочь? – только и спросил я.

Наверное, искренне спросил.

Она глянула на меня мокрыми и красными от слез глазами, и тут я увидел! Я разглядел совершенно отчетливо: ей тоже хочется прильнуть ко мне... Может быть, от холода или от желания разделить с кем-то навалившуюся на нее печаль? Или мне это просто показалось?

Ничего Катя мне не ответила, лишь как-то горестно, с надрывом попросила:

– Принеси мне портфель, Павлик. Я пойду. Нельзя мне в класс сейчас.

Конечно, просьбу эту я мигом исполнил. Ворвался в ее класс, не обращая внимания на то, что хозяйничаю на чужой территории – в классе у старшеклассников, запихал в Катин портфель лежащий на столе учебник, какую-то тетрадку, ручку. В раздевалке захватил пальтишко ее, холодное, совсем не для такой поры, платок цветастый и шарфик из тонкой шерсти...

Сидел я на уроке потом и все размышлял, все думал: отчего плакала она, кто посмел ее обидеть? Пусть он в сто раз сильнее меня, этот придурок, я бы не побоялся и надавал бы обидчику по роже, все равно бы надавал...

И еще голову дурманил взгляд ее беспомощный и чего-то просящий. Может быть, защиты? Поддержки?

Я бы все отдал, чтобы обеспечить ее тем и другим.

В душевных терзаниях проходила та суматошная зима. Я кое-как учился, сердечные страдания выбили меня из обыкновенного ритма. Во все школьные годы обычная, размеренная учеба всегда приносила удовлетворение, а теперь все поменялось, ничего у меня не ладилось, все шло шиворот-навыворот, голова моя заботилась только об одном – увидеть вновь Катю Кряжеву! По ночам я плохо спал, и потом целыми днями, сидел ли я за партой, брел ли по школьному коридору, в голове царил полумрак и ворочалась одна только мысль – только о ней!

Катя стала моим наваждением.

Я сочинял о ней стихи и, когда шел в школу, а также брел из школы, громко их декламировал. Мои односельчане, деревенские жители, наверняка считали: «Паренек этот кокнулся умишком» – и были недалеко от истины. Стихи мои были немного печальны, глубоко искренни и проникновенны.

*Катюша, драгоценный мой цветок,
Теперь тебя я точно не забуду!
Ты счастья подарила мне глоток,
Любить тебя я вечно теперь буду!*

Сейчас, глядя на эти строки, я не решился бы обозначить их какими-то приличными словами. Тогда же они казались мне поэзией, довольно точно отражающей мои светлые чувства.

По воскресеньям, когда в школе не было занятий, я тем не менее стремился быть к Кате поближе, чтобы хотя бы просто знать, что она где-

то рядом. Дом, где она жила с бабушкой Феклистой, стоял окнами на море, точно так же, как и мой дом, и я взял в привычку ходить на лыжах по берегу вдоль замерзшего моря с одной стороны и деревенских домов – с другой. И вглядывался в ее окна, чтобы хоть краешком глаза, хоть на мгновение разглядеть ее в каком-нибудь из них. Я останавливался напротив Катиного дома, снимал лыжи, втыкал задки в снег и ковырялся в креплениях, старательно делая вид, что сломались они, порвались, нарушились, в общем... Но Катя ни разу не появилась ни в одном окошке, и я бесцельно всматривался в пустые оконные глазницы. Всякий раз сильно переживал неудачу. Отворачивался к морю и долго бестолково рассматривал бесконечную ледяную пустыню, и щеки мои холодило слезной сыростью...

Лишь потом понял я причину постоянного отсутствия Кати в окошках: они с бабушкой не жили зимой в холодной «морской половине». В их доме, как и у всех деревенских бабушек-вдовушек, потерявших кормильцев своих, мужичков-старичков, на загогулистых жизненных тропках, живших поэтому без мужского хозяйского пригляда, водилось маловато дров, и они берегли их, не спешили тратить на необязательное тепло в необитаемых «передах». Им хватало просторной и всегда теплой кухни.

Но холода, как и все сущее на этой земле, не вечны, когда-нибудь они так же кончатся, как осень, как лето, как цветы. Пришло и в нашу деревню тепло, разогрело шиферные крыши, стало проникать в жилища, согревать бока и спины людей. И Катя начала выводить старенькую бабушку Феклисту «на улку», на нагретое первыми лучами крылечко. Посиживали они, две «деушки», как любящие друг дружку подружки – старая да малая, переговаривались вполголоса, ворковали тихо о чем-то своем, девичьем...

Я поглядывал на эти их посиделки в отцовский бинокль. Лежал на макушке высокого штабеля из строевых бревен, что громоздился посерединке песчаного морского берега напротив моего дома, разглядывал двух этих кумушек и страшно завидовал бабушке Феклисте: она болтает сейчас с моей любимой девочкой о чем ни попадя, а вот я не могу этого делать.

Надо сказать, весной я отвлекся маленько от моей неотвязной страсти. Мы с отцом, когда по лесам и болотам расшумелся, разгомонился гвалт прилетевших птиц, стали убредать на глухаринные и тетеревиные тока, проводили ночи в

лесных дебрях. Папа мой обожал завораживающую охоту на лесную дичь и передал эту страсть мне.

Взять хотя бы косачинный ток, шумно звенящий на мхах да болотах. Мы с отцом приходили к нему далеко затемно и начинали строить «караулку» – охотничью шалашку. Рубили поодаль молодые сосенки, волокли их к месту будущей нашей засидки и, одну за другой втыкая густо обросшие хвоей стволы в подтаявший мох, связывая верхушки сосенок капроновой бечевой, выстраивали вполне сносное разлапистое сооружение. Потом, еще в глухую темень, задолго до начала рассвета, мы усаживались в шалашке спиной друг к другу и слушали таинственное окончание ночи и разглядывали чарующий восход. Где-то далеко по краю огромного болота, вдоль черных в эту ночную пору сосновых борков, вышагивал лось. Все широкое темное пространство, вся находящаяся в тот момент на болоте живность слышали его грузные шаги. Сохатый гулко гремел ломающимся под его копытами свежим тонким ледком – «утренником», покрывшим в конце ночи всю болотную поверхность, хрустел сухими сучьями... Протяжно кричала какая-то ночная птица. И звал в темноте подругу вечный недосыпа – куропись.

– Как-ка-ка-как! – кричал он на всю болотную ширь.

И еще кричал, и еще. Пока не разбудил-таки милую подружку – куропатку.

Она ответила кавалеру страстно и призывно:

– Ня-а, ня-а!

Вот послышался шум крыльев птиц, летящих друг к другу... И все ненадолго стихло. До прилета взбалмошных, шумных тетеревов.

В святые эти минуты трепетного ожидания я закрывал глаза и видел в сумрачном мареве идущую по мху Катю. Она проходила мимо восторженных, ошалевших от любви куропаток и плыла куда-то по мягкому мху далеко, к темному горизонту...

Потом вдруг одновременно с разных сторон – шлепки крыльев, громкие, резкие. Слово по чьей-то команде, посланной неведомым руководителем, к месту токовища слетаются косачи. Они с налета плюхаются на мох. Один, другой, третий... Вот уже в разных концах от шалашки, еле видные в утренних сумерках, по темному пространству болота медленно движутся белые пятна тетеревиных хвостов. Отовсюду, словно музыка бегущей воды, бесконечно волнительная

для меня, звучит громкая симфония тетеревиного тока! Как бы я мог бросить такие вот волнующие моменты? Не смог бы никогда! Весной я почти не спал, мне некогда было спать. Сидел на уроках ничего не соображая. Худющий и сонный.

В эти волнительные минуты я, прижавшись к теплому отцовскому боку, отчетливо представлял себе: рядом с нами сидит белокурая девочка с миловидным лицом, рассматривает дерущихся петухов, волнуется и слабо улыбается мне: ей нравится этот птичий концерт! Я очень бы хотел, чтобы Катя Кряжева сидела сейчас рядом с нами и вместе с нами восторгалась красками и звуками пробуждающейся природы.

Потом сама собой закончилась последняя четверть. Пришло лето.

Однажды сестра Лида отозвала меня в сторонку и сообщила с таинственной улыбкой:

– Катя уезжает домой в Ленинград, хочет с тобой поговорить.

Вот это да! Сердце мое заколотилось. Не было еще такого!

– Вместе со мной, конечно, – добавила сестра.

Потом Лида договорилась с Катей, чтобы мы устроили ей проводы.

Это мероприятие состоялось на следующий день на Желтой Гриве – горе, нависающей над морским берегом, в дальнем конце деревни. Отсюда распахивался бескрайний простор с силуэтом подводной лодки на горизонте. Лодка отрабатывала ходовые испытания, и ходила, и ходила на траверзе нашей деревни. А мы втроем сидели у костра, кипятили чай и пили обжигающие напитки на брусничных и черничных листьях.

Девочки обсуждали какие-то новости, судили-рядили о чем-то своем, мало мне понятном. А я сидел рядом и не знал, что сказать, о чем мне можно говорить, а о чем – не стоит.

Я никогда не находился так близко с Катей, так долго не разглядывал ее, не боясь столкнуться взглядом, сконфузиться. В этот раз все было гораздо проще и свободнее, и все же я почему-то побаивался ее. Открытой беседы с ней никогда раньше не случалось, ведь я разговаривал с Катей лишь в моих тайных грезах. А тут к ней можно хоть как-то случайно, будто бы ненароком, прикоснуться, может быть даже погладить руку...

Да куда там погладить! Я даже поглядывал на нее искоса, с опаской, я боялся: она заметит, как у меня дрожат глаза... Я слишком ее любил.

– Павлик, ты сказал бы чего-нибудь, а то все время молчишь...

Я вздрогнул, встрепенулся и уставился на Катю. Но тут же глаза опустил и ничего не сказал. В тот момент я забыл все слова.

Она говорила в тот вечер, а потом и в наступившей белой ночи, окутавшей нас прозрачной светлой вуалью, что очень любит маму, только что наконец выписавшуюся из туберкулезного диспансера, расположенного где-то около Выборга. Сейчас она дома и ждет дочку в Ленинграде.

Еще она бесконечно обожает бабушку Феклисту, у которой жила всю зиму.

– Как же я брошу ее? Она ведь одна останется! Старая, больная...

Катя говорила о них, родных для нее людях, и плакала. О матери – плакала от радости: излечилась она и вернулась домой. А о бабушке – от печали по ней.

Вот так мы поговорили.

Когда настала полночь – светлая, белая по-морская полночь – пришло время прощаться. И Катя опять загрустила: ей не хотелось расставаться с нами. Вытерла платочком краешки глаз и вдруг подошла ко мне.

Она присела рядышком, обняла меня за плечи и прижала к себе, поцеловала в щеку. И сказала:

– Спасибо тебе, Паша, за все, за все, за все!

Я так тогда и не понял, за что она меня благодарила. Но поцелуй тот, случайный, быстрый, странный, остался в памяти яркой, ослепительной вспышкой, осветившей радужным светом мою юность.

Она и теперь в памяти, та вспышка. Хотя не столь яркая, как в те давние годы.

Когда Катя уехала, я все стремился написать ей письмо. Только ничего у меня не выходило. Несколько раз брался, но слова не получались такие, какие нужно, и не склеивались между собой. Они словно прятались от меня, разбегались в разные стороны, расползались по щелям, по всем домашним дыркам, и я ничего не мог с ними поделать. Сердце мое настолько любило ее, так стремилось к ней, что слова, известные мне, не могли выразить моих чувств, все казались никудышными, пустыми, глупыми. Нужные слова не приходили ко мне, деревенскому мальчишке, потому что мне хотелось бы

выразить что-нибудь возвышенное, соотносимое с моей высокой любовью. Но таких слов я еще не знал тогда.

В общем, так я ничего и не написал.

Только лунными вечерами я снова и снова выходил на морской берег и прямо туда, в морской простор, в голомень, выпевал, выкрикивал слова стихов и песен, обращенных к ней...

И каждый раз светила мне повисшая над восточным горизонтом крупная и яркая звезда, названия которой я не знаю. Она будто прислушивалась ко мне, эта ясная звездочка, и, как мне казалось, меняла свой цвет в зависимости от уровня моего исполнения, от моего настроения и от искренности пения, обращенного к ней.

И представлялось мне, да нет, я твердо знал: звездочка, к которой я обращался со своими песнями, – это и есть Катя, моя любимая девочка, уехавшая от меня в Ленинград. Это она передо мной висит в небе, слушает меня и светит мне.

Потом я поступил в Суворовское военное училище. Конечно же, в Ленинградское, а в какое же еще?

Весь первый курс, то есть девятый класс, я почему-то ждал ее. Мне казалось: вот сейчас, вот-вот сейчас раздастся звонок дежурному по моей первой роте и его попросят пригласить на контрольно-пропускной пункт суворовца такого-то. Чтобы тот в срочном порядке мчался туда, так как его посетила юная особа необыкновенной красоты... Мне не надо будет долго объяснять, кто она такая, как ее зовут. Я сразу пойму: это пришла ко мне она! Я сильно хотел, чтобы эта девочка, живущая в красивом городе, привыкшая к красоте, увидела меня в новом качестве – в красивой форме суворовца, в алых погонах, в лампасах! Чтобы она, зная меня раньше лишь как деревенского парнишку, теперь изменила бы ко мне отношение и поглядела бы на меня другими глазами. Как на вполне уважаемого в обществе молодого человека.

Но Катя долго не приходила, и душа моя изнывала от ожидания. Я просто-напросто не понимал и отчего-то не в силах был сообразить: она обо мне совсем ничего не знает. Даже и знать не ведает, что я живу с ней в одном городе.

И я жду ее!

И вы только представьте, однажды она пришла ко мне сама! Вызвала меня через дежурного по училищу. Сказали мне: на КПГ ждет сестра, и я опешил. Не договаривались мы с сестрой

Лидой о встрече посреди учебной недели. Сестренка моя к тому времени училась на втором курсе пединститута имени Герцена, и мы с ней договорились встречаться по воскресеньям. Она заходила за мной в десять утра, и мы с ней двигали к земляку-родственнику Филиппу Павловичу Федотову, жившему около Нарвских ворот, или в парк 30-летия комсомола кататься на лодках, или, ежели стояла плохая погода, к ней в студенческое общежитие на Новоизмайловский проспект.

Надо себе представить, что я испытал, когда увидел на КПП Катю. Она улыбалась и шла мне навстречу.

Я чуть не потерял сознание. Впервые в жизни четко прочувствовал я, что такое «ватные ноги». Они действительно превратились во что-то мягкое и неустойчивое. Меня започкачивало. Я стоял как истукан и не знал, что сказать, что теперь делать. Катя, как тогда, на холме, сама подошла и чмокнула меня в щеку. От нее пахло весенними духами. Я ни тогда, ни сейчас не представляю, что такое «весенние» или же «летние» духи, но от нее исходил запах именно весенних духов. Может быть, сама Катя пахла весной?

– Здравствуй, Павлик! – сказала она весело и засмеялась искренне и звонко.

Я любил ее, я не переставал ее любить. Опять все вспыхнуло во мне, закружило голову... Она снова влетела в мой мальчишеский мир, будто цветная бабочка из пестрого городского мира, и принесла на губах воздушный поцелуй от этого, пока не вполне понятого мною, но уже любимого пространства. Теперь понимаю: я полюбил этот город за то, что в нем жила она.

Она глядела на меня восторженно распахнутыми синими глазами.

– Как я рада видеть тебя! – громко радовалась она и шмыгала простуженным носом.

А я почему-то мямлил. Когда она находилась рядом, я всегда мямлил, не знал, что и как сказать. Я был полный дурачок с ней. Странно, я так ждал ее, но в тот момент нашей встречи хотел, чтобы она быстрее ушла: рядом с ней я задыхался от неловкости и растерянности.

– Проходила мимо вашего училища и заскочила вот ненароком. Прости, что наспех все...

– Приходи ко мне в воскресенье, Катя, буду тебя ждать, – наконец разразился я такой вот длинной фразой.

Сказал я это искренно, и она мою искренность почувствовала, часто-часто закивала головой:

– Обязательно приду, Павлик, обязательно.

Потом она облегченно вздохнула, будто сбросила с плеч нелегкий груз, и тихо произнесла:

– Ну, все теперь... Все.

Улыбнулась какой-то чересчур строгой улыбкой и потрепала мою не отросшую пока прическу:

– Учись, солдатик, учись хорошо. Буду следить за тобой. Скоро к тебе приду.

И она ушла.

И не пришла больше ни разу в том учебном году. Хотя я ее очень ждал. Очень.

Вот и закончился первый курс Ленинградского суворовского военного училища. Я закончил год с одной тройкой по алгебре. Проклятая алгебра никак мне не поддавалась. Я потратил уйму времени на нее, ночами над ней сидел, а тройка эта словно прилипла ко мне. До последнего курса ничего не мог с ней поделать.

Наступило долгожданное лето, и кадеты поменяли зимнюю форму на летнюю. С конца весны мы носили льняные серо-белые гимнастерки. Алые погоны с надписью «Лн. СВУ» посерединке, черные штаны с красными лампасами всех нас делали красавчиками. Наверное, даже меня, деревенского увальня. К концу учебного года стал я замечать: на улицах девчонки начали стрелять по мне очаровательными глазками. В самом деле, сочетание белого, черного и красного цветов, наверное, весьма привлекало девичье внимание.

В таком вот виде я уехал из города Ленинграда в родную мою деревню Лопшеньгу. Счастливый ветер свободы от казарменного быта дул во все мои паруса! Я ехал домой!

Из Архангельска, куда я, согласно воинскому требованию, добрался бесплатно в плацкартном вагоне, в родную деревню можно попасть на самолете Ан-2, именуемом в просторечии кукурузником, или на пассажирском теплоходе «Мудьюг». Лететь на самолете оказалось невозможно: надо было доплачивать какую-то серьезную разницу между тарифами, а я, юный суворовец, был, так сказать, некредитоспособен, потому как ехал без копейки денег. Родители послать перевод не успели (я ничего им не сообщил о финансовых проблемах), а в городе у тети просить показалось мне неудобным. Оставалось только

одно – ехать по воинским документам на теплоходе, в самом дешевом третьем классе.

Теплоход долго – сорок километров – идет от Архангельска до моря по Северной Двине. Этот отрезок с самого глубокого детства, пока теплоходы возили меня и всю нашу семью из деревни в город и обратно, я любил за плавное движение большого судна по красивейшим местам медленной реки. Всякий раз долго стоял я, опершись о борт, и смотрел, смотрел на берег. Мне нравилось разглядывать чужую жизнь, до той поры совсем неизведанную мной. Я глазел на цветные деревни, дома, огороды, лодки, сгрудившиеся вдоль берегов, на неизвестных мне людей. Интересно было узнавать, как люди живут в этих местах, какую одежду носят, что у них растет в огородах. Вон хозяйка идет с лопатой, там коровы пасутся, там мальчик бежит с рогаткой, а в той стороне по холмам бродят трактора и что-то боронят...

Всегда любопытно познать другую жизнь и определить: есть ли разница между этой другой жизнью и моей?

Гораздо позже, вдоволь помотавшись по белу свету, нагнав себя на разные места, я понял важную для себя истину: народ-батюшка на Руси-матушке живет везде одинаково – ни шатко ни валко, ни хорошо, ни плохо, а так: живет-поживает да добра наживает. По усам у него течет, а в рот все не попадает и не попадает.

Все же разница во впечатлениях, конечно, имела место, и немаленькая. Здесь, на реке, не хватало моря! Его простора и величия, штормов и штилей, морских видов и красот. Того, с чем я родился и вырос.

Это я хорошо тогда понимал, и мне было немного жалко этих людей, обитающих на речном берегу. Природа серьезно обделила их, лишив радости жить рядом с большим водным пространством.

Сев на теплоход в этот раз, я спустился в каюту и, как всегда, разочаровался в ней. Там, внизу, было довольно темно и сыровато, пахло чем-то удушающе-спертым и тяжелым – типичным запахом кают выдавших виды судов, всегда переполненных людьми. Мне не хотелось проводить здесь ночь на койке, расположенной в самом углу каюты, и слышать, как на стоянках в поморских деревнях гремит и лязгает о металлический корпус тяжелая якорная цепь. И не дает спать.

И я убежал из неуютной каюты в свежий день, на солнышко, на палубу.

То, что я увидал, вызвало оторопь, столбняк, шок! Передо мной стояла Катя! Но была она не одна, а с каким-то высоким и симпатичным молодым парнем. Тот выглядел заливчатым, был модно, щегольски одет: замшевая светло-коричневая куртка, белые штаны и замшевые туфли с отвисающей над каблуками бахромой. Пара выглядела потрясающе: красавица Катя и этот словно явившийся с журнальной обложки молодой человек! Среди сероватой, откровенно деревенской публики они смотрелись очень эффектно.

Удрать обратно в каюту я не успел. Катя меня тоже увидела. Она открыла рот и, пока я к ним подходил, так его и не закрыла.

– Павлик! – прошептала она.

В этот раз я оказался посмелее. Не знаю почему. Может, оттого, что я был в погонах, ведь люди в погонах должны отличаться от других решительностью. А может, просто от безысходности?

– Здравствуй, Катя, – сказал я твердо и сам протянул руку красивому парню.

А уже знал тогда: так следует знакомиться и нельзя первым протягивать руку даме.

– Павел, – проговорил я бодро, стараясь добавить в свою интонацию басовые нотки.

Мне казалось, мужчины с крепким голосом выглядят солиднее.

А парень широко, как-то по-доброму, простецки улыбнулся мне и тоже протянул ладонь.

– Саша, – представился он. – Можно просто Сашка.

Мне это понравилось.

В ту белую беломорскую ночь под плеск разбиваемых теплоходом «Мудьюг» волн мы крепко напились в зыбких морских просторах с хорошим парнем Сашкой. Какого-то дурного вермута, который с тех самых пор откровенно ненавижу. Его где-то достал Саша, две бутылки.

Я первый раз напился до отключки. От безысходной своей любви, на глазах улетающей от меня, улывающей...

Саша тоже напился, но не в такой степени, как это получилось у меня. Он ведь был старше и крепче. Они с Катей донесли меня до моей койки.

Зачем я напился тогда, я не знаю. Наверное, мне очень не хотелось, чтобы от меня уходила

моя любовь. А она уходила. На моих глазах. Со всем уже безвозвратно.

И я ничего не мог с этим поделать.

Мы уже полмесяца жили в одной деревне. И за все это время я ни разу не видел ни Катю, ни Сашу. Гостили они у бабушки Феклисты и почему-то нигде не объявлялись. Будто спрятались у себя в избушке, словно в норке сидели и на белый свет носа не показывали.

И вот тебе пожалуйста! Ко мне домой заявился студент Александр:

– Павел, по морю прокатиться хочется на лодочке. За веслами посидеть.

Пока я готовил к морскому походу отцовскую дорку, Саша ходил за Катей.

И пошли мы на моторе навстречу несильному ветру и полуденному солнцу прямо в морской простор. Нос карбаса шлепал по волнам, дробил их, и брызги веером разлетались в разные стороны. В россыпях миллиардов капель умывалось солнышко, украшало их широкой разноцветной радугой. Другая такая же радуга бежала по другую сторону карбаса. Мы плыли в переливах света, и это выглядело, наверное, красиво.

Саша и Катя, сидящие на передней банке, отвернулись от меня и глядели на бегущий навстречу морской простор. А я притулился рядом с мотором и, держа в руках шест-рулёвку, вел дорку в море, в самую его даль. Мне сильно хотелось уплыть куда-нибудь подальше, в морскую голомень.

На моих глазах студент обнял Катю за плечи, и она прижалась к нему доверчиво и, как мне показалось, очень нежно, положила голову ему на плечо. Они стали одним целым. Потом они стали целоваться.

Наверное, тогда у меня должно было бы остановиться сердце. До этого я всего лишь полагал: ну, дружат люди, отдыхают вместе, чего тут такого? Приехали и отдыхают.

А тут до меня дошло: они живут как муж и жена...

Довелось мне тогда пережить тяжелейшие минуты в жизни, ведь я до сих пор все так же любил Катю.

И подумал я: что же мне делать теперь со своей глупой любовью? Что мне теперь делать?

Они целовались, а я все правил карбас в море. И он летел, унося нас вдаль. Летел он уже

бесцельно, в его движении вперед отсутствовал какой-либо смысл.

Это было крушением всего, чем я жил в последние годы. Еще какое-то время я, сгорбленный и придавленный, сидел на корме, держа в руках руль. Скорее всего, на какие-то мгновения сознание покинуло меня. Я не мог смотреть, как они целуются... А их совсем не интересовали мои эмоции, до меня им не было никакого дела. Для парочки существовала только их любовь! Мир это знает: любовь всегда эгоистична...

Пусть и медленно, но сознание вернулось ко мне. Я налег на руль и стал разворачивать лодку.

Катя и студент восторженно, подняли головы, и Александр крикнул мне:

– Что-то случилось?

– Бензин кончается! – прокричал я в ответ.

Они опять от меня отвернулись, студент обнял ее, и они снова занялись привычным делом.

В совершенном тумане я подвел лодку к берегу и высадил их. Они что-то говорили мне, я ничего не слышал...

Я не различал предметов, карбасом управлял на автомате. Море, дома, берег – все плыло в виде размытых, бесконтурных форм. Брошенная на берегу лодка, выползающие из уключин весла... Песок под ногами, похожий не на песок, а на разбросанную по земле вату... Сквозь шум в ушах оглашенный лай собаки, детский дискант...

И плач, долгий, протяжный плач чайки в невысоком небе, смахивающий на горькие стенания обиженной каким-то злым человеком и поэтому рыдающей девочки.

И мама у крыльца с обеспокоенными глазами, трогаящая мой горячий лоб, вопрошающая:

– Пашенька, сыночек, что с тобой, мальчик мой?

И прибранная мамой кровать, подушка. Я уткнулся в нее лицом...

Помню, в ту ночь я совсем не спал. И никак не мог подняться следующим утром. Меня сковала боль во всем теле.

Потом боль моя прошла.

Первая близость с женщиной случается у каждого по-разному. Но все мужчины помнят ее до самой смерти. У меня это состоялось до примитивности просто, даже буднично как-то. Не было гуляний с любимой девушкой под луной, соловьев, запахов скошенной травы...

Получилось все так. На осенних каникулах в десятом классе Суворовского училища я поехал, как всегда, домой в Лопшеньгу и по дороге маленько застрял в Архангельске у тети моей любимой, Павлы Андреевны. Жила она поживала в знаменитом городском районе – Соломбале.

Вот сидим мы с ней, мирные беседы ведем, чаевничаем, она меня обо всем расспрашивает, потом я ее... И тут в гости к нам заглянула соседка. Не припомню точно, как ее звали, помоему, Валентина Николаевна, лет ей было около тридцати – тридцати пяти. Села с нами чай пить. Деловито так, по-свойски, на правах доброй соседки. Вызнала обо мне все. О себе рассказала: работает в детской комнате милиции, устает сильно. Я ей сочувствовал.

И как-то она чересчур уж внимательно на меня поглядывала, на мои погоны, на форму. И, уходя, сказала тетушке моей:

– Постоялец твой пусть-ко ко мне заглянет, на минутку-другую. Есть чего ему сказать.

Обыденно так сказала, буднично.

Мне не особо-то и хотелось идти к взрослой тетеньке по непонятному поводу: могла бы и при всех обсудить... Но тетушка Павла почему-то меня все-таки спровадила к ней:

– Иди, Паша, коли зовет. Валя – женщина справная, дурного не посоветует. Опять же, может, по международному вопросу, она такая, интересуется. И соседка она мне, негоже отказывать.

И я пошел.

Она открыла и сразу затворила за мной дверь на защелку. Я сделал несколько шагов в комнату и стоял, не понимая, что делать дальше. Валентина разбирала постель. В изголовье положила две подушки.

– Чего стоишь, Павлик? В ногах правды нет, раздевайся, ложись.

Вот это да! Вот как это бывает... Мне старшие ребята рассказывали, как у них это случилось в первый раз. Без подробностей, конечно, рассказывали, у мужчин не принято обсуждать, что да как все состоялось. Это неприлично, так как тут затрагиваются вопросы дамской чести. Я ведь будущий офицер, а офицеры свято берегут и свою честь, и женскую – это кадетам внушают с первых дней учебы в Суворовском училище.

Как-то это все так необычно было, так неожиданно и довольно жутковато... А она, лежа в постели, командовала:

– Брюки повесь сюда, гимнастерку туда, ботинки оставь у входа, одень тапки и умойся!

Я все это сделал. Когда вытирал тело, поглядел на себя в зеркало и услышал, как где-то рядом слышится барабанная дробь. Потом понял: это постукивают мои зубы.

В постели меня встретили ее объятия и длинный, обжигающий поцелуй. Мягкие, жадные губы...

Когда все случилось, она мне сказала:

– Ну, ты просто герой! Где ты этому научился?

Я сгорал от стыда и помалкивал: я ведь понимал, что проявил себя как дите малое, в постели с этой женщиной ничего не умел, она мне помогала... Просто она поддерживала меня морально, чтобы я совсем не скис. И еще, наверное, она была добрым человеком.

Так должна себя вести всякая тактичная и умная женщина.

Начался последний, третий курс в моем Суворовском училище. Стоял теплый сентябрь. Я недавно вернулся из летнего отпуска, и в первые две недели крутились, как в кино, перекачивались передо мной картины промелькнувших на родине радостных денечков.

Сенокос для маминой коровы, походы на дальние озера, ночи у костра в лесах и на морском берегу, виды военных кораблей на горизонте, жизнь в прибрежных избах, танцы и гулянки с девчонками, белые северные ночи и морская даль в сиреневой лазури...

О Кате Кряжевой я теперь редко вспоминал. «Ну, было и прошло» – так говорил я себе.

Когда шел мимо дома, где она жила с бабушкой Феклистой, старался не глядеть в его сторону, не вглядываться в окна, обращенные к морю. Я боялся вновь увидеть в них тонкий силуэт девочки, так любимой мною совсем недавно. И сердце мое то начинало бешено биться в эти мгновения, словно зайчонок в клетке, то возбужденно и радостно звенело во все звонкие колокольцы.

Наверное, тогда еще не до конца умерла моя любовь.

Она умерла чуть позже.

В конце сентября Катя навестила меня. Пришла она в утренний час, когда я собирался в Летний сад на тренировку. Дело в том, что с недавних пор я активно занялся спортом – бегом на средние дистанции. Даже стал чемпионом

училища, членом сборной по легкой атлетике, перворазрядником. А в тот день хотел после тренировки сходить еще в увольнение, пройтись по любимому городу.

Я любил пробежки и разминки в Летнем саду. Там широкие аллеи с нетвердым грунтом и запахом вековых лип, от них хорошо мне дышалось. Наш контрольно-пропускной пункт выполнял команду руководства: не чинить препятствий ведущим спортсменам по выпуску на тренировки в город, поэтому я имел право на свободный выход из училища.

А тут дежурный по роте сообщил: меня кто-то ждет на КПП. Мне как раз туда и нужно было, и я в спортивной одежде появился там уже через пару минут.

Вот тебе раз: стоит она! Катя.

— Как я рада тебя видеть, Павлик!

Неожиданно и волнительно как-то это все!

— И я тоже рад видеть тебя, — ответил я искренне.

Помню, стоял теплый и солнечный воскресный день. На Кате летняя одежда: платье в синюю крупную клетку и легкая синяя куртка с капюшоном на случай дождя.

Я и в самом деле обрадовался встрече. Наверное, того сильного ощущения счастья от ее визита, как бывало раньше, я уже не чувствовал, но радость, искренняя и праздничная, посетила меня в тот момент.

— Ты на тренировку, да? Лида говорила мне: ты увлекся спортом.

— Ага, — ответил я, — на тренировку.

— Хорошо получилось, я тебя застала.

Мы сидели на шатких, потрепанных стульчиках комнаты посетителей военного училища. Их каждый день расшатывают десятки пришедших сюда людей... Мне показалось, Катя отчего-то грустила. В глазах проглядывала печаль, на них лежала взявшаяся откуда-то поволока — то ли усталости, то ли разочарования. Она повзрослела за минувший год, немного осунулась, еще более постройнела, на лбу проявились две еле заметные, совсем не портящие ее морщинки. Сидела, слегка ссутулившись, подогнув под стулом ноги.

Катя была невозможно красива...

— Ты знаешь, — произнесла она негромко и как-то слишком уж серьезно, — а Сашу забрали в армию.

— Когда же это?

— Еще весной, в мае месяце.

— А как же учеба? Он ведь студент.

— Взял академический отпуск. Так получилось...

Она повернула ко мне лицо, и я опять увидел ее огромные глаза, в них плескалось синее Белое море. Положила мне на колено руку. Это прикосновение оказалось таким неожиданным. Отозвалось иголками во всем теле.

— А ты изменился, Паша. В лучшую сторону, надо сказать... Взрослым стал совсем, красавчик...

Глянула на меня и улыбнулась доброй и почему-то немного таинственной улыбкой.

Мне такое многие говорили в последнее время, особенно студентки Лидино педвуза, жившие с ней в общежитии. Но я к этим словам относился равнодушно, полагая, что это всё девичьи подковырки.

— Я вот думаю, Павлик, не махнуть ли нам с тобой куда-нибудь за город? Вспомним, как вместе учились в школе. Отрешимся от города, подышим...

И она посмотрела на меня прямо в глаза, испытующе и просяще.

Я немного растерялся: рушились все мои воскресные планы. Но ситуация изменилась серьезно, надо поддержать Катю. Она, небось, скучает без своего Александра. Конечно, скучает...

— Хорошо, Катя, я сейчас.

Увольнительная была у меня уже на руках. Мне ее выдали, как и всем, уходящим в город, еще в десять утра. Пока переодевался, достал из тумбочки яблоко — заначку со вчерашнего ланча, второго завтрака — и сгрыз его на ходу. Сполоснул лицо, повертелся маленько перед зеркалом. «Суворовец должен быть в городе образцом и молодцом!» — так учили нас отцы-командиры. Причесался. Ну, вроде все.

И появился перед Катей.

Вот ведь женская порода! Оценила взглядом, будто товар какой в галантерейном магазине, прошла по мне пальчиками: тут убрала волосинку, здесь поправила фуражку, придиричливо оглядела ботинки.

— Красавец! — подытожила она и прищелкнула язычком.

На Садовой улице взяла меня под локоток и поинтересовалась:

— Куда же мы пойдем, Павлик?

Мне трудно было на чем-то остановить выбор. В кафе сходить предложить я не мог: суворовцам в те времена совсем не выдавали денег,

а родительские давно истрочены. На лодке кататься ей, наверное, неинтересно. Тем более мне вспомнилась наша прогулка по Белому морю на карбасе с ней и Сашей...

– Ты ведь ленинградка, Катя, тебе и выбирать.

– Нет, я хочу, чтобы ты решил, ты ведь мужчина. Куда-нибудь, где народу поменьше.

И тут мне пришла в голову полусумасбродная идея – отвезти ее в Павловск.

– Хорошо, хорошо, но почему именно туда?

Я объяснил, что там живет мой тренер по легкой атлетике, чемпион города по барьерному бегу, мастер спорта. Наша команда ездит к нему, там мы тренируемся в красивом парке.

– Я согласна. – Катя кивнула светленькой головкой и улыбнулась.

И от Витебского вокзала мы махнули в славный пригородный Павловск, родовое гнездо русских царей.

Сначала мы гуляли по дорожкам и аллеям парка, любовались старыми дворцами, не вполне еще отреставрированными после войны, стояли у прудов, смотрели, как в них плавают утки.

Катя отчего-то нервничала. Голос ее, как всегда прелестный, дрожал. Она перепрыгивала с темы на тему.

– Пойдем-ка вон туда... – наконец приказала она властным тоном и повела меня туда, где деревья росли гуще, где лежала широкая тень и совсем не было людей.

Мы подошли к местечку, где под высоченной разлапистой липой обильно рос можжевельниковый кустарник вперемежку с россыпями низкорослых ив и терновника. Здесь жила тишина и укромность. Человеческие голоса звучали где-то далеко, слышно было лишь трескотню сорок да треньканье каких-то птах, радующихся вполне летнему теплу.

– Присядем-ка мы вот здесь, – предложила Катя и расстелила курточку у самого комля могучей липы.

Та легла ярким синим пятном посреди зеленых тонов окружающего пространства.

Катя уселась на ее краешек и положила ладони на слегка согнутые коленки. Спокойно и как бы отрешенно смотрела в одну сторону, разглядывая что-то в глубине парковых ветвей. А я стоял рядом и не знал, что делать. Все это выглядело странным для меня, волнующим и непонятным.

– Ну, что же ты стоишь, Павлик, садись уже, – пригласила меня Катя.

Я, конечно, сел рядом. Что в этом такого? Но Катя придвинулась ко мне близко, совсем близко. Я почувствовал прикосновение ее груди. Упругий бугорок этот ожег меня, заставил учащенно колотиться сердце, пропалил тело насквозь. Жар ударил в голову.

А Катя вдруг легла на спину и повлекла меня за собой...

Я лежал грудью на ее груди, и сердце мое выпрыгивало из моего тела. Невольно вспомнилась та ситуация с Валентиной Николаевной в Соломбале. Но там было все совсем по-другому: какая-то случайная женщина, все просто, почти естественно.

А тут девочка, которую я раньше бесконечно любил, несколько лет терзавшая мою слабую еще душу. Моя неготовность к новым отношениям была очевидна...

Прежнее чувство вдруг вспыхнуло во мне ослепительным, испепеляющим огнем. И он снова, на одно только мгновение, ожег грудь.

И сразу же погас он, этот огонь. И я поднялся.

– Куда ты, Павлик? Зачем? Я ведь так к тебе стремилась... Мечтала...

– Не могу я, Катя. Прости.

Она быстро поднялась, помолчала с опустошенным взором.

– Я понимаю, Павлик, все понимаю... Но я не хочу, чтобы ты на меня обижался. Я ведь знаю, за что.

И мы ушли из того уютного местечка.

Такой была последняя вспышка тлеющих в сердце угольков ушедшей моей любви. Быть в той же простой, обыкновенной близости, в которую ежедневно вступают миллионы мужчин и женщин, я не захотел. Вернее сказать, просто не смог.

Слишком светлой оказалась моя первая любовь. И память о ней, добрую и такую же светлую, как и она сама, я собрался нести в душе всю жизнь ничем не запятнанную. Такую и несу до сих пор.

И теплый свет ее, похожий на свет давней, детской ясной звездочки над морским горизонтом, все мерцает и мерцает во мне. И не гаснет.

ХУДОЖНИК

1.

С грибами сейгод благодать. Всю осень было их как насыпано. В местах посуше – «красники»-подосиновики повсюду. Или «дорогие» – белые по-городскому. Далеко ходить не надо: выскочила хозяйка из деревни на Чевакинские угоры с коробом-«нагрузкой», быстренько наломала «сколько мога» – и обратно. Благодать форменная. А в местах, которые пониже да посуше, – там, как и всегда, «мохорьки»-моховички, подберезовики, волнушки всякие...

Вся деревня в эту осень хаживала в леса как в свои амбары, насобила-набачковала, насушила грибов на всю зиму.

Выдался год!

А сейчас вот октябрь. Начались уже утренники с тонкими ледышками на лужицах. Частенько ранними утрами идет-бредет по лесу промозгая, хрупкая, сверкающая стылость. Рассыпает тонкое серебро на хвою и ветви деревьев.

Нестор Кириллович Квасников, старый колхозник, вышел из леса на опушку, утыканную редким молодым осинником, не до конца сбросившим ярко-красные свои листья. Вышел и залюбовался: молодые деревца были похожи сейчас на девочек-подростков в цветастых прозрачных платьицах, выбежавших на полянку и пустившихся в веселый хоровод.

– Эх вы, красотки каки, – проговорил он с восхищением. – Надо же!

Держал он в руках небольшую корзинку, наполовину заполненную грибами. Больше собрать сегодня не смог: что поделаешь – осень. Когда утренники пошли – какие могут быть грибы? Все, кончился сезон! Ан нет, тянет в лес и тянет. Последние денечки ухватить, на «последыши» попасть, остатние, стало быть, грибочки.

Весь фокус в том и заключается: для всей деревни с первыми заморозками нет больше никаких грибов, а для него, старого грибника, лесбатьюшка всегда подарочек приготовит. Вот и сейчас хоть полкорзинки, но несет домой. Последних в этом сезоне белых грибочков. Будет опять им с бабушкой Степанидой вкусная жаренка. Знает Нестор Кириллович в лесу потаенные местечки. Прячутся они меж густых елок, которые теплыми шубами заслоняют грибы от первых заморозков.

В корзине его грибы уложены аккуратно: шляпки отдельно от ножек. Всегда у него так – чтобы экономить в корзине место. Да и красивее такая укладка выглядит, Квасников очень заботился, чтобы было красивее.

После ходьбы по лесу старые ноги устали, и он присел на бугорок, маленько отдышался. И тут увидел еще одно диво дивное: перед ним летала бабочка.

– Откуда это? Морозы бьют уж, а она летат! Погляньте, люди, на чудо тако!

В самом деле. Все бабочки, комары-мухи спят давно в трещинках лесин да под их корой, а эта разлеталась!

Белая бабочка резвилась, словно в летнем раздолье. Будто листик ослепительно-белой бумаги кружился среди осеннего буйства красок, она взмывала вверх, падала вниз под кроны, снова взлетала. Летала и не садилась, потом умчалась куда-то...

Квасников, изумленный, очарованный такой невидалью, постоял минуту с зажмуренными глазами. Кто-то послал ему эту радость – последний привет от ушедшего лета.

Брел он домой еле-еле. С великим трудом переваливал ноги: сегодня натрудил он их изрядно. Да еще эта осенняя размытость. Почва словно вспученная грязь. Ноги вязнут, проседают в ней и заплетаются.

Стар он стал выхаживать по лесам-полям. А в лес все равно нестерпимо тянет: в нем вся красота земли в любой сезон. А уж сейчас!

Перед зимой, перед холодами лес стоит спокойно и твердо, стоит как воин перед решающим боем – торжественно и величаво. Он знает, что умрет на несколько месяцев, но это нисколько не страшит воина, не рушит его духа. Он все равно выйдет победителем в вечной битве с превратностями зимы. Лес умрет красиво, и желто-красные неопавшие листья берез и осин, яркие, не до конца растрепленные птицами кисти ягод на рябинах будут до самой весны украшать увядший лес.

На эти перемены пейзажей, на бесконечное, из года в год повторяющееся чередование красок природы Нестор Кириллович мог бы глядеть вечно. Его до слез, до внутреннего ликования умиляло то, как по-разному выглядят в разные времена года одни и те же места. Встанет он после зимы перед Текусиной горкой, что возвышается над низким березняком между двух Частых озер, и глядит, не может оторваться. Только

что, в зиму, смотрелась она будто чья-то лысая головушка с негустой боковиной голых березок да чахлых кустиков. А по весне будто раскидала по ней природа-матушка веселые брызги ранней зелени, и стоит гора – словно юная девушка красуется перед милым пареньком в своих девичьих прелестях.

– Эко ты, надо же, краса ты моя! – скажет дед Нестор и всякий раз прослезится.

...Потихоньку, со старческим кряхтением, с постаныванием выбрался он из прилесков, вышел на Ржишный угор. Там остановился над земляным выворотком, покрытым жухлой травой, грузно на него присел. Сидел какое-то время неподвижно, опираясь на старинную, выгнутую временем, отшлифованную его руками палочку.

Ушла потихоньку одышка, успокоилось маленько уставшее от долгой ходьбы сердце, и старик оглядел с высоты угора привычные, с детства до последней нутряной клеточки знакомые места.

Вокруг праздновала свое царство середина осени – с прохладным ветерком, с летящими с морской стороны рваными серыми облаками, с низко расположенным в небе блеклым солнцем, кувыркающимся с юго-западной стороны в редких просветах.

Прямо под ним длинной и широкой серо-белой тускловатой полосой распростерлись шиферные крыши деревенских домов. Дальше, уходя к еле видимой, размытой сыростью черте горизонта, лежало огромное морское пространство, по которому бегали бесформенные тени облаков и вспыхивали маленькие пенистые верхушки рассыпающихся от ветра волн.

На эту старую картину Нестор Кириллович тоже мог бы смотреть часами. Он любовался ею с детства, она притягивала, завораживала его безграничной своей силушкой, вольной волюшкой, невозможностью противостоять ей никому и никогда. С самых первых минут осознания самого себя понимал он: вот она, красота! Она вот такая – дикая, никому не подчиняющаяся, совершенная... Всегда разная, нарисованная разными красками, но всегда будоражащая душу, величественная.

Размышлять о красоте ему нравилось, потому что был старый Нестор с самой ранней своей поры художником – уж таким родился он. И всегда, всю жизнь волновали его сердце разные проявления красоты.

Идти домой не очень-то хотелось, но надо было идти. Ждали дома какие-никакие дела-заботы, да и зябко здесь, на угоре: залатанный брезентовый плащишко и нетолстый свитерок насквозь продувал морской ветер, набравший над деревней силу.

Осень...

И, с трудом передвигая натруженные за день старые ноги, Нестор Кириллович зашпуровался в деревню.

2.

До крылечка добрел еле-еле. Грузно плюхнулся на первую ступеньку, откинулся и замер с закрытыми глазами, тяжело и глубоко дыша. Тяжело достался ему сегодняшний поход, как никогда тяжело. Сидел так и тихонько постанывал с полуоткрытым ртом, с обвисшими щеками.

«Вот она, старость, как стукнула», – подумал он обреченно.

Подняться, чтобы зайти в дом, он не мог. Тут и нашла его жена – бабушка Степанида. И зашумела:

– Погляньте вы на его, люди добры! Посиживат! А я, стара старуха, ищи ево! Бежать уж хотела искать, а куды бежать, и не знаю. В какую сторону? Умильнул не сказавшись, окаянной!

Присела рядышком, посидела, как будто успокоилась.

– Ладноть, нашелси, дак и слава те осподи... Путаник извечной...

– Где-где, здесь я, где ишке бывать мне, – негромко, с усилием разделяя слова, произнес ее супруг.

– Ак, с утра-та на давленьё кивал, всяко я уж подумала, можа, сидит дедко-то под кокоринной какой, обездвиженной, лапами шевельнуть не можёт, меня поджидат. На всяко подумашь...

– Дошел я, бабка, дошел, – шевелил губами Нестор, – теперя у тебя опеть...

– Не, кончилось мое терпеньицо, боле не отпущу некуды окаянного. Все ему нать боле всех. Куды с грибкамы-то? Все палагушки уж полны. Снег завалит скоро, а он всё в лес пехачиче...

Она ехидно глянула сверху на полупустую корзинку.

– Лишь бы от бабки от своей в лес умильнуть! Надо было ему, старичку, из-за етого-то места по кочерыгам дрыгать.

Вот так, немилосердно-дружелюбно кастя своего мужа, наконец разглядела Степанида,

что он какой-то не такой сегодня, что совсем он плох. Она маленько потрясла его за плечо и не решительно сказала:

– Дак ты ето, Нестя, чево домой-то не захо-дишь? У меня супу наварено да рыбка свежа...

Но муж ее только покачался слегка тулови-щем взад-вперед и выговорил как-то тихо, тяже-ло, утробно:

– Ты, бабка, спомоги-ко мне стать на кокори-ны мои, не могу сам-то чегой-то я...

Сообразила бабушка Степанида, что старику ее совсем уж худо сегодня, что помощь ему тре-буется основательная. Скорехонько подсела она к нему, прижалась бочком, положила ослабев-шую его правую руку себе на правое плечо и взя-лась командовать:

– Ну, дак и давай-ко, дедушко, подпрыгнем давай вместе-то...

И стала подниматься, удерживая его руку на своем плече. Но дед был словно куль с картош-кой, неподвижный и тяжеленный. Не помогал ей совсем. Только пыхтел да бормотал чего-то, не-понятно чего.

Посидели они, посидели, запыхавшиеся, из-немогшие. Степанида встревожилась и расстро-илась, но виду не подавала.

– Ну-кось, дедушко, давай-ко ишше разок подпрыгни да за меня держись. Скочим чичас да и побежим!

Не вскочил дедушко и не побежал и во вто-рой, и в третий раз. Степанида задумалась: чего делать-то? Обездвижел ее старый муж. Что-то серьезное случилось с ним. Надо искать выход: доволочь надо хоть до кровати, а там, может, от-лежится да и поправится. Не впервой хворобуш-ка надела.

Она вдруг распласталась поперек ступеней, приказала:

– А ну-косе, залезай мне на спину, повезу те-бя до кровати твоей. Хватит уж сидеть-рассежи-вать!

Нестор Кириллович с кряхтением и стонами повернулся на бок, долго и тяжело преодолевал разделяющие их полметра.

– Старенькой ты, старенькой стал, забыл, как на бабу залезать требуичче, – язвила жена.

Наконец упал он поперек спины старой сво-ей супруги. И бабушка Степанида, неся на себе совсем не маленькое тело деда Нестора, по-ползла наверх, на оставшиеся три ступеньки крылечка. И когда преодолела она их непомер-

ную высоту, некоторое время лежала пластом, не в силах пошевелиться. Отдышивалась.

Потом она долго, с остановками на передых, ползла к кровати. Дед ее вяло перебирал по по-лу руками, пошевеливал ногами – помогал как мог. И сказать честно, помощи от этих его шеве-лений не было никакой. Силы совсем оставили его.

Добравшись до кровати, она выползла из-под супруга, оставив его лежать ничком на полу, разобрала постель, застелила чистые простыни. Присела на табуреточку, что стояла в углу, затих-ла. Ей нужно было время, чтобы хоть маленько успокоить зашедшее в стукотке сердце, понять для себя самой: что же делать дальше?

Спросила мужа:

– Можешь, нет – сам-то лечь?

Нестор Кириллович еле-еле качнул отрица-тельно головой: сам залезть на кровать он бы не смог.

А Степанида как-то бойко встрепенулась, со-скочила с табуреточки, махнула старческой руч-кой и, как о пустяшном деле, сказала:

– Ну, дак раздышалась я кабуди, слава те осподи! Дак мы чичас всё и сделаем, всяко уж бы-ват, положим тебя, Нестерушко. Поло-ожим!

Кое-как, с невероятным трудом, напрягая все силы, она сначала усадила старика на полу, раз-вернула сидячего лицом к кровати и поочередно, одну за другой выставила вперед его руки, по-ложила их на кровать.

Сказала:

– Спомогай-ко мне, Нестя, сколько сила бе-рет.

Подхватила сзади за обе подмышки и стала рывками затаскивать тело на кровать. Сильно она устала, но не сдавалась. Ногами при этом передвигала ноги деда так, чтобы коленями он мог упираться в пол. Получалось. На половине этой неимоверно тяжелой работы она изнемогла совсем и упала на постель лицом вниз. Легла на руки мужа, чтобы тот не сползал вниз. На какое-то время потеряла сознание.

Придя в себя, она встала ногами на пол, крепко обхватила руками тело супруга и не-сколькими сильными рывками забросила его на кровать. Степанида была старой поморкой, а по-морки в трудную минуту борются до конца.

С лежащего на кровати обездвиженного му-жа она стянула одежду, надела свежее белье, рубаху. Распростерла Нестора вдоль кровати, положила под голову перьевую подушку, накры-

ла одеялом... Обрядила. Положила голову ему на грудь и, глядя в лицо, сказала:

– Ты уж, Нестерко, не пужай ты меня. Я без тебя и недельки не проживу, ты ведь знаешь...

Нестор Кириллович глядел на нее широко открытыми глазами. По щекам текли благодарные слезы. Чего-то он шептал, непонятно чего...

3.

Под вечер сил у Нестора Кирилловича как будто прибавилось. Начали руки понемногу шевелиться, ноги тоже потихоньку заотходили.

«Дак и хорошо это, – думалось старику. – Мож, ишше потрушу ножонками по бережку».

Пришла с кухни Степанида, принесла кастрюльку с горячей ухой, стала кормить с ложки.

– Вот и хорошо, и распрекрасно, – выговаривала она. – Заоживал дедушко-то мой, заочухивалсе, слава те осподи.

А тот ничего не мог сказать, потому что проглатывал горячую уху, тяжело и медленно шевелил губами и благодарно косился на свою женушку, старую верную подругу.

Она ушла, и дед Нестор долго лежал на спине, размышляя, что же такое с ним приключилось. Просто продуло осенним холодным «восток» – морским ветром? И от этого задеревенели старые косточки? Вряд ли, такого раньше с ним не случалось, хотя простуда как близкая родственница живет всегда рядом с любым помором. К ней он привык за жизнь свою. И в ледяной воде булькался, и в снегу замерзал. Он слишком хорошо изучил горячее мертвящее дыхание этой прилипчивой ледяной тетке. Нет, не она это, не она... Тогда какая неведомая напасть пришла к нему сегодня? Которая в одну минуту обездвижила, парализовала тело его – как ему казалось, вполне крепкого еще старика.

И вот опять... Необычайно быстро начали вдруг застывать ноги, страсть как холодно стало ногам. Да и руки вон тоже заledenели.

До Нестора Кирилловича дошло: это смертушка идет к нему, ноги студит. Она, окаянная! И рядом уж где-то...

Новость эта, нежданная, внезапная, роковая, будто холоденка из морозной кадки окатила все тело, обожгла все внутренности. И сердце стало стучать неровно, гулко, с перебоями.

– Эко ты, беда кака! Чего оно тако со мной?

Он полежал с этой мыслью в голове, ошарашенный, оробевший. Лежал с вытаращенными глазами, уставившись в потолок.

– Как же это? – размышлял Квасников лихорадочно. – Бревна у меня с заплестка не выкатаны, в штабель не прибраны. Дрова не наколоты на зиму, в костры не складены. Бабка-та, как она одна-та? Сила у ей не заберет, у бабушки... От ты, беда-та, беда-та. Дела не переделаны...

Мысли у встревоженного старика метались, словно сухие листья в лесной круговерти на шквальном ветру.

4.

Он с детства был художником и всегда стремился к красоте. Пятилетним ребенком находил где-нибудь уголек и рисовал на стенах домов птичек, пароходики, солнышко...

Деревенские обитатели удивлялись его явному таланту и просили:

– Ну-ко, Нестерушко, и на нашем доме карбасок нарисуй.

И он рисовал.

Мальишку интересовало небо и облака. Иногда шел он по деревенской улице с задраным кверху подбородком, внимательно что-то выглядывал там, наверху. Потом вдруг ложился на обочинку, на травку и глядел в небо, высматривал что-то только ему видное.

– Дак чего там видишь-то, парнишко? – интересовались люди и тоже поднимали к небу лицо, но только не видели там ничего примечательного.

– Да вон же слоник идет к озеру, разве не видно?

Но местное население не могло разглядеть в небе слоника, как ни старалось.

Больше всего маленький Нестор любил вставать рано поутру, выбегать на морской берег и глядеть, как на горизонте посреди розово-голубого неба и розово-голубой воды вылезает на белый свет совершенно красное солнышко, как от новых красок меняют свой цвет облака. Как от солнышка прямо к нему бежит и бежит солнечная дорожка, рассыпанная на миллиарды ослепительно-ярких искорок...

Вечером, когда ложился спать, всегда просил свою маму:

– Разбуди-ко мя солнышко поглануть.

И она всегда будила его ко времени.

К двенадцати годам начал он украшать деревенские дома. Понял: сереющие и чернеющие

со временем срубы придают деревне унылый вид. Дома должны быть цветными и радовать глаз.

Начал со своего дома. Крупным планом нарисовал на листе бумаги его фасад, таким, каким он ему представлялся: узорные наличники на окнах и на входной двери, фигурный конек. По бокам крыльца нарисовал перила с точеными, замысловатыми балясинами. Понес показывать отцу. Тот на берегу палил костер, кипятил смолу, чтобы замазать стыки в обшивке карбаса, начавшего протекать. Увидел рисунок собственного дома с резными, фигурными наличниками, в кружевных орнаментах, ажурных узорах, в кокошниках – и чуть с бревна не упал.

– Нестерко, штё ето тако?

– Дом ето наш, чего ишшо!

– Дак ети-то причуды поштё тутогде?

– Дак красивше ведь так, папа. Красивше ведь!

Отец вдруг задумался, потом сунул ему в руки замызанную длинную деревянную ложку, которой мешал в котле смолу, и сказал:

– Помешай-ко малось, а я тут погляну.

И уставился на рисунок.

Нестор разбулькивал в котле смолу и думал: ну все, бросит сейчас бумагу в огонь. Но отец вдруг заулыбался:

– А штё, сынок, занятно ты тутогде начеркал.

Потом уселся рядом с Нестором, раздымил чигарку и с довольным лицом задумчиво произнес:

– Многодельно оно, дело-то, а чего бы и не попробовать?

Он покашлял от крепкой табачины и высказал окончательный приговор:

– Занятно оно, дело-то, порато занятно.

Отец осторожно вчетверо свернул листок и сунул в нагрудный карман. А когда потом промазывал карбасок, шумно вдыхал любимый терпко-сладкий смоляной дух, как-то лукаво поглядывал на сына.

– Ну вот и надо же, – приговаривал он. – Надо же! Че из тебя вылезат-то!

Потом, через пару дней, он выпросил в колхозе несколько досок, разложил их на повети и позвал Нестора.

– Нарисуй-ко, Нестерко, кривляшки ети, как их, наличники. Надо бы попробовать, приглянись оне мне, едри их...

Долго он возился с ними, с «кривляшками»: наличниками узорными, коньком ажурным, с разными фигуристыми деревяшками. Выпиливал, бурчал чего-то на повети... Сделал всё, украсил свой дом. И вот потянулась вся деревня к ним – посмотреть на новые красоты-чудеса. И глядели, и разглядывали, шмыгали носами, цокали языками. Нахваливали.

А отец закатывал глаза и говаривал:

– А чего ето я? Не я ето, а Нестерко мой удумал.

Надо ему было гордость за сына своего, за Нестора выказать. За художника!

А народу чего? Народу только дай затравку... Стали течь односельчане к парнишке: «Нарисуй и мне... И мне тоже... А мне – чтобы полотенчи́ко резно с крендельками с конька весилось...»

Женочки требовали узорных кокошников над окошками, «да штёбы столбы росписны на воротах стояли». В общем, прибавилось у парня работы. И не зря: через год деревню было уже не узнать. Из города специалисты всякие наезжать стали. Ходили они по деревне, разглядывали дома, срисовывали деревянный ажур, нахваливали Нестора... Приглашали его в город на какие-то совещания, только не хотелось ему никуда ездить, да и отец с матерью не отпускали из дома. Говорили: «Потеряиссе ишшо в городи-то. Али цыганы уташат куда...»

Приходили люди из окрестных деревень. Также перенимали опыт, перерисовывали творения мальчика Нести. Невольно он создал новую моду, которая прошла перед войной по целому краю. Широко разнеслась слава о мальчишке-художнике по поморским деревням.

Сельский совет да и деревенский народ говорили ему: надо бы тебе учиться, парень. Большой толк может из тебя выйти. А Нестор ни в какую. Как и все, работал он в колхозе, рисовал плакаты, всякие там объявления, когда клуб попросит. Между делом оформил и сам клуб. Наглядная агитация, узнаваемые фигуры колхозников красовались теперь и внутри клуба, и снаружи. На центральных местах колхозного правления, в сельсовете и в школе висели портреты классиков марксизма-ленинизма, товарищей Ленина и Сталина. Народ предпочитал их официальным, присланным из города. Несторовых вождей народ воспринимал лучше.

Летами, между сенокосами и уборкой урожая, сидел он на сему́жых и сельдяных тонях,

рыбачил вместе со всеми и тоже рисовал. И весело было народу разглядывать рыбацкие избушки, в которых жил молодой рыбак Квасников. Наружные стены были изрисованы портретами председателя колхоза, сельсовета, местных мужиков и женочек. Идет мимо избушки карбасок под парусом, а на него глядит со стены Коротких Матвей Степанович, глава колхозного хозяйства, и строго щурит глаз. Как бы спрашивает: «А вот ты, рыбак, выполнил ли ты план рыбозаготовки?»

После этого рыбодобыча шла веселее.

5.

Потом была война.

Нестор служил в минометной батарее пехотного полка. Протопал со своей частью от псковских болот до Германии. Был сержантом, вторым и первым минометным номером. Всем известна непростая доля полкового минометчика. Он все время на переднем крае, все время в боях, в атаках, на линии огня.

В его батарее поубивало всех, с кем начинал службу, с кем дружил. А у него только два ранения. Один раз была контузия: тяжелым снарядным осколком по каске шарахнуло. Каску пробило, но до головы осколок не достал. Зато от страшного удара валялся в бессознательном состоянии около миномета полчаса. Его оттащили от прицела метра на четыре, и, пока шел трудный бой, товарищи считали его убитым. А он стал вдруг шевелиться, пришел в себя и опять к прицелу. За тот бой получил «За отвагу» – самую уважаемую солдатскую медаль.

А в другой раз мясорубка была. Брали деревню. В атаках на пулеметы полполка погибло. Погнались в лобовую атаку и минометные расчеты: они стали бесполезны, когда начались рукопашные. Нестор бежал вместе со всеми. Строчили два немецких пулемета, выжившие после наших артобстрелов. Кругом падали солдаты, а он бежал и стрелял.

Перед самой деревней пластались немецкие траншеи. Вот бежит Нестор, а из окопа в него целится толстая немецкая морда. Нестор видит, как немец нажимает спусковой крючок своего карабина, видит, как из ствола выплескивается вспышка огня...

Тогда боли в правом боку он не почувствовал, все бежал и бежал к жирному тому немцу. Видел, как немец вновь поднимает винтовку,

опять в него целится. На бегу сам выстрелил в него, но, наверно, промазал. Это было на бегу...

Нестор нырнул под выстрел. Он бывал уже в атаках и знал, как надо нырять под летящую в тебя пулю. На этот раз она прошла ему шинель по всей длине спины, обожгла кожу.

Нестор добежал и тяжелым прикладом автомата со всей силы, со всей энергией своего бега ударил фашиста под каску, по лицу, по его жирной морде. Даже услышал, как затрещали кости в откинувшейся безжизненно голове.

Он уже много убил немцев на этой войне из миномета. Но те падали от посылаемых им мин вдалеке. И он видел, как они падали. Некоторые корчились потом на снегу, на земле от страшной предсмертной боли. Видно, что страдали они. Но Нестору не жаль их было. Враг есть враг – чего его жалеть?

Но этого он убил как-то слишком явно – ударом приклада в лицо, разможив череп и глядя прямо в глаза... Нестору было не по себе. Убитый стоял перед ним. Впервые за всю войну ему стало жалко врага. Немец был уже в годах. Наверняка у него была семья, жена, дети. Жил в своей Германии, радовался солнышку. Что-то гнетущее засело в душе...

78

После боя всю болел раненый бок, у него плыло сознание от потери крови, уже бегали вокруг санитары, забирали его в медсанбат. А Нестор оторвался ото всех, силком оторвался и пришел к своему немцу.

Сел перед ним, лежащим на бруствере пехотного окопа с вывернутой набок окровавленной головой, и стал с ним, мертвым, разговаривать:

– Зачем ты, дурья твоя башка, пришел-то сюды? Кто тебя просил? Посиживал бы дома со своей френел да не выкуркивал. Не стретил бы меня, я бы и не кокнул тебя. А так вишь чего вышло-то, едрена палка. Очень тебе хотелось сюды придти за смертушкой за своей...

Тут его и нашли санитары, уже обездвиженного, и увезли в медсанбат.

Пока пребывал он в госпитале после операции по извлечению пули и санации кишечника, завесил все стены наглядной медицинской информацией, нарисовал портреты врачей и медсестер, раненых бойцов... Особенно понравились всем написанные его рукой портреты товарища Сталина и товарища Берии, которые и впрямь получились как живые. Висели эти портреты в коридоре при входе в госпиталь, и на-

чальник его капитан медицинской службы товарищ Масленникова с гордостью демонстрировала их высоким гостям и начальству.

При этом всегда уточняла:

– Эти портреты написаны замечательным художником, коренным архангельским помором товарищем Квасниковым, героем Отечественной войны.

Раненого сержанта ни в какую не хотели выписывать, уговаривали, чтобы остался в госпитале до конца войны. Но он вернулся в свою часть.

6.

В хозяйстве Нестор Кириллович состоял простым колхозником. Летом – рыбодобыча, прибрежный лов семги, селедки, нерпы. Ставил с напарниками семужьи тайники, огромные ставные сельдяные невода. Хаживал на рыбацких сейнерах в Баренцево и другие северные моря, лавливал треску, пикшу, салаку, креветку.

Довелось работать в конюшне, где подружился с трудягами-конями. Там он понял, что лошади не хуже человека понимают человеческую речь, что они так же чувствительны к несправедливости, так же любят ласку, что они общительны и добры. И что лошади неизбежно привязаны к людям.

Большой радостью считал сенокосы.

Там его встречал огромный ковер разноцветья – весь в цветных пятнах. Дурманили его нестерпимо ароматные, сочные запахи скошенной травы, настоянные волшебными духами самой Природы.

Он любил сам ставить стога. И получались у него будто вырастающие из земли идеально ровные формы, как бы приталенные снизу и утолщающиеся кверху. В его стогах не торчала ниоткуда ни одна неряшливо уложенная сухая травинка. Они были красивы. Люди специально приходили любоваться.

И ни один его зарод не сгорел от плохой укладки, от попавшей внутрь сырости, не сгнил долгими зимами. В его стога сырость не проникала при любых дождях.

7.

– Занемог ты, говорят, Кириллыч. Че с тобой тако?

Перед ним сидел на табуретке Серега Проскуряков, колхозный председатель, и внимательно

но его разглядывал. Квасников был в самом деле плох, тяжелая бледность покрыла все его лицо. Разговаривал с трудом, даже не разговаривал, а еле слышно вышептывал слова, отрывисто и невнятно. Чтобы его понять, Проскурякову приходилось держать ухо у самого рта Нестора Кирилловича.

– Помираю я, Сергеушко, – шептал Квасников, – капец настал...

– Ну, наверно, рано так говорить, – в дежурном порядке возражал председатель. – Ты ведь как конь у нас. Простыл манехо, дак и чего? С кем не бывает тако дело? Пролежиссе – да и в упряг опять.

Старик пошевелил пальцем правой руки, показал в свою сторону. Как будто приглашал послушать его. Проскуряков наклонился.

– Ты, Серега, почто колхоз разорил? – спросил его Нестор.

Председатель отшатнулся от этих слов. Больше всего он боялся их, именно их – людской осуждающей молвы. С кем-нибудь другим он бы, наверно, поспорил, может быть, и в морду дал бы за такие слова. А тут помирает не кто-нибудь, а культурная, так сказать, легенда всего района.

Покашлял в кулак, распрямился. Надо было чего-то отвечать, хотя и не хотелось. Страсть как не хотелось.

– Тут понимать надо, Кириллыч... Не все тут просто. Рынок теперь, эти, как их, рыночные отношения...

Лицо у Сереги было кислым, как переквашенная капуста. Произносил он вдолбленные сверху, заученные фразы. Кроме них, ему нечего было сказать.

– Саморегулирование теперь. То, что себя изжило, что не нужно, должно отмереть само собой.

Старику было тяжело дышать. Он, видимо, сильно разволновался, даже щеки малость подернулись румянцем.

С расширившимися глазами он шептал:

– Что значит – не нужно? Колхозное стадо не нужно? Зачем ты его под ножик пустил? Бережной лов не нужен, селедка да семга не требующе? Все у тебя изжилось, у дурака. Народ-то на чем жить будет? На привозном? А деньги откуда взять?

Он призакрыл глаза, потом открыл. В глазах злость и недоумение.

Разговор совсем уж сломался. Было видно, что старому Нестору говорить больше не хотелось.

– Да ладно, Нестор Кириллович, не так уж все худо. Мы тут тоже без дела не сидим, думаем, решаем, как лучше. Не тужи ты порато-то.

А Квасников прошептал:

– Ты вот што, Серега. Ты похорони меня как того следоват... Рядом с мамой моей, с Анной Ондревной...

8.

Старик лежал и размышлял. Разные мысли приходили в его усталую голову, перед глазами кружились воспоминания.

На полу, прислоненная к стене, стояла незаконченная его картина. На ней была изображена женщина, стоящая на морском берегу и смотрящая в морскую даль. Она ждала возвращения из морского похода своего мужа. Нестор никак не мог ее закончить, потому что сомневался: корабль она встречает или карбас? Должен быть парус или нет? Не приходило в голову и название. «Поморка, встречающая мужа на берегу» – это длинно. Просто «Поморка» – неясно, кого она ждет: рыбака или моряка? В общем, возникали вопросы, и картина стояла и ждала последних мазков.

Сейчас, в последнюю свою ночь, Нестор Кириллович вглядывался в темноте в картину и наконец понял: да это же его мать, это ее фигура! Он невольно отобразил свою маму. А смотрит она вдаль, потому что высматривает за горизонтом сына. Она ждет его! Его она ждет, Нестора!

Ах ты господи, это же так очевидно!

Он назовет свою картину «Мама». Просто «Мама».

Как он стосковался по ней за свою долгую жизнь! Его мать дождется его скоро, совсем уже скоро!

От этой мысли стало старому художнику легко и покойно. И он хотел бы теперь забыться в далеком и долгом сне, из которого никому уже не хочется возвращаться.

Рядом на стульчике сидела наклонившаяся к нему, протянувшая к нему по постели руки, верная его жена Степанида. И всю ночь тихонько плакала.

Одна застарелая, давно мучившая старика мысль никак не унималась, все бродила в его голове.

«Помирает поморская деревня, растащили всё лихие люди, – размышлял он, глядя тревожными глазами в потолок. – А где же власть? Ведь всегда была она рядом, всегда помогала, в самые лютые времена вытаскивала деревню из нищеты. Кто же будет о людях-то радеть? Брошен народ... Никому ничего не нужно. Они чево, охренели там все? Или враги пробрались? Дак надо народ подымать. Так всегда вопросы решались в матушке-Расее».

«Опять же, – думал Нестор, – а сам народ-то где? Страдат ведь... Страдат, видно што, с ярмом ходит и молчит, вековечно так... Не спросит, почему это вы, едрена корень, труд человеческой, испоконной в печку бросайте... Люди ведь работали, старались... А вам все до одного места...»

Жальчее всего сейчас было ему то, что не пришел он к Богу. Промаялся без Него как-то в жизни, всегда шел по дорожке, указанной кем-то. Был пионером, в комсомол вступал. Это дело было хорошее, радостное, он не жалел сейчас об этом, так жили все... Потом колхоз, работа, его картины. Тоже хорошее дело. Жизнь была тяжелой и маятной, но грех было бы ему жаловаться на свою жизнь. Она как никого обрадовала его, Нестора. Жизнь подарила ему его картины, радость творчества. Эта радость всегда теплом лежала на сердце.

«Боже праведной, – шептал он сейчас бестолковую, нелепую молитву, – прости Ты меня, Христа ради. Глупой я мужик, всю-ту жись глупой, дурак, дак дурак и есь!

Лез куды-то, а куды – и непонятно таперича. Все без Тебя, дак некуды и не вылез.

Всю-ту жись Тебя не знал, шаяляк форменной. Не нарисовал Тебя ни разу, дурак!

А чичас вижу Тебя, когда смёртушка за мной пришла. Вижу, штё красивше Тебя и нету-то некого. Ты уж прости меня, придурка ненормального. Прости! Жалею я, штё не встренул Тебя раньше.

Приду, дак не гони, Христе Боже! Прояви таку милось. Хочу рядом с Тобой жить!»

И все же была, была в его жизни удача. Великая, бесконечная... Это его любовь, встреченная в трудное, но дорогое время, в послевоенный год. Тогда он, исхудавший после военных испытаний, после ранений, встретил эту тоненькую девчонку, полную сиротинку, свою Степаниду. Ходила она по морскому берегу, ждала кого-то и дождалась. Его, Нестора.

– Ты кого ищешь-то, деушка? – спросил он ее, когда встретил.

Она не ответила ничего, проскользнула мимо. Только глазками стрельнула.

Потом всю жизнь ему рассказывала, что ждала только его. Нестор знал, что не обманывает она, потому что сам искал и ждал именно ее, эту тоненькую поморку.

Степанида родила ему двоих сыновей. Она неразрывная часть его жизни, его самого. Она и сейчас рядом, в предсмертный его час.

Почему-то вспомнилась ему та сегодняшняя белая бабочка. Не могла она появиться в лесу в столь позднюю пору. Но ведь появилась же... Что это было?

«Наверно, это жизнь моя, – решил Нестор Кириллович. – Это моя жизнь, мелькнувшая вот так белыми крылышками по холодну белу свету и улетевшая куды-то в далеку даль...»

9.

Когда забрезжил рассвет, в дом пришел деревенский богатырь Евлампий Пирожников, поднял старика на руки и отнес на морской берег: Нестор очень просил Степаниду показать в последний раз рассвет. Усадил на штабель из бревен. Положил под голову подушку.

Поднималось над морем солнышко. Красовалось перед дедом Нестором, всю жизнь любившим его. Вызревало в краске своей навстречу новому дню и новой жизни. Перед засыпающим взором Художника начинало высвечивать и согревать теплыми лучиками поморскую деревню.

Потом погасло.

И плывущий в дальней дали корабль, весь размытый в малиновом свете утренней зари, протрубил на весь свет, что в эту пору покинул живущих на земле людей еще один русский человек.

**Марина
БРЮЗГИНА**

**ТРЕВОЖНОЕ
ОДИНОЧЕСТВО**

* * *

*Как долго мы не виделись с тобой.
Застыло время. Кончилась погода.
В задумчивости ветер голубой
Уносит птиц по глади небосвода.*

*Меня сейчас не радует, поверь,
Ни слава в обаятельном величье,
Ни то, что для меня открыта дверь
Любая. И ни эта стая птичья.*

*Еще вчера на все хватало сил,
Теперь же в одиночестве тревожном
Мне кажется, что ты меня забыл,
Хоть это совершенно невозможно.*

*Измучилась. И чувствую печаль
И то, что я свихнулась от волненья.
Я кутаюсь в беспомощность, как в шаль.
И все проблемы глупые в сравненье...*

* * *

*Слишком грустно, чтоб полночью зыбкой
Разбавлять беспокойство улыбкой.*

*Слишком страшно, чтоб в нынешней драме
Убаюкивать сердце стихами.*

*Слишком тихо, чтоб что-то подумать,
Слишком зябко, темно и угрюмо.*

*Ты вновь там, где больничные стены,
За окошком взывают сирены.*

*Ты – любовь. Ты – зависимость. Нужно,
Чтоб ты выздоровел, потому что*

*Без тебя ни стихов и ни прозы,
Только лютые злые морозы.*

* * *

*Я проснулась среди ночи –
Ветер воет ледяной,
Наш балкон трясется очень,
Точно домик лубяной.*

*Оказалось, счастье – это
Жить и знать, что ты со мной,
И, проснувшись до рассвета,
Слушать ветер за стеной.*

БРЮЗГИНА Марина Валерьевна родилась 2 июля 1986 года в Кемерове. Автор книг стихов «Тревога кочующих птиц» и «Музыка пчел». Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Всерусский собор», «День и ночь», «Дарьял» и др. Работает в Центральной районной библиотеке им. В. М. Баянова (г. Топки). Член Союза писателей России. Живет в городе Топки.

* * *

Враз прилипшая рубаха.
Грохот сердца моего.
Это всё со мной от страха,
Страха, только и всего.

Если б я могла бездумно
Делать то, что захочу,
Стала б счастлива безумно.
Но... дела не по плечу.

И хоть я могу отныне
Делать больше, чем вчера,
Расфуфыренной гордыни
Отошла давно пора.

* * *

Дело сдвинулось с мертвой точки,
Оттого веселей смотрю.
Не хочу никакой отсрочки,
Дело сдвинулось, говорю.

Мозг тревожный – большой обманщик,
Не пускает идти вперед.
Словно тощий писклявый мальчик
Бесконечные струны рвет.

Я измучена этой песней,
Что столетия не нова,
И могла бы поинтересней
Написать для нее слова.

Снег лежит, а под снегом слякоть.
Серым цветом стоят дома.
Надоело страдать и плакать,
Надоело сходить с ума.

Надоело дрожащим сердцем
Находить для побега дверь.
Нехорошая эта дверца,
Мне другая нужна теперь.

* * *

Со мной вчера случилось чудо:
В лесу я встретила лису.
Я рассказала ей, откуда
Пришла, что на сердце несусь.

Я рассказала ей печали,
Еще – как трудно всё менять.
Лиса резвилась, и едва ли
Ей было дело до меня.

Она меня не замечала
И не хотела много знать.
И смысла не было сначала
Беседу эту начинать.

Простые истины повисли
Над гладью озера в лесу.
Лиса в мои ворвалась мысли.
Мне, видно, Бог послал лису!

53

Виктор
БАЙЛАГАСHEB

ТРИДЦАТЬВТОРУШКА

Рассказ

Памяти старого охотника

Ты спрашиваешь у меня, какое ружье тебе купить? Я не знаю. Я охотник, а не знаток ружей. На рынке много всякого охотничьего оружия. На любой вкус, какое только пожелаешь. Покупай любое.

Я даже немного растерян, оттого что ты пришел ко мне за советом. Но, знаешь, было время, когда и я думал, какое ружье себе взять. И тоже ходил за советом к одному старому, опытному охотнику, деду Елисею. И вот что услышал от него.

— Какое выбрать ружье? Я расскажу тебе, как я обрел свое ружье, — сказал мне дед Елисей. — А ты подумай и реши сам.

Первым моим ружьем, еще в шестидесятые годы, была «Белка». Я нарадоваться ему не мог. До того нравилось мне это ружье. Очень любил я стрелять малокалиберными патронами.

Даже не пользовался нижним, дробовым стволом. Попасть пулей, а не дробью для меня было верхом мастерства. Сам себе придумал тогда такое правило и придерживался его. Я даже не стрелял в сидящую птицу или стоящего зверя. Мне надо было, чтобы все происходило в движении, быстро, неожиданно. Я ходил по лесу, держа ружье всегда наготове, и если взлетал глухарь, рябчик, я стрелял навскидку, с разворо-

та на шум крыльев. И когда попадал, гордость просто распирала меня. И я наловчился до того, что в основном стал попадать.

А потом случилось так, что у меня забрали это ружье. Помню, была осень. Но снега еще не было, так что домашний скот еще гулял на свободе. Я возвращался с кедровника и уже у самого поселка увидел, как огромная собака терзает овец. Таких собак в поселке ни у кого не было. Я просто снял ружье с плеча, поднял и стрельнул. Собака упала на месте. Потом приезжала милиция, меня таскали. Я избежал наказания только потому, что жители все встали на мою сторону. И меня оставили в покое. Но я остался без «Белки».

Это меня так расстроило, что я даже решил, что больше не буду охотником. Пошел на прииск, тогда тут стояли гидравлики, и устроился мониторщиком. Отработал один сезон. И пока работал, сердце все время ныло, так тянуло в тайгу. Но ружья у меня не было, долго не было. После своей «Белки» я не мог брать в руки другие ружья.

Сейчас смотрю на ту ситуацию совсем по-другому. Я благодарен матушке-природе, что она уберегла меня от какого-то страшного несчастья. Ведь я так мог пальнуть и в человека. Баловство сидело в голове. Хотя был я тогда

БАЙЛАГАСHEB Виктор Алексеевич родился 6 апреля 1964 года в поселке Камзас Таштагольского района. Служил в армии, работал матросом драги. Окончил Горно-Алтайский педагогический институт. Рассказы публиковал в газетах «Алтайдын чолмоны» («Звезда Алтая», Горно-Алтайск), «Красная Шория» (Таштагол), в приложении «Туган чер» («Кай», Междуреченск). Сейчас работает в Таштаголе в студии «Эфир-Т», где создает передачи на шорском языке.

уже после армии, лет тридцать, у меня была семья, трое детей...

И вот как-то, зайдя в наш поселковый магазин, я увидел ружье. Спросил о нем у продавца. Тот ответил, что это маленький калибр, воробьев разве стрелять. Я попросил подать мне его. Вдруг захотелось подержать в руках охотничье ружье. Оно было теплое, приятное. Почему-то понравилось, хотя умом я соглашался, что и калибр маленький, и несерьезное. Я вернул его продавцу и ушел. Но не забыл. Почему-то думал о нем. Через несколько дней вернулся в магазин и снова взял его в руки. Вот тогда мне и пришла мысль купить его. Но когда покупал, думал, на время. Думал, что потом куплю другое, серьезное, а это кому-нибудь продам или подарю. А вот получилось, что так и проохотился с этим ружьем.

Не сразу, только через много лет я понял, что не нужно мне другого ружья. Что вот эта тридцатьвторушка и есть то, что мне надо. Если нужно было добыть рябчика, я добывал. Если нужно было добыть глухаря, я добывал. Утку – добывал. Зайца – тоже. Ну и главное – соболя. А что еще было надо?

С соболем нужно быть очень быстрым. Мелькнул – сразу стреляй. Этот зверек очень ловкий и хитрый. Второй раз загнать его в ловушку уже сложнее. Криво стрельнешь, ранишь – больше не увидишь. Он забьется в какую-нибудь расщелину, нору и не выйдет. Умрет, а не выйдет, и ты уйдешь ни с чем. Зря погубив зверька.

Однажды я стрелял и лося. Было это в январе. Мне надо было вернуться в поселок. У моей Фроси был день рождения, и в этот день я всегда приходил из тайги, приносил какие-нибудь гостинцы. Да и по хозяйству надо было посмотреть, сена из леса привезти.

Ранним морозным утром я вышел из своей охотничьей избушки. Шел не торопясь, поскольку собака глубоко утопала в снегу. Я рассчитывал к ночи быть дома.

Не прошло и часа, как мы наткнулись на свежий след соболя. Собака тявкнула и пошла по нему. Когда она так тявкала, это значило, что зверек совсем рядом. И я не раздумывая пошел за собакой, надеясь минут за 20–40 добыть его. Но странно: соболь шел резво по прямой, будто дорога у него была проложена. У меня даже мелькнула мысль, что это кочующий соболь. И хотел было уже повернуть назад, как мы упер-

лись в кедр. Ушло у нас на преследование часа два, не меньше. Я огляделся: вокруг кедр на снегу лежало много мертвых пчел. Вот тогда мне и стало ясно, почему он так стремительно шел по прямой. Он нашел дупло с медом и питался им. Через некоторое время я добыл этого соболя, но теперь мне самому захотелось принести ребятишкам домой таежного меда. Пчелы, конечно, там все были заморожены, но мед-то мог еще сохраниться.

Кедр стоял на склоне горы. А выше в нескольких шагах росла пихта, которую можно было уронить на кедр и по ней забраться. Я так и сделал. Да, внутри кедр оказался огромное дупло, и в нем могло быть много меда. Сантиметр за сантиметром я к нему прорубался и уже к вечеру заполнил сотами собачий мешок. Мед был весь застывший, замороженный и поэтому не тек.

Может, интересно, что такое собачий мешок? Этот способ передвижения с собакой в тайге по глубокому снегу существовал раньше. Сейчас его нет. Сейчас собаку сажают на снеговой ход. А раньше носили в мешках. Это обыкновенный мешок, к которому приделывали лямки, и получалось что-то наподобие рюкзака. Чаще собаку сажали в этот мешок, когда охотник спускался с горы, ведь собака, утопая в снегу, могла сильно отстать. Наши Саяны не такие уж и слабые горы для пешего охотника. А тут посадит охотник собаку в мешок, наденет мешок на плечи, и катятся они с горы. Собака сидит, и только одна голова находится снаружи. Вот в этот мешок я и положил мед, решив, что собаку при спуске возьму на руки. И когда пришлось спускаться, я так и сделал.

Смеркалось. Я катился, где маневрируя между деревьями, где выбирая открытые места. Выкатился на такое лысое место. Склон здесь стал круче. Деревьев, кажется, до самого подножья не было, и я почти не тормозил. Разогнался сильно. Только ветер свистел в ушах.

Где-то на середине горы я вдруг почувствовал, что вообще лечу по воздуху, и тут же что-то задел лыжами и что-то темное метнулось под мной в сторону. Собака резко рванулась, залаяла. И я, потеряв равновесие, не удержал ее.

Оглянувшись, я увидел, как, вздымая клубы снежной пыли, на собаку шел лось. Я плюхнулся на снег и, пока балансировал, стараясь удержаться на ногах, улетел вниз метров на сто. Несколько раз окликнув собаку, я сбросил мешок с

медом и побежал наверх. Ориентировался по лаю собаки. И надеялся, что мне удастся отозвать лайку.

Наконец, забравшись выше по склону, я их увидел. Метрах в двадцати от меня, утопая в снегу, кружили лайка и лось. Лось, поднимаясь на дыбы, взметая клубы снежной пыли, бил передними копытами, всей тушей обрушиваясь на собаку. Лайка каким-то чудом успевала увернуться. Я звал ее, и в этот момент чувство кричало мне: «Чего ждешь? Стреляй, стреляй как можно быстрее!» Но в то же время разум шептал: «Зачем тебе этот лось? Что делать с мясом? Как нести его отсюда?» И я медлил.

Тут сохатый вновь вздыбился, обрушился на лайку и, видимо, все-таки смог нанести удар. Я услышал короткий тихий визг, и лай прекратился. Сердце мое сжалось. Я не помню, как вогнал пулю в ствол. А лось меж тем уже снова поднялся на дыбы. И я выстрелил, всей силой помогая пуле лететь. Лось вздрогнул. Его словно ударило электрическим током. Как-то плавно он опустился, почти полностью погрузившись в глубокий снег. Потом медленно повернул заснеженную голову в мою сторону и уронил ее.

Я подошел. Лайка лежала у самой головы лося, вся запорошенная. Из пасти текла кровь. Я поднял ее, она была еще жива, но пока относил в сторону, она умерла. Вот так моя оплошность привела тогда и к гибели собаки, и к гибели лося. Как я горевал по своей лайке!

Однако мешкать было нельзя. Темнело, и мороз крепчал. Я осмотрелся. Метрах в тридцати из горы выступал огромный камень, высотой метра три, занесенный сверху еще двухметровым снегом. Прямо у валуна, снизу, снега почти не было. Вот на этом-то месте, сбившись в кучу, и стояли лоси. Сверху, с горы, их не было видно. Меня вынесло на этот валун, и я соскользнул с него, как с трамплина. А оказавшись над лосями, задел одного из них по хребту. Думаю, он и пошел на нас с перепугу. Сейчас следы остальных лосей уходили вниз, вправо.

Я похоронил лайку возле этого валуна. Вернулся к туше, развел костер и стал разделывать лося, пока он не окоченел на морозе. Мне тогда казалось, что я не могу просто так бросить его и уйти. Сейчас бы оставил. Оказалось, что пуля, пробив ребро слева, прошла его насквозь и, сломав ребро на выходе с правого бока, застряла в нем. Вот тебе и тридцатьвторушка, маленький, несерьезный калибр!

Я разделал лося, из шкуры сделал небольшое «сюртке». Потом нарубил побольше сушняка, разгреб снег под пихтой, стоявшей рядом, обложил внутри пихтовыми ветками, сделал себе шалашик. К этому времени совсем уже стемнело. Я перенес костер поближе к шалашу, натопил полный котелок воды из снега, но ни есть, ни пить не мог. Тоска по собаке глодала меня. Так и прошла ночь.

А утром, как только забрезжил над горами рассвет, я тронулся в путь. Вырубил палку с сучком-крюком, зацепил «сюртке», положил в него несколько кусков мяса и потянул за собой. Так и волок. Примерно через километр я выложил все и вернулся назад за остальным. Так километрами и передвигался. Как же я тогда намучился! И думаю, горы сжалились надо мной, прислав росомуху. Когда, отмерив очередной километр, я вернулся за оставленным мясом, увидел ее рядом. Сказать, что я обрадовался этой росомухе, — значит ничего не сказать! Я с легкостью развернулся и ушел. Этот случай так и остался единственным, когда я стрелял лося.

По твоим глазам вижу, что хочешь спросить: а как же быть при встрече с медведем? Скажу тебе как есть: я ни разу не встретился с медведем в тайге. Ты удивлен? Думаешь, что раз я охотник, то обязательно должен был встретиться и стрелять медведя? Все так думают. А я вот даже не видел его. Я не ходил на него, он мне был не нужен. Я знаю берлоги. И при желании можно пойти и охотиться, но мне этого не надо. Однажды на черничнике, это было в конце августа, я почувствовал на себе пристальный взгляд. Это был взгляд не человека. Это был медведь. Видимо, когда я собирал чернику, он ел ее там. Но я ушел, и он ушел своей дорогой. Зимой, когда я охочусь, он спит; весной и летом мне нечего делать в тайге; осенью же он обильно питается и ему не до меня, а мне не до него.

Вспомнил другой случай, расскажу тебе его. Как-то мне пришлось вывозить из тайги тело охотника-медвежатника. Дело было по осени. Его родственники обратились ко мне. Он ушел в тайгу на день, а через три дня пришла домой его собака — хромая и с разодранным боком. Стало ясно: случилась беда.

Я запряг коня и поехал. Я знал места его охоты и поэтому нашел сразу. Там валялась его двустволка шестнадцатого калибра с разбитым прикладом. Видно, он бил медведя ружьем и разбил приклад. Оба патрона были выстрелены. Валя-

лись клочья одежды, сапоги. Нашел я и окровавленный нож. Но самого тела не было.

Вокруг трава высокая, выше меня, измята какими-то закутками. Понятно: там, где они возились, трава и прибита. А дальше оглядеться невозможно. Я даже на кедр забирался, чтобы сверху осмотреться. Бесполезно. Я много времени потратил, чтобы найти его. Думал, если он раненый уполз, медведь должен остаться лежать. И нож он бы не бросил, хоть метки бы делал. А медведь раненый не мог его унести. И росомаха если бы нашла – останки все равно какие-то бы лежали.

Вот так, путаясь в траве, в зарослях, кругами расширяя я поиск и в конце концов обнаружил тело. Метрах в пятидесяти выше бежал ручей, вот возле него, под колодиной, я и нашел. Медведь притащил его зачем-то к этому ручью и спрятал под колодину. Видимо, у самого медведя рана была пустяковая.

Нашел я и оборванный тросик. Он был перебит прямо на узле, образующем удавку. Охотник ставил петли на медведя и проверял. Думаю, медведь попал в петлю перед самым его приходом. И был в силе. Он не сидит в петле, когда охотник подходит, не ждет, когда в него стрелянут. Он крутится и вертится, рвет и мечет, чтобы вырваться.

Стрелял охотник с очень близкого расстояния. Выстрелянные пыжи лежали прямо там, где тросик был привязан к березе. Поэтому, когда медведь освободился, он мигом достал охотника. Успел тот стрелянуть и из другого ствола, но куда пришелся второй выстрел, не знаю. А первая пуля попала в узел тросика, перебила его и потеряла силу.

Что я хотел сказать тебе? Когда приходит время и судьба ставит точку, тогда все бесполезно – хоть какое ружье будет с тобой.

Совсем недавно, осенью, снег был еще не глубокий, я ходил разгораживать стога. И когда разгораживал стог на мазунинском покосе, из леса выехали три снегохода. Они подъехали ко мне, остановились. Стали расспрашивать о заячьих местах. Оказалось, мужики из города решили по снегу поохотиться, зайцев пострелять. А на Мазунино зайцы как раз водятся. Ружья у них были полуавтоматические, многозарядные. В этот момент собака выгнала зайца прямо на нас. Он во всю прыть летел в нашу сторону. Мужики вскинули ружья и стали стрелять. Только гильзы отлетали в разные стороны. Но заяц ушел.

Я знаю точно: тридцатьвторушка взяла бы его с одного выстрела.

Но как горели у них глаза! Как они оживились! Какая энергия забурлила в них! Мне даже кажется, что не столько заяц им был нужен, сколько хотелось пострелять вот так, по-настоящему, в живого, бегущего зайца. Поэтому он и ушел.

Так какое ружье тебе взять? Смотря для чего. Я не думаю, что есть плохие ружья. Просто ты сам должен понять: для чего тебе оно? И когда поймешь, твое ружье само найдет тебя. Тогда, в магазине, не я выбрал ружье, а оно выбрало меня.

Этот совет деда Елисея когда-то помог мне. Помог многим. Поможет и тебе. Люди по разным причинам покупают охотничьи ружья. Кто для охоты. Кто просто любит оружие, любит стрелять... Причин много. Разберись в себе и смело иди покупать. Твое ружье ждет тебя.

**Алексей
БУРКО**

ВСПОМНИШЬ СТРУНУ МАГИСТРАЛИ

МАГИСТРАЛЬ

По дороге зимней, скучной...
А. Пушкин

*В холодной вселенной проездом
по местностям тлена и тьмы,
как будто томленьем предкрестным
плененный в застенках зимы,
ты вспомнишь струну магистрали,
скелеты бесхозных дворов,
дымки придорожных едален,
владенья крикливых ворон,
ковыльной степи километры,
пряматый сугробами лес
и белые, белые ветры
от белой земли до небес.*

ДОЛЬЧЕ ВИТА

*А помнишь, мой свет, наш побег
незадачливый,
дорожную тусклую синь?
Вернуться б домой, но когда поворачивать,
не скажут, кого ни спроси.*

*Ах, как мы летали! Кутили неделями,
встречали рассвет коньяком,
гуляли гурьбой, а с большими потерями
был каждый еще незнаком.*

*Я был бы уклончив, я был бы неискренен,
когда б не сказал, что тогда
мы думали мало, ехидцами прыская,
как будто нам боль не беда.*

*Мы верили в чудо, но век переменчивый
не очень за нас порадел,
похож на дурную болезнь недолеченный
последний его передел.*

*Теперь вот стоим и глядим неумехами
в табун подкапотных кобыл...
Так помнишь, в какую дыру мы заехали?
Не помнишь? И я позабыл.*

ПРЕВЕНЦИЯ

*Я буду слеп, когда исчезнут тени,
сгорят деревья в мстительном огне
и злые маски желчных сновидений
напомнят миру о его вине.*

*Я буду нем, когда сорвутся пломбы
былых запретов – отголосков смут,
когда жрецов кровавой гекатомбы
мои скрижали к делу призовут.*

БУРКО Алексей Вячеславович родился в 1967 году в Шверине (Германия), в семье военного. Окончил Новосибирский аграрный университет, экономический факультет. Печатался в газете «Кузнецкий край», журнале «Огни Кузбасса», коллективных сборниках. Автор книг «Будем летать», «Дождитесь момента». Работает экономистом в Кемерове.

*Я буду глух к взволнованным тирадам,
когда светила скатятся с орбит
и поздним эхом сбывшегося ада
четвертый ангел вострубит.*

* * *

Вен. Ерофееву

*Я резво шел, я смело мыслил,
я супермаркет покорил,
я под сияньем летней выси
над всеми дерзко воспарил.*

*Пускай умолкнут злые толки,
меня в объятьях крепких вин
ждут поцелуи комсомолки
и вечнопахнувший жасмин.*

*Поэт звенящей предан лире,
доисторический реликт.
Пребудет с нами в тряском мире
свободный гений Венедикт.*

*Как ни крути, как ни планирую,
тот был таким, тот был таков –
мы в равной мере пассажиры
до лучших, горних Петушков.*

*Под перестук колес вагонный
вольготно чувствую и уму.
Таланту автора покорный,
я уподобился ему.*

*Я так же спорил вдохновенно,
я так же загадочно пел,*

*на полустанке вожделенном
я так же выйти не успел.*

ЕВА

*О сердце, сердце, как тебя не прятать,
как холод рук в перчатки теплоты,
когда любое слово стало б свято –
но слово «да» мне выдохнула ты.*

*Мне этот выдох для души целебен,
и райским днем у сказочной реки
я не спеша в чернявый локон Евин
весенних трав вплетаю стебельки.*

* * *

*Пенились, лохматились, сминались,
мокли под тропическим дождем.
Отлюбили, горестей не зная,
и теперь по памяти живем.*

*И хранит жестянка из-под крема
треснутый магнитик золотой –
блеск морей, где побывали, где мы,
где мы были счастливы с тобой.*

* * *

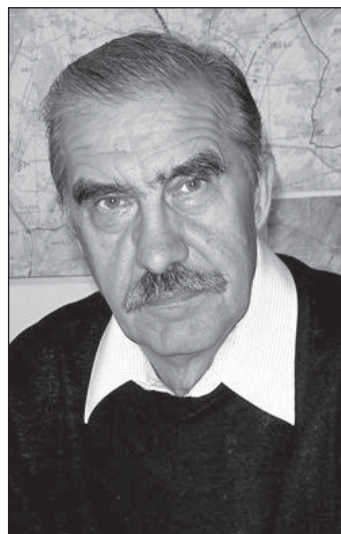
*Не плачь, корнет, что упорхнула птица,
тебя задев чарующим крылом.
Такой сюжет не повод застрелиться.
Ты будешь жить, забудешь обо всем,
и если мир не превратится в прах,
то ты еще увидишь многократно
весной – туда, а осенью обратно
скользящих в небе мимолетных птах.*

**Борис
ДЮКИН**

ДОЛГИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Рассказ

*...и жребий нас обрек
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог.
М. Волошин*

Низкое солнце отражается в окнах дома напротив, наполняя комнату мягким светом раннего утра. Артем проснулся раньше, чем прозвенел будильник. В доме тихо, не гудят краны, не хлопают двери. Так приятно пройти по пустым прохладным комнатам, сварить кофе, а потом смотреть в окно на восходящее солнце.

Артем улыбнулся, вспоминая, как они первый раз пришли в эту квартиру. Он был не из тех людей, которым судьба улыбается из-за каждого угла, но тут явно не обошлось без удачи. Они получили квартиру в конце 91-го года. Перестройка уже была на исходе, однако квартиры еще получали, а не покупали.

Перестройка! Как замечательно все тогда начиналось: ускорение, гласность, митинги на улицах. Это было время светлых надежд и неожиданной свободы. В киосках «Союзпечати» по утрам очереди за газетами и журналами, столько всего нового, интересного. Читай и смотри: все ранее запретное разрешено! Свободные выборы на альтернативной основе: в Верховный Совет выбирают никому не известного юриста. Прямые трансляции заседаний, которые все смотрят не отрываясь. Споры, дискуссии, новые лица. Борьба с привилегиями. Обкомовские дачи передают под детский санаторий. Закрытые поликлиники

начинают принимать всех по месту жительства. Рабочие на предприятиях выбирают директоров. На строящемся девятиэтажном доме, почти в центре города, появляется растяжка: «Квартиры тем, кто их строит». Когда дом сдали, часть жилья в нем получили строители, врачи, учителя и даже преподаватели вузов.

В тот день Полина приехала после занятий на вечернем факультете уже с ключами, которые ей передал коллега, получивший квартиру на расширение в новом доме. Было поздно, но они не стали ждать и отправились смотреть свое новое жилище. В пустой квартире лампочки горели лишь в прихожей и на кухне, в комнатах с потолка свешивались только концы проводов (люстры прежние хозяева увезли с собой). После гостинки, в которой они жили, двухкомнатная хрущевка показалась такой просторной! Счастливые, они бродили по комнатам, где валялись обрывки бумаг, книги, старые ненужные вещи, еще не веря в реальность происходящего, и глупо улыбались. Потом шли по пустым темным улицам, строили планы и говорили о том, что нужно сделать в первую очередь. Тогда им казалось, что жизнь наконец стала меняться к лучшему – и не только потому, что они получили квартиру.

Впрочем, ордер на свое жилье они оформляли довольно долго и получили его только осенью 92-го, уже в другой стране. Чиновник, выдававший ордера, был раздражен и растерян.

ДЮКИН Борис Дмитриевич родился в 1945 году в Ханты-Мансийске. Инженер путей сообщения, почетный дорожник России. Автор двух книг. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Живет и работает в Кемерове.

Артем допил кофе, вымыл посуду и все убрал, оставив стол чистым. Полины нет дома, и замечаний никто делать не будет, но пусть все будет как всегда. Учебный год закончился, и она могла бы уже отдыхать, но вместо этого поехала на очередной семинар с участием каких-то иностранцев. Теперь нас все кому ни лень учат, как правильно жить.

Покончив с уборкой, Артем взял портфель, собранный еще с вечера, и вышел из дома. В тени двора было свежо, он даже подумал, что надо было взять куртку, но, дойдя до остановки троллейбуса, понял, что день опять будет жарким.

На автовокзале встретил своих коллег. Перекинулись парой фраз и разошлись по разным посадочным площадкам: у каждого был свой маршрут. Как ни странно, точно по расписанию подошел потрепанный автобус неизвестной марки. Было похоже, что это произведение иностранного автопрома, которому волею судеб суждено доживать свой век на дорогах Сибири, приобрели по дешевке в каком-то секонд-хенде. Внутри это «чудо техники» выглядело не лучше, чем снаружи: потертые кресла, мятые занавески, потрепавшийся пластик на потолке. В салоне душно: видимо, перед выходом в рейс его не удосужились ни помыть, ни проветрить.

Пассажиров было немного, половина мест свободна. Артем хорошо знал предстоящий маршрут и сел у окна так, чтобы на него не попадало солнце. Положил портфель рядом на сиденье и попытался расслабиться. Утро было чудесным, и все было хорошо, но где-то внутри тлело неясное чувство тревоги, ожидание какой-то ситуации, с которой он не сможет справиться. Он работал уже третий сезон, и на практике никаких промахов за ним не числилось, но избавиться от этого беспокойства, которое появлялось, когда он ехал на приемку, никак не мог.

Миновав проспект, автобус подъехал к реке. На стрелке стоял трамвай, ожидая, когда по однопутной линии моста пройдет встречный. Этот мост давно был признан аварийным, и рядом уже много лет строился новый. При развитии социализме успели возвести опоры и начать надвижку пролетного строения, даже перекрыли один пролет. И теперь аванбек сиротливо висел над водой, так и не дойдя до следующей опоры.

У этого объекта был заказчик, подрядчик, инженерное сопровождение и высокие кураторы в виде заместителей губернатора. Не было только

денег для продолжения строительства. Перестройка и ускорение закончились талонами на сахар и развалом страны; страшно подумать, чем кончится нынешняя демократия. Наступило время субвенций, субсидий, трансферов, взаимозачетов, дисконтов и откатов, авантюристов и комбинаторов. Административный ресурс, еще несколько лет назад казавшийся таким всемогущим, иссяк. Местные металлурги, которых раньше можно было «нагнуть», уже не выпускали сталь той марки, что нужна была для изготовления пролетных строений. Поэтому проблему, как без живых денег вдохнуть в строительство моста новую жизнь, решали в духе времени. Так случилось, что и Артему довелось внести свои «пять копеек» в это дело.

Теперь, глядя на вагончики мостовиков, он вспоминал, как минувшей зимой отправился с конфиденциальным поручением в Томск. Ехал на переговоры, имея пачку документов, о содержании которых имел смутное представление, и четкое указание привезти их обратно уже подписанными. Нужная фирма занимала пятый этаж старинного здания на проспекте Кирова. Просторный кабинет был обставлен, как и положено у новых русских: пустой полированный стол темного дерева, мягкая кожаная мебель и абстрактная картина в простенке. Однако хозяином кабинета оказался вальяжный кореец неопределенного возраста. Артем сидел, утонув в мягком кресле у журнального столика, пил кофе, который принесла красавица кореянка, и беседовал с хозяином кабинета. Документы, которые он привез, забрал худой кореец в очках; в коридоре славянских лиц тоже не наблюдалось. Видимо, это была семейная фирма, или персонал подбирали по национальному признаку.

За окном начиналась метель, и Артема больше всего беспокоило, сумеет ли он вернуться обратно засветло. Схема по нынешним временам была несложной. Местный металлургический комбинат отгружал металл в счет погашения дорожного налога, а два Limited, получив металл, без живых денег организовывали поставку нужной стали из Магнитогорска на завод в Улан-Удэ для изготовления пролетных строений. Это было в феврале. Как развивались события дальше, после того как он с документами вернулся в дирекцию, Артем не знал.

Замелькали невзрачные домики частной застройки с заборами и чахлыми палисадниками.

Справа за высокими тополями вставало солнце, длинные тени ложились на дорогу.

За поворотом показался недавно построенный пост ГАИ – внушительное сооружение с панорамными окнами и высоким крыльцом. Проезжая часть перед ним имела четыре полосы движения, разделенные барьерным ограждением, но две полосы были перекрыты шлагбаумами. Рядом на обочине стояло несколько фур, вероятно, они здесь и ночевали. Такие посты были построены на всех въездах в город, словно старинные заставы. Одно время на них даже собирали плату за въезд с иногородних водителей, якобы на строительство моста, но это быстро закончилось. Видимо, овчинка выделки не стоила, да и с точки зрения законности инициатива выглядела сомнительно.

За постом ГАИ пригород еще не закончился, вдоль дороги шли склады, будки, подъездные пути, съезды, шашлычные, маленькие кафе. Миновав очередную заправку, автобус сбавил ход: впереди была развилка, где нередко случались ДТП. Здесь давно нужно было сделать развязку в двух уровнях, но дальше разговоров дело не двигалось. Зато это была благодатная тема для дипломных проектов. Студенты эту проблему решали легко.

Пока дипломник читал свой доклад, Артем (он до сих пор был членом ГЭК) успел пролистать пояснительную записку, где с удивлением обнаружил, что для монтажа пролетных строений будущий инженер использует железнодорожный кран, хотя железной дороги тут не наблюдалось. Он задал вопрос, и дремавшие члены комиссии сразу оживились. Дипломник не растерялся, в результате ему поставили «хорошо» и отпустили с миром.

...Автобус тряхнуло на железнодорожном переезде, и Артем посмотрел в окно. На обочине старик в выгоревшей добела штормовке раскладывал пучки колбы. Начался таежный участок. Теперь с обеих сторон почти вплотную вдоль насыпи стояли высокие темные ели. Но кое-где тайга уступала место заболоченным участкам, где голые стволы деревьев отражались в темной воде.

Миновав пост ГАИ на въезде в город, где Артема должны были встретить, автобус еще полчас колесил по узким улицам, прежде чем остановился у автостанции, находящейся в одном здании с железнодорожным вокзалом.

Артем вышел на пустую привокзальную площадь. Солнце поднялось уже высоко и начало припекать. Артема и тут никто не встречал. Поставив в тени вокзала, он вошел внутрь, выпил в буфете стакан минеральной воды и, выходя обратно на площадь, в дверях столкнулся с парнем в рабочей куртке.

– Артем Васильевич?

– Да.

– Я за вами, меня Федор Михайлович просил вас привезти. Вот припоздал немного, вы уж извините.

– Ничего страшного.

Небольшой бензовоз с зеленым баком стоял на противоположной стороне площади. «На такой машине меня еще не возили», – подумал Артем. Машина была неновая, но в кабине было чисто и бензином не пахло.

– Вы не волнуйтесь, нам недалеко. Здесь больше по городу ехать.

Опять замелькали какие-то конторы, торговые базы, пакгаузы. За городом дорога шла по равнине, вокруг были широкие поля, небольшие березовые и осиновые перелески. Тайгой и не пахло, словно здесь была другая растительная зона.

62

Дорожное управление стояло на въезде в районный центр. Это было заметное издалека кирпичное трехэтажное здание с плоской крышей. Шофер притормозил у ворот и, дав своему пассажиру выйти, поехал дальше.

Артем огляделся – у него возникло ощущение, что когда-то он здесь уже бывал. За высоким забором находились гаражи, мастерские, сломанная дорожная техника. Он прошел в распахнутые ворота и, обогнув здание, нашел вход в управление. В вестибюле на первом этаже было тихо и пусто, приятно пахло свежим хлебом. Артем поднялся на второй этаж (проход по лестнице выше перегородивала металлическая решетка) и пошел по коридору, читая таблички на дверях кабинетов: касса, бухгалтерия, ПТО, а вот и приемная. Здесь никого, но дверь слева была открыта. Навстречу вышел худощавый мужчина, поверх цветастой рубашки на нем была матерчатая жилетка, наверное, считая местными кооператорами.

– Артем Васильевич, здравствуй, дорогой, жду тебя, жду. Как доехал? Ты уж извини, дорогой, за машину, ну ничего под рукой не было! Чай, кофе, минералку? Проходи, проходи...

Он пожал руку Артема двумя своими. Руки у него были большие и вялые.

Артем видел этого начальника ДРСУ впервые, и то, что тот сразу перешел на «ты», ему не очень понравилось. Эта манера разговора и какая-то экзальтированная жестикуляция делали его похожим на товарища Саахова. Артем сел за приставной столик и достал ежедневник, начальник сел напротив.

– Федор Михайлович, кто у тебя на третьем этаже живет?

– Пустил налоговую, пока они свое здание строят.

Как водится, они поговорили за жизнь, обменялись последними новостями, поделились мнением о фильме Говорухина «Так жить нельзя». Согласились, что, действительно, так жить нельзя, и в конце концов перешли к делу.

– Федор Михайлович, вы что процентовать будете?

– У меня все по графику, как в контракте. Без проблем. Если конкретно – подстилающий слой, два километра и трубу. Земля у меня еще до конца не готова, ее на потом оставлю. Ну что, пойдем кофе пить?

– Слушай, давай сначала хоть бумаги посмотрим.

– Ну, какой ты! – Теперь он явно пародировал Геннадия Хазанова, однако все же позвонил по внутреннему телефону.

В комнату вошла женщина, молча положила перед Артемом объемистую папку с бумагами и встала рядом.

– Свободна, Нина. Если что, я позову, – сказал начальник нормальным голосом.

В папке были процентовки, карточки испытаний, акты на скрытые работы, сертификаты на материалы, сметы, какие-то расчеты. И все это без всякой системы. Тут же лежала куча документов, подтверждающих рыночную стоимость, достоверность которых зависела от фантазии подрядчика.

В 1991 году были выпущены новые расценки, но не успели строители их до конца освоить, как наступили рыночные отношения – с бешеной инфляцией и всеобщей неразберихой. Сметы и процентовки дорожники составляли в ценах 91-го года, а стоимость работ подтверждалась расчетами и коэффициентами, которые каждый месяц устанавливала Москва.

Артем посмотрел на цифры в своем ежедневнике, сравнил их с цифрами в документах, проверил подписи, печати и количество экземпляров. Посмотрев акты на скрытые работы, он не стал их подписывать, а отложил в сторону, чтобы взять

с собой. Среди бумаг он обнаружил исполнительную съемку на трубу, которая представляла собой отсканированный лист проекта, на котором красной ручкой были выставлены фактические отметки. Посмотрев в штамп на чертеже, Артем понял, почему здание ДРСУ показалось ему знакомым: там была его подпись. Он участвовал в разработке проекта реконструкции автомобильной дороги Лебяжье – Доброе – Октябрьский и один раз вместе с изыскателями приезжал сюда. Проект начали реализовывать пять лет назад, потом бросили. Теперь, когда появились деньги, решили продолжить, но название объекта в контракте было другим.

– Федор Михайлович, ты документы смотрел? Свалено все в кучу. Специально, что ли, чтобы ничего нельзя было разобрать? А где ведомость и исполнительная на подстилающий слой? – спросил Артем, стараясь понять, знает или не знает Федор Михайлович, что он один из разработчиков проекта.

– Смотрел, конечно, там же мои подписи. Какая исполнительная? Сейчас поедем, сам посмотришь, померишь, все оформим...

– А карточки испытаний?

63

– Ваша лаборатория была, пробы брали, уплотнение проверяли, сказали, что все оформят. Тебе результаты передать должны были. Ты не волнуйся, у меня все качественно. Фирма венников не вяжет. Пойдем, кофе попьем и поедем.

Он встал и почти силой повел Артема в соседнюю комнату, где на столе стоял электрический самовар, тарелка с конфетами и разномастные чашки. Ему явно не терпелось еще чем-то удивить куратора.

– Так, кофе сам накладывай, говорят, ты сахар не употребляешь, я тебя мороженым угощу, такого ты нигде не попробуешь, все натуральное. У меня здесь пекарня, хлеб классный пекут, и небольшой кондитерский цех, мороженое делаем.

Он открыл холодильник и из морозилки достал картонную коробку. Комната сразу наполнилась тем ароматом, который Артем помнил с детства. Это был сладкий сливочно-ванильный запах – так пахло мороженое, которое он с мальчишками покупал, возвращаясь с пляжа в жаркий день. Те сорта, что Артем иногда пробовал в городе в последнее время, ничем не пахли. Сейчас он с удовольствием ел мороженое из простой чайной чашки и запивал горячим кофе.

– Ну как? Чувствуешь?

Федор Михайлович явно был доволен произведенным эффектом. Это заботило его больше, чем какая-то исполнительная съемка.

Покончив с кофе, они вышли во двор. У крыльца стояла светло-серая «Волга», за рулем был пожилой мужчина.

– Видел мою машину? Не узнаешь?

– А что, должен узнать?

– Эх ты, это «Волга» вашего директора. Он себе новую взял, а мне эту отдал. Сафронов хотел, но я вперед договорился. Классная машина.

– Федор Михайлович, я с директором не езжу, а машины у него все одинаковые – одной марки и одного цвета, и даже номера одни и те же. В отделе у нас уазик, но на нем мой начальник ездит, а к вам я на бензовозе приехал.

– Ладно тебе, садись вперед, поедем.

Они выехали на трассу; по прямой асфальтированной дороге «Волга» шла ходко, легко обгоняя попутные машины. Артем внимательно смотрел по сторонам, но окрестности были ему незнакомы. И только когда они, повернув направо, проехали деревню и началась гравийка, он вспомнил, как по проселочной дороге шел отсюда пешком до самого лога. Тогда с изыскателями они решали вопрос с водоотводом. Но теперь здесь все выглядело по-иному. Полоса отвода была расчищена, дорога расширена и поднята на насыпь.

– Это было Лебяжье? – спросил Артем, когда они проехали деревню.

– Да, дальше пошла моя дорога. Ты чувствуешь, как прохладно?

Действительно, в машине, несмотря на жару и пыль (асфальт за деревней сразу закончился), было не жарко.

– Это кондиционер работает! – Федор Михайлович произнес это так, словно он сам установил кондиционер.

Гравийная дорога была в хорошем состоянии, и они ехали не сбавляя скорости, пропуская встречные фуры и обгоняя груженные камазы, поднимающие тучи пыли. Артем обратил внимание, что водитель старается обгонять самосвалы по широкой дуге, чтобы вылетающие из-под колес камешки не попали в стекло.

– Это мои ребята, щебень возят на верхний слой, – объяснил Федор Михайлович, показывая на проезжающий камаз.

– Откуда?

– Из Кремнева, от Маркова. Он дробилку и грохота поставил на терриконике, дробит пустую породу.

Артем знал, что Марков был начальником «Золотостроя», который базировался в отдаленном поселке на востоке области, где в шахтах добывали золото (вернее, руду, из которой потом извлекали золото, в поселке был свой золотоизвлекательный завод). Однако сейчас, в связи с общим развалом, оказалось, что добывать золото тоже невыгодно, и рудник приходил в упадок. Чтобы как-то выжить и прокормить своих работников, «Золотострой» стал по контрактам с дорожниками заниматься строительством небольших мостов, это была программа по замене деревянных мостов на железобетонные. Артем встречал Маркова в своей дирекции, но знаком с ним не был.

– Далеко ведь.

– Да, восемьдесят километров, зато в два раза дешевле, материал хороший.

Впереди показались бетонные блоки возле съезда на место производства работ. Существующая дорога уходила вправо за вершину лога, а новое направление, в два раза короче, шло прямо через лог. Они съехали на технологическую дорогу и остановились у того места, где разгружались камазы. Щебеночный конус был уже выше трех метров. Артем вышел из машины, подождал, когда отъедет самосвал, и подошел к отвалу. Щебенка была чистая, ровная, почти вся одинакового размера и чуть поблескивающая на солнце. Артем наклонился и взял небольшой камень: он был кубовидной формы, темного серо-зеленого цвета, довольно тяжелый. И так плотно лежал в руке, что не хотелось с ним расставаться. Артем спрятал его в карман. У него в рабочем столе лежала уже целая коллекция камней с разных объектов.

– Чувствуешь, какой материал? Это диорит, лучше не бывает, марка 1200. Сейчас возим в запас, пока есть возможность, хочу на всю дорогу заготовить. Завтра, если ты примешь подстилающий слой, начнем укладывать.

– А чем будете расклинивать?

– Попробуем своим, у меня есть щебень, дробленый из гравия, фракции 0-20.

Они поднялись на готовое земляное полотно, где уже был отсыпан подстилающий слой из гравийно-песчаной смеси. Место было высокое, и отсюда хорошо был виден весь строящийся участок, где шли земляные работы. По насыпи как муравьи ползали маленькие бульдозеры. Одни разравнивали привезенную камазами землю,

другие надвигали растительный грунт на откосы. Это было необычно: с недавних пор парк техники в ДРСУ начал обновляться и в ходу больше были тяжелые современные машины.

– Что это за машины?

– Это атэзэвские, я на Алтае по случаю купил. Они мне обошлись дешевле, чем «Катерпиллер» в лизинг брать.

– Но у них же производительность маленькая, на зарплату ты больше потратишь.

– Не волнуйся, у меня все подсчитано. Сейчас мастер подойдет. Ты не удивляйся, он у меня из бывших землемеров, с саженью не расстается.

– Вы этот участок сдаете?

– Вот от двенадцатого до двадцать шестого пикета. А до двенадцатого участок уже принят.

Подошел мастер – пожилой мужчина с загорелым лицом, в простой полотняной куртке. Через плечо у него был перекинут большой деревянный циркуль.

– Вот познакомься: Егор Матвеевич и его знаменитая сажень.

Они поздоровались, и Артем попросил измерительный инструмент, которым сам никогда не пользовался. Сажень оказалась очень легкой, дерево от долгого употребления потемнело и высохло. Артем попытался сделать несколько измерений, получилось не очень ловко, и он понял, что и тут нужно иметь сноровку. Егор Матвеевич улыбнулся, взял сажень и легко прошел двадцать метров.

Они вернулись на двенадцатый пикет и пошли по готовому участку, делая необходимые измерения. По подстилающему слою ходили гладковальцовые катки, а прицепной каток на пневмошинах стоял на обочине без движения.

– Федор Михайлович, я смотрю, у тебя ширина везде с запасом.

– Запас по ширине – это хорошо, можно уплотнять до края. А потом я бровку подрежу, и будет ровненько и красиво.

Все лунки, в которых измеряли толщину слоя, были сделаны близко к оси, и Артем попросил выдолбить контрольную в двух метрах от бровки.

– Ну как? – спросил Федор Михайлович, когда Артем закончил измерять и поднялся.

– Все нормально.

– А ты сомневался. Я ведь для себя строю, это моя дорога.

Они подождали, пока их обгонит каток, и пошли за ним, внимательно глядя себе под ноги. Со стороны их процессия, наверно, выглядела забавно. Двенадцатитонный каток шел по подсти-

лающему слою, практически не оставляя за собой следа. Но на последних двухстах метрах след появился. Артем подобрал камешек, бросил его под валец и, увидев, что тот не раздавился, сказал, что этот участок нужно еще уплотнять.

В вагончике, пока Артем смотрел общий журнал работ (тот велся с пятого на десятое) и писал замечания, мастер и Федор Михайлович оформили акт на скрытые работы.

– Ну что ты пишешь? Я же сказал: участок мы докатаем. А что касается заполнения журнала, все учтем и дополним. Егор Матвеевич, это тебе замечание, потом поправишь, – сказал Федор Михайлович, прочитав написанное Артемом.

По пологому склону они спустились в тальвег лога к выходному оголовку трубы. Сейчас лог был сухой, вода шла по нему только весной во время дождей и снеготаяния, однако диаметр трубы был полтора метра. Артем сам рассчитывал диаметр, учитывая площадь бассейна и расход воды.

Подошел мастер – молодой парень в бейсболке и белой майке. Засунув руки в карманы, он безучастно наблюдал, как Артем осматривает трубу, как его начальник объясняет все технические подробности. Внутри трубы было сухо, у самого входа лежали контрольные кубики бетона.

– Кубики испытывали? – спросил Артем.

– Да, через семь дней, результат нормальный, а это контрольные.

– Ну и что ты стоишь, как неживой? – обратился Артем к мастеру. – Неси проект, инструменты, рулетку, нивелир, рейку. Сейчас будем все проверять.

Парень вопросительно посмотрел на своего начальника.

– Ромка, тебе сказали – выполняй. Артем, не удивляйся, он после техникума первый год, малахольный немного, а так парнишка исполнительный. У меня здесь прорабом Руслан Салманович, но его сегодня нет, приболел немного.

Тень от насыпи падала на бетонную площадку перед трубой, и солнце не слепило глаза. Слышно было, как вверху по насыпи ходят бульдозеры, разравнивающие землю, гудят подъезжающие камазы.

Вернулся Роман. Артем вместе с ним померил укрепление и, настроив нивелир, показал Роману, где поставить рейку. У него с собой была исполнительная съемка, но он решил еще раз проверить размеры и отметки. Закончив, они под-

нялись на насыпь, чтобы перейти на другую сторону к входному оголовку.

– Федор Михайлович, а где у тебя катки? Ты что, землю совсем не уплотняешь?

– Так камазы груженные ходят и бульдозеры, да и толщина слоя небольшая.

– У тебя каток стоит без дела, загрузи и пригони сюда. Имей в виду, я дам задание лаборатории проверить уплотнение.

Все отметки на входном оголовке тоже были в допусках. Артем посмотрел чертежи, потом еще раз залез в трубу и тогда понял, что его смущает. Тело трубы было собрано из трехметровых звеньев, явно не дорожных.

– Федор Михайлович, ты из чего трубу собрал? В проекте типовые метровые звенья.

– Ну вот, я так и знал, что ты тут начнешь вопросы задавать. Это канализационные трубы, диаметр полтора метра, как по проекту. Я согласовал замену. Наташа в курсе, ты посмотри у нее в документах.

– А с проектировщиками согласовано?

– Наверное, я не помню.

– Но не худо было бы и с ними согласовать! – Артем начал раздражаться.

Они вернулись к машине и выехали на трассу.

– Ты куда теперь? Может быть, пообедаем?

– Нет, сейчас едем на федералку, там меня ждет Игорь Врохов.

– Это главный инженер ДРСУ-4? Когда Шевченко умер, я думал, его поставят начальником.

В машине было прохладно, но Артем никак не мог расслабиться. Они выехали на трассу, и минут через пятнадцать показалась вишневая «девятка», стоявшая в тени остановочного павильона.

– Давно ждешь? – спросил Артем, вылезая из машины.

– Нет, только приехал, – ответил Игорь.

Он поздоровался с Федором Михайловичем, и они сразу заговорили о своих делах. Артем собрал документы, которые лежали на заднем сиденье, и разложил их на багажнике «Волги».

– Федор Михайлович, давай договоримся: акт на трубу подпишу, когда ты привезешь мне все согласования и сертификат на звенья. Я хочу точно знать, под какую нагрузку они рассчитаны, это не дорожные звенья, а у тебя над трубой насыпь четыре с половиной метра. Что касается подстилающего слоя, я его принимаю. Последние двести метров нужно еще докатать, но это под твою ответственность. В дирекции я буду послезавтра.

– Слушай, дорогой, двести метров! Завтра все будет! – Федор Михайлович опять начал говорить сладким голосом товарища Саахова. – Труба в полном порядке, ты сам видел: все стоит. Там насыпь уже практически на проектной отметке, камазы груженные ходят. Это моя дорога. Специалисты делали, Наташа все принимала, а ты первый раз приехал. Что за вопрос?

– Вопросов нет. Да, еще в гасителе у вас какие-то обломки бетонные, неужели камень трудно было найти? И по поводу уплотнения земполотна: ты говоришь, что наша лаборатория приезжала, я посмотрю карточки испытаний, – сказал Артем, складывая бумаги в портфель.

Они пожали руки и, недовольные друг другом, разошлись по машинам. Артем сел на переднее сиденье рядом с Игорем.

– Как он меня утомил...

– Все правильно, не бери в голову. Эту трубу строила армянская бригада. Я не знаю, откуда они и что там Наталья принимала. Ты правильно сделал, что потребовал все данные. А так, если что случится, кто будет переделывать?.. Куда теперь, Учитель?

Они познакомились несколько лет назад. Игорь учился заочно, Артем был у него руководителем диплома. И с тех пор Игорь называл Артема Учителем, а тот Игоря – Мастером. В то время Игорь действительно работал мастером.

– Сейчас поедем на участок ремонта, тебе тоже не вредно там побывать, это ваша дорога, – сказал Артем, когда они развернулись и выехали на трассу. – Как тебе работаете с новым начальником?

– Нормально.

– А откуда его взяли? Он же не дорожник.

– Он наш, местный. Когда-то был учителем, директором школы, оттуда попал в райком, а в последнее время был депутатом. Как говорят, наш человек.

– Профессиональный начальник. А я думал, что тебя поставят, зря ты отказался.

– Ты сам знаешь. А с другой стороны, мне так спокойнее. Он в технические дела не лезет, занимается финансами, снабжением. Недавно нашел помещение для лаборатории, я уже оборудование заказал. Нормальный мужик, мне с ним легче, чем с Шевченко.

Дорога летела им навстречу, Игорь легко обогнал иномарку, потом вернулся от встречного фургона, который шел на подъем.

– Игорь, не гони так, успеем.

– Не волнуйся, Учитель, я дорогу знаю. Уже час, время обеда. Куда?

– Давай заедем куда-нибудь по дороге, ты тут хозяин.

Они проехали через две деревни и на перекрестке свернули на площадку, где в тени деревьев расположился целый городок из закусочных, кафе, столовых и шашлычных. Игорь объехал стоявшие машины и вырулил к простой избе без вывески, на самом краю. За домом виднелось поле, местами покрытое свежей зеленой травой.

– У меня здесь знакомый, Василий Кузьмич. Помнишь, я тебе рассказывал? У него ферма тут недалеко.

На просторной деревянной веранде три из четырех столиков были заняты дальнбойщиками, фуры которых стояли на площадке.

– Присаживайся, – сказал Игорь, показывая на свободный столик у прохода. – Здесь попрохладнее, чем внутри, я сейчас все организую. У Кузьмича меню без изысков, но котлеты у него знаменитые, ты таких в городе не попробуешь.

Артем присел и огляделся. Легкий ветерок шевелил полотняные занавески. Пластиковые столы, деревянные лавки вдоль стены, табуретки. Игорь принес вилки, ложки и хлеб в плетеной корзиночке, нарезанный большими кусками.

– Сейчас все будет. Окрошка, котлеты и компот. Или ты хочешь чай, кофе, какаву?

Окрошка подавалась в чашках, а котлеты с пюре – на больших тарелках. По размеру котлета с гарниром в городе явно тянула бы на две порции. Квас в окрошке был несладким, видимо, здесь его делали сами. Такой квас когда-то делала бабушка Артема, но теперь этот острый вкус был для него непривычным. А сочная, нежная котлета просто таяла во рту.

– Приятного аппетита, ребята, как обед? – обратился к ним подошедший немолодой, грузный мужчина, смуглый и черноволосый, похожий на цыгана.

– Здравствуй, Василий Кузьмич, спасибо. У тебя, как всегда, все отлично.

– Как твоему другу – понравилась моя харчевня?

– Все замечательно, очень вкусно. И порции у вас такие, что сегодня можно и не ужинать, – сказал Артем.

– Василий Кузьмич, познакомься, это мой учитель и куратор – Артем Васильевич.

– Для вас просто Кузьмич. Друзья моего друга и мои друзья. Вы теперь дорогу знаете, заезжайте, всегда рад буду... Игорь, я что хотел попросить. Если сможешь, там с восточной стороны немного еще надо подправить, и тогда можно круг закончить. – Он указал на поляну за окном.

– Это что у вас, футбольное поле? – спросил Артем.

Кузьмич заулыбался:

– Нет, в футбол я уже не играю, это беговой круг для лошадок. Мы с компаньоном, это его земля, хотим сделать что-то вроде маленького ипподрома, чтобы было место, где можно лошадок потренировать. А Игорь нам помогает.

– Кузьмич, намек понял, постараюсь в начале месяца, когда будет посвободнее. Я тебе сообщу. Как у тебя тут дела идут, никто не наезжает?

– Нормально, народ ко мне идет, работаем до позднего вечера. Если бы еще не разные дурацкие проверки... А насчет наездов, – он усмехнулся, – нет тут таких, все хорошо. Ну, не буду вам мешать, я знаю, вы на работе всегда торопитесь. Рад был познакомиться! – Кузьмич пожал им руки и неспешно удалился.

– Хороший мужик. Был главным механиком в колхозе, а сейчас у него ферма, коровы, лошади. Вот харчевню построил, чтобы было где излишки реализовывать. У него тут все свое, опять же живые деньги. Лошади – это его хобби. Мы с тобой удачно попали, он здесь не каждый день бывает.

Теперь они ехали на юг, и яркое солнце светило прямо в глаза, щитки на лобовом стекле были опущены. В машине, несмотря на открытые окна, было душно, и Артем почувствовал, что его клонит ко сну, глаза начинают слипаться. Он посмотрел на Игоря, тот тоже бодрым не выглядел. Ровный гул мотора и хороший обед действовали усыпляюще. Прошлым летом вот так же после обеда разбился начальник управления, который сам был за рулем.

– Мастер, ты не спишь?

– Нет, не волнуйся, Учитель.

– Не чувствую бодрости в моем голосе. Сматри не пропусти 271-й километр, – сказал Артем. И после паузы, чтобы продолжить разговор, спросил: – Ты за кого голосовать будешь?

– Когда?

– Вот на следующий год будут выборы президента.

– Ну, не знаю, а кто там будет? Опять Ельцин, Зюганов, Явлинский?

– Говорят, вроде генерал Лебедь собирается.
 – Нет, генералов нам не надо. Недавно видел Ельцина по телевизору, что-то он неважно выглядит, неужели опять пойдет на выборы? И так уже вошел в историю.

– Горбачева уволил, СССР развалил, парламент расстрелял – молодец.

– Осталось только с Чечней разобраться.

Они обогнали несколько фур, повернули направо и, проехав еще немного, остановились на обочине у километрового знака. Свежеуложенное покрытие, еще не затертое шинами, четко выделялось на фоне старого асфальта. Интенсивное движение шло в обоих направлениях. Они прошли по обочине, оценивая качество работы, потом перешли на другую сторону. Вернулись обратно.

– Что скажешь, Мастер?

– Выполнено с надлежащим качеством. – Игорь улыбнулся. – Сразу видно, что не волокушей укладывали, техника у них хорошая. Кстати, асфальт они берут с нашего нового АБЗ. Это правильно, что вы стали закладывать в стоимость затраты на развитие производственной базы. Без хорошей техники качества не будет.

– Да, наш шеф – стратег, нужно отдать ему должное, его энергии можно только позавидовать.

– Я думаю, что он тут долго не задержится, не зря к вам высокое начальство зачастило. Заберут его в Росавтодор.

– А мы все так же будем брести под палящим солнцем вдоль кромки свежеуложенного асфальта.

– Каждому свое.

– Рецепт на асфальтобетонную смесь ваш?

– На выравнивающий слой они работали по нашему рецепту, а на верхний привезли свой, утвержден дирекцией. Материал сами завозили, у нас на них рассчитано не было, и щебень узких фракций мы не готовили.

Теперь они ехали медленно, и Артем по привычке не отрываясь смотрел на покрытие, оценивая ровность, качество швов и структуру асфальта.

Впереди показался силуэт асфальтоукладчика, а на противоположной стороне дороги под деревьями виднелись стоящие на колесах вагончики и легковые машины.

– Приехали, ты занимайся. Я съезжу на АБЗ и заскочу на свой участок, потом вернусь за тобой, – сказал Игорь, останавливаясь на съезде.

Артем пошел по траве вдоль насыпи. Трава была жесткой и пыльной, идти по ней было неприятно, и он поднялся на обочину. Машины шли по одной полосе; вторая, огороженная красными пластмассовыми конусами, блестела от разлитого битума. Там, где кончалось свежее уложенное покрытие, стоял асфальтоукладчик. В тени деревьев на траве сидели рабочие в оранжевых жилетах.

– Добрый день, где ваше начальство? – спросил Артем.

– Там, в вагончике отдыхает.

По шаткой лесенке Артем поднялся в вагончик. В тамбуре сломанные лопаты, таблички дорожных знаков и разный хлам. Дверь направо открыта, на пороге лежит влажная тряпка. Видно, пол только что помыли, и от этого в вагончике прохладно и чисто.

Под окном с голубыми занавесками на лавке лежала женщина в синем фирменном комбинезоне и белой футболке, лицо ее было прикрыто косынкой. Крупная фигура, рассыпавшиеся русые волосы – Артем сразу узнал ее. Он остановился на пороге и ощутил, как теплая волна волнения подкатила к сердцу. Женщина почувствовала его присутствие и села, опершись двумя руками о лавку. Румяная, загорелая, она смотрела прямо перед собой, потом повернула голову в его сторону, и большие голубые глаза ее стали еще больше.

– Артемка, ты? Откуда ты взялся, черт тебя возьми?

Она сгребла его в охапку, и он почувствовал, какая она большая и сильная.

– Машка, Зубцова, раздавишь! Бог ты мой, вот не ожидал! Мне говорили, что тут парнишка мастер.

– Артемка, представляешь, глаза открываю, а ты стоишь в дверном проеме. Ну, думаю, или снится, или крыша уже от жары поехала. Дай я на тебя посмотрю. А ты все такой же, совсем не изменился, даже не поправился.

– А ты похудела, красавица...

– Опять скажешь: кустодиевская...

– Машка, ты в сто раз лучше!

Артем помнил их первую встречу, когда они, два «шнурка», абитуриенты, бродили в главном корпусе в поисках аудитории, где проводилась

консультация по математике. Маша – розовощекая, с толстой русой косой, в пестром сарафане – показалась ему совсем неподходящей персоной для дорожного факультета. Когда они поднимались по лестнице, он сказал: «Девушка, вы прямо кустодиевская красавица». Тогда он ко всем незнакомым обращался на «вы». Маша не знала, как это понимать, но интонация ее обидела. Потом она долго на него косилась и про себя называла замухрышкой. После зачисления они оказались в одной группе. На первом курсе в отличие от Артема Маша сразу активно включилась в студенческую жизнь, ей все было интересно: встречи, вечера, танцы в общежитии, самостоятельность.

– Активистка, комсомолка, спортсменка, копье бросала. Из кустодиевских девушек я тебя давно разжаловал.

– А ты был такой тихоня, «ботаник». Как ни зайду к вам в комнату, ты все на кровати с книжкой лежишь, даже на танцах в общежитии я тебя на первом курсе ни разу не видела.

– Танцы на первом курсе я действительно пропустил, о чем сейчас жалею. Поздно до меня дошло, что жить нужно сегодня и сейчас.

– «Любите при свечах. Танцуйте до гудка. Живите при сейчас. Любите при всегда».

– Все верно. А помнишь, как твоего Витю на геологической практике клещ укусил и тебя отравили вместе с ним в город? Наверное, тогда у вас все и началось.

– Да, мы в поликлинику приехали, ему иммуноглобулин вкололи, а клещ оказался незаразный, но это мы уже потом узнали.

Они говорили, перебивая друг друга, не скрывая своей радости, как бывают рады близкие люди, неожиданно встретившиеся после долгой разлуки. Теплое чувство родства, симпатии переполняло их. Прекрасное время, которое они прожили вместе, никуда не ушло и опять было с ними. Они вспоминали имена и даты, места и события, и все это вперемешку возникало само собой.

– А я почему-то помню, как увидела тебя на стадионе. Наши играли с механиками. Это было осенью на четвертом курсе. День был пасмурный, пустые трибуны, и ты идешь между скамеек с девушкой в черном плаще. Она такая тоненькая, изящная, плащ черный с красным и волосы по ветру, а ты сзади какой-то невеселый. Я ей немного позавидовала, почему я не такая... Вы спустились и ушли и нас с Витей не заметили.

– А я все вспоминаю вашу свадьбу – в столовой на окраине. Дипломирование, защита, все волнуются, а вы свадьбу устраиваете, с ума сойти.

– А что, весело было, есть что вспомнить. У меня фотографии сохранились, где вы с Аннушкой нас поздравляете. Где она теперь?

– Не знаю. Я давно уже никого не видел и даже понятия не имею, кто где. Так мы ни разу и не собрались. И на кафедре тоже никого из наших не осталось.

– Все поразъезжались. Ты не представляешь, как я рада тебя видеть. Сначала еще с девчонками переписывалась, а сюда переехала – всех растеряла. А ведь какая у нас дружная группа была. Помнишь, как прощались, обещали не забывать, встречаться...

– «Писать друг другу обещали. Смеялись шуткам, уходя. Потом друзей своих теряли, двух нужных слов не находя».

– Это ты, что ли, сочинил?

– Нет, это кто-то до нас. Я слышал, что Кузнецов в Америке.

– Интересно, чем он там занимается, неужели дороги строит? В прошлом году мне кто-то мельком сказал, что в строительном отделе новый главный специалист по кличке Доцент. Вот не думала, что это ты.

– Слушай, Маша, а ты как здесь оказалась? Или на родину потянуло? Ведь вы в Курган распределялись.

– Да, нас шесть человек туда поехало. Леша с Любой недолго там были, рванули куда-то на юг, к родственникам. Шишкины оставались в Кургане, наверное, до сих пор там, а мы с Витей в Шадринске были. Слушай, а где твоя архитекторша, с которой ты тогда притащился на выпускной? Ты, случайно, на ней не женился? А что, экстравагантная девица была...

– Нет, Маша. Она поехала по распределению в Иркутск, а я в аспирантуру поступил. Одно время переписывались, но больше не встречались.

– Ты что, не женат?

– Ну почему же, женился в Москве. Полина защитилась, и мы сюда приехали.

– Защитился?

– Нет, уже не до этого было.

– Ну да, не хочу учиться, а хочу жениться. Она что, москвичка?

– Нет, аспирантка из местного политеха.

– Помню, помню, ты всегда западал на умненьких девчонок. Ты же у нас любитель вести интеллектуальные беседы.

«Только вот тем для бесед и разговоров становится все меньше и меньше», – подумал Артем.

– Машка, ты откуда все знаешь?

– Даже больше, чем ты думаешь, не зря я с тобой пять лет на одной кухне картошку жарила. Я вообще-то думала, что ты тоже где-нибудь науку двигаешь.

– Зачем ее двигать, пусть стоит, мы с тобой лучше практику будем двигать. Ты лучше скажи, где твой Витя?

– Далеко он.

– Вы что, разошлись, что ли?

– Даже не знаю, как сказать...

– Маша, не хочешь – не говори.

– Ты знаешь, Артемка, я действительно никогда ни с кем об этом не говорила. Да если честно, то и не с кем, школьные друзья разъехались. Родители переживают, я теперь с ними живу, внука, моего Саньку, балуют. Он с ними вырос.

Она задумалась, глядя куда-то мимо него. Потом продолжила:

– Мы с Витей шесть лет в Шадринске отпахали. Приехали туда – сразу квартиру получили, Витя стал главным инженером управления, я в техотделе сидела. Зимой в Свердловск ездили, там рядом. Останавливались у Татьяны в гостинке, помнишь, она в проектный распределялась? Машину хотели купить. Потом родственники голову ему задурили, они на историческую родину засобирались. Мы переехали к ним в Кустанай, квартиру обменяли. И смех и грех с этими немцами! В Германию собрались, а у самих только бабушка еще мало-мало по-немецки говорила да тетка, которая в школе язык преподавала. Стали документы собирать, а со мной, как всегда, проблема. Мы же тогда женились на скорую руку, буквально за две недели, нас в горисполкоме в субботу расписали. У меня там знакомые девчонки были, и я с ними договорилась. Нам просто штампы в паспорте поставили и свидетельство выдали. Фамилии у нас разные. В общем, документы собрали, два года ждали. И так совпало, что дали разрешение на выезд, а мне рожать надо. Я Вите говорю: поезжай, а я рисковать больше не буду, поеду к маме, потом будем решать. Вот и решаем уже пять лет.

Она замолчала.

– Не жалеешь, что с ними не поехала?

– Как тебе сказать... Что бы я там делала с маленьким ребенком, без языка, без работы? А с другой стороны, ты же видишь, что у нас после 91-го года творится.

– Жизнь поменялась, и не в лучшую сторону. Кто бы мог подумать, что страна развалится?

– А теперь сама не могу родителей оставить, я одна у них надежда и опора. Они оба на пенсии, которую по полгода не выплачивают. Папе скоро семьдесят лет будет, он сторожем устроился за копейки, для молодых работы нет, у нас в поселке только дорожники живые деньги получают. Весной в управлении очередь выстраивается, на работу по конкурсу берут, как во ВГИК. Я только вот не знаю, долго ли будет такая лафа дорожникам, может, скоро и нас по миру пустят.

– Да, уже идут разговоры, что дорожный налог надо отменить. Такие большие деньги – и мимо Москвы идут. Никто не толпится в коридорах, не заносит в кабинеты, не дает откаты – нонсенс!.. Витя с тобой на связи? Как он там?

– Все нормально, пишет, иногда звонит. Они, как приехали, сразу гражданство получили, теперь мы с ним граждане разных стран. На меня обижаются, что я сына на свою фамилию записала. Диплом он подтвердил, потом курсы повышения квалификации прошел, не знаю, чему его там учили, наверное, терминологию осваивал. После курсов на работу устроился. В последнем письме написал, что права получил. Все обещает приехать, но сюда возвращаться не хочет. Вот, Артемка, никак не пойму: почему с тобой всегда так легко? Все тебе выложила, а ты сидишь молчишь. А как у тебя сложилось? Давай, перелистайся.

– Да у меня все просто, без приключений. Когда сюда приехал, преподавал немного, потом Полина возглавила кафедру, ушел. В это время Павлик меня пригласил в Гипродор. Потом образовался дорожный фонд, меня с его подачи Сергей, главный инженер, взял в строительный отдел. Сергей тоже наш выпускник, но он заканчивал еще в семидесятых, давно, ты, наверное, его не знаешь.

– Павлика помню, он в студсовете был, но здесь ни разу не встречала. А у вас в дирекции я вообще ни разу не была. А потомство у тебя есть?

– Нет, некогда нам, у нас кафедра, симпозиумы, конференции...

По тому, как он это сказал, Маша поняла, что эту тему развивать не стоит. Она встала и подошла к столику у стены, где аккуратными стопками были сложены папки с документами.

— Ну что, лирическая часть закончена, начнем работать? Ты же на приемку приехал, а я тебя заговорила.

Теперь они сидели за столом друг против друга, и Артем второй раз за день смотрел технологические карты, акты скрытых работ, карточки испытаний, процентовки... Здесь все было разложено и систематизировано по датам и видам работ. Сведения о погоде и количестве уложенной смеси, о пройденных метрах и исполнителях — все было в наличии.

— Маша, а ты давно у Садовского?

— Уже третий сезон. Он папино управление фактически выкупил за фантики, ну, за ваучеры, и свою базу там развернул. Где он этих ваучеров набрал?..

— Ты вспомни, сколько тогда разных фирм «Рога и копыта» появилось, которые ваучеры собирали и обещали золотые горы. А теперь их и след простыл...

— Точно, папа тоже вычитал рекламу в «Известиях», отнес наши ваучеры. Выдали ему какие-то сертификаты, которые теперь не стоят бумаги, на которой они отпечатаны. Капиталистов из нас не вышло.

— Капитализм у нас строят бывшие коммунисты, комсомольцы и сотрудники журнала «Коммунист». Построить коммунизм у них не получилось, теперь они строят капитализм, правда, только для своих.

— Когда управление приватизировали, Садовский паи выкупил, папа принципиально не захотел с ним работать, а я осталась. Сначала Садовский меня поставил начальником техотдела, потом своего человека привел, а я пошла мастером, сейчас начальник участка. Надо сказать, Садовский развернулся, ничего не боится, с немцами дружбу завел, с фирмой «Виртген». Витя как-то мне для него нормы немецкие присылал. Ты видишь, какая у нас техника: фрезы, асфальтоукладчики, катки? Хочу договориться, чтобы он меня в Германию в командировку отправил, выдаюсь со своим благоверным.

— А чем Витя сейчас занимается?

— В последнем письме написал, что устроился в дорожную фирму, работает на содержании, у них там своя система. Недавно деньги прислал. Фамилию мою еще не забыл. Ты знаешь, я за него переживаю даже больше, чем за себя. — Она замолчала. — Ну вот, я опять о своем... Артем, ты весь участок проехал, как впечатление?

— Визуально: смесь по всему участку однородная, битумные пятна отсутствуют, поперечные швы перпендикулярны к оси дороги, сопряжение сопредельных полос практически не заметно. В целом — «удовлетворительно».

Он говорил монотонно, низким голосом и видел, как глаза у Маши становятся растерянными и печальными.

— Машка, все отлично, ты молодец! И ровность хорошая! — Артем выдержал паузу и рассмехался.

— Артем, ну ты меня напугал! — Она толкнула его в плечо. — Ты так говорил на полном серьезе, что у меня сердце в пятки ушло.

— Нет, правда, Маша, все у тебя хорошо, я рад за тебя. Ты лучше расскажи, как это тебе удается.

— А ты как думаешь? Я с этой бригадой уже не первый сезон работаю, технику мы освоили. Мастер у меня молодой, но я его за лето натаascaю.

Артем чувствовал ее профессиональную гордость, и еще он вдруг понял, что от той девочки с длинной косой, которую он знал много лет назад, ничего не осталось. Теперь это была сильная, уверенная в себе женщина. Может быть, не очень счастливая, но знающая себе цену.

— Все посмотрел бумаги? Замечания есть?

— Замечаний нет.

— Пошли на дорогу, покажу все в натуре.

Они встали из-за стола. Маша повязала козынку и надела оранжевый жилет.

— Маша, возьми рулетку.

— Артем, какая рулетка, ты посмотри, что на дороге творится, — сказала она, доставая из-под лавки курвиметр. — Ты куда пошел? Надевай жилет, мы под движением работаем. Хоть знаки и стоят, но кто на них внимание обращает? Я не знаю, почему вас фирма не экипирует как следует, ходите в чем попало. Кто у вас за технику безопасности отвечает?

— Ну, это у вас фирма: комбинезоны, бейсболки с эмблемой, — сказал Артем, надевая оранжевый жилет.

— Антон! — крикнула Маша, когда они проходили мимо рабочих, и молодой парень, не задавая вопросов, пошел к асфальтоукладчику, взял рейку, которой меряют уклоны, и догнал их на обочине.

Теперь, сверяясь с ведомостью промеров, стараясь не попасть под движущиеся машины, Артем с Антоном измеряли ширину покрытия и поперечные уклоны, а Маша записывала результаты. В открытых вырубках Артем померил тол-

щину покрытия. В свежем асфальте четко определялась толщина слоев.

– Слушай, Маша, а ты права: с рулеткой здесь действительно делать нечего. С курвиметром и то бегаешь как заяц, – сказал Артем, вытирая мокрый лоб.

– Видишь, все сходится, а ты – «визуальный осмотр»! Сегодня я сдаю четыре километра в две полосы, согласен?

– Да, Маша. А ты сколько можешь за день пройти одной полосой?

– Если завод работает без перебоев и хватает машин, то могу пройти два километра. Бригада у меня с прошлого года. Сегодня мне полосу нужно закрыть, там, где подгрунтовка разлита.

– Игорь на завод поехал, я думаю, все будет. Я смотрю, у тебя все как по учебнику: пикетаж, плюсовые точки на покрытии, промеры все в допуске. Молодец.

Делая промеры, они дошли до километрового знака и повернули обратно.

– А что, нас хорошо учили. Самое главное – научили учиться.

– Маша, вот это ты верно подметила.

Они снова были в вагончике и раскладывали документы, когда снаружи кто-то крикнул:

– Мария Николаевна, машины подходят!

– Артемка, я пошла, ты мои экземпляры оставь на столе.

Артем вышел из вагончика, когда груженный камаз вырулил на полосу и двое рабочих поднялись на борт и начали сворачивать тент. Лаборант, молодой парень, видимо студент, уже мерил температуру смеси в кузове машины. Маша давала краткие указания рабочим, принимала документы у водителей, что-то говорила Антону, который был рядом. Все выполнялось без лишних разговоров. Рабочие убрали брус с торца ранее уложенного асфальта, асфальтоукладчик подошел вплотную к кромке покрытия и раскрыл бункер. Камаз задним ходом подъехал к асфальтоукладчику и поднял кузов. Горячая маслянистая смесь медленно начала переливаться из кузова автомобиля в бункер асфальтоукладчика, который сразу начал движение, оставляя за собой ровную черную полосу горячего асфальта. Антон металлическим щупом померил толщину слоя и показал Маше.

– Нормально, – сказала она, и они пошли встречать следующую машину.

Теперь все вокруг было наполнено движением и гулом машин, горячим запахом асфальта.

Один за другим двигались катки, рядом с асфальтоукладчиком шли рабочие с лопатами и правилкой, подъезжали и разворачивались камазы с асфальтом. Все делалось четко и без суеты, видно было, что каждый здесь знал свое место и свой маршрут. В этой слаженной работе машин и людей было что-то завораживающее. Движение автомобилей по смежной полосе не останавливалось, отделенное от дорожников не только рядом красных пластиковых фишек, но и дрожащим марево горячего воздуха, поднимающимся от асфальта. Артем вспомнил, что у него есть электронный градусник. По обочине он догнал асфальтоукладчик и замерил температуру смеси в бункере.

– Сколько намерил? – спросила Маша, неожиданно оказавшись рядом.

– Нормально, 145. А сколько было в кузове?

– Примерно столько же. Завод недалеко, и день жаркий. Артем, тебя машина ждет.

Артем оглянулся и увидел махавшего ему Игоря.

– До свидания, Маша, еще увидимся, удачи тебе. Все будет хорошо.

– Давай, Артем, не пропадай. Как славно, что ты приехал и мы поговорили. Ты не представляешь, как это для меня важно.

Она обняла его одной рукой, поцеловала в щеку и пошла к асфальтоукладчику, делая какие-то замечания ребятам, которые были «на лопате».

Когда они отъехали, Артем оглянулся. Между катками он увидел зеленый асфальтоукладчик с желтым тентом, оранжевые жилеты рабочих и белую косынку Маши.

– Все, провел приемку? – спросил Игорь. – Я смотрю, ты с Марией Николаевной близко успел познакомиться, не ожидал. Что улыбаешься, не хочешь с коллегой своим секретом поделиться?

– Никакого секрета, мы с ней учились в одной группе. И вот первый раз встретились после института. наших выпускников здесь совсем мало.

– Узок круг этих революционеров... Интересная девушка, деловая, редко таких встретишь. Говорят, она не замужем?

– Нет, у нее муж в Германии и сыну четыре года.

На перекрестке Игорь повернул налево, теперь они ехали на восток, и солнце светило справа сзади. Эта дорога была Артему хорошо знакома. Уже второй год он постоянно ездил по ней на

свой объект – первую стройку, которую начал с нуля. Десятикилометровый участок с путепроводом через Транссибирскую железную дорогу строился по отдельному проекту и завершал строительство «Обхода».

На железнодорожном переезде они встали, ожидая, когда пройдет поезд.

– Вот закончим «Обход», и надо здесь путепровод строить, – сказал Игорь, глядя на вереницу машин, стоящую перед шлагбаумом.

– Проекта нет, пока одни разговоры. Да и дорога эта не наша, а у федералов в ближайшие годы до этого переезда руки точно не дойдут. Игорь, ты субподрядчикам сказал, что планерка будет в 17.30?

– Вчера всем позвонил, Афанасий должен сегодня напомнить. Учитель, хочу спросить: почему ты всегда назначаешь «плюс тридцать»?

– Не знаю, мне кажется, это как-то дисциплинирует.

Они стояли на широкой насыпи, по которой ходили кулачковые катки, оставляя за собой глубокие квадратные следы. Артем поднял кусок грунта и размял его в руке: тот был как пластилин. Разговаривая, они прошли вдоль насыпи.

– Это откуда суглинок?

– Из первого карьера, там верхние слои еще были более или менее, а дальше вообще мокрый грунт.

– Я смотрел последние карточки испытаний, согласен: грунт в таком виде использовать нельзя. Что будем делать, сушить?

– Да это бесполезно, мы уже пробовали. Есть другое предложение. Мне показали старый карьер, где брали грунт, когда железную дорогу строили. Сейчас подъедем, посмотрим.

Они выехали на трассу, обогнули деревню и по полевой дороге, которая только угадывалась в густой траве, поднялись вверх по косоугру. Крутой склон уже порос мелким кустарником, и только подрезанный откос желтым пятном выделялся на фоне зелени. Они вышли из машины и подошли к забою. Артем взял горсть грунта, золотистая струйка легко потекла из ладони в ладонь.

– Это не песок, скорее всего, супесь, очень сухая, пусть лаборатория проверит.

– Уже взяли пробы – и отсюда, и там выше, всего в четырех местах. Подсчитаем запас, завтра будет результат.

– Ну что, это выход. Но тебе на всю насыпь не хватит, визуально тут его не очень много.

– Это только на подходы с западной стороны. И я не хочу отказываться от суглинка из резерва. У меня два варианта: или отсыпать послойно, или мешать на месте.

– Мешать на месте предпочтительнее, нужно только определиться с пропорциями, чтобы была оптимальная влажность.

– Не вопрос.

– Меня другое волнует: чья земля?

– Тут не пашут, не сеют, это неудобка. Я думаю, это муниципальные земли.

– Это тебе так кажется. Только начнешь копать – сразу объявится собственник или пайщик и начнет права качать. Нарвешься на неприятности, и я вместе с тобой. Еще не дай бог, если это лесные земли.

– Ну какой здесь лес? Так, кустарник.

– Знаешь, как лесники затраты считают? Исходя из того, что здесь может расти лес бесконечно долгое время. А растет он или не растет, их не волнует.

– Не пугай, я думаю, мой шеф все уладит, у него в районе связи остались. Рекультивацию мы потом сделаем.

– Это само собой. Если нужны письма от нас, я подготовлю. Но имей в виду: у тебя будут затраты на перевозку. За счет непредвиденных я тебе все не компенсирую.

Отвод земель – это вопрос, который больше всего напрягал Артема в его новой работе. Даже при советской власти, когда практически все земли были государственными, отвод земель под дороги решался непросто. А нынче, во время строительства капитализма, свободы и демократии, стал на порядок сложнее. Все это усугублялось тем, что старые документы еще действовали, но к ним добавились новые, созданные второпях и очень далекие от реальной жизни. В этой мутной воде каждый ловил свою рыбу. Если старые администраторы, сохранившие свои должности, еще были готовы учитывать затраты с коэффициентом 0,2 (было такое постановление облисполкома), то новые собственники считали затраты и упущенную выгоду в меру своей фантазии. Часто случалось так, что дорогу уже вводили в эксплуатацию, а отвод земель еще продолжался.

Артем помнил, как отводил землю для строительства подходов к мосту. Новоиспеченный фермер, который выкупил пай у односельчан, принес ему свой расчет. Упущенную выгоду он подсчитал следующим образом: урожай зерна, который он теоретически мог получить с этого пустыря, пере-

вел в кормовые единицы, пересчитал их в мясо, а потом прикинул, сколько из этого мяса может получиться колбасы, стоимость которой и предъявил в расчете. Артем бодался с ним несколько месяцев, пока вопрос не попал в областную администрацию. Заместитель губернатора встретился с фермером на планерке у строящегося моста, и вопрос был решен: затраты стали на порядок меньше.

– Куда теперь? – спросил Игорь, когда они въехали в поселок, который на десять километров растянулся вдоль существующей дороги.

– Назад возвращаться не будем, давай через переезд и к тебе на участок. Подстилающий слой готов?

– Да, мы уже начали устанавливать рельс-формы для основания.

Им повезло, шлагбаум был открыт, и ждать на переезде не пришлось. Коротким переулком они выехали на гравийку, которая уходила на юго-восток. Вокруг были брошенные поля, уже начавшие зарастать молодым лесом. Скоро вдалеке показалась насыпь строящейся дороги.

Когда они подъехали ближе, стало хорошо видно рабочих и технику. И дальше, у самого горизонта, за логом, где шли земляные работы, угадывались силуэты бульдозеров, самосвалов, которые двоились в раскаленном воздухе.

Подстилающий слой из светлой щебенки, отсыпанный на всю ширину земляного полотна, под солнцем казался почти белым. На нем четко выделялась желтая полоса песка, ограниченная темными линиями рельс-форм. Небольшой погрузчик по одной перетаскивал металлические балки, рабочие устанавливали их вдоль натянутого шнура и забивали штыри с наружной стороны. Молодой парень в оранжевом жилете на голое тело остановился, ожидая их. Голова его, как у пирата, была повязана светлым платком с черными иероглифами.

– Познакомьтесь, Артем Васильевич, это Алексей Николаевич, он теперь отвечает у нас за дорожную одежду, – сказал Игорь, когда они поднялись на насыпь рядом с поливочной машиной.

– А где Афанасий? – спросил Артем, обращаясь к Игорю и пожимая руку Алексею.

Лицо парня показало ему знакомым.

– Афанасия я перебросил на земполотно.

– Мы с вами нигде не встречались? – спросил Артем.

– Артем Васильевич, – парень заулыбался, – вы нам на первом курсе читали «Введение в специальность», а потом были у нас на защите. Вы еще спросили меня, что такое бровка, а я растерялся и никак не мог сформулировать, потом просто показал на чертеже.

– Точно, помню. Мир тесен. А теперь, Алексей Николаевич, сформулируешь?

– Бровка – это линия пересечения верха земляного полотна и откоса насыпи.

– Молодец, пятерка. Теперь перейдем от теории к практике.

Парень был ему симпатичен, и хорошее настроение, появившееся после встречи с Машей, его не оставляло.

– Алексей Николаевич, как тебе тут работается?

– Нормально.

– А что главный инженер скажет?

– Посмотрим, как он первую захватку сделает, – улыбнулся Игорь.

– Ну что, Алексей, доставай рулетку.

Они пошли по щебенке, измеряя расстояние между рельс-формами, которые устанавливались на ширину будущего бетонного основания.

– Ну что, пока все по проекту. А это чей нивелир стоит, с тобой геодезист работает? – спросил Артем, когда они дошли до конца захватки.

– Нет, я сам, геодезист только дал мне отметки репера.

– Алексей, когда закончишь установку, сразу сделай исполнительную. Еще один вопрос, господа инженеры. У вас по проекту подстилающий слой из черного песка... – Артем строго посмотрел на Алексея.

– Мы хотели потом все пролить битумной эмульсией, – растерянно сказал тот и оглянулся на своего начальника.

– Учитель, не пугай молодежь. Мы же с тобой все согласовали, и ваш главный подписал.

– Игорь Александрович, а где вы такие рельс-формы взяли? Уж больно вид у них неказистый.

– Это спецстроевские, старогонные, дали нам попользоваться. Еле-еле подобрали на одну захватку.

– Когда бетон планируете принимать?

– Завтра. Завод уже настроен, рецепт согласован.

– Игорь, обрати внимание: стоит жара. Уход за бетоном проконтролируй сам.

– Пленка есть, опилки приготовлены, поливалка стоит. Мы и щебень увлажняем, чтобы луч-

ше уплотнялся, – сказал Игорь и показал на каток, который двигался им навстречу. – Куда теперь?

– Я пойду пешком, посмотрю земляное полотно у ваших субподрядчиков и трубу на тридцать втором пикете.

– Тогда я поеду, попробую включить кондиционер в штабном вагончике.

Игорь спустился к машине, а Артем пошел по готовому земляному полотну. Насыпь на этом участке была невысокой, справа и слева до самого горизонта расстилалась равнина, заросшая высокой травой с мелкими желтыми цветами. Оживляли пейзаж березовые перелески. С поля доносился запах травы, нагретой зелени, который смешивался с запахом разогретого грунта.

Идти, несмотря на жару, было легко. Артем вспоминал встречу с Машей. Он снова увидел ее под ярким солнцем на трассе, среди снующих машин, людей, горячего асфальта, и себя, идущего по дороге под тем же солнцем, и появилось необыкновенное чувство совершенной свободы. Это захватившее его целиком переживание, светлое и радостное, было ни на что не похоже.

Его всегда удивляло, что в этом огромном мире, в бесконечном пространстве вариантов, возможностей каждому есть место для приложения сил. И так случилось, что дорога и есть его место, его путь. Но почему это случилось, что предшествовало этому и как он оказался на этом пути?

Артем вспомнил, как после школы год работал на заводе. Полутемный гулкий цех, где под потолком ходили кран-балки, замкнутое помещение, наполненное грохотом машин, запахом разогретого металла... Но больше всего его угнетало ощущение несвободы во времени и пространстве. Нельзя войти и выйти без пропуска. Он до сих пор помнил свой табельный номер.

После школы одноклассники разъехались поступать в разные институты, а зимой, на первых каникулах, они встретились, полные новых впечатлений. Когда Артем сказал друзьям, что поступил на дорожный факультет, они посмотрели на него с сожалением, как на неудачника. Он улыбнулся, вспоминая об этом. Сейчас он просто шел по дороге под высоким светлым небом, и ощущение свободы, полноты жизни не покидало его.

Теперь мосты, дороги и все, что с ними было связано, и это огромное, ничем не ограниченное пространство природы, в котором они помещались, было местом его работы. Он знал, что через год здесь ляжет дорога и все эти развалы грунта,

карьеры и разрезы сгладятся и зарастут травой, а дорога станет лишь деталью ландшафта. Пройдет время, и будет казаться, что она была здесь всегда, и никто не вспомнит о тех, кто ее строил.

Подойдя к борту лога, Артем остановился. На противоположной стороне шли земляные работы. На разрытом участке, ограниченном справа и слева буртами снятого черного грунта, работали бульдозеры, экскаваторы, автогрейдеры, в беспорядке громоздились кучи грунта, щебня, штабеля бетонных блоков, труб, кабелей. По технологической дороге шли самосвалы с грунтом; выезжая на земляное полотно, они с грохотом поднимали свои кузова, вытряхивая остатки налипшего суглинка. Случайному человеку это хаотическое движение техники и рабочих могло показаться бессмысленным. Артем вспомнил, как, будучи студентом, впервые оказался на стройке и с недоумением смотрел на изрытое поле, не в состоянии определить, где же здесь будет дорога. Теперь для него не было секретов и он видел, что уже угадывается широко раскрытая выемка и как незаметно она переходит в насыпь с пологими откосами, как трасса будущей дороги плавно поворачивает влево и теряется за высокими тополями. И еще он знал, что весь этот хаос управляется и контролируется и во всем этом движении машин и людей есть своя закономерность и смысл.

Внизу, прямо перед ним, находилось светлое тело смонтированной трубы. Слышно было тихое журчание воды в ручье, что протекал по дну лога. Первый раз Артем приезжал сюда в конце апреля. Поля вокруг были покрыты талой водой, и по логу бежал быстрый мутный поток. Труба строилась уже второй год, и пока она не построена, насыпь здесь закончить невозможно. Строившее трубу АО «Монолит» сильно отставало от графика, и сейчас бурной деятельности тоже не наблюдалось.

С этой трубой с самого начала все шло наперекосяк. В проекте, прошедшем экспертизу, было запроектировано изящное сооружение овоидального сечения. Теоретически это было красиво, но практически невыполнимо ввиду отсутствия таких звеньев. Когда начали строительство дороги, трубу перепроектировали, заменив овоидальные звенья на прямоугольные блоки. Блоки нашли на Урале, но, когда их привезли, несколько штук оказались с браком, только после долгих препирательств их заменили на новые. Подрядчик, ООО «Фундаментстрой», начал очень бодро и до зимы забил свайное поле, однако вскоре выяснилось,

что лишь это он и мог делать хорошо. Зимой поставили «тепляк» и начали бетонировать фундамент. Весной сменили подрядчика, так как после паводка половину работ пришлось переделать. Теперь все было готово: тело трубы, оголовки, укрепление; осталось сделать гидроизоляцию, и можно возводить насыпь. Но это дело почему-то не двигалось.

Артем спустился в лог и вышел на бетонную площадку перед трубой. В противоналедном лотке бежала вода. Пройдя по трубе, он рассчитывал выйти на технологическую дорогу. Заодно хотел посмотреть, что исправлено по замечаниям, отмеченным в последнем акте проверки. Сечение трубы было два на полтора метра, и идти было легко. Недалеко от входа лежали инструменты, рулоны рубероида, куски пакли и корыто, в котором замешивали раствор. Чем дальше он шел, тем темнее становилось. Он еще ни разу не проходил всю трубу насквозь в одиночку. Примерно на середине (а длина трубы составляла почти 80 метров), ему стало не по себе, здесь было совсем темно. Только далеко впереди светился прямоугольник выхода. Журчание воды в лотке, гул шагов, какие-то шорохи... Обдало холодом и тревогой. Он пошел быстрее и, когда выбрался наружу, улыбнулся своим детским страхам. Блеск солнца, колыхание высокой травы, белая бетонная площадка – все это теперь выглядело по-новому, контрастнее и ярче.

По технологической дороге он прошел туда, где велись земляные работы и где его ждали. Переговоры и приемка работ заняли больше времени, чем Артем рассчитывал.

Штабной вагончик отличался от остальных только тем, что был раскрашен в цвета нового российского флага. Подходя, Артем услышал шум голосов. Все уже собрались и теперь пили чай, обмениваясь впечатлениями и новостями. Он поправил рубашку и, войдя, громко поздоровался.

– Театр уж полон; ложи блещут; партер и кресла – все кипит...

Все заулыбались.

– Артем Васильевич, вам чай черный или зеленый? – спросила Лена, стоявшая у столика в торце вагончика.

Одетая в голубые джинсы и легкомысленную кофточку, она была здесь хозяйкой и единственной женщиной в этом собрании мужчин. Работала Лена уже не первый год и по праву считалась

опытным, грамотным инженером. В ее обязанности входил сбор результатов лабораторных испытаний и контроль выполнения рабочих и технологических графиков. Еще она следила за выполнением протоколов различных совещаний и планерок, то есть вела большую бумажную работу. А следить за порядком в вагончике – это была ее общественная нагрузка.

Середину вагончика занимал узкий длинный стол и два ряда стульев. На стене висели графики и большая схема дороги. Артем прошел на свое место во главе стола. Лена положила перед ним болванку протокола – уже с фамилиями и должностями всех присутствующих. Это были мастера, прорабы, геодезисты и инженеры лаборатории, то есть те люди, которые непосредственно вели работы и решали все технические вопросы. Именно от них зависели сроки и качество работ. Из незнакомых Артему инженеров на планерку пришли электрик и связист, значит, у них появились вопросы. Проектировщиков не было, они приезжали по специальному приглашению или когда планерку проводил, как две недели назад, главный инженер дирекции. Тогда вообще состав был другой: в основном начальники и главные инженеры управлений.

76

Артем начал с того, что, не скрывая досады, сразу обратился к прорабу АО «Монолит»:

– Вадим Матвеевич, что за дела? Сейчас был на вашем объекте – там ни души. Вы еще вчера должны были закончить гидроизоляцию. Когда дорожникам начнут засыпку? Вы нам график срываете...

– Артем Васильевич, у нас пересменка вахты и материала еще нет. Завтра вахта придет уже с полным комплектом, и мы до конца месяца фронт работ Игорю Павловичу обеспечим.

– То есть можно записать в протокол: подвиг совершим до первого числа. Хорошо, через неделю приеду проверю, если нет, оштрафую за невыполнение графика, не обижайтесь. Теперь по предыдущему протоколу. Товарищи инженеры, только прошу без пространных объяснений. Если не выполнено, то когда будет выполнено, а почему – это сегодня уже неинтересно.

Но все призывы Артема быть краткими и конкретными пропали втуне. Было много разговоров, шуток и подколов. После того как похвалили передовиков и пожурили отстающих, записали в протокол сроки и ответственных за выполнение поручений и устранение замечаний, перешли к обсуждению графика работ. Как всегда в начале

лета, все были настроены благодушно, хотя повода для особого оптимизма Артем не видел. Тут все цеплялось одно за другое. С электриками никак не могли договориться, куда переносить опоры ЛЭП. Их не устраивала ни стоимость работ, заложенная в смете, ни местоположение опор. Связисты запросили дополнительные резервные каналы, помимо заложенных в проекте. Были и другие технические и организационные вопросы, которые требовали решения.

Закончив планерку, Артем остался в вагончике с главным инженером мостовиков. Центральный пролет путепровода, перекрывающий железную дорогу, еще не был смонтирован. Монтаж балок в этом пролете планировалось выполнять «в окно», то есть железнодорожники должны закрыть движение по магистрали на несколько часов, чтобы дать возможность строителям выполнить свою работу. Теоретически Артем знал, что это такое, но на практике в таких работах не участвовал. Он передал главному инженеру письма в дистанцию пути, которая находилась в соседней области, с гарантией оплаты, и они перешли к обсуждению технических подробностей. Пока беседовали, Лена успела отпечатать и подписать рабочий протокол.

— Артем, что мы тут в духоте сидим? Пойдем, лучше я тебе на месте все расскажу, так нагляднее будет.

Они вышли из вагончика.

— Игорь, мы с Валерием Ивановичем пройдем на путепровод, а вы меня подождите на трассе. Пока вы будете объезжать, я как раз подойду. Возьми мой портфель.

— Хорошо, Учитель, — отозвался Игорь, уже шедший с Леной к машине.

С крыльца вагончика в лучах заходящего солнца конструкция путепровода походила на гигантское насекомое, которое на длинных тонких ножках перешагивало через насыпь железной дороги.

— Валерий Иванович, у вас две балки лежат без прокладок, — сказал Артем, когда они шли к путепроводу. — Я замечание в журнал записал, не доводи дело до штрафа.

— Да, я своим уже хвоста накрутил. Сразу, при разгрузке, не поставили на прокладки, а они тридцать восемь тонн, так просто не справишь. Я завтра кран пригоню, все сделаем.

Они поднялись на железнодорожное полотно, справа и слева возвышались конструкции путепровода. Впереди показался поезд.

— Пойдем отсюда, лучше поднимемся наверх, — предложил Валерий Иванович.

Они спустились с насыпи, дошли до крайней опоры и по шаткой, почти вертикальной лестнице, сваренной из металлических прутьев, поднялись на путепровод. Здесь все выглядело иначе. Справа за деревьями виднелись вагончики, а внизу было широкое, как футбольное поле, охристо-желтое полотно насыпи. Новый ее слой только недавно отсыпали и разровняли, и суглинок чуть поблескивал в лучах солнца. По насыпи все так же друг за другом ходили бульдозеры, таскающие тяжелые кулачковые катки. От железной дороги насыпь шла прямо, но по мере удаления от путепровода становилась все уже и потом по широкой дуге уходила налево, чтобы там за деревьями сомкнуться с существующей дорогой. Это был как бы передний план, а дальше, насколько хватало глаз, открывалась бесконечная даль с распадками, лугами и перелесками. У самого горизонта на склоне холма, на фоне темной травы выделялось очень ровное ярко-зеленое поле, видимо, чем-то засеянное. По правой его стороне сбегал вниз ряд сосен. Это поле и одинокие сосны с широкими кронами почему-то напомнили Артему картины Брейгеля. Слева над полем в чистом голубом небе висело два небольших пушистых облачка.

— Ты что засмотрелся?

— Красиво. Почему-то напоминает картины Брейгеля.

— Да, красиво, но мне кажется, он в основном зимние пейзажи писал.

Они пошли по балкам в сторону железной дороги. Два пролета были смонтированы, но не омоноличены, из боковых выпусков в продольных швах торчала голая арматура. Поперек швов были установлены бруски, к которым скрутками крепилась подвесная опалубка. Они дошли до торца пролета. Впереди прямо перед ними были провода контактной сети, и внизу блестели рельсы железной дороги, а дальше виднелся еще один пролет, который смонтировали в прошлом году. Артем подошел к самому краю, чтобы посмотреть на подферменники, и почувствовал, что его держат за пояс.

— Артем Васильевич, ты осторожней. Свалишься, разобьешься, а меня привлекут, как ответственного за технику безопасности.

— Не бойся, лучше скажи, когда вы будете балки омоноличивать и опорные части ставить?

– Как только вы нам хотя бы с одной стороны подход сделаете. А опорные части поставим, когда монтаж балок начнем.

Они отошли от края, и Валерий Иванович стал показывать, где должен стоять железнодорожный кран, как будут опускать контактную сеть и сколько балок планируют смонтировать «в окно».

– Давно стоите, я вас не задержал? – спросил Артем, подходя к машине.

– Все нормально, Артем Васильевич, – сказала Лена с заднего сиденья.

– Тогда вперед, дорога домой всегда короче.

– Это верно, Учитель.

Теперь они ехали на запад, и белое солнце опять светило в лобовое стекло. Город, где располагалось ДРСУ, где жили Игорь и Лена, был основан в XVII веке и получил свое название в честь тезоименитства императрицы, которую давно все забыли. Сегодня город был знаменит тем, что здесь останавливался поезд Москва – Пекин. Артему однажды довелось это увидеть. Он слонялся по вокзалу в ожидании автобуса и обратил внимание, что привокзальная площадь заполнена машинами и под кустами вдоль платформы жметесь народ. Но вот на второй путь подошел голубой состав, и к нему со всех сторон хлынула толпа. Двери вагонов оставались закрыты, и вся торговля, которая длилась считанные минуты, велась через открытые окна. Китайцы размахивали своим барахлом – кожаными куртками, кофточками из ангорки, кроссовками – и на пальцах показывали, сколько за это просят. Наши мужики и бабы, сумевшие пробиться к вагону, на глаз прикидывали, подходит вещь или нет, бросали деньги и в ответ ловили товар. Это было зрелище не для слабонервных.

Рядом с Артемом на платформе стоял пожилой милиционер.

– Откуда здесь столько народа? – спросил Артем.

– Ты видел, сколько машин на площади? Приезжают в радиусе ста километров. Тут и постоянные клиенты есть. Раньше мы таких за спекуляцию привлекали, а теперь говорят: это бизнес. С другой стороны, людей можно понять: жить-то надо.

Артему стало жалко и этих людей, и себя, и свою страну. Он и потом, когда уже ехал в автобусе, долго думал об этом.

Сейчас по дороге в управление они завезли Лену домой.

– Артем Васильевич, ваш портфель на заднем сиденье, не забудьте, – напомнила Лена, выходя из машины.

– Лена, завтра в восемь я за тобой заеду, не проспи, ждать не буду, – сказал Игорь.

– Слушаюсь, шеф, – ответила Лена, уже откручивая калитку.

К управлению они подъехали в начале девятого. Аккуратное двухэтажное здание отделял от дороги небольшой палисадник. Рабочий день закончился, во дворе было пусто, но со скамейки, стоявшей у крыльца, навстречу им поднялся молодой худощавый мужчина в белой рубашке.

– Смотри, шеф, как и обещал, дождался, – сказал Игорь, вырывая на стоянку.

Они вышли из машины.

– Познакомьтесь: Артем Васильевич – главный специалист строительного отдела, наш куратор, – представил Игорь друга.

– А я Семен Васильевич, очень приятно. Мне о вас говорили, а вот теперь и познакомились.

По манере общения, благожелательной и уверенной, видно было, что этот человек привык быть начальником.

78

Они пожали друг другу руки, вошли в управление, поднялись на второй этаж. Направились было в кабинет Игоря, но начальник пригласил их к себе:

– Пойдемте, у меня посвежее.

В его кабинете действительно было прохладно и тихо. Артем с Игорем сели за приставной стол и начали раскладывать свои бумаги, а Семен Васильевич открыл холодильник и налил им по стакану минеральной воды. Она была холодная и после долгого жаркого дня показалась Артему очень вкусной.

– Ребята, может быть, вам чего покрепче? – спросил начальник, но они дружно отказались.

Когда документы были разобраны по экземплярам, они обговорили объемы работ на следующий месяц и выпили еще по стакану воды. Дальше зашел разговор об отводе земель под новый карьер. Семен Васильевич, который до этого сидел молча, сразу сказал, что знает, чьи это земли, и вопрос с временным отводом попробует решить сам. Он продиктовал Артему, кому и какие письма нужно подготовить.

На улице, прощаясь, Игорь предложил:

– Может, ко мне? У меня дома никого нет, Таня с Димкой уехали к маме в Новосибирск.

– Нет, – ответил Артем, – останусь здесь. Завтра рано утром я с Максимом уеду.

Затем он прошел на территорию ДРСУ вместе с начальником, и тот начал подробно рассказывать, что он успел сделать за время своего правления и какие у него планы. Чувствовалось, что новое для него дело ему интересно. В конце концов они подошли к сложенным у забора железобетонным балкам. Видимо, они и были целью этой экскурсии.

– Артем, хочу с вами посоветоваться, как со специалистом по мостам. Вот у меня тут балки, нужно к ферме мостик небольшой соорудить, а мои инженеры что-то засомневались, пойдут они или нет.

– Какая у них длина?

– Двенадцать метров, тут всего восемь штук.

Бетонные балки были сложены одна на одну, как бревна. Почти все были целые, только у одной торец был расколот, виднелся арматурный каркас.

– Семен Васильевич, я вас, наверное, разочарую, но эти балки для моста не годятся, – сказал Артем. – Я так понимаю, вы их с какой-то крыши сняли, а там совсем другие расчетные нагрузки. Хотя балки в хорошем состоянии и вам наверняка пригодятся.

– Все верно, тут цех разбирали: вот строили, строили, а теперь никому ничего не нужно. Время разрухи наступило, а я балочки прибрал, все равно где-нибудь использую.

Они попрощались.

По наружной лестнице со стороны двора Артем поднялся на второй этаж. Здесь, над гаражами, была устроена гостиница для дорожников. Две квадратные комнаты, туалет, душ. В одной комнате была кухня-гостиная, вторая служила спальней.

Максим сидел в стареньком кресле и смотрел телевизор. Он работал в отделе эксплуатации и завтра должен был принимать работу по содержанию дорог.

– Ты где задержался? Вроде уже давно приехал.

– Общался с новым начальником, – ответил Артем.

– Балки ходил смотреть? – Максим усмехнулся. – Он и меня подбивал, но я на тебя стрелки перевел: вы строители, вам и карты в руки.

– Спасибо. Я завтра с тобой поеду?

– Как хочешь, но имей в виду, что я только до Дроздова. Останусь там на приемку.

– Меня это устраивает, оттуда я сам доберусь.

– Договорились. Машину обещали в семь часов. Иди поешь. Там в чашке макароны по-флотски, разогреешь в микроволновке, а булочки на тарелке. Только все не ешь, оставь на утро.

– Хорошо, но я сначала душ приму, целый день на жаре.

Было приятно стоять под прохладными струями и ощущать, как смывается вся пыль прошедшего дня и проходит усталость. Приняв душ, Артем прошел в комнату, достал из портфеля чистую футболку и повесил ее на спинку стула – чтоб расправилась. Потом разогрел макароны и сел за стол, который стоял у распахнутого окна. Теперь можно было не торопиться. Поев, он вскипятил воду и заварил свежий чай. Пригласил Максима, но тот отказался, выключил телевизор и пошел спать.

Артем не спеша пил крепкий душистый чай и смотрел в распахнутое окно, выходящее на восток. На улице было еще светло, но комната уже заполнялась теплыми сумерками. Легкий ветерок доносил со двора запах отцветающей сирени. Слева, у самого горизонта, над темной кромкой далекого леса небо было светло-палевым с розоватыми отблесками невидимого заката. Выше цвет его менялся от лазоревого до бледно-голубого. Небо словно выцвело, выгорело за день под горячим солнцем.

За окном, насколько хватало глаз, простиралось зеленое поле с перелесками и кустарником. Тени исчезли. Справа среди берез виднелась темная крона высокой ели. Долгий летний день тихо угасал. Странное спокойствие, безмятежность природы овладели Артемом. Он ни о чем не думал, все беспокойства и переживания куда-то ушли. Теперь события дня: дела, встречи с новыми людьми, разговор с Машей, одинокие сосны на краю поля, вопросы и ответы – все слилось в одно целое. Он видел это как бы со стороны, в пространстве времени, словно прочитал об этом в какой-то книге. Было хорошо и спокойно. И еще было предчувствие, ожидание чего-то необыкновенного, что обязательно случится.

15.06.2022

**Ирина
НАДИРОВА**

ЭПОХА РАЗДРАЖЕНИЯ

НА ПРОГУЛКУ!

«На прогулку!» –
Снег окликнет.
Выбегай на белый снег.
Он к твоим следам привыкнет,
Он идет с тобой след в след.
Как тепло, когда снежинка тает у тебя
в руках!

80

Посмотри, как снег кружится,
Не испытывая страх.
В детской маленькой ручонке
Две лопатки,
Две судьбы.
От ботинка след нечеткий...
Снег, уставший от ходьбы,
Ляжет до весны, зевая,
Не тревожа никого.
На прогулку выбегают дети снега самого.

* * *

А завтра будет новое пространство,
В котором будут новые качели.
И дети будут взрослым улыбаться
И снег крошить в ладонях, как печенье.
А завтра будет лишь у тех, кто выжил,
Кто полоскал белье, сушил на речке.

А я иду, мне говорят: «Иди же!»
«Куда идти?» – «Иди давай за гречкой».

* * *

Разойдемся по могилам...
Что еще запомним мы?
Рот, забитый глиной, илом,
Дети вирусной войны.
Мы запомним кашу с хлебом,
Чай без сахара и снег.
Сон,
Таблетки до обеда,
Сон,
Таблетки,
Сон и свет.

ПАЗЛ ДНЯ

А у него?
А у меня?
Играем в эго,
игу,
лего...
Шаман идет,
его телега
Нас собирает
В пазл дня.

НАДИРОВА Ирина Азаровна родилась 22 ноября 1984 года в Ленинске-Кузнецком. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Фантастическая среда», альманахах «Кольчугинская осень», «Образ», «Между». Член Союза писателей. Живет в Ленинске-Кузнецком.

В коня ли корм?
Стою, худая
Тростинка тоньше, чем осот.
Нас раскидали,
Разровняли
И перетерли нас... в песок.

Мне не хватает отдыха и сна.
В Сибири снег – молитва «Символ веры»,
Сплетаются снежинки – тепломеры.
На хромосоме Хроноса – весна.

Мы все в эпоху раздражения
Пытаемся с пути свернуть.
Тень только эхо возрождения,
И нам самим ее тянуть.
На лямках виснет чье-то тело,
Оно еще вчера – ого!
Очисти душу чистотелом,
Читай ночами мне Ли Бо.
Но нет, в эпоху раздражения
Любовь скукожилась до «я».
А мне-то что?
Объект слежения не станет эхом бытия.

Ворона заглушает птах,
Не слышно воробья.
И снова вспомнят Карабах
И телик, и родня.
И правду пули говорят,
И правду скажет друг.
Не принимает нас земля,
И снова сделан круг.
Все повторяется, как встарь:
Без фонаря, аптек.
Есть автомат как инвентарь
И мясо – человек.

Манную не любила, только картошку.
Вечно канючила:
– Мама, пожарь, пожарь!
Мама на маргарине
жарила последнюю картошку.
В семье нас было шестеро.
Ели, радовались.
А на следующий день мама варила манную
на воде – ели, добавляли сахара.
Я размазывала кашу по тарелке, сидела на
корточках и думала: «Скорее бы завтра...»
Завтра наступило.
Детям варю манную на молоке – не едят,
просят жареную картошку.

Жарю.
Радуемся.
А завтра:
– Сделай, мама, драники.
– Конечно, мои любимые, завтра будут
драники.

Не касаясь уже земли,
Отражаясь в сетчатке глаза,
Надувные мы шарики
Неизвестно какого газа...
Надышались мы и, взлетев,
Избежали исход летальный.
Перед смертью одно – распев
И изношенные сандалии.

Ягода моя неразбериха!
Мне варенье из нее варить.
Лишь подумай
Тихо, тихо, тихо...
Лучше меньше правду говорить.

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ

СТАРИК И СЕТТЕР

Рассказ

Сеттер – это кличка и порода одновременно. Уж так получилось. Жил Сеттер в старой саманной хате, что ютилась на самом краю деревни. Вместе с Сеттером жил и Старик. Старик был одинокий, и Сеттер был одинокий. Старик бабку свою схоронил давно. Сеттер никого не хоронил, а одиноким был потому, что не было во всей деревне ни одной собаки такой породы. Дворняги были, а вот сеттеров не было. Выйдет Сеттер, бывало, на улицу, по всей деревне пройдет – снуют дворняги по дворам да по свалкам, твякают друг на друга; много дворняг, а поговорить не с кем... И было это не оттого, что Сеттер такой гордый, нет. Разговор когда получается? Когда понимают друг друга. Дворняги Сеттера не понимали.

Вот и вчера. Ведь с открытой душой подошел он к соседской Жульке. Плохого не таил. Подошел, правда, по-сеттерски: хвост на отлете, голова поднята. Ну, а иначе он и не мог. Сеттер все-таки, понимать же должна.

Подошел и спросил:

– Что ты в этой помойке хорошего нашла? Грустно же, наверно, вот так целыми днями гнилье всякое нюхать. Пойдем лучше со мной к озеру.

– Куда-куда? К озеру? – захохотала Жулька.

Вот дура. Некрасиво смеялась, нехорошо. Лапы кривые расшеперила, глазами желтыми вращает и пальцем в Сеттера тычет.

– К озеру... Индюк красномордый!

Так прямо и сказала: индюк. И снова захохотала.

– Сама ты...

Сеттер хотел сказать что-нибудь едкое, но не сказал. Что зря брехать? Сеттер есть Сеттер – каждое слово на вес золота.

Старик знал о такой его одинокости и обходился с Сеттером всегда уважительно, с лаской. О дружбе этой я и хочу рассказать.

Достался Сеттер Старику, можно сказать, неожиданно-негаданно. Лет шесть, а может, семь назад – Старик счет годам не вел – в один из дождливых октябрьских вечеров кто-то осторожно постучал к нему в окно кухни. Ткнулся хозяин к стеклу, видит: человек в темени обозначен, по обличью вроде чужой. Стоит и рукой в сторону двери показывает, пусти, мол. Старик людям верил и дверь открыл сразу.

«Чужой» оказался и вправду чужим. Молодой, лет двадцати пяти. Обут был в бродни, одет

БРЮХОВЕЦКИЙ Виктор Васильевич родился в 1945 году в городе Алейске Алтайского края. В 1962 году переехал в пос. Кузьмолровский Ленинградской области. Служил 3 года в ракетных войсках под Плесецком. Окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения, работал инженером на опытном заводе Государственного института прикладной химии. Лауреат многих литературных премий: Пушкинская (Нью-Йорк, 1994), Всероссийская им. А. Прокофьева (СПб., 2012), Губернаторская им. Р. Рождественского (Барнаул, 2014), Всероссийская православная им. Александра Невского (СПб., 2016); журналов: «Нева» (2004), «Москва» (2004), «Наш современник» (2011). Автор 15 книг. Публиковался в журналах «Нева», «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни», «Подъем». Член Союза писателей России.

в куртку брезентовую, за спиной рюкзачок тощий, а на плече чехол с ружьем. Из-под куртки патронташ выпячивался.

Охотник, видать, приبلудный, подумал Старик, но расспрашивать гостя ни о чем не стал. Дровишек в печь подбросил, пламя оживил и чайник на середину плиты подвинул. Гость поздний, стало быть, на всю ночь. А коли так, то его и покормить нужно. Картошка в духовке еще горячая, а вот чай приостыл.

За столом разговорились. Гость водку и консервы из рюкзака достал. Водки – маленькая, консервы – рыбные. Назвался Владимиром.

Оказалось, что сам он из города, до Карасевки добирался автобусом, а от остановки до деревни все шесть километров шел пешком. Приехал поохотиться, наслышан об этих местах, но раньше никогда здесь не бывал и вообще никого не знает. Всю деревню насквозь прошел, все думал кого увидеть, но, видно, уже поздно, улица пуста, к тому же накрапывало, и когда деревня кончилась, он и постучал в крайнюю хату. К Старiku, значит.

Старик гостя слушал молча и вот о чем сообщал: а не сходить ли и самому с гостем на охоту? И не куда-нибудь, а на Ключи. С прошлого года там не был, как под самую зиму отохотился, так больше и не был ни разу. Утка уже северная должна пойти, острохвостая. Никто там дичь от весны не пугал. Охотников на всю деревню – он да Пахом. Пахом, конечно же, на Ключах не был. Молод, но ленив, все поблизости промышляет.

Уставший с дороги, разморенный теплом и стопочкой водки, гость уснул быстро.

Старик уснул не скоро, долго лежал и думал. Заснул он только тогда, когда окончательно решил, что гостя он на охоту сводит. И гостя сводит, и сам разок-другой пальнет. Старик даже спланировал, в каком месте он гостя на перелете поставит, а где станет сам. Гостю он место отдал хорошее, самый мысок: там и берег потверже будет, и камышком прикрыто, и утка как раз на снижение идет.

Спал гость долго. Проснулся, заволновался.

Старик его успокоил:

– Не горься. Вот поедим, соберемся и пойдем не спеша. В полдень выйдем – к заре будем. Справлю я тебе охоту...

Владимир чем-то глянулся Старiku. Вроде чужой, ехал бы, катился, как говорится, ан нет, поманил Старика к себе. И Старик гостю охоту справил.

На перелет стали засветло. Старик в углу, а Владимир на мыске, как и плановалось. Утка, действительно, шла уже северная, острохвостая. Не успел Старик обтопаться в своем углу, а Владимир уже отдуллетил.

Утки было много. Моталась она небольшими табунками, к холодам готовилась, жир набирала. Старик долго не стрелял, на птицу смотрел. Он знал, что стрельнуть нужно один раз. Двух-трех он на дуплет возьмет, а больше ему по такой теплой погоде и не нужно, худовата еще, не выходилась. Уже смеркаться стало, когда он вскинул к плечу свою двустволку. Выпали из табунка три утки на сухое, Старик их подобрал, а ружье перезаряжать не стал.

Владимир душу отвел. Стрелял много, но, как потом выяснилось, толку от этой пальбы было мало.

Домой вернулись ночью.

Утром Владимир ушел. Довольный ушел. Семь уток в город повез: пять – что сам убил, а двух Старик подарил. Владимир обещал быть еще.

Обещал, но не приехал. Не приехал так и не приехал. Может, времени не было, может, чего другое. Но, как потом оказалось, о Старике он помнил.

Через зиму, в самом конце мая, председатель колхоза к Старiku на газике подрулил. В хату вошел, портфель пузатый расстегнул и щенка из него вынул. Щенок на пол встал и лужу сотворил тут же: то ли в дороге приморился, то ли пол понравился. Сам красный, нос черный, а уши что лопухи – до полу свисают. Смотрел на это Старик и ничего не понимал. А председатель еще и книжку из портфеля достал.

– Это, дед, тебе подарок от какого-то Володи. А в книжке все про этого цуцика написано. Охотничья, что ли. Сеттером кличут.

Сказал так и ушел.

Слово это – сеттер – Старик и раньше слышал и то, что оно породе собачью означает, тоже знал. Но если собаке кличка дана, то переименовывать не надо. Сеттер так Сеттер. Даже красиво.

Так и поселился Сеттер в стариковой хате.

Словно в туман канула городская квартира. Здесь все было проще: лавка да стол, печь да кровать. А еще около самой двери сундук стоял. Был он большой, в зеленое крашенный и металлом блестящим окованный. Приглянулся он Сеттеру сразу, и вот чем: Старик из этого сундука одеяло красное достал и около печки расстелил.

Место, стало быть, для Сеттера приготовил. А когда одеяло расстелил, то и сам около него на колени пристроился, и Сеттера к себе поманил. И сундук хороший, и одеяло красивое, и Старик, наверно, тоже хороший. Сеттер на стариковский манок откликнулся сразу, задаваться не стал и просто так, без всяких ужимок к Старика подошел. А когда Старик его на руки взял и к себе прижал, то Сеттер запах новый учуял, и запах этот ему очень понравился. От Старика волей пахло, воздухом свежим, росами. Запахи эти Сеттер чуял первый раз, но он же был сеттер! Откликнулась кровь его на эти запахи, пронзила сладкая боль все его крохотное тело и вон ушла. Ушла, да не вся! Остался осколочек боли этой где-то под сердцем. Крохотный такой, незаметный, почти неощутимый. И остался он там на всю Сеттерову жизнь.

Старик держал Сеттера на руках, ощущал его тепло и еще не понимал, как щедро отблагодарил его Владимир. Не мог он и предположить, какая дружба у него получится с этой собакой, сколько радости доставит ему Сеттер на старости лет.

Дальнейшая жизнь Сеттера началась с того, что он хорошо поел и крепко уснул на красном одеяле, прижавшись спинкой к теплым побеленным кирпичам уже остывающей печки. Сам красный, одеяло красное, печка теплая – хорошо-то как, Господи! Проснулся он перед заходом солнца. Старика в хате не было, а двери оказались плотно закрыты. Он поскулил минуты две у порога, а когда устал скулить, пошел в угол и сделал свои дела. Он понимал, что нехорошо делает, но терпеть больше не мог.

Когда Старик вернулся в хату, Сеттер уже ознакомился со всем домашним имуществом. Сундук он уже знал, а стол был похож на тот, что остался в городской квартире. Но больше всего его заинтересовала кровать. Особенно блестящие шары, что торчали на ней по углам. Он даже пробовал на них лаять, но лай не получился и он это дело оставил.

– Сеттер! – позвал Старик, и Сеттер, покачивая вислоухой головой, подошел к Старика. – Ишь ты, понимает. Стало быть, и впрямь Сеттер.

В тот вечер Старик сколотил из досок небольшое корыто и насыпал в него песок. Установил он это корыто в тот самый дальний угол, где уже побывал Сеттер со всеми своими делами. Сеттер все это внимательно обнюхал и понял, что это сделано для него. Так была решена проблема плотно закрытых дверей.

Каждое утро Старик куда-то уходил и Сеттер оставался в хате один. Он на это не обижался, он понимал, что так нужно, и вел себя спокойно.

По вечерам они играли. Игры Старик придумывал простые, но каждая из них была со своим смыслом. Сеттер никогда бы не догадался, что Старик эти игры вычитывал из той самой подаренной книжки, что это были элементы дрессировки.

Так к концу лета Сеттер хорошо усвоил слова «ползи», «тубо», «пиль». Вообще-то он уже много слов знал, но все они обозначали, что он, Сеттер, и умница, и молодец, и хороший. А эти слова были особые. Каждое из них призывало к действию.

К слову «ползи» Сеттер относился равнодушно. Эка невидаль – проползти. Но он любил Старика, и когда тот говорил «ползи», Сеттер полз.

Слово «тубо» он не любил. Нехорошее было это слово. Оно означало запрет. Нальет Старик супу в миску, скажет слово «тубо», и какой бы ни был суп вкусный, как бы Сеттеру есть ни хотелось, он знал, что на суп наложен запрет, есть его нельзя.

Самым веселым было слово «пиль». «Пиль!» – и суп можно есть. «Пиль!» – и можно хватать мячик зубами. «Пиль!» – и со стола можно взять конфету. «Пиль!» – это не просто можно, это даже нужно.

Все чаще и чаще разрешал ему Старик выходить из хаты, в магазин с собой брал, а магазин – это далеко, это на другом конце деревни. Правда, в магазин Старик его не пускал, ну и пусть. Зато Сеттер знал теперь всю деревню и, если что, легко мог найти свою хату.

А когда с деревьев стали осыпаться листья, а на лугу порыжела трава, Старик впервые повел Сеттера к озеру. Озеро это находилось рядом с деревней, но Сеттер ни разу на нем не был. Шуршит под легким ветром побуревший камыш, тянет из камыша прохладой, а воды не видно. Чует Сеттер, что рядом она, и так ему в воду хочется! А камыш густой – носа не воткнуть – и шуршит уж очень тревожно. Мечется Сеттер по берегу, мнет низкорослую осоку, на лапы передние припадает и так на Старика смотрит: ну что, мол, ты меня мучаешь?

А Старик на Сеттера глядит и улыбается:

– Молодец, ах какой молодец! Может, и будет из тебя тот самый толк, но погоди. Зеленый ты еще, хоть и красный.

В первый раз Старик воду ему не показал: пусть потомится, потом слаще будет.

Дня через два солнышко угадалось и опять Старик повел его к озеру. Только на этот раз подошли они с другой стороны. Берег здесь чистый, камышом не поросший. Увидел Сеттер воду и замер. Так вот ты какая большая! Только так подумал, тут же под сердцем осколочек шевельнулся. Тот самый... Молчал Старик, глядя на озеро. Старику прошлое мерещилось. Ох, и длинна ты, жизнь человеческая! Озеро это Старик помнил, как еще маленьким был. Выпала из памяти жизнь, осталось только начало да миг вот этот. Озеро почитай раза в два уменьилось. Да где там в два! Как же раньше не замечал? Вон плес какой крохотный остался, да и тот уже в коих местах резунот проткнутый. Лет еще пять, ну десять – и совсем похерится озеро, умрет. Останется от воды бочажина гнилая. Озеро уже умирает, а Старик все живет. Вот как долго живет!

Сеттер тоже молчал. Он прижался к ногам Старика и мелко вздрагивал. В черных глазах его притаилась тревога, а когда посреди озера рыбина сыграла, Сеттер совсем растерялся.

– Ну чего ты, дурачок, трусишься? – Старик ласково погладил его по голове. – Это просто вода, и ничего в ней страшного нет. Смотри!

И, отвернув бродни, Старик медленно пошел в воду.

Заметался Сеттер по берегу, заскулил. А когда вода дошла Старику до верха сапог, он не выдержал. Разбежался и как-то боком, неуклюже прыгнул следом. Страшного и впрямь ничего не было. Было жутко и радостно.

Потом уже Сеттер ходил в воду без Старика.

А в тот вечер Старик придумал новую игру. Называлась она «Принеси поноску». «Поноска» – это старая рукавица, меховая внутри и снаружи обшитая брезентом. Когда уже стемнело за окном, Старик сел рядом с одеялом, позвал Сеттера и осторожно провел рукавицей по его носу. Сеттеру это не понравилось, и он отвернулся. Старик снова провел рукавицей по его носу. Сеттер снова отвернулся. На четвертый раз Сеттер схватил рукавицу зубами.

– Умница, Сеттер, умница, – приговаривал Старик, а сам гладил его по голове и осторожно отнимал рукавицу.

Потом Сеттер хватал рукавицу зубами сразу, как только Старик подносил ее к его носу. И каждый раз Старик хвалил его и гладил по голове.

И вдруг Старик скомандовал:

– Принеси! – и бросил рукавицу к порогу.

Сеттер еще и сообразить не успел ничего, как тут же услышал: «Пиль!» Ого! И он с подстилки прыжком кинулся за рукавицей.

На другой день Старик заменил рукавицу утиным крылом.

А скоро выпал снег.

Игра в «поноску» с каждым днем становилась все сложнее. Теперь Старик крыло не бросал, а прятал его от Сеттера где-нибудь за сундуком или под кроватью, и к известному теперь слову «принеси» добавилось еще одно – «ищи!». Сеттер крыло находил, оно хорошо пахло, и приносил его Старику. Иногда Старик давал ему за это конфету, мягкую такую подушечку. Так неназойливо, постепенно Сеттер превращался в хорошую охотничью собаку.

Зима ему не понравилась. Сеттеры вообще плохо переносят холода, а сибирские зимы, не в пример другим, люты и очень буранны. На улицу Сеттер ходил редко. Выйдет, покрутится на сугробе – и назад скорей, к печке теплой, к Старику.

По вечерам Старик вязал сети. Он и днем их вязал, но вечера Сеттеру полюбились больше всего. Когда за окнами снега, а от печки струится тепло, когда старенькая лампа мерцает красным керосиновым пламенем, а в трубе подвывает, было любо Сеттеру лежать на зеленом сундуке и смотреть, как Старик, приладив на нос очки, вяжет и вяжет квадратики из тонкой фильдекосовой нитки.

Старик вяжет сеть, вяжет, а потом отложит челнок и к Сеттеру повернется:

– Ну как тебе, голубчик, со мной? Не скучно ли?

– Нет, – скажет Сеттер, – совсем не скучно. Хорошо мне с тобой.

– Ну, коли тебе хорошо, то и мне хорошо.

К весне Сеттер заматерел. В полный рост вошел и силу набрал.

Когда по первым проталинам Старик взял его с собой в магазин, то Пахом, увидев Сеттера, аж руками всплеснул:

– Вот это кобелина!

– Тьфу тебе в глаза! Ты, Пахом, что, дурак? Что ахаешь-то, собак не видел? – Старик суеверным не был, но в глаз дурной верил.

– Да я ж не по злобе, – смутился Пахом.

– Не по злобе! – передразнил Старик. – Сковырнется псина – потом поди разберись!

И в тот же вечер сводил Сеттера к бабке Ленчихе, чтобы та собаку от глаза дурного оборонила. Ленчиха в умение свое противосатанинское крепко верила. И под первую весеннюю рыбу,

что посулил Старик, собаку от лихого глаза водой сбрызнула.

После Пасхи Сеттер получил боевое крещение. Старик приводил в порядок плетень, когда на самую верхушку тополя с гомоном уселись две вороны. Всякую птицу Старик уважал, а вот ворону с детства не любил.

Нелюбовь к этой птице ему еще отец привил:

— Скверная птица, не от Бога. Ворону убьешь — все одно что семь грехов отмолишь.

В том, что ворона — птица пакостная, Старик убеждался не раз. И если подходил случай, то зряда для нее не жалел. Тихо, несуетно — ворона хитра, спешку людскую не любит — Старик вошел в хату, снял со стены ружье и вложил в патронник патрон. Сеттер гулял по двору, когда из сеней его негромко позвали. Старик волновался: как-то собака на выстреле себя поведет, не испугается ли? А Сеттер словно почуял что, к ноге Стариковой прижался и напружинился весь. Вороны беды не ждали, сидели на тополе широко и перекаркивались. Выстрела Сеттер не испугался, он только присел глубже. И, услышав короткое «пиль!», понял, что от него требуется. Крылья вороны очень напоминали то крыло, которое всю зиму от него прятал Старик. Когда Сеттер принес ворону и положил ее к ногам Старика, тот понял, что плачет. И еще Старик понял, что без Сеттера ему теперь никак нельзя.

Работу свою Сеттер полюбил крепко. Старик за ружье — Сеттер на порог. Старик в лодку — и Сеттер в лодку. Челноком ходил, ни на шаг в сторону. Дивился Старик собачьей такой привязанности и платил за это Сеттеру лаской.

Все лето прожили они на озерах, рыбу промыслили, а осень надвинулась и остыли ночи — перебрались в хату свою саманную. Рыба еще не кончилась, а охота уже началась. Теперь с Сеттером все чаще брал Старик свою двустволку и уходил на местные озера. Ключи далековато были, и ходить туда за двумя-тремя утками не резон. Ключи — это когда морозы приступят. Озерные россыпи эти безрыбные были, кроме голяна — ничего, но зато дичью богаты. Расположены выгоднее других озер: гривами укрытые, мелководные, ряской да камышом обильные — а что еще для выводков надо? Вот и билась там утка постоянно. Летом и в сентябре — своя, местная, а глубже к зиме шла на Ключи северная.

Если сказать, что Старик только тем и занят был, что уток стрелял, это неправдой будет. Прикинет, что ему нынче три утки нужны, — трех и

стрельнет. Куда их больше-то, портится дичь в теплую погоду, а присоленную он не уважал. Много дичи он стрелял перед самым ледоставом. Мудр от жизни долгой был, в приметы верил, птицу хорошо знал, а потому морозы крепкие нутром своим дня за два чуял. Как только пойдет утка над озерами ходом, значит, скоро и морозам быть. Значит, утку нужно стрелять, много стрелять, чтобы на всю зиму хватило. Готовил он их впрок очень просто: щипал, не палил, потрошил и выносил на холод. Два-три дня дичь, тем более жирная, на холоду пролежит, а там и морозы придут. А морозы придут — окатит Старик тушки утиные водой колодезной, наслоит на них ледку немного и к жердям подвесит. Такая дичь до самой весны хорошо хранится, не ржавеет.

До Сеттера Старик утку стрелял выборочно, с расчетом, чтобы на сухое падали да чтоб подранков не было. Теперь у Старика был хороший помощник, и в ту осень отстрелялся он на Ключах за две зари.

Вот так они и стали жить: от весны до осени на воле, от осени до весны в хате своей саманной.

В ту осень Сеттеру шел не то шестой, не то седьмой год. Сентябрь отстоял теплый, золотой. В начале октября дожди пошли. Недели полторы лили не переставая, а потом прекратились. Небо вычистилось, по утрам заморозки крепкие начались. Старик, как и прежде, ходил с Сеттером на ближние озера и готовился к последнему перелету. Давно уже пролетели журавли, отгоготало небо гусиными косяками. Местная утка сбилась в табуны и тоже своими тропами прошелестела к югу. Безветрие сменилось северным ветром.

И однажды утром, как и в прошлые года, Старик сказал:

— Все, Сеттер, пора на Ключи собираться.

На вечерней заре Сеттер только три раза ходил в воду, остальную птицу Старик выбил на сухое. Ночь у костра перебедовали, а утром за каких-то полчаса была потрачена половина оставшихся зарядов. Табуны острохвостых вперемежку с гоголями шли один за другим. На предельной скорости, продуваемые северным ветром, они по каким-то своим тайным законам теряли высоту перед самыми Ключами, на мгновение прижимались к воде, а потом снова набирали высоту и летели дальше. Стрелял их Старик на выходе из Ключей. Сеттер был в том азарте, когда ему не нужно было подавать коман-

ду, он только смотрел в небо, дробил ногами и слушал выстрелы.

Скоро Старик отложил ружье...

Домой шли медленно. Старик уже давно приметил, что с каждым годом тяжелей и тяжелей становится ноша. Вроде и стрелял немного, а плечи давит. Уже вечереть стало, когда они вышли к Гнилому займищу.

— Вот скоро и придем.

Сеттер и сам знал, что скоро покажется саманная хата. И еще он знал, что работа его закончилась и теперь всю зиму будет он коротать дни вместе со Стариком в хате.

У займища решили передохнуть. Скинул Старик ношу свою, сломил несколько кистей тростника, приладил на кочку и присел. Сеттер рядом пристроился. Займище это Старик не любил, оно и впрямь какой-то гнилью пахивало. Давно когда-то сбил он косатую* над этим болотом. И хоть птица мертво упала в осоку, найти ее Старик не смог. Вымок весь, сам с собой изругался и с тем зарекся стрелять здесь. Осока в рост, воды по пояс, кочки, тростник, а на самой середине плес с ладошку...

Северный ветер гнал тучи над самой землей, того и гляди снег к ночи пойдет. На таком ветру сидя, да еще из-под ноши, и простыть недолго. Только Старик об этом подумал, только вставать начал, как рядом, в пяти шагах, тяжело шурша осокой и испуганно шавкая, поднялся косатый селезень-последыш. Не выдержала птица человеческого присутствия. Зашумели крылья, вскочил Сеттер, зачистил ногами, закрутил головой. То на птицу, то на Старика посмотрит, словно просит: стрельни его, стрельни, видишь, какой вылинявший, аж бусый!

А селезень-дурак, и высоты не набрав, потянул мимо Старика. Пошел Старик на поводу у Сеттера, потрафить хотел собаке, да поспешил. Сухо щелкнул на ветру выстрел, обломилось у селезня правое крыло, отвисли предсмертно красные лапы. И птица, пружиня левым крылом и загребая воздух обломком правого, пошла к середине займища, где и упала в осоку.

Уже стемнело, уже колючий ветер вырвал из туч первые снежинки, а Сеттера все не было. Старик волновался, ходил по берегу и звал собаку охрипшим голосом. Поначалу вроде бы слышал он, что плещется Сеттер у самого плеса, а потом все стихло.

Дважды обошел Старик Гнилое займище, из ружья палил, голосом звал, но Сеттер не приходил. Уже ночь давно выросла над землей, а Старик все ждал. Зло и тревожно шуршала пожухлая осока, молчало займище. К середине ночи ветер стих, в разрывах туч показались звезды. К морозу, подумал Старик и зарядил ружье последним патроном. Он все еще верил, что Сеттер вернется. И только когда забрезжил рассвет, когда он спалил последний патрон и увидел в прогалах осоки, что вода туго затянута льдом, он понял, что Сеттер не вернется.

Не входя в хату, Старик свалил битую дичь в угол сеней и заплакал. Горько ему было входить в пустое холодное жилище.

Потом он топил печь и сидел у окна. Оно выходило на луг, как раз в ту сторону, откуда он пришел. Но чуда не произошло...

Спал Старик не раздевшись. Да и не спал он, а маялся всю долгую ночь между сном и явью. Еще рассвет не пришел, когда он с полным патронташем и брошенным на плечо ружьем покинул хату. Снега еще не было, но зима уже стояла.

Старик подошел к Гнилому займищу, когда рассвело. Лед был крепкий, и Сеттера он нашел сразу. Вернее, это был не Сеттер, это было его тело. Сеттер затонул около самого плеса, у чахлого ивового куста. Затонул он не полностью, а наполовину и лежал теперь на боку, мертво впаянный в лед.

Старик не плакал. Он долго сидел на корточках около и тонкими сухими пальцами перебирал заледеневшую шерсть. Потом он стрелял. В мелкую крошку рвался лед под косыми выстрелами, и в патронташе не осталось ни одного патрона, когда Старик, доламывая лед прикладом, освободил тело собаки. Только теперь он понял, почему Сеттер погиб. Каждую зиму ставил Пахом на займище петли на зайцев. В самом ивняке ставил. Стальную проволоку на петли пускал. В одну из таких петель, не снятых Пахомом по весне, Сеттер и угодил.

Схоронил его Старик в огороде, как раз в том месте, где бабка покойная грядки капустные творила. Холмик над могилой нарыл, а крест ставить не стал. Он просто рассудил, что человеку крест, может, и нужен, а что до Сеттера, так ему он без надобности.

* Крупная цветная утка, перья с зеленоватым отливом.

**Нина
ВОРОНИНА**

ЦЕНА ПРОГНОЗА

Представьте себе ситуацию: вы вышли из дома и видите, как несколько крепких мужиков избивают одного. Проходящие мимо люди останавливаются и требуют прекратить безобразие, мужчины бросаются разнимать, женщины бегут за полицией. Нормальная реакция нормальных людей: семеро одного не бьют. И все возмущены.

А вы не находите, что эта ситуация похожа на отношение к России некоторых стран? И где же праведная реакция остальных, требования прекратить безобразие? А ведь на Россию накинута не семь, а аж 26 стран! Одна страна воюет, а 25 – поставляют оружие, что значит – тоже воюют, как ни крути.

За что?

Пробежим пунктирно ситуацию по некоторым странам.

Украина. Смотрела недавно интервью известного американского политолога одному нашему оппозиционному телеканалу, где серьезный взрослый человек на голубом глазу уверяет, что это российская автократия напала на демократическую Украину. Я стала слушать со всем вниманием и так и не поняла, где он, Фрэнсис Фукуяма, увидел на Украине демократию. Может быть, они очень демократично бомбили свой народ восемь лет? Или Зеленский предложил русским, просто желавшим жить на своих исконных землях и говорить на своем родном языке, супердемократический выход: «Чемодан, вокзал, Россия»? Просто какое-то перевернутое зеркало!

Германия и Италия – понятно, эти с 1945 года мечтали о реванше и вот решили: удобный момент настал.

А другие? Что мы сделали плохого, скажем, Австралии или Канаде? Где они и где Россия?

Перед Россией, например, Канада не очень-то чиста. Кто приютил после Второй мировой бежавших туда бандеровцев и нацистов?

Удивляет Болгария. Как советские люди любили эту страну, без пафоса называли братской.

Если в турпоездку – то только в Болгарию, если на море – то в Варну. Возвращались все отдохнувшие и очень довольные болгарским гостеприимством. Что произошло? СССР стало трудно, Болгарию сняли с довольствия, и все – прошла любовь? Как-то мелко...

Ну, а Израиль? Израиль поставляет оружие на Украину! Для меня это вообще стало просто потрясением. Ведь если бы не было СССР и Сталина, то и такого государства – Израиль – не было бы совсем! Когда закончилась Вторая мировая и пошла речь о послевоенном устройстве мира, именно Сталин озаботился вопросом о предоставлении места проживания многострадальному еврейскому народу. Из многих вариантов была выбрана Палестина, которую предстояло поделить между арабами и евреями. Даже на ялтинской трехсторонней встрече победителей Сталин поднимал этот вопрос, хотя в повестке дня он не стоял. Молотов, Вышинский, Громыко, Судоплатов и другие провели через голосование в ООН вопрос о признании Государства Израиль.

Не менее сложно проходило принятие новой страны в ООН. И когда, казалось, все было решено положительно, новая напасть: Палестина начала войну с Израилем. США отказались помочь Израилю, и он обратился за помощью к СССР. Сталин хотел решить геостратегическую задачу, СССР нужно было иметь в этом регионе дружественное государство. И помощь была оказана. Через Чехословакию в Израиль поставлялось трофейное оружие и советские танки, пушки, самолеты. Кроме того, в Израиль была направлена большая группа советских высокопрофессиональных, прошедших войну специалистов для организации обороны и жизни государства. Все мы знаем и высоко ценим израильскую военную разведку «Моссад». Эта организация всегда выполняет свои задачи не считаясь ни со временем, ни с трудностями, она перевернет землю и небо, но найдет и покарает преступника. Так вот, спецслужбы Израиля создавались в то время под руководством офицеров НКВД.

Почему Израиль занял сторону против России? Решили угодить США, насолить России за какие-то обиды? Или подзаработать, или протестировать оружие на поле боя? Зачем подливать масло в огонь?

И они, наверное, думают, что укронацисты будут им благодарны. А достаточно ли хорошо израильтяне их знают?

Я прожила долгую жизнь, но видела только одного бандеровца. Хотя у нас в Мариинске огромная тюрьма и четыре колонии для преступников и случается, что, отбыв наказание, человек оседает в городе. Во времена моих школьных лет про некоторых говаривали: вот, мол, гад, бандеровец! Но кто что знал точно, а они работали, заводили семьи, жили как все. Тогда не было ТВ, и вечерами люди выходили на улицу – посидеть на воздухе, пообщаться, узнать новости. Около нашего дома была большая скамейка, приходили люди, приносили свои скамейки, табуретки. Я тоже устраивалась в уголке, уткнувшись в книжку. Сестра моя, ее подружки, другие дети крутились тут же. Помню разговор.

– Иван, что-то тебя долго не было.

– Месяц. Был на родине. На Украину возили.

– Что, по твоим бандеровским делам?

– Нет, с этим покончено. Вскрылись новые обстоятельства. Пойман начальник нашего отряда, осужден. Я был свидетелем, – нехотя рассказал Иван Дрюкин (фамилия изменена), наш сосед.

– Ну и как там на Украине жить?

– Неплохо живут, – оживился Иван. – Сытно, дома отстроили просторные, огороды ухоженные. А земля? Какая у нас земля! Палку в землю сунешь – яблоня вырастет!

– Ну и что ты тут в Сибири маешься? Хватай своих Машку и Вальку и езжай туда!

– Не могу. На первой же неделе свои родственники убьют...

Я незаметно разглядывала этого человека. Обычный, ни в чем не примечательный мужчина, не о трех головах и хвосте.

А вечером я слышала разговор родителей.

– Отец, этот Дрюкин – опасный человек, а у всех дети...

На что отец спокойно ответил:

– Этот уже не опасен, ему рога пообломали.

Этот бандеровец в войну был полицаем при фашистской власти, лютровал, не щадя ни своих, ни чужих.

А укронацисты, последователи Бандеры – они все такие. Если что не так, какие там евреи? Так что надо израильтянам быть осторожней, ненароком могут оказаться вновь гуляющими по пустыне. Только маленький нюанс: Сталина больше нет...

А прибалтийские карлики? Карлики – это не оскорбление, а констатация размеров. За что

они на нас так? Видимо, потому, что мы перестали содержать их по программе «люкс», как раньше? Но они сами хотели отделиться, первой – Литва. А ведь прибалтийские республики, объективно говоря, не так уж плохо жили в СССР. Вспомните, как любили некоторые наши сограждане отпуск проводить не у бабушки в деревне, а на Рижском взморье. А у кого не было такой возможности, покупали путевку выходного дня на поезд. Основными остановками были, разумеется, Рига, Таллин и Вильнюс. И пассажиры этих поездов не только слушали орган в Домском соборе, но и активно посещали магазины. Дефицита в Прибалтике не было, разве что на автомобилях. И туристы оставляли серьезные суммы в тамошних магазинах, брали обувь, одежду, ткани, парфюмерию, электронику. И вот я думаю: а сколько вкладывали в общесоюзный бюджет прибалтийские республики? Потому что им из общего бюджета доставалось по полной! Ведь Прибалтика была, так сказать, фасадом нашего советского образа жизни. Прекрасные дороги, мосты, красивые города и поселки, благоустроенный быт. Просто интересно: за чей счет у них была такая жизнь, каков баланс? При этом ушли они из Союза по-английски, не попрощавшись. И сколько обид на нас высказывают! Мы для них виноваты во всем, и поток обид не прекращается.

А ведь в то же самое время в других республиках Союза жили совсем по-другому!

В 1962 году меня направили работать в школу в село Таежная Александровка Мариинского района. Я доехала на автобусе до села Колеул. Спросила, как добираться дальше. Мне показали дорогу в лес и разъяснили: «Иди, здесь одна дорога, километра три, дойдешь до реки и покричишь». В страхе я дошла до реки и поняла смысл слова «покричишь»: перехода через речку не было. После моего крика мальчик, мой будущий ученик, переправил меня на лодке. И еще я была очень удивлена, когда мне привезли домой мешок муки и сказали: «Это вам печь хлеб». Мне было 20 лет, моей коллеге, вместе с которой мы снимали комнату, 25 лет, и она тоже не была специалистом по выпечке хлеба. Просто пекарни в селе не было – так же как и общественной бани. Для того чтобы помыться, нужно было попроситься к соседям и натаскать воды в баню на всех. А вода под горой, в кринице, и баня – по-черному...

Можно еще много вспоминать, но уже и так понятно.

Вот так жили!

Как говорится, почувствуйте разницу!

Сейчас постоянно анализируют ситуацию, дают прогнозы, чем все закончится на Украине.

Довольно популярен Фукуяма – американский японец, философ, писатель и прочая, прочая. Он ровесник нашего президента, и вот как они позиционируют себя в этом мире.

В. В. Путин: «Я чистокровный русский, в моем роду сплошь Иваны и Марьи».

Ф. Фукуяма: «Я родился уже академиком, мои родители – ученые, а дед – академик». Лет 30 назад он выпустил книгу «Конец истории и последний человек». Эта книга сделала Фукуяму знаменитым. Однако прогноз его не подтвердился, конца света до сих пор не произошло и мы явно не последние люди на земле. Фукуяма прошел несколько университетов в США, где-то учился, где-то преподавал, вел различные курсы по самоусовершенствованию. Но мы помним высказывания многих высоких политиков США и Европы и понимаем теперь истинную цену их хвальному образованию.

Так вот, о прогнозах Фукуямы. На ноябрь 2022 года он предсказывал на Украине большое сра-

жение с очень серьезными жертвами. Слава богу, ноябрь мы пережили и как-то обошлось без грандиозных сражений и гор трупов с обеих сторон. Итак, прогноз не подтвердился, это всё слова, слова... Но Фукуяма не уgomонился и в интервью на телевидении в Праге выдал на будущее новый прогноз. Он предсказал нам грандиозное поражение на Украине, полный разгром, так как против нас весь мир, и что Путин не переживет позора.

В скобках замечу, что против всего мира мы уже воевали во Вторую мировую и всех обуздали.

И хочется спросить Фрэнсиса Фукуяму: а как он переживет, когда выяснится, что и этот его прогноз не подтвердился? Принесет ли свои извинения В. В. Путину, как это принято между джентльменами в приличном обществе, или ничтоже сумняшеся будет утверждать, что процент его верных прогнозов достаточно высок?

И вообще вся эта ситуация очень напоминает одну постоянную рекламу на ТВ: «Что, Манилов, все мечтаешь? А я работаю». Фукуяма строит свои прогнозы, а наш президент успешно работает, уже двадцать лет руководит нашей большой страной в сложный исторический период.

Выводы делайте сами!

г. Мариинск

НЕПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

В Музее изобразительных искусств Кузбасса состоялось открытие выставки «Непрошедшее время», посвященной 65-летию Кемеровского областного отделения Союза художников России.

Она представляет творчество художников Кузбасса старшего поколения (1910–1930-х годов рождения), стоявших у истоков развития изобразительного искусства нашего региона: А. М. Ананьина, Н. И. Бачинина, Я. Т. Буймова, А. С. Гордеева, В. С. Зевакина, А. Н. Кирчанова, Ю. Г. Лобузна, Н. Н. Михайловского, В. А. Селиванова, В. Е. Сотникова, И. И. Филичева, П. А. Чернова, Н. М. Шемарова и других.

Экспозицию выставки составляет более ста произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства Музея из Кузбасса. Созданные во второй половине XX века (1950–1990-е), они раскрывают историю региона в ее высоком звучании: величие природы, трудовая летопись, индустриальная мощь.

*Марина ЧЕРТОВА,
искусствовед, куратор выставки*

Художники Кузбасса. 1960 г.

А. С. Гордеев. На земле Кузнецкой

А. В. Акцынов. Старокузнецк

Р. Г. Берг. Портрет шахтера

А. Н. Кирчанов. Совхозный конюх

Е. И. Щербинин. Отец

Н. И. Бачинин. Краснобродский разрез

**Александр
САВЧЕНКО**

НЕ ТЕМ ПУТЕМ ПЛЫВЕМ, ТОВАРИЩИ!

Вообще-то сегодня до лампочки Междуреченску, Мыскам, Таштаголу с Мундыбашем и даже жителям Абашево – будет построена Крапивинская ГЭС или ее никогда не будет. Эта проблема мало кого волнует в Киселевске, Белове, Мариинске, Тисуле и остальных весях нашего края... Тревожится в основном Кемерово, вздыхает ему в тон Кузня. Пока не подают голоса томичи, а про Ледовитый океан молчу совсем. Ему все равно – в любом случае быть битым!

Томичи, знаю, народ неглупый. Думают там примерно так: давайте, давайте, сочиняйте, накручивайте проект, а мы его вам поломаем на самом хеппи-энде! Томск и его спутник Северск не просто живут на Томи – они живут ею. Знаю об этом не понаслышке: и тут и там есть друзья, знакомые и родственники. Поэтому предлагаю свои заметки в порядке личного и профессионального мнения при обсуждении проекта.

Начну с предыстории. Строительство гидроузла началось в 1976 году, но так и не завершилось, в 1986-м работы были приостановлены из-за проблем с финансированием. Тогда ГЭС была готова процентов на 60 – до возможного ввода в эксплуатацию оставалось примерно три с половиной года. О возобновлении строительства заговорили в 90-х. По подсчетам властей, на достройку требовались сотни миллионов долларов. Но они тогда были только в воображении умных голов...

В 1993 году решение о заморозке гидроузла закрепились актом Государственной экологической экспертизы. Однако ни в области, ни в стране не нашлось денег на консервацию построенных объектов.

Вопрос дальнейшей судьбы ГЭС поднимался с тех пор еще не раз. Видимо, у кого-то из важных лиц или групп таились свои интересы. Среди основных вариантов были: достройка, консервация и демонтаж. Еще был четвертый вариант – на все махнуть рукой и закрыть ладошками глаза. Но это выглядело вроде как не по-государственному...

В последний раз вопрос достройки Крапивинской ГЭС детально обсуждался десять лет назад. Тогда коллекционеры негатива могли собрать очень много отрицательных отзывов. Например, против строительства ГЭС выступил член Общественной палаты Кузбасса, доктор биологических наук, заведомо экологии растительных ресурсов Института экологии человека СО РАН Андрей Куприянов. Он среди прочего сообщил, что город Кемерово ожидает большое количество экологических проблем. Конечно, ожидает.

Для собирателей любопытных фактов сообщаю, что комплекс Крапивинского гидроузла сегодня считается единственным гидроэнергетическим объектом в России, который начали строить в советский период, но так и не довели до ума...

Некоторое время назад началась новая интенсивная (более того, агрессивная!) раскрутка возобновления замороженного строительства. Считаю, что рассмотрение проекта недопостроенного гидроузла в наши дни похоже на раскрутку певицы Распутиной или доктора Малышевой в былые времена и в масштабе всей страны. А тут, ожидается, будет наш родимый кузбасский выпестыш!

Если кто-то полагает, что на этот раз речь идет о народно-хозяйственных и других стратегических интересах страны, он сильно ошибается. Ввод в эксплуатацию Крапивинского гидроузла, скорее всего, нужен сугубо узкому кругу людей, которых мы можем не знать и никогда не увидеть. Эти люди (причем не только с политической, но и с технической, и финансовой властью) периодически сменяются, находясь в тени, однако давление от них продолжает исходить регулярно и с особой силой.

Для отдельных чиновников это, скорее всего, возможность обозначиться на политической арене, отметить себя галочкой, а потом медалькой и карьерным взлетом. Для алюминщиков это шанс занять дешевый и подконтрольный ресурс – электричество. Для угольщиков и железнодорожников – случай получить скорейший доступ для вывоза «черного золота» в сторону Красноярья и Хакасии. Плотина позволит приступить к прокладке прямой дороги на Красноярск в обход Кемерово. Знающие люди толкуют, что прибыль от эксплуатации такого гидроузла может достигать 70 млн долларов в год. Правда, куда будет направлен крутой навар, не всем положено знать. С этого, видимо, и надо было начинать праздничный тост. Но у нас победил капитализм, поэтому рядовой россиянин должен знать только свое стойло!..

Справедливости ради сообщаю, что, по оценке специалистов АО «Ленгидропроект» (генеральный разработчик проекта), завершение строительства Крапивинской ГЭС позволит ликвидировать дефи-

цит водных ресурсов, создать условия для восстановления судоходства в среднем течении Томи, пополнить запасы пресной воды. Кроме того, ожидается ежегодное производство 1,9 миллиарда кВт·ч низкоуглеродной электроэнергии, появление баз отдыха, рекреационных зон и других плюсов. Это прошу запомнить, особенно про другие плюсы. Так ли это?

Я не собираюсь говорить об уровне технического исполнения проекта предполагаемого объекта. Хотя наперед замечу, что ни один долгострой нигде в мире не стал передовым объектом. Из таких горе-объектов всегда выпирала характерная черта вынужденных компромиссов, и как результат – вечная незавершенка и бездонная прорва для государственных средств.

Не стоило бы говорить о благе, которое со временем упадет на наши головы. Это замануха из области детских сказок. Например, про то, как в результате завершения строительства Крапивинского гидроузла у нас исчезнет один из опаснейших объектов недостроя. Придумают же люди путаные лазейки! Может, рвануть его будет намного дешевле, если данный объект кому-то мешает или грозит своим существованием?..

Про очистку сточных вод за счет строительства (какого и когда?) не говорю совсем. Это мы начали проходить и оценили всерьез еще в те времена, когда всей экологией и санитарией Новокузнецка занималась одна городская СЭС в лице Ольги Иосифовны Самуйло. Ни много ни мало – пятьдесят лет назад. Она тогда не давала покоя строителям, проектировщикам, руководителям всяческих предприятий и даже высоким чинам из горкома КПСС и горисполкома. Это под ее личным напором на Кузнецком металлургическом комбинате строились оборотные циклы прокатных цехов, литейного цеха, цехов металлоизделий. А потом как бы в память о таком заметном в городе человеке был завершен проект общезаводских очистных сооружений дождевой канализации. Кстати, идея очистки русла реки Абы и облагораживание ее берегов тоже тянутся оттуда!

...Еще в начале 2000-х годов в самом центре КМК, словно Кремлевская стена, высились железобетонные конструкции недостроенных насосных станций, отстойников, сооружений глубокой очистки и даже градиен для снижения температуры общего потока перед сбросом в Абу. Как говорится, наливай и пей! Но засучивший рукава капитализм решил по-своему: мы тут ничего не садили и урожай собирать не собираемся... Хотя, надо сказать, из богатого урожая кое-что сладенькое ловко переложили в свои лабазы. Собственники бодались до тех

пор, пока от прославленного предприятия не остался один пшик.

А ведь то был не менее важный экологический недострой Кузбасса, чем нынешняя плотина ГЭС! Просто не хватило мозгов у раздутого Минчермета СССР, оказалось мало шишей в государственном кошельке, а новоявленные собственники еще не доросли до осознания такого понятия, как экология...

Говорят, что, если у человека нет веского доказательства, он придумывает несколько разных причин, чтобы они придавали некую доказательную весомость. Далее примеры.

Оказывается, со строительством Крапивинского гидроузла Кузбасс пополнится дополнительным запасом пресной воды! Только, извините, откуда? Если он и есть (а он на самом деле есть), то только не в этом месте. А то сразу же захотелось поделиться этим запасиком с китайскими товарищами, предложив его вместо байкальской слезинки.

Скорее всего, на берегу будущего моря могут очертиться красные указатели: «Купаться строго запрещено!» Потому что потоки нечистот от частного фонда населения и грязные стоки от промышленных предприятий будут продолжать сливаться в Томь и накапливаться в огромном отстойнике. Да и поверхностный сток с территории города Новокузнецка и других населенных пунктов на Томи не испарится. А это многократно сплюсванная и перемноженная друг на друга органика, химические и механические примеси – миллионы кубометров каждый год! То есть то, что мы давно должны были ликвидировать, но воз и ныне там...

Мелководные блюдца, заводы, неглубокие затоны и т. п. станут источником вторичного загрязнения воды, отстаивающейся в водохранилище. В отличие от сегодняшнего самоочищающегося режима работы русла реки Томи, мы получим преимущественно застойную водную клоаку, в которой будет перемешиваться приток природных вод с существующим стоком от деятельности человека. И неизвестно, кто кого в этой ситуации одолеет.

Мысль о дополнительной защите нижележащих территорий от наводнений вообще идет от лукавого. При сбое работы ГЭС или возникновении на ней чрезвычайной ситуации от гидроузла возможен такой сброс воды, что по сравнению с ним сегодняшние наводнения могут показаться простым баловством. Такие ситуации у нас возникали и на более значимых, то есть более ответственных гидрокомплексах. Стоит припомнить случаи последних 30 лет. А тут заранее закладывается идея срабатывания комплекса по схеме смывного бачка в унитазе. Кстати, при первоначальном проектировании Бычегорловского комплекса такая идея предусматривалась приоритетной. Прошло много лет, но жизнь

нас ничему не научила. А еще предполагалось, что в случае аварийных технологических сбросов в черте областного центра гидроузел будет разбавлять их и смывать весь сток в Арктический бассейн. Кушайте, мол (вернее, пейте), дорогие товарищи томичи и коренное население Севера!..

Хорошо помню шестидесятые годы. У нас только приобретало законную силу слово «экология». Все основное металлургическое производство жило еще технологией времен И. П. Бардина и Кузнецкого, когда об экологических проблемах даже не рисковали писать фантасты. Например, окалина от клетей прокатных цехов имела всего двухминутное отставание, остальное железо уходило в Абушку. На дне Томи накопились миллионы тонн этого добра. И это только одна составляющая стока от одного производства. А их было на комбинате почти десять: доменное, мартеновское, коксохим, листоотделка, литейное, цех эмалированной посуды, ТЭС и другие. А еще в регионе, не жалея сил, выдавали продукцию угольщики, химики, строители, сельхозпроизводители, работали дорожники, энергетики, транспортники и т. д. Одновременно сбрасывая в водоем нефтепродукты, разный, в том числе мелкодисперсный, шлак, фенолы и многое что другое.

Об экономическом рывке Кузбасса в связи с пуском Крапивинского гидроузла можно было бы говорить долго. На данном этапе предполагается, что шагнет вперед туризм, а малый и прочий бизнес прямо-таки полезет на берег будущего моря. И, мол, в соответствии с этим, то есть сразу, должна появиться настоящая дорожная сеть...

А вот тут и зарыта собака. Дело в том, что по периметру новоявленного моря необходимо сначала построить круговую технологическую дорогу. Вопрос совмещения ее с дорогами общего пользования сомнителен. Трудно представить, чтобы в одном ряду по такому тракту громыхал мощный экскаватор, урчало два-три бульдозера и следом за ними ехал на отдых с семьей областной министр. Значит, нужны качественные асфальтированные дороги (это всегда дорого), нужны приличные отели-пристанки (они тоже недешевы). А если по-другому, то просматриваются не более чем полудикие дорожные приюты в стиле раннего Журавлево на стыке нашей и Новосибирской области.

Сам по себе отдых у нового моря (если считать ожидаемую маяту отдыхом) окажется весьма дорогим удовольствием. «Гуляющий» уровень водохранилища не позволит построить летние приюты и прибежища близко к воде. Если случится удача, что купаться народу все же разрешат, потребуются как минимум пляжный песок. Оборудование береговых причалов должно находиться на должной высоте. Мостки, сходни, лодки в прокате, охранные посты,

пункты медпомощи... Все это стоит немалых денег. Бизнес же не станет рисковать и заикливаться на деталях. Короче, будет или дорого, или плохо.

Плюс к этому в связи с резким изменением микроклимата погода в районе Крапивинского водохранилища ожидается неустойчивой, ветреной, часто сырой, с температурой окружающего воздуха на два – четыре градуса ниже, чем в прилегающих районах. Могут быть частые туманы. Только не грибные, а в сильные зимние морозы... С учетом довлеющего направления ветра – подарок нашему областному центру!.. Ну, а на закуску тем, кто окажется в середине торжества, тучи комарья с ранней весны до поздней осени. Да еще слепни и бабочки-капустницы, которые станут хозяевами береговой зоны...

Выходит, что надо иметь какую-то изюминку. Я ее не вижу и, ясно дело, лично не брошусь к новоявленному хранилищу воды, забыв не только про Черное море, но и про Черное озеро или про нашу водную станцию в Черемушках...

И, как говорится, вообще... Если у человека есть авто, он на нем промчится, скорее всего, на Алтай или куда подальше. А тот, кто безлошадный, не рискнет испытывать судьбу и тоже махнет рукой на прелесть морского «пиджака».

Да, забыл про рыбалку! Но об этом узкие специалисты почему-то умалчивают. А рыба-то какая-нибудь здесь будет? Может, с раками заведутся сомы, появится краснорыбца, белорыбца или пойдет на крючок толстолобик? И, не дай бог, вдруг всколыхнется мода на подледный лов? Тогда тысячи полиэтиленовых пакетов и пластиковых бутылок поплывут по весне к лопастям гидроагрегатов, а тонны стеклянной тары лягут в илистое морское дно...

Но и тут опять неувязочка – разлад между мечтой и действительностью. Колебание уровня воды выше плотин в наших условиях может достигать нескольких метров. Представьте рыбака, у которого вдруг под сидушкой хрястнул или, более того, обрушился лед... Кошмар!

Если же более серьезно, то вызывает тревогу недосказанность в очертании будущего водохранилища. Как принято, водное зеркало водоема определяется береговым контуром. В отличие от других водохранилищ, наше будет иметь особую специфику. У нас почти нет горных теснин наподобие Жигулевских гор, нет и нескончаемых плато средней полосы России. Есть древнее русло Томи и прилегающая к ней разнородная местность. Лесистая, суглинистая, сильно пересеченная. Она такой останется на века. Кто будет засыпать нынешние притоки, овраги, распадки, расщелины, буераки, если их завтра снова размочет? Под затопление пойдут грибные и ромашковые поляны, территории бывших пастек, выпасы, проселочные дороги, тысячи звери-

ных нор и птичьих гнезд, медвежьи логова и т. д. И не надейтесь: никто до затопления дна будущего моря не будет здесь проходить с полиэтиленовым пакетом и совком. Остатки бывших кострищ, места охотничьих привалов и автомобильных стоянок – все накроется шальной волной. А энергетикам будет поставлена жесткая программа выдавать на гора ток. Экологические заботы не входят в их основные обязанности.

Прямо-таки убивает упоминание о «гуляющем» уровне водохранилища! При конкретных условиях и в конкретных местах такой эффект будет особенно заметен. Это там, где очень полого. В таких местах зеркало воды может сильно скукожиться, урез воды будет менять свое местоположение и очертание... Значит, не будет такого понятия, как морской берег. Повторяю, не базальтовые скалы окружают нас, не бесконечная каменная гряда распростерлась вдоль Томи. В значительной части притаились рядовые пойменные болота и болотца. Подъехали вы на своем крутом внедорожнике к месту, где только вчера плескалась томская вода. Глянули, а до нее теперь надо добираться не меньше десяти метров. Причем сначала шлепать по расквашенной глине, а дальше невесть что... Внизу ждет то ли болотистая трясина, то ли роковой омут...

Все эти и многие другие проблемы предлагается переложить не только на нашу шею, но и на шею наших детей и внуков – того поколения, которое уже упрекает своих предков за наивность и за то, что допустили в стране 90-е годы и их последствия. Ну не может наш человек не наступить на одни и те же грабли по несколько раз!

Я хорошо представляю, что может входить в такой гидроэнергетический комплекс, как Крапивинская ГЭС. Во много раз лучше об этом знают и исполнители проекта. Например, шлюзовые камеры для судоходства. А если его, этого судоходства, как такового сегодня почти нет, то будут ли учтены интересы речных маломерок на будущее? И что, вообще сбрасывается со счетов речная перевозка товарных грузов в перспективе? Или она будет зарублена проектом на корню и на веки вечные? Значит, из Кемерово в Новокузнецк и обратно вам нельзя будет не только перевезти кадку под огурцы, но элементарно переправить пустую лодку через преграду в виде плотины...

Или те же рыбопропускные сооружения. Что по этому вопросу думают соответствующие органы надзора, которые сегодня убиваются над каждым выловленным браконьером мальком? Да ничего они не думают. Завтра тысячи косяков томской рыбешки не смогут преодолеть искусственный барьер – высоченную железобетонную плотину. Для некоторых видов рыб она станет настоящей ката-

строфой: им обрежут пути миграционного потока, сложившегося за тысячелетия. Для превращения во взрослую особь такой рыбе нужны конкретные условия: определенная температура воды, насыщенность кислородом, соответствующая пища и т. д. Вот и будет эта речная тварь инстинктивно ломиться, например, к заводам, что в районе Междуречья. Обязательно будет! Но построенная плотина, словно палач, безжалостно разрубит надвое сложившуюся экосистему с ее неповторимой ихтиофауной. Не хирург, а именно палач! И ни один представитель надзорного органа не прольет слезу, глядя на все это. А если и поплачет горько, то никому от этого не будет сладко... Останется с нами плотва, елец, карась, щука, окунь, ерш, подкаменщик. Но многие породы рыб мы выше Крапивинской ГЭС уже не увидим в глаза (считайте: осетр, стерлядь, нельма, муксун, таймень, ленок, хариус и кое-что другое)...

В студенчестве мне пришлось побывать на практике на Сталинградской и Куйбышевской ГЭС. Стоя на гребне плотины бывшей (и будущей) Самары, спросил нашего гида, что, мол, за червячки кружатся там в черном водовороте. Мужчина улыбнулся, сказав, что я скоро сам все увижу... А через час мы были на смотровой площадке нижнего бьефа. Оказалось, что сотни, может быть, тысячи рыб разных пород пытаются попасть к местам своих природных нерестилищ. Были видны особи осетра, белуги и севрюги длиной до полутора-двух метров. Рыба неоднократно натывалась на безжалостный бетон. И после этого черные кровавые пятна уходили в сторону Каспийского моря...

У нас вроде не Волга: и асфальт пожиже, и дома пониже. Но жалко ту рыбку, которая будет страдать от непродуманных экспериментаторов.

Все, конечно, решается технико-экономическими расчетами. В проектировании свой закон, и он до наивности прост: должна быть обоснована экономическая целесообразность и техническая возможность строительства. И все. А вот нюансы остаются на совести заказчика, разработчика проекта и Главгосэкспертизы нашей Федерации. И еще остается без полноценного ответа главный вопрос: «Зачем все это надо?»

Лет 15 назад в стране еще существовал вполне действенный Российский союз проектировщиков. Потом по инициативе тогдашнего президента Д. Медведева вместо него появились СРО (саморегулируемые организации). Могу сказать, что это весьма надуманная система круговой поруки не только в проектной деле. СРО – она и есть СРО, для среднестатистического гражданина это не более чем расположенный в подземном переходе киоск срочного ремонта обуви. Кстати, раньше региональный центр бывшего Союза проектировщиков нахо-

дился в Омске. Я не раз звонил туда, задавал вопросы. Мне находили компетентного специалиста, например, в Ярославле, который давал исчерпывающий ответ. А сейчас система СРО – это сплошная профанация. Там только собирают денежные взносы, которые утекают далеко наверх. Ни разу не слышал, чтобы кто-то в этой конторе получил своевременную и толковую техническую помощь.

Вот и сегодня из глубин СРО вроде бы должен был прозвучать голос в защиту или, наоборот, против нового сибирского моря. Но там, будьте уверены, как всегда, промолчат, а на ваш настырный вопрос ответят не лукавя: «Мы-то при какой козе?» И верно: при какой?

Ушли в небытие специалисты водного хозяйства, люди старого закала. Во все времена они творили настоящие чудеса. Нет знаменитого на всю страну нашего Сибирского отделения института «Союзводоканалпроект», развинчены по элементам остатки всемогущего Востокгидроспецстроя, исчезла настоящая гидротехническая наука. И наверняка были бы против нынешнего рукотворного моря такие славные представители гидротехнического, водохозяйственного и энергетического комплексов Новокузнецка, как Б. Гохман, И. Ушаков, Н. Старостин, Г. Кабаев, И. Рымашевский, В. Шаргородский, Н. Рехтин, А. Шейкин, В. Дуда, З. Попова, В. Смялко и многие другие. В таком важном, принципиальном вопросе, как и в вопросе о беременности человека, нельзя становиться в позу и отвечать с оговорками: «частично», «местами», «в основном», «надо уточнить». Сейчас требуется выразить гражданскую позицию и сказать определенно: «да» или «нет», третьего не дано. Причем не откладывая на завтра.

Припоминаю давний случай на Запсибе. Тогда из органов санэпидслужбы стали поступать жалобы на непроектные и частые сбросы от заводского гидроотвала в реку Томь. Бывший в то время директором завода Л. Климасенко решил лично разобраться с этим вопросом. Он натянул болотные сапоги, принесенные из цеха водоснабжения, и в одиночку отправился на осмотр по периметру сооружения. За несколько часов одолел почти десять километров, отметил в своем рабочем блокноте все замеченные подтеки, выклинивания жидкости и многие другие дефекты гидроотвала. На другой день собрал обширное совещание. Наметил пути решения проблем. К сожалению, самого Леонида Сергеевича вскоре не стало. Но многие его указания были исполнены. Были усилены наружные откосы, выполнена обваловка, пересыпаны открытые сбросы, прокопаны дренажные каналы. И тогда же кто-то под сурдинку только присыпал явные пути сброса стоков в реку. Думаю, что они существуют до сих пор и о них мало кто знает...

Кстати, действующий гидроотвал Запсиба является высокопотенциальным источником загрязнения Томи и возможного водохранилища на ней. Около тридцати лет назад в «Кузнецком рабочем» была опубликована большая статья «Бомба замедленного действия». Как раз о нем, о самом знаменитом гидроотвале города. И тогда на страницах газеты развернулась острая дискуссия о состоянии и судьбе этого сооружения. Дело дошло до исков в суд и жалоб в прокуратуру. Слава богу, что за последние годы на гидроотвале не произошло ни одной крупной аварии. Но если, к примеру, приличное землетрясение коснется сооружения всерьез, то не исключено, что это и будет взрывом той самой бомбы замедленного действия.

Про гидроотвал КМК вблизи села Митино, кажется, и вовсе многие забыли. Туда долгое время уходили грязные стоки с доменным шламом, золой от местной ТЭС, отводились и другие вредные сбросы. Короче, уходило все, за что штрафовали, если эта бяка обнаруживалась в стоках, отводимых в реку Абу. Так вот, с гидроотвала осветленная вода на завод не возвращалась. Многие думали, что она просто испаряется, фильтруется в окружающий грунт, где-то растворяется... Но проблема не рассосалась. Последующие изыскания показали, что химически загрязненная жидкость фильтруется в подстилающий слой так называемого «томского галечника» и по нему сложившимися путями скатывается к руслу Томи... Так что даже с ликвидацией КМК поверхностные стоки на территории гидроотвала будут еще много лет загрязнять томскую воду. Прошел летом дождь или началось снеготаяние – и через какое-то время сток с территории отвала, «облагороженный» химическими элементами бывшего доменного и других производств, смешается с потоком речной воды...

Это касается вообще всех наших гидроотвалов и хвостохранилищ (существующих и условно законсервированных), они в свое время строились в обнаженном грунте без устройства каких-либо противofiltrационных элементов (пленок, экранов и т. п.). Хотя убейте, я буду утверждать: почти в каждом случае имеются подземные перетоки грязной воды в ближайший водоем и далее в Томь. У многих, видимо, еще на слуху разборки со шламо-накопителем Абагурской аглофабрики. В общем, сплошные грабли...

Слышал, что в зону затопления будущим водохранилищем попадет выход столбчатых базальтов (это в районе Бычьего Горла). Затопится Лачиновская курья – там сейчас находится крупнейшее природное место обитания и зимовки змей. Уйдет под воду остров тайдонских черных тополей. Из-за резких и частых колебаний воды в водохранилище ис-

чезнут (точнее, погибнут!) появившиеся в последние годы на Томи колонии бобров. В глубоком дне останутся залежи торфа (на общей площади около 10 тыс. га), ниже уровня воды окажется разнородный дерновый покров и растительная масса интенсивно разросшегося в последние годы кустарника, что приведет к вторичному биологическому загрязнению воды.

Неизвестно точно, сколько на затопляемой территории рассеяно одиночных и групповых могильников. В них захоронены не только различные животные (нередко с опасными инфекционными болезнями), но и трупы людей (официально известно о трех старых кладбищах).

Знакомый бульдозерист из Кемерова рассказывал, как его в былые времена командировали на выравнивание дна будущего Братского водохранилища. Снимали грунт слоем до трех-четырех метров. Самосвалы вывозили грунт в отведенные места за пределами зоны затопления. Однажды работали на участке, где раньше размещалось старинное село. Вывозили остатки строений, разрушенную кладку фундаментов. И вдруг все поняли, что работают в зоне бывшего кладбища. Не буду описывать детали, они не для слабонервных. Короче, ликвидация старого кладбища происходила при самом наплевательском отношении к праху ушедших поколений. Даже крепкие мужчины не выдержали такого испытания. Вот и наш земляк плюнул на неполученную высокую зарплату, оставил бульдозер на рабочем месте и поскорее вернулся в Кузбасс...

Всего один небольшой нюанс может потянуть за собой множество вопросов и проблем. А мы все хором: «Ах, море, море!» Еще многие помнят популярную песенку более поздних времен «Марчук играет на гитаре, и море Братское поет». Хорошая песня Пахмутовой и Добронравова. Но подзабыли древнюю пословицу: «Не буди лихо, пока оно тихо».

Прочитал недавно в интернете ликующую заметку одной жительницы Прокопьевска. Она извещает, что с великой радостью ждет строительства нашего Кузбасского моря. В доме наконец воцарится мир и порядок, потому что ее мужик будет ездить на рыбалку к своему морю, а не мотаться с друзьями-забулдыгами по различным водоемам родины, где еще сохранилась какая-либо живность с плавниками. Женщина выразила свою гражданскую позицию. Она четко «за» Крапивинское водохранилище. Видимо, надеется, что супруг на своем велике будет доставлять ей на сковородку свежатину в виде чека, трески, минтая, скумбрии, камбалы и прочего морепродукта. Еще «за» оказались сотрудники ГИБДД и полиции, которым удалось не допустить присутствия некоторых представителей общественности

на открытых слушаниях по вопросу строительства Крапивинского гидроузла. Стала популярна шутка на этот счет. Оказывается, защитников природы сокращенно называют «запри»...

Кстати, о некоторых наших надеждах. Оказывается, это не больше чем утренний туман. Перед общественными слушаниями в муниципалитетах в начале 2022 года заметную деятельность проявил генеральный разработчик проекта – АО «Ленгидропроект». Во время пресс-конференции заместитель главного инженера института Виталий Иванов сообщил, что цель слушаний – донести максимальную полноту информации до населения. И все! Даже если большинство участников выступит против, на строительство «объекта, который нужен региону», сказал он, это никак не повлияет!

Только среди прочего зам главного инженера должен знать, что со строительством гидроузла погибнет множество природных водоисточников, в том числе и целебных. Все это не очень хорошо. Но еще хуже, что будут подтоплены радиоактивные и ртутьсодержащие породы, а они в расчетной акватории наличествуют – об этом более подробно могут рассказать геологи.

Наконец, представьте сами условия затопления. Вода будет подниматься, инфильтроваться (проникать) вглубь береговой зоны. Потом ее уровень может падать, а прилегающая земная твердь берегов освобождаться от накопившейся воды... Начнется процесс фильтрации. Земля просто изрыгнет людям срам за нанесенное ей изнасилование! И такое будет повторяться в течение года многократно. Причем без каких-либо планов и графиков. Можно только представить, сколько скрытого дерьма каждый раз будет скатываться в пучину будущего «моря радости». В этом случае никакое количество «свежего» притока от Кондомы, Усы, Мрассу и десятков других более мелких речушек не разбавит постоянно увеличивающийся букет загрязненных стоков.

Не хочу останавливаться на возможных откатах, финансовых махинациях, на элементарном воровстве в строительстве. В наше время все это вроде как мелочи жизни. Просто задаю вопрос: за чей счет организуется такой шикарный карнавал и в чьих он интересах?

Мы тут пошумим, подергаемся, даже переругаемся. Но в итоге должен очнуться Томск и наверняка объявить свое законное вето. Или я идеалист? Ведь и там могут находиться камикадзе, у которых счета и кубышки переполнены «зеленью», и им тоже невтерпех попить на начинающемся празднике.

**Анатолий
САЗЫКИН**

**«РОССИЯ, РУСЬ!
ХРАНИ СЕБЯ, ХРАНИ!»
РУССКАЯ ПОЭЗИЯ
И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПАМЯТЬ**

В свое время Александр Сергеевич Пушкин выразил вот такую мысль:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

То есть великий поэт сказал о жизненном значении памяти в душе и сознании каждого отдельного человека и каждой семьи, а из них складывается понятие исторической памяти для страны, народа.

Пройдет полтора века, и замечательный русский поэт Николай Рубцов, не претендовавший на всемирную известность, но выражавший глубинное народное сознание, создаст в стихотворении «Старая дорога» художественный образ русской исторической памяти:

*Всё облака над ней, всё облака...
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам – качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые вечности глаза!
То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин-властелин.*

*То по холмам, как три богатыря,
Еще порой проскачут верховые,
И снова – глушь, забывчивость, заря,
Все пыль, все пыль да знаки верстовые...
Здесь каждый славен – мертвый и живой!
И оттого, в любви своей не каясь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвою,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...*

Память о прошедших веках, о бывших событиях хранит вечно живая природа в ее вечных пространствах – дорогах, реках, небесах. Что же касается России, то неотъемлемая, вечная часть ее исторической памяти – это память о тех набегах, войнах, нашествиях, которые она вынуждена была отражать на протяжении всей своей истории. Важно при этом, что сама она захватнических войн не вела и не жила грабежом колониальных народов, как Англия, Испания, Португалия, Франция, Германия, а вот натиск отбивала со всех сторон – с запада, востока и юга.

В стихотворении «Шумит Катунь» Рубцов пишет:

*...мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной.
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев ее былинный...*

*Катунь, Катунь – свирепая река!
Поет она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, –
Они топтали эти берега!*

*И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И черный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...*

*Все поглотил столетний темный зев!
И все в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом –
Она не может успокоить гнев...*

Этот гнев бушующих волн реки – воплощение гнева в исторической памяти народной.

Не может быть забвения и самой кровавой и страшной войне – Великой Отечественной – с немецким фашизмом. Нет в России семьи, которой бы та война так или иначе не коснулась. Николай Рубцов создал замечательное стихотворение об этом аспекте народной исторической памяти – «Русский огонек».

Стихотворение это, на мой взгляд, вполне сопоставимо с пушкинским «Пророком»:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...*

Лирический герой Рубцова тоже один, только в зимней русской глуши:

*Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели.
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мертвом поле!*

И он, без сомнения, в духовном поиске, ибо и ему, подобно пушкинскому лирическому герою, которому явился посланец Бога, – мелькнет «тихий свет... в пустыне, как сторожевой». Это свет в одинокой крестьянской избушке, где живет старушка, потерявшая в великой войне всех своих близких.

*Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий:
Огнем, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...*

Вопрос старушки: «Скажи, родимый, будет ли война?» – это сакральный, главный вопрос вообще русского человека, а уж для матери, да еще и потерявшей всех родных, – нет его важнее. И после ответа «наверное, не будет» (ответ-то не абсолютно уверенный!) следует пожелание: «Дай бог, дай бог... Ведь всем не угодишь, а от раздора пользы не прибудет» – это ее истина в последней материнской инстанции.

И еще одну духовную истину постигает лирический герой. Когда он за радушный, душевный прием пытается расплатиться «глухим бречением монет», старушка замечает: «Господь с тобой! Мы денег не берем!»

Это «мы» вместо «я» дорогого стоит.
Это русский голос из глубины веков:

*За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...*

Естественно, это не голос современной либерально-буржуазной части населения...

Продолжит поэт эту тему – святости исторической памяти и неизбежности противостояния России вражеским нашествиям – в стихотворении «Видения на холме»:

*Взбегу на холм
и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
в крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя.*

*Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...*

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях России...*

Да, «нагрянули они, иных времен татары и монголы» в лице коллективного Запада, науськанного Соединенными Штатами, сумели найти

и поставить во главе когда-то братской страны «интернационального» наркомана и развязать небывалую доселе в истории русофобию и самую настоящую войну с Россией. И если прежняя война была страшна вражескими полчищами и оружием, поставляемым фашистам всей Европой, то сейчас к оружию, поставляемому всей Европой и Америкой, добавилось новое, сугубо современное оружие – ложь.

Лгут президенты «цивилизованной» Европы, лгут премьер-министры, министры, дипломаты, главы всяческих евросоюзов, столтенберги, боррели, фон дер ляйены, журналисты, репортеры, лжет Всемирная сеть – интернет-паутина.

Фейки, передергивание фактов, искажение истории, всевозможные санкции и запреты от политико-экономических до культурных и спортивных – дьявольский шабаш какой-то! Клевета...

Но, оказывается, и клевета не новость.

Еще в 1831 году Пушкин пишет стихотворение «Клеветникам России». Вот некоторые строки оттуда, как будто сегодня написанные:

*О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?*

...

*И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?*

Да, в пушкинское время этим врагом, поднявшим в поход на Россию всю тогдашнюю Европу, был Наполеон. Именно в схватке с ним мы «нашей кровью искупили Европы вольность, честь и мир».

Придет время, и новый властелин Европы, Гитлер, поведет ее в поход на Россию и будет бит жестоко. И снова мы отстояли «Европы вольность, честь и мир»...

И теперь мы воюем не с Украиной, а лишь на ее территории (да и та, по сути, исконно русская), которую избрали для войны нынешние враги России, пока еще не желающие ни ручки пачкать, ни кровь свою проливать. Особенно хорошо себя чувствуют американцы, уверенные в

своей недосыгаемости и поднявшие всю Европу в новый «Drang nach Osten» (полсотни стран на сегодняшний день участвуют в помощи Украине, в большинстве своем не знающие, где она находится).

Мы должны помнить об этом и мобилизоваться и внутренне, и организационно. Помнить и хранить пушкинский завет:

*Иль мало нас?
Или от Перми до Тавриды,
От финских холодных скал
до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..*

Отлично помню, как с самого начала Великой Отечественной войны подлинным народным гимном стала песня на стихи Лебедева-Кумача «Вставай, страна огромная» с ее припевом:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идет война народная,
Священная война!*

29

Сейчас остро необходимо единство, консолидация всех общественных сил для сохранения страны. Пора перестать делать вид, что ничего не происходит, говорить: «Пусть воюют кому положено, а у нас заботы другие».

Никакой не секрет, что коллективный Запад рассчитывал своими бесстыжими санкциями обрушить экономику и обороноспособность России, а тотальной ложью разрушить ее внутреннее национальное и духовное единство. И предпосылки для этого, казалось, были, они Запад обнадёживали. И то, что, по данным прессы, 200 тысяч богатеньких россиян устроились в Лондоне задолго до начала военных действий; и то, что сотни миллиардов в западной валюте утекает ежегодно в офшоры; и то, что так называемые олигархи давно и прочно скупают за границей недвижимость; и то, что «некоторые звезды» (достаточно многие) разбежались из страны – кто в дорогой сердцу Израиль, кто в «цивилизованную» Европу; и то, наконец, что при объявлении частичной мобилизации немало граждан, российских по паспорту, ломанулись в Казахстан, Грузию, Армению. Едва ли для того, чтобы

там жить, скорее – оттуда проникнуть в ту же Европу...

Но, слава богу, это лишь ничтожный процент населения огромной страны, в которой абсолютное большинство граждан самых разных национальностей встанет в едином строю с «Бессмертным полком» своих предков.

Они помнят! Они готовы встать на защиту Родины.

Порыв их души выражает поэт Рубцов:

*Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..*

И еще:

...Кресты, кресты...

Я больше не могу!

Я резко отниму от глаз ладони

И вдруг увижу: смирно на лугу

Траву жуют стреноженные кони.

Заржут они – и где-то у осин

Подхватит эхо медленное ржанье,

И надо мной – бессмертных звезд Руси,

Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

г. Новокузнецк

**Александр
БАЛТИН**

ОГНИ ПОЭЗИИ КУЗБАССА

1

Подкова-символ, подкова-знак, подкова, не узнавшая копыта, дороги:

*На столе тяжелая подкова.
Ей бы след печатать на земле,
Не сбиваясь с ритма скакового...
А она лежит вот на столе.
Мне хранить ее всю жизнь велели
На мою удачу, на успех.
В серии других для этой цели
Произвел ее метизный цех.*

Поэзия Г. Юрова сильно напитана конкретикой действительности: она вещна, вещественна; иные стихи, кажется, можно взять в руку, как подкову.

Огни зажигаются внутри строк – как вспыхивают они ночью, в небесных далах, не означенных на земных картах, влияющих на людские дороги:

*Вы видите: горят огни в ночи,
На землю небо звездное упало.
Вы слышите: мелодия звучит,
Поет земля восточнее Урала.*

Земля поет.

Поэт слышит ее песни и, фиксируя их, поднимает флаг, сотканный из образов, рифм и ритмов. Но... запускает воздушного змея:

*Мальчишки, пускайте Бумажного Змея.
Все просто: возьмите бумаги и клея.
Шесть планок в каркас. Да материи плотной,
Чтоб хвост был весомым и гибкою шея...*

Ибо, сколько бы ни были тяжелы, насыщены образами земли стихи, поэт не может без полета: в этом его коренная суть.

И поэзия Г. Юрова подтверждает это.

Коренное, российское: когда дверь открытая – понятие метафизическое, хоть и данное через конкретику образов:

*Дверь открой посредине России
И лицом к быстрине прикоснись;
Сколько там мужики искурили –
В тамбурах, размышляя про жизнь.*

От мира сего – поэзия Донбая, окрашенная в оттенки иного, проступающие сквозь движение экспрессов, сквозь молодую, вечную силу Сибири:

*Мы с тобою на встречных экспрессах
Разминемся. Помедлить нельзя!
Полетят параллельно и резко
Наши волосы, руки, глаза.*

*Свежий ветер, простор неоглядный...
Через слезы предстанет страна –
Наши волосы треплет и гладит
На восток и на запад она.*

Ширь даже больше понятия «шири»: будто бесконечность рядом, и космос прикасается к волосам – через русское движение и силу любви.

Воля – коренное для русских понятие: шаровое, неистовое, могучее:

*Я родился, вздохнул, задохнулся и ожил:
Этот воздух, который впервые схватил,
Был густым от страданий и пыли дорожной,
Смешан с пеплом и горем отчества был.*

*И входили в свободном потоке стихии
Навсегда: возраст воздуха в тельце мое,
Молодая, морозная сила Сибири –
И снега, и таежные жабры ее.*

Звукописью вибрирует «ж», снежным млеком пролитое «м» словно растворяется в поэтической крови.

Ощущение России раскаленной нитью проходит через поэзию Донбая: нить вибрирует, открывая новые возможности счастья и – боли...

Воздуха много в поэзии Донбая, простора – того особого, духовного воздуха, который требуется самому сердцу сердца, самой стержневой человеческой сути...

В колодец глядеться трудно: глубь завораживает:

*В глубоком зените колодца
Плетет паутину куржак.
Мы – дети холодного солнца:
Полгода сугробы лежат.
Несем, словно платим налог,
Мороза терновый венок...*

И труд – нести свой терновый венок, скрученный из волокон истории, правды, шири... С. Донбай несет свой с честью, с высоко поднятой главой, с факельным светом ярко вспыхивающих стихов.

3

В поэзии Б. Бурмистрова много дорог, движения, плазмы жизни – такой конкретной и часто столь неуловимой субстанции:

*Сказала, что вышла на миг,
Сто лет с той поры пролетело...
Исчез под водой материк,
И память, как платье, истлела.*

*Сказала: вернись, подожди,
Куплю только в булочной хлеба,
Давно испарились дожди,
От зноя потрескалось небо.*

Пласты земные – булочная, хлеб – совмещаются с небесными красками, и привкус неба остается как послевкусие по прочтении стихов поэта.

Короткая формула счастья сверкает гранью каждой строки:

*Три женщины любимых, три печали
У трех дорог меня всегда встречали.
Три женщины любимых, три огня
От злых напастей берегли меня.*

*Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле,
За них готов молиться день и ночь –
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.*

Здесь как будто и кредо – основное: любовь и суровые, мужественные, синевато-стального отлива стихи Бурмистрова поднимаются от земли на пестрых крыльях основного чувства. Поднимаются, парят, призывая к счастью полета и читательские... сердца... сознания...

4

Живая речь родного края раскрывается своими образными цветами в поэзии В. Крёкова:

*Я вижу отчий край. Он весь как речь живая,
Кругом светлынь небес и кислорода ток.
Привет тебе, привет, гвоздичка полевая!
Как малый мотылек твой розовый цветок.
Как в прошлом, на лугу короткое свиданье,
И отошедшей той летучая краса...*

*На венчике твоём и пух, и расстояние
Стоят, как в летних лужах небеса.*

Все живо, все пламенеет силою и славой жизни – бесконечно разнообразной, трепещущей, как тугие связки грудных мускулов коня.

...Сложно идет осмысление жизни, рождая собственную метафизику поэта, выраженную через образный строй стиха, через силовое притяжение – неба, крыла:

*И оттого, что в этом хлебе
Кому-то, а не мне везло,
Я жаждал, чтоб в осеннем небе
Завязло лебедя крыло.
Кричал ему: «Постой, товарищ!
Пусть груды зерен на току –
Ты дожинать мне оставляешь
С полей созревшую тоску».*

И все равно поэзия Крёкова воспринимается поэзией счастливого человека, ибо жизнь, плеща собой и пленяя, сильно нагружая и легко поднимая ввысь, оправдывает и искупает собою все негосудное, все, с лихвою...

5

Силовое, световое поле родины концентрируется в малых объектах мира, становящихся призмами, сквозь которые поэт рассматривает целостность:

*Это родина – синие ставни,
это родина – ивы в наклон,
над которыми сирыми стаями
птицы тянутся в небосклон.*

*Было вдоволь и песен, и хлеба,
жизнь взахлеб и беда по плечу.
Но под этим единственным небом
я от родины мало хочу.*

Есть сдержанная самоотверженность, своего рода духовная аскеза в стихотворениях А. Каткова: всего достаточно, больше не надо – редкость в наши утилитарные времена.

Поэзия Каткова дышит совестью, она питана свежей водою духа, и росные высверки часто озаряют строку. Порой через боль – если слово о матери:

*Поднимала себя и сына,
И на внуков хватило сил,
У которых теперь над камином
Электрические часы.*

*Нет тебя. Только крест над холмиком
На погосте, среди тополей.
Но не крест – я поставил бы ходики,
Словно памятник жизни твоей.*

Боль и любовь соединяются причудливыми космическими дугами судеб.

А боль за страну – беспредельна:

*Разрушилась страна,
А я остался цел.
Меня они не взяли на прицел.*

*Но я с тех пор живу на той войне
С разрушенной страной наедине.*

И тем не менее световое начало превалирует в поэзии Каткова, поднимая стихи выше и выше по световой вертикали.

6

Метафизика сочетается с лирикой – в недрах поэтического делания Д. Мурзина, и метафизика отличается высотой понимания земной правды:

*Не давай мне, Боже, власти,
Чтоб тираном я не стал,
Да избави от напасти
Капиталить капитал.*

*Ниспошли смягченье нрава,
Все, что будет, – будет пусть,
Но не дай отведасть славы,
Потому что возгоржусь.*

Изнаночная сторона метафизики – ирония, оттого и рождается лихое и забавное «капиталить»...

...Кратко-мускульные стихи, рисующие форму коллапса – общего, российского, – который никогда не случится, поскольку:

*Когда пройдут сто видов колбасы
И сдохнут электронные часы,
Закончится весь углеводород –
Тогда тайгой Россия прирастет.
Набычится пузырь в оконной раме,
И в лес идти придется за дровами.*

Счастье идти в лес за дровами ныне не почитается таковым, но избыток технологий выглядит угрожающе, так что...

Грядущее всегда область поэтического порыва. Интересны иносказания Мурзина – басенные, спаянные с вековой мудростью предков:

*Рыба-отец берет рыбу-ремень
Воспитывать рыбу-дочь.
Так начинается рыбный день
(Кончается рыбная ночь).*

*Это какая-то рыба-кошмар,
Траченный осьминог!
Его любимая рыба-школяр
Не знает рыбу-урок!*

Разнообразные совмещающие мотивы, поэт творит свой поэтический манускрипт, и знаки его достаточно яркие, чтобы вглядеться в них.

г. Москва

Сергей ПШЕНИЧНИКОВ

ШОРИЯ

ВОЛШЕБНАЯ ТАЙГА

В пятом классе, на одном из первых уроков литературы ставшая впоследствии для многих любимой учительница Людмила Алексеевна Ключанова знакомила нас с Пушкиным. Она рассказывала о его детстве, о няне Арине Родионовне, ее сказках. И вдруг обнаружила, что один из самых беспокойных учеников, самый бойкий непоседа странно преобразился. Он сидел совершенно тихо, напряженно вслушиваясь в рассказ про старушку няню, а на его подвижной мордашке застыло выражение восторженного удивления. Весь класс тоже как-то затих, и воодушевленная этим вниманием учительница с упоением продолжала описывать состояние юного слушателя сказок – будущего великого поэта.

Каюсь, мне в то время было не до Пушкина. Рассказ о детстве поэта, его няне и ее сказках поразил меня совпадением с моим детством. Захватившие воспоминания умилили мой буйный нрав и вынудили успокоиться.

В учебнике была картинка: кучерявый мальчик, подперев кулачком щеку, слушает сказки неродной бабушки. Я в его возрасте с подобным вниманием так же слушал сказки – и тоже неродной бабушки, бабушки своего друга.

В Советском Союзе, в Западной Сибири была прекрасная страна – Горная Шория. Люди, немало поездившие и немало повидавшие в мире, называли ее за красоту Советской Швейцарией. Но беззащитным оказался этот благодатный край перед теми, кто рьяно взялся его «осваивать»... Шорцы, местные жители, пошли проторенной дорогой всех малочисленных народов. Под нахрапистым натиском цивилизации они спивались и деградировали не просто семьями, а родовыми кланами, так как издревле жили по-родственному дружно и оседло, не кочевали, а кормились дарами тайги – охотой и рыбалкой.

В нашем подъезде на первом этаже жила такая семья. Во главе ее стояла старуха мать, здесь же проживали ее сыновья со своими женами и их дети, ее внуки.

Жила семья весело. Летом к ним постоянно приезжали гости – многочисленные родственники. Го-

стили и уезжали, а им на смену приезжали другие. Осенью и зимой оставались в семье в основном женщины и дети: мужчины уходили в тайгу бить кедровую шишку и добывать пушного зверя. А весной и летом эти же мужчины ловили рыбу в бурной и стремительной реке Томи.

Среди внуков был один шкет, звали его Васькой. Он был мой ровесник, мы вместе пошли осенью в первый класс. А еще до этого успели подружиться.

В самом начале лета, когда дом только заселяли и никто особо никого не знал, я, болтаясь во дворе и осваивая новую территорию, случайно наткнулся на неприятную картину: трое лупили одного. Двое держали низенького мальчугана, а третий отвешивал ему пендалей.

Я рос в хорошей, благополучной семье, долго жил у бабушки, которая исподволь и неназойливо учила меня основам христианства, а дед делал вид, что не замечал этого, и толковывал свое видение мира — тоже доброе. Но на окраине Новокузнецка, где проживали мои благовоспитанные старики, располагался «шанхай». Там обитал тот пролетариат, который всегда жил и будет жить плохо и бедно. При любой власти и при любом строе. Им все равно, какой сегодня праздник и куда надо идти – защищать Белый дом или штурмовать его. Главное, чтобы можно было на халяву выпить и вволю подражаться. И вот с детьми этих бесшабашных, вольнолюбивых и полукриминальных взрослых я общался постоянно. Они притягивали тем, что были отчаянно смелы и уверены в себе, в своих манерах и поступках. Мне это, видимо, тоже передалось. Поэтому сейчас я без раздумий с разбега налетел на учителей, одного толкнул и свалил, другого отбросил пинком, а с третьим начал бороться. И в конце концов смог освободить низенького пленника.

Вот так я и познакомился с Васькой. У него тоже были свои особые манеры и своя линия поведения. Он не умел, а потому не любил играть в футбол. Крайне неохотно играл в вышибалу и штандер, если там были девчонки (считал ниже своего достоинства общаться с ними), но обожал прятки. И еще он любил охоту. У этого семилетнего шкета был лук и рогатка, и вскоре уже все окрестные кошки пугливо обегали наш двор стороной. При этом Васька вообще не дрался, просто не мог сделать больно другому пацану, вот и терпел обиды, считая жестокость по отношению к себе чем-то вроде игры.

С ним было интересно. Каюсь, я многое у него перенял. Начал мяукать и подманивать проходящих мимо котов (и до сих пор я, уже взрослый человек, оглянувшись по сторонам, иногда так делаю). А моя бедная младшая сестричка оказалась виновата в том, что она девчонка, и вскоре почувствовала это

на себе. Вероятно, на моей не очень удачной семейной жизни это тоже сказалось...

Васька был совершенно самостоятельным. В семь лет он открыто курил трубку и ходил куда хотел и когда хотел. Я ни разу не слышал, чтобы его звали домой – обедать или просто потому, что уже поздно. Однажды я затащил его к себе в гости, мы поиграли в машинки и солдатики, а затем моя матушка нас накормила. То, что перед этим она решительно прекратила нашу игру, заставила вымыть руки (а Ваську – и умыться) да потом еще и поучала за столом, как надо правильно и воспитанно есть, – поразило моего дружка. В ходе этих экзекуций он несколько раз дергался и бросал на меня вопросительно-негодующие взгляды, порывался что-то сказать, но все же стерпел.

Зато, попав к нему с ответным визитом, уже удивлялся я. Прямо с улицы мы с ним прошли на кухню и уселись за стол. Васька крикнул что-то по-своему, по-шорски вглубь квартиры. Тут же пришла девчонка лет 12–13, позвала еще двух поменьше, и так я в семилетнем возрасте впервые попал в «ресторан». Мы с Васькой только ели, а подавали блюда и убирали его сестренки.

Осенью, когда мужчины ушли бить кедровую шишку, Васька загрустил. Наверняка он тоже хотел в тайгу, но надо было ходить в школу.

Как-то теплым вечером над нашим двором появилась летучая мышь просто огромных размеров. Мы и раньше видели этих рукокрылых летунов, летают они будь здоров, свободно могут в пилотаже с ласточками соревноваться. А тут, может, просто экзотический представитель другой породы залетел к нам. Ребячьи поменьше даже бросились догонять этот живой планер, ребята постарше сдержанно поохали и вскоре забыли. Васька в этот момент сидел рядом со мной. Он тоже оглянулся на крики малышей, и на лице его возникло восторженно-восхищенное выражение. Широко раскрытыми карими глазами (шорцы вовсе не узкоглазы) Васька удивленно следил за стремительным полетом огромной мыши, а затем вдруг как-то мгновенно подобрался. Лицо стало сосредоточенным и оценивающим. Оно так быстро изменилось, что я не узнал своего друга. Добрый и ласковый, удивленный взгляд его стал жестким и твердым. Все! Его безжалостные глаза послали вслед животному смертный приговор.

Несколько вечеров Васьки с нами не было. А потом утром на скамейке у подъезда появилась окровавленная тушка так поразившего всех летуна...

Васька был жутко предан дружбе. Мы с ним вообще почти все делали вместе. Но моя мать, словно сердцем чуя беду, старалась разлучать нас почаще. Мне трудно было ей противостоять, тем более ког-

да она подключала отца. А тот просто повесил на гвоздике свой ремень с обещанием пустить его в дело...

Однажды, засадив меня за уроки, мать два раза выставляла Ваську за дверь, но в конце концов все-таки впустила, пораженная его упрямством. Семилетний, неизбалованный родительским вниманием пацан притащил мне, своему другу, кусок арбуза. Моя мать его отшила, а он пришел снова. И опять был отправлен восвояси. Но когда Васька спустя полчаса вновь явился с тем же куском арбуза, даже она была сломлена такой недетской настойчивостью.

Сейчас я понимаю, что, вероятно, Васька ел арбуз первый раз в жизни. Конечно, он ему понравился, и мальчишка решил, что этой вкусотищей надо обязательно поделиться со мной. Моя матушка была нормальной русской женщиной и с тех пор, отпуская меня во двор гулять, постоянно давала что-нибудь с собой. Чаще всего это были конфеты: ириски «Золотой ключик», коричневые подушечки в какао-порошке или карамель «Клубника со сливками». Она знала: один я их есть не буду, непременно угощу друзей.

Осенью, возвращаясь из школы, мы с Васькой стали встречать у подъезда его бабушку. Я забыл, как ее звали (имя было шорское), но помню, как чудно она была одета – в лыжный байковый костюм. Ей было скучно в опустевшей квартире, подруга она не имела, так как не говорила по-русски, поэтому просто сидела на скамейке у подъезда, курила трубку и ждала из школы внука. И меня. Тогда она и начала рассказывать сказки. И Васька переводил их мне.

Это были чудесные сказки. Возможно, Васькина бабушка сама их придумывала, но, скорее всего, это были настоящие сказки шорцев. Все события в них были связаны с охотой, с преодолением трудностей, с оказанием помощи терпящим бедствие и попавшим в беду. Чаще всего там было два друга, которые все делали вместе и если расставались, то ненадолго. Именно в это время с одним всегда случалась беда, но другой приходил на выручку. Понятно, что после этого и мы с Васькой твердо решили идти по жизни вместе и помогать друг другу. Как сказочные герои.

Одна сказка мне особенно запомнилась, и вот почему. Накануне дедушка открыл мне страшную тайну жизни: оказывается, все люди умрут. Кто-то раньше, кто-то позже, но обязательно все. Мне очень не хотелось умирать, но дед объяснил, что у меня это будет еще не скоро, а вот с ним это через недолгое время произойдет. Когда я поделился своей бедой с Васькой (деда я любил и не хотел,

чтобы он умирал), тот сказал, что попробует помочь и поговорит со своей бабушкой. Она все знает, все умеет, и он ее тоже любит.

Когда мы вернулись из школы, Васька обратился к бабушке, и та нас успокоила, что люди не умирают, а просто уходят в волшебную тайгу. И рассказала сказку об этой волшебной тайге. Там так хорошо! Идешь, захотел ягод – выходишь на поляну, которая полна вкусных ягод. Идешь дальше, захотел рыбы – выходишь к реке, а там легко ловится любая рыба. Это тайга исполнения желаний, и поэтому оттуда никто не возвращается домой – настолько там хорошо.

Я обрадовался вначале, а потом вспомнил, что дед мой был машинистом паровоза, и в тайгу его калачом не заманишь. Вот в депо или на вокзал – другое дело. Васька долго объяснял бабушке, кто мой дед и почему он не ходит в тайгу. Ее здорово поразило, что есть такие мужики. И, по-моему, она так и не поняла, что такое паровоз. Но все же объяснила мне чуть позже, что мой дед просто уедет в рейс туда, где будет так хорошо, что он не захочет оттуда возвращаться. Даже к любимому внуку. Ведь там он встретит своих верных и надежных друзей и они все-таки станут ходить вместе на охоту и рыбалку. И я поверил.

Стояла осень, но было еще тепло. Прошел небольшой дождик, после которого мы на стройке играли в прятки. Затем все разошлись – кто садиться за уроки, кто в магазин, кто еще куда. Мы с Васькой тоже собрались уходить, и он сел покурить.

Сидел он на железной бочке, на крышке, прикрыв ногами небольшую дырку. Из бочки странно пахло, в ней была дождевая вода и что-то еще, внутри шипело и булькало. Васька докурил свою маленькую трубочку, раздвинул ноги и начал выбивать в бочку пепел из трубки. Посыпался пепел и искры...

Позже я узнал, что в бочке был карбид, туда же попала дождевая вода. Началась реакция – стал выделяться ацетилен, горючий газ. В любом другом случае газ бы постепенно вышел и ничего бы не произошло. Но Васька сел на бочку верхом и прикрыл дырку своими ногами. Газ собрался. А мальчуган сдвинулся в сторону и начал выбивать в бочку с газом горячий пепел...

Я не знаю, какая сила заставила меня сделать два шага и оказаться за стеной – я просто вышел из комнаты, где была бочка. Я двинулся вперед, уверенный, что сейчас за мной шагнет и Васька. Но он не шагнул, сзади гулко бабахнуло, за моей спиной проскочило яркое пламя, лишь вскользь

лизнув меня жаром. И сразу стал громко кричать человек...

Затем – провал в памяти, я просто не могу вспомнить, как вбежали взрослые, как пытались потушить горящего Ваську, как приехали врачи.

Запомнил я другое – как мы с ним все же успели встретиться взглядами. И он, испытывающий страшные муки, меня узнал!

Я не мог отвести свой взор, все куда-то исчезло, остались только Васькины глаза. И из них ко мне, в меня, внутрь, в мое существо лился Васька, его душа, его мысли. Он прощался со мной, просил не забывать, обещал, что мы еще встретимся. На какое-то мгновение он вновь стал привычным мальчуганом-шорцем и я опять увидел его совершенно нормальным: к существующим глазам приложилось знакомое небольшое тельце. Да вот же он, Васька, живой и здоровый! Но миг – и глаза потухли...

С тех пор прошло много лет, моя семья уехала из Сибири, я стал взрослым, и уже выросли мои дети. С двадцати лет я занимаюсь охотой официально. Там бывало всякое, но я очень не люблю лезть в воду и крайне неохотно плаваю. Возможно, однажды я попаду в глубокую реку и с трудом, еле-еле смогу выплыть. Обессилевший, выползу на лесной берег и там встречу человека – своего ровесника, охотника-шорца с удивительно знакомым и дорогим мне лицом. Возможно, вместе с ним на берегу встретит меня и собака – копия моей любимой охотничьей лайки Амбы. Мне помогут подняться, и мы троим пойдем в чудесную тайгу, где исполняются любые желания, где так хорошо, светло и просторно, спокойно и тихо, что не захочется из нее уходить.

Вероятно, я встречу там и других людей, которые были мне дороги в этой жизни, но которых в ней уже нет. Пусть простят меня дети: я не захочу к ним оттуда возвращаться.

Время пришло, и я уже вступил в эту глубокую реку. Слышишь, Васька, слышишь, я иду к тебе!

ДЕД И ВНУК, ОТЕЦ И СЫН

Вовка деда любил. Осенью, когда подходила пора отъезда в интернат на учебу, он расстраивался и даже капризничал – так не хотелось ему расставаться. И там, в интернате, когда временами такая наваливалась тоска – хоть плачь, он вспоминал деда. Тоска от этого только усиливалась, но он не плакал: засмеют. Это дома можно, там все свои, а тут все чужие. Но прошлогодней осенью дед сказал просто и доходчиво: «Вот, Вовка, ты уже большой – меня перерос, в седьмой класс пойдешь. Почти

взрослый». Так что плакала при расставании одна только мать, но она же женщина.

Уже в интернате Вовка сам убедился в дедовой правоте: по росту он стал самым высоким в классе. Девчонки тоже стали немного другие, более фигуристые. И Маринка стала другой, и смотрел он на нее уже по-другому. Но деду про нее не рассказал, хотя тот интересовался. Рассказал сначала про жизнь в интернате: как кормят, как учат, с кем дружит. Про строгую «классную», как она их гоняет и ругает, все-все. А когда дед спросил про девчонок, нравится ли ему кто-то из класса, внук только фыркнул: «Еще чего!»

Но вообще, они тогда хорошо поговорили. На рубалке с ночевкой, уже после ухи, в поздний вечерний час, когда спать было еще рано, а все дела уже переделаны и наступило самое чудесное время – время отдыха у костра.

Лето еще не закончилось, но неожиданно пришел холод осени. Вечер был тихий. Казалось, вся природа удивленно замерла, пораженная этим внезапным ранним похолоданием. Ветер куда-то умчался и унес с собой все таежные звуки. Немой стеной подпирали темнеющее небо громадины кедров. Даже на каменных перекатах стремительной реки пропало ее вечное журчание. А погасшее за горами солнце оставило за себя малиновое одеяло заката и чарующую магию безмолвия. В уставшем за день мире наступила хрупкая, робкая и потому недолгая гармония покоя. От костра вверх поднимался дым, а по земле разливалось ровное, приятное тепло. Дед и внук молчали. Но короток был час умиротворения.

Дед стал расспрашивать, а внук рассказывать. Говорили долго, и в конце беседы дед грустно вздохнул: «Вот прошу у Бога еще два-три года жизни. Умру – как вы без меня будете?» И Вовка впервые задумался: действительно, какая же будет жизнь без деда? Ведь на нем все держится. Летом он ловит рыбу, зимой охотится. Плашками ловит белок, делает чучела: стоит зверек на задних лапках, а в передних держит мешочек с кедровыми орешками. Мать на мешочке вышивает: «С Новым годом!» – и возит таких белок в Новокузнецк к Вовкиному отцу, на продажу. Отец у Вовки служит в городе в колонии и ждет там квартиру. А дед к тому же умеет ставить капканы на лисиц, петли на зайцев и глухарей.

Да он много чего умеет: в дождь костер разжечь с одной спички, сделать блесну для ловли тайменя, лыжи камусом подбить, на реке рыбное место найти. И учит этому внука. Недавно вот научил Вовку играть в шашки, и они летними вечерами азартно сражались.

Дед интересно рассказывает сказки. А еще про то, как шорцы жили раньше и как теперь живут. Про войну рассказывает, он же чуть в танке не сгорел в городе Праге. Там один волосатый «контрик» бутылкой с бензином их танк поджег. Дед и медаль показывал «За боевые заслуги», и шрамы от ожогов. Вот почему, когда в интернате дали задание написать про героя войны, Вовка написал про деда. Но «классная» сказала, что не мог его дед воевать: он пятидесятого года рождения. Про события у чехов 1968 года она или не знала, или просто забыла.

И незадолго до этого, на чемпионате интерната по шашкам, где Вовка дошел до финала, тоже нехорошо вышло. В игре за первое место он применил дедову «военную хитрость» – незаметно стянул с доски одну из шашек соперника. Он и раньше так иногда делал, и никто не замечал. Но тут главный судья этот хитрый Вовкин ход увидел. И развыступался. Снял Вовку с соревнований и посоветовал: «Вот и играй со своим хитромудрым дедушкой в своей деревне. Но сначала письмом напиши. Как у Чехова – на деревню дедушке, Константину Макарычу. Также нашелся мне Ванька Жуков».

Вовка вначале ничего не понял. Это уже потом, в умывальнике, Маринка рассказала ему про писателя Чехова и про его произведение. Она помогала ему кровь из носа остановить и вообще прийти в себя после драки с Валеркой. Тот дразнить стал Вовку, обзывать. А о деде вообще матом сказал. Ну и получил за это. Вовке, правда, тоже досталось...

К отцу каждое лето сын ездил во время длинных каникул. В разное время, так как отец жил в комнате вдвоем с таким же сотрудником колонии. Тот летом брал отпуск и уезжал, а на его место приезжал жить Вовка. Отец дежурил по графику, по двенадцать часов: день, ночь, отсыпной, выходной. И в выходные дни Вовка с отцом гуляли по городу. Заходили в кафе и ели мороженое, шли в городской парк к аттракционам или смотрели кино в кинотеатре. С отцом было хорошо. Вовка знал, что тот за него всегда заступится.

Однажды он остался один в фойе кинотеатра (отец курил на улице) и к нему подошли три пацана постарше, потребовали денег. Вовка им отказал, а они обозвали его «шорской мордой» и стали бить умело и безжалостно прямо в фойе. Отец чуть опоздал, но потом быстро с ними разобрался. Хотя их было трое и ростом они были не меньше его. «Я с зэками работаю и драться умею. Нас этому учат», – просто объяснил он Вовке.

А дед умер ранней весной, не дождавшись внука из интерната. Похороны прошли тихо, мертвого деда Вовка не видел и потому стал считать, что тот просто ушел на охоту в тайгу и не вернулся.

Летом уже отец приехал к Вовке в отпуск на неделю. И они всю неделю готовились к зиме: заготавливали дрова, утепляли дом и ремонтировали подвал. Потом отец уехал, но обещал приехать осенью. На охоту.

На зиму необходимо было заготовить мясо. Лучше всего – добыть лося. Свой отъезд в интернат, уже в восьмой класс, Вовка отложил на месяц. Дед из тайги не вернется, а оставлять мать с надеждой на магазин он просто не мог. Слаба была надежда на магазин: зимние обильные снегопады делали дороги непроездными, а их таежное поселение – совсем недоступным.

Отец приехал, как и обещал, и привез в подарок сыну спиннинг и удище. Японские. О таких снастях Вовка даже и не мечтал. И когда они вдвоем пошли в тайгу за лосем, отец взял дедово ружье, а сын – отцовские подарки.

Было очень раннее и очень холодное утро, солнце не спешило всплывать из-за гор и согревать теплом тайгу по берегам реки и отца с сыном у догорающего костра. Вовка пошел на реку – испытать свою удачу, японский спиннинг и самодельную шорскую блесну в виде мыши. По дедовой науке он накануне нашел недалеко на перекате подходящее для рыбалки место.

Там крупные камни задержали недавно упавшую в реку гнилую осину, течение чуть развернуло ее за верхушку и стало колотить о камни. Но у комля дерева образовалась тихая заводь. Тут было глубоко, вода по инерции еще двигалась, но замедляла свой ход, плавно закручивалась, увлекая за собой веточки, куски коры и клочки пены. Иногда недолго тут же барахтались жучки – короеды и древоточцы. Вихлялись и извивались всем телом белые червячки, равнодушно-спокойно плыли личинки, изгнанные судьбой и силой течения из тела дерева. Тут же пиروvalа рыбная мелочь.

Вовка надеялся, что здесь же может оказаться большой наглый таймень. Юный рыбак рассчитывал на сделанную им самим блесну-мышь и на чудесный японский спиннинг. Прежде чем начать проводку, Вовка долго смотрел на воду и прикидывал разные варианты. Представлял, как в глубине заводи где-то стоит против течения крупный и сильный хищник. Стоит, иногда медленно шевеля веером грудных плавников, лениво и величаво подрабатывая всем своим мускулистым телом. И этот таймень по-разбойничьи выжидает – высматривает свою очередную жертву.

Блесна спокойно и неторопливо пересекла всю заводь. А при втором проходе только добралась до ее середины, как из глубины к ней стремительно рванула крупная продолговатая тень. Вовка почув-

ствовал сильный удар, спиннинг в его руках ожил и задержался. Вместо послушной приманки на конце лески стала ходить кругами желанная добыча.

А дальше все происходило как в реальной жизни, где радость и горе ходят, взявшись за руки. Вовка сначала обрадовался удаче: рыба, без сомнения, была крупной. Но потом растерялся: он не мог вытащить ее из реки. Да тут еще после недолгой борьбы таймень вдруг пошел на прорыв. Он вырвался из заводи и попер на пережат. Вовка запаниковал, ведь там, среди камней, леска порвется и рыба уйдет на свободу. От отчаяния и страха он громко, во весь голос стал звать отца.

Здоровенная рыбина уже была среди крупных камней, когда рядом с ней оказался отец с топором в руке.

Подбегая к тайменю, он упал, на секунду скрылся под буруном воды, затем почти поднялся и стал бить рыбу по голове топором. И опять упал, теперь уже на нее. Так он и победил крупного тайменя. Но радость от этой победы была недолгой. Вовка видел: отца в мокрой одежде безжалостно трясло. Подняв добычу (таймень был в половину его роста), он не мог спокойно держать рыбину, так его всего колотило.

Здесь, на пережат, на речном просторе буйствовал холодный пронизывающий ветер. Вовка видел, что отец замерзает, и понял, что его надо спасать. «Бросай!» – заорал он. И отец послушно уронил трофей в реку. «Бежим!» – вновь гаркнул сын, развернул отца и потащил его к берегу.

Там еще тлел их ночной костер, и отец в мокрой одежде полез прямо в его середину. Вовка перевернул и стал трясти дедов рюкзак. Из него выпал целлофановый пакет, а в нем все на крайний случай: запасная одежда и белье, банки тушенки и сгущенки, складной нож и упакованные в мыльницу спички. И пока отец переодевался в сухое, сын нашел на берегу сваленный кедр и запалил его со стороны выворотня. Тут было тихо, задранные в небо корни с остатками земли не позволяли ветру прорываться. Здесь же было и совершенно сухое топливо: белая сеть хитросплетений корней за лето успела высохнуть.

Вскоре комель кедра уже горел изнутри с ровным однотонным гулом. Отец чувствовал приятный жар, исходящий от пламени, видел, как парит его развешенная на корнях мокрая одежда, и спокойная уверенность зарождалась в его душе. Глядя на то, как хозяйничает сын, как умело Вовка разделяет тайменя, разжигает другой костер, готовит сухие дрова, приводит в порядок спиннинг, он вспоминал своего отца. Сын всей этой неторопливой деловой сноровкой сильно смахивал на деда.

А Вовка иногда бросал взгляд на отца и тоже удивлялся: тот в дедовой одежде ростом и фигурой, да еще со спины здорово напоминал деда.

Так что они оба, каждый по-своему, вспоминали о дедке. Им обоим казалось, что тот рядом с ними. И это было нормально, это было естественно, ведь именно так проявляется связь поколений. Должен сын быть похожим на отца, а оба они похожи на деда, и все трое похожи друг на друга. И не только лицом, фигурой, манерой поведения, речью. Главное, это взаимная любовь и долгая память – вот самая большая сила, объединяющая родственников.

ПРЕОДОЛЕТЬ СЕБЯ

Андрея разбудили непонятные звуки. Он еще лежал, прислушиваясь и стараясь понять, что происходит на пасеке. Вставать не хотелось. Вчера вечером он после танцев провожал Маринку, и их расставание затянулось. Надеялся выспаться днем, а тут этот тревожный шум. Хуже того – вдруг раздался страшный рев. Он сбросил пятнадцатилетнего подростка с лежанки и мгновенно прогнал остатки дремы.

На пасеке хозяйничал медведь. Добрался до крайних, ближайших к тайге ульев, стал их крушить и вступил в схватку с пчелами. Андрей видел из окна сторожки, как над мордой зверя образовался целый рой, постоянно увеличивающийся в размере и меняющийся по форме. Бесстрашные насекомые отчаянно защищались. С решимостью камикадзе они беспрерывно атаковали медведя, массово погибали, но на смену павшим в битву с агрессором вступали новые бойцы. Зверь тряс башкой, отмахивался передними лапами, безжалостно давил пчел, громко ревел, но пока терпел. Недолго. Вот он уже ринулся назад в тайгу, по пути изредка взвизгивая от укусов преследователей.

Убедившись в том, что медведь скрылся окончательно, Андрей пошел с пасеки в поселок, в больницу к деду. Шел и вспоминал, как две недели назад он, суворовец Удалов, прибыл сюда на каникулы. От Минска до Таштагола добрался быстро обычным пассажирским транспортом. А уже до таежного поселка, где жил дед, пришлось ехать в телеге на конной тяге. В пути он был почти целый день и, пока добрался до места, вдоволь насмотрелся на таежные красоты Горной Шории.

Первая неделя прошла нормально, а затем дед попал в больницу. И Андрею пришлось вместо него хозяйничать на леспромхозовской пасеке. Это было совсем не трудно, да к тому же здесь его иногда навещала Маринка. Он догадывался, что нравится ей, и она кое-что ему уже позволяла, хотя в целом была

строга. Но Андрей был уверен, что однажды в сторожке на пасеке он поведет себя с ней смело и решительно, лихо и по-гусарски, и тогда... В общем, мечты постепенно становились явью. И тут вдруг нарисовался этот медведь...

Деда, конечно, сообщение о визите зверя не обрадовало. Но и особо не озадачило. Медведя, объяснил он, надо хорошенько напугать. И это сможет сделать сосед Степан, с которым дед ходит на охоту. У того и ружье есть, и собака, и опыт. Андрею надо только все рассказать ему про медведя и передать просьбу о помощи. Что Андрей и сделал.

Так на пасеке вечером в засаде оказались трое: Степан, его лайка Шельма и Андрей. И неожиданно туда же позже прибежал дедов пожилой кобель Жулик. Он крепко привязался к Андрею в отсутствие хозяина.

В целом все было нормально. Но Степан уже пришел поддатый, потом добавил еще и с наступлением ночи просто уснул. Андрей надеялся разбудить его в нужное время. А после подумал, что вообще-то можно все сделать и самому. Если придет медведь, надо всего лишь выпустить из сторожки собак и стрелнуть из ружья в его сторону. Дед предполагал, что медведь, скорее всего, молодой, неопытный и трусливый. Да и Степан так говорил. Хотя патроны для ружья взял серьезные, снаряженные связанной картечью.

Примерно в середине ночи дремавший Андрей услышал сквозь храп Степана тихое повизгивание Шельмы. Решил выйти из сторожки на перекур. Иногда Андрей курил, вернее, пытался этому научиться. Все же не пацан уже. Он вытащил у спящего Степана пачку «Примы», спички и вышел на крыльцо. За ним в открытую дверь вышли лайки. Собаки покрутились около сторожки, а затем убежали в темноту ночи.

Андрей не стал курить – расхотелось. Заинтересовался, куда сбежали собаки. Прошел совсем немного и услышал лай. Из-за туч выглянула луна, и он увидел, как ему навстречу бежит Жулик, а за ним большим колобком катится медведь.

Страх от возможной встречи с хищником заставил действовать очень быстро. Андрей пришел в себя уже в сторожке (а как влетел в нее, даже не помнил). Стал будить Степана под громкий лай Жулика. Но сосед не просыпался. Казалось, пес лает уже совсем близко, чуть ли не на крыльце за закрытой дверью. Андрей схватил ружье, рванул к двери – и остановился. Открыть дверь он не мог. Животный страх не пускал его дальше. Сознание потеряло способность рассуждать здраво, в нем билась только одна мысль: вот сейчас сюда ворвется лютый зверюга, а с ним и смерть.

Сердце бешено заколотилось, Андрея прошиб пот, все существо его страстно молило о жизни. Желание спастись любой ценой бросило подростка на пол и загнало под кровать, на которой храпел Степан. И уже там Андрей услышал, как громко и пронзительно завизжала собака.

И ему стало стыдно. Он просто подумал, что совсем рядом со сторожкой бьются насмерть с диким зверем две лайки, а он что? Собаки бьются, уверенные в том, что человек придет им на помощь, совсем скоро придет, он не может не явиться! Так было всегда, с пещерных времен. И так будет всегда, пока будут существовать охотник и его верный пес. А он тут прячется под кроватью с ружьем. Он, будущий офицер, командир, отец своих солдат, обязанный личным примером, преодолевая свой страх, поднимать их в атаку... И, чуть не заорав: «Наших бьют!», Андрей рванул из-под кровати.

По пути он включил лампочку над крыльцом, от души врезал ногой по толстому задку Степана и выскочил наружу.

Лайки умело работали по медведю. Юркая Шельма крутилась за зверем, изредка кусая его за гачи, не позволяя ему бросаться на Жулика, кото-

рый метался перед мордой хищника, громко лая. Увидев Андрея, пес твердо встал на пути зверя. А потом присел на задние лапы, весь как-то сжался, прижал уши и мелкими прыжками, с лаем, уверенно и неотвратно пошел в атаку на медведя. Ведь за ним теперь был новый молодой хозяин! И как бы ни был страшен зверь, как ни опасна возможная драка, Жулик решил защищать Андрея до последнего вздоха.

Медведь принял вызов и ринулся на пса.

А дальше Андреем уже двигали инстинкты. Казалось, кто-то другой положил ружье на перила крыльца, большим пальцем правой руки сдвинул предохранитель, шариком мушки нашел грудину зверя и поочередно нажал на спусковые крючки. Два роя свинцовой картечи, объединенной шелковой нитью, поразили медведя. Его передние лапы разъехались, и он всей своей тушей обрушился на землю. Обе лайки бросились на поверженного врага.

Андреев пинок или, может, грохот выстрелов разбудили Степана. Слегка очумелый, он тоже выскочил на крыльцо. Однако дело уже было сделано.

г. Минск

Александр КОВАЛЕНКО

ШУРКИНА АНЖЕРКА И ЕГО ДЕД ПАВЕЛ

Анжерка – самый главный город в мире. Улица Степная – самая главная улица в мире. Дом Филипповых – самый главный дом в мире. Хозяин дома – самый главный человек в мире.

Шурка учредил в своем сознании эту схему мироздания к семи годам. Поверил в такую схему. И всю жизнь утверждался в своей вере.

После прочтения книги у читателя, надеюсь, не возникнет желания возразить против такой схемы миропонимания.

Главный герой книги – дед Павел. Чаще всего он будет незримо присутствовать в мыслях, словах и поступках других персонажей. Как говорится, будет находиться «за кадром».

Жизнь и удивительные приключения Шурки представлены в виде отдельных фрагментов. Они изложены не последовательно. Пылливый читатель может обнаружить нарушения хронологии. Это действительно так. Но, по сути, для Шуркиной схемы эта вольность не имеет разрушительного значения.

Автор записал все воспоминания, приключения и размышления со слов Шурки, которому исполнилось к тому времени семьдесят лет.

И юному, и взрослому читателю предоставляется возможность сравнить себя с Шуркой, детство которого проходило в главном городе мира, в доме деда Павла.

Детсад

Этой зимой Шурку с Наташкой наконец-то приняли в детсад на новой колонии. Оформлять начали еще с осени. Ставили то одну прививку, то другую. Заставляли сдавать то кал в спичечной коробочке, то мочу в стеклянной баночке. Потом велели лекарства попринимать и витаминки.

И вот теперь по утрам в доме Филипповых раздавался Наташкин рев. Детей собирали в детский сад.

Костя, обхватив своими могучими руками девочку, поднес ее к маме Гале. Та стояла наготове с наполненной ложкой. Одним движением она ловко влила рыбий жир в Наташкин орущий рот.

Шурка, как и сестренка, тоже не мог принимать с радостью это мерзкое лекарство от рахита. Мать налила в алюминиевую ложку мутную маслянистую

жижу из пол-литровой бутылки. Бережно, чтобы не пролить на пол, стала прицеливаться в Шуркин рот.

– Мам, чего-то пимы не на ту ногу надеты.

Шурка нагнулся. Попытался переобуться. Хотел таким образом избежать экзекуции. Или хотя бы отдалить время. Но тут же получил подзатыльник от матери.

– Новые пимы на любую ногу сгодятся, – объяснил Костя маленькому племяннику.

– Открывай рот пошире, – скомандовала мать Шурке.

– Ты, Галя, в деревянной ему подай, в дедовой! – оказалась рядом баба Поля и протянула обгрызанную по краям ложку.

Шурка, зажмурив глаза, мужественно проглотил мерзкую жидкость. Из дедовой ложки было не так страшно.

– Брр, бр-р-р! – озвучил процедуру Костя, мотая головой и выглядывая из-за бабушкиной спины.

К детскому саду Шурку готовили всем большим семейством. Купили матроску и сандалии с ремешком, чтобы переобуваться можно было. Тамара подстригла ему блестящей машинкой белобрысые лохмы. Оставила только чубчик спереди.

– Белые чулки не возьми! – сопротивлялся Шурка. – Они девчачьи! Отдайте Наташке!

– Они всего до колен тебе! Это же гольфы. В саду мальчишки такие носят, – уговаривали его все хором.

– Не пойду я в ваш сад! – Шурка не принимал никаких доводов, пока домашние не пожаловались на него деду.

– Лександра, ты почто не слушаешься старших? Такие гольфы надевали русские офицеры и генералы на парад. Ты чего, хошь плюнуть в традицию нашу? – Дед строго посмотрел в Шуркины глаза.

– Не, не хочу плювать, – стал на всякий случай оправдываться Шурка.

Незнакомое слово озадачило мальчика.

– Ты не вздумай там фулюганить, – учила баба Поля.

– Про «спасибо» и «пожалуйста» не забывай, – попросила Шурку мама.

– Еслив чо, ты... промеж глаз его! Приучайся солдатом быть, – сказал Костя и поднес к Шуркиному носу свой огромный кулак.

И тут же получил подзатыльник от своей строгой матери.

– Деда, а кто такая «традиция»? – поинтересовался внук у деда.

– Энто вещь сурьезная, Лександра. Стержневая линия до скончания века, – принялся неторопливо объяснять дед внуку. – Кто плюет в нее, тот непутевый по жизни ходит... Понял?

– Ага! – ответил Шурка, хотя еще больше запутался.

Перед сном он проверил, не забыли ли, случаем, положить в его сумку генеральские гольфы. На следующий день начиналась новая жизнь. Нельзя будет подвести деда.

* * *

Дед Павел загодя учил внука читать. Шурка любил слушать деда, когда тот после ужина читал всем «Правду» или «Борьбу за уголь».

– Ну-ка, Лександра, подсоби мне. – Дедушка снимал очки, подносил текст поближе к глазам. – Не вижу, чо тут пишут, – обращался к Шурке и протягивал ему газету.

Шурка медленно по слогам читал мелкий текст. Читать заголовки получалось быстрее. Дед Павел хвалил внука. Шурка очень гордился, что отмечают его старание. Постепенно научился одолевать всякое чтение.

* * *

В детском саду быстро узнали, что Шурка умеет читать. Однажды воспитательнице надо было куда-то отлучиться. Она посадила Шурку посредине комнаты, дала ему книжку и попросила почитать вслух. Велела всем не шуметь и слушать сказку. Сама ушла. Шурка стал читать с выражением, как учил его дед Павел.

Вернувшись, воспитательница увидела, что все дети, затаив дыхание, слушают Шурку. Даже непослушные пацаны, которые всегда норовили обидеть кого-нибудь, разинули от интереса рты. А Шурка не только читал, но и в лицах изображал сказочных героев.

– Дети, приготовьтесь всем к обеду, – скомандовала воспитательница.

– Пускай дочитает! До конца пусть дойдет! – закричали дети.

В детском саду Шурке нравилось. Его все любили и хотели с ним дружить. Там он научился рисовать самолет, на котором улетел на войну Сашка Мандрыгин. Там ему понравилась девочка. Непослушные пацаны пытались ее обидеть, а Шурка заступился. Показал обидчикам кулак, как научил Костя.

* * *

Как-то раз Шурку выгнали из детсада. Случилась беда. Дал пацанам пострелять из своей рогатки. И надо же! Кто-то из них разбил стекло прямо в кабинете заведующей. На дворе была ранняя весна, и еще стояли холода. Окно пришлось завешивать одеялами и прибивать фанеру. Шурку объявили хулиганом и разбойником.

Виновника посадили под домашний арест. Два дня его все ругали и стыдили. Он не мог найти себе места в доме. Переживал.

Когда об этом узнал дед Павел, он сказал внуку:

– Всяко бывает в жизни, Лександра... Не отпирайся. Скажи им: виноват, мол, исправлюсь...

На следующий день дед взял Шурку за руку и они пошли в детсад вместе. С собой принесли стекло и инструменты. Вырезали алмазом нужный размер и вставили новое стекло взамен разбитого. Пацаны с завистью наблюдали, как Шурка ловко помогает деду. А заведующая разрешила ему снова посещать детский сад.

* * *

Однажды летом Шуркины двоюродные братья Витька с Толькой, тети Тани Сайкиной старшие дети, пришли за ним в детсад. Они уже были школьниками. Толька перешел в третий класс, а Витька в пятый. На каникулы они приехали к деду Павлу из Сталинска.

Забрали Шурку домой. Возвращались по Мамонтовскому проулку. Стали дурачиться. То подножку поставят, то сунут в нос пушистый одуванчик, то толкнут друг друга на кучу пушистой золы. В Анжерке напротив каждого дома были такие кучи. Топили печки углем, а золу выносили на улицу.

Не доходя до Сахалинки, Толян подкрался сзади, сорвал с Шуркиной головы кепку и со всей силы запустил ее ввысь. Кепка долго описывала в небе дугу, пока не залетела в крону высоченного тополя. Застряла в ветках.

Стали обсуждать, что теперь делать. Попытались влезть на толстое дерево. Ни у кого не получилось: снизу не за что было ухватиться. Пытались сбить из рогатки. Стреляли, стреляли, и тоже не получилось.

– Ладно, пошли домой! Скажем, что забыли в детсаду. А когда, дескать, вернулись, то она уже пропала, – предложил старший из братьев Витька.

– Я мамке своей скажу, она тебе новую купит, – добавил Толька.

– Это же деда мне ее сшил! Из своей... Она лучше новой... – заволновался Шурка.

Он не хотел расставаться с ценной вещью просто так. Уселся на кучу золы.

Толька нашел где-то осколок кирпича и стал швырять его, стараясь попасть по кепке. Раз – мимо! Два – мимо!

– Дай-ка я! – потребовал Витька.

Прицелился и швырнул осколок вверх.

– Попал, попал! – заорал Толька.

Шурка вскинул голову. Вниз летела сбита кепка. Он протянул к ней навстречу руки, но раньше прилетел кирпич. Удар в лоб сбил его с кучи золы. Очнулся Шурка уже тогда, когда Витька, перекинув его через плечо, помчал домой. Шурка висел вниз головой, сжимая в руках дедову кепку.

Толька бежал впереди и кричал:

– Шурку ранило!

Из раны лилась алая кровь и капала на траву, оставляя след по всему Мамонтовскому переулку.

Дома Шурку окружило все большое семейство Филипповых. Прибежали с огорода. Побросали все свои дела на кухне и в комнатах. Охали, ахали, наперебой советовали, что надо делать в таких случаях. Обтерли от крови. Поменяли рубашонку на чистую.

Шурке было не больно и почему-то хорошо. Он так и не выпустил из рук спасенную вещь.

– Доигрался, постреленок! Пороть тебя некому! – беззлобно ругалась баба Поля и хлопотала около Шурки.

Присыпала рану растертым березовым углем и приложила на лоб раздавленный свежий лист подорожника.

– Ничо, до свадьбы заживет, – добавил Костя.

Вечером пришла с работы Шуркина мама, обработала рану йодом и забинтовала голову настоящим белоснежным бинтом.

После ужина дед Павел, как обычно, надел очки. Ему поднесли газету «Борьба за уголь».

Прежде чем начать читать вслух, дед посмотрел на внука поверх очков и сообщил всем:

– Ну, теперь Лександра у нас как Щорс. Настоящий генерал.

Ночью, перед тем как уснуть, Шурка позвал маму и шепотом, чтобы не услышала Наташка, спросил у нее:

– Мам, а кто такой Щорс?

Мать заботливо подоткнула ему одеяло, поцеловала в то место, где под бинтом алела рана, и вполголоса запела над кроватью:

*Шел отряд по берегу, шел издалека
Щорс под красным знаменем, командир полка.
Голова обвязана, кровь на рукаве,
След кровавый стелется по сырой траве...*

– А у моего деда есть красное знамя? – не унимался Шурка, выглядывая из-под одеяла.

– Есть. У него все есть.

– А мне даст?

– Зачем тебе?

– Ну, чтобы ходить с им!

– Спи давай. Намайлся за день... – улыбнулась мать.

На следующий день вся ребятня на Степной крутилась вокруг Шурки. Даже с Сахалинки прибегали посмотреть и потрогать забинтованную голову. Юрка Забегалов дал прокатиться на велике, хоть Шурка и не просил. А Юркина сестренка Надька за просто так дала куснуть горбушку, посыпанную сахарным песком. Два раза.

Лунатик

Однажды Шурка узнал, что он лунатик. А дело было так. Парни Курнаковы, Кислухин дядя Гера и Виктор Щербаков дня на три поехали на своих мотоциклах порыбачить на Яю. Заодно и пострелять рябчиков.

Шурка хитрым способом увязался за ними. Пока шли сборы, он спрятался в люльке среди поклажи. Обнаружили его, когда добрались до места. Решили оставить мальчика. Ну не возвращать же!

Надо сказать по секрету, что Кислухин заранее договорился с дедом Павлом взять с собой парнишку. Но об этом никто не знал, даже Шурка.

Дядя Володя Курнаков сделал под его рост удочку. Показал Шурке, как надо червяка цеплять. У него ловко получалось. Он клал на ладонь, как в лодочку, темно-красного проворного червяка. Такого просто так на крючок не нацепишь! Другой ладонью дядя Володя гулко прихлопывал лодочку. Червяк переставал на некоторое время извиваться. Секунды хватало, чтобы проткнуть его крючком на всю длину. Рыба в детские годы Шурки не была дурой. Если увидит плохую наживку, не возьмет.

Ловилось хорошо. Течение в этот раз было сильное. Речка еще с весны хорошо наполнилась. В заводях клевал пескарь и ершик для ухи. Окунька можно было поймать подальше, на стремнине. Но Шуркина удочка туда не доставала.

Посередине речки еще с прошлых лет, во время молевого сплава, образовался основательный затор из бревен. Даже быстрое течение не могло разматывать образовавшийся остров. Курнаковы были крепкими мужиками. Дядя Володя и Геннадий, преодолев стремнину, забрались на затор и стали забрасывать снасти оттуда. Вокруг них речка бурлила и пенилась.

Шурка в это время ловил у берега пескарей да сорожек. Колючие ерши тоже попадались. Рыбачок мечтательно глядел на середину. Там на заторе взрослые рыбаки вели настоящий промысел. Своими большими удочками парни Курнаковы ловко подсекали жирных окуней. Попадались даже щурята.

Течение реки кружило голову. Бревенчатый остров раскачивался на быстрой стремнине. Пенилась набегающая волна. Мальчонке грезилося, что над рекой мчитесь корабль с мачтами. Светлые рубахи мужиков казались парусами. Плавать как следует Шурка еще не умел. А то бы тоже переплыл к ним!

Тем временем Виктор Щербаков с дядей Герой Кислухиным заканчивали обустройство лагеря для ночевки. Из березовых жердей соорудили каркас. Обложили сверху донизу еловыми ветками. На бе-

регу получился просторный шалаш – задом к лесу, передом к речке. Устлали внутри сеном. Притащили из лесу сухое дерево. Ловко нарубили дров. Сделали кострище. Вбили посередине две рогатины. Потом, когда толстые бревешки прогорят, на рогатины положат березовую жердь с подвешенным котелком и над горячими углями можно будет варить уху.

* * *

К вечеру свернули удочки. Наловили много. Шуркиных пескарей, сорожек и ершей отобрали для ухи. Рыбу покрупнее густо переложили желтыми цветками пижмы и свежей хвоей.

– Так она не попортится. Дотерпит до дому, – управляясь с рыбой, поучал Шурку дядя Гера Кислухин. – Меня научил дядя Паша Филиппов. Твой дед, Сашок, во всем толк знает!

Шурке было приятно слышать такое про деда Павла. Дядя Гера был очень добрый. Шурка всегда тянулся к нему. Гарольд Андреевич! Так иногда величали в родне дядю Геру. Он был мужем двоюродной сестры Шуркиной мамы. Все величали ее – Вера Никитична, а для Шурки она была тетей Верой. Кислухины жили в своем доме на третьей шахте с бабой Аксиной и Пашкой. Аксиныя Даниловна Чернова, или баба Сина, доводилась Шуркиной бабушке родной сестрой. Она была тихой и очень доброй женщиной. Сина родила Пашку немощным и неразвитым. Он был инвалид с детства, как и Костя Филиппов. Пашка не мог обходиться без ее присмотра.

Маленькая Лилька, дочь тети Веры, была Шуркиной одногодкой, троюродной сестренкой и подружкой. Тетя Вера в школе преподавала немецкий Шуркиной маме. По выходным они вместе бегали в горсад на танцы.

– Крутить хвостом – нехитрое дело, – говорила про них баба Поля.

Потом родилась Лилька. С целины приехал дядя Гера Кислухин. Стал мужем тети Веры и Лилькиным неродным отцом. Его приняли на бульдозер в Дорстрой. Строил в тайге дорогу из Анжерки в Кемерово. Его все любили. Он заботился обо всех. Дед Павел за это его уважал и позволял бабе Поле отпускать Шурку с ночевкой к Кислухиным.

У дяди Геры был черный мотоцикл «Иж-49». Шурка любил помогать Кислухину ремонтировать его серьезную технику. Особенно нравилось смазывать солидолом подшипники. На таком мотоцикле можно было проехать хоть куда: за грибами, за ягодами, на охоту. Преодолевал запросто любую гору! По улице Просвещения на Хип-Хап дядя Гера несколько раз возил Шурку на бензобаке. Посадит его впереди себя между колен, и едут! Шурка жмет на черную кнопку, и мотоцикл пипикает на всю округу. А один раз дядя Гера прокатил Шурку на задней сидухе, как взрослого!

* * *

– А почему речку называют Яя? Две буквы всего, – поинтересовался Шурка.

– Одна буква! И та самая последняя!

– Не только речку, еще и станцию так называют. И поселок тоже.

– Интересно, а как называют жителей поселка?

Мужики стали балагурить по поводу названия. Шурке было интересно узнать правду. Дед Павел приучал его узнавать то, чего не знаешь. Говорил: вникай во все! Или умом доходи, или узнавай у грамотных людей.

А как узнать, если вокруг никто не знает? Выручил дядя Гера.

– Тут вокруг жили знаменитые охотники. Зимой в тайге соболей стреляли. Лучше них никто в мире не мог так добывать ценную пушнину, как они. Купцы за соболей огромные деньги давали. А летом охотники у речки квартировались. Рыбой кормились. «Яя» на их языке все одно что «лето». Они называли себя чулымцами, то есть родственниками кузнецких татар... Через триста верст Яя в какую речку впадает?

– В Чулым! Я туда на мотоцикле ездил рыбачить. Туда наша летняя речка и течет, – вступил в разговор Виктор Щербаков.

– То-то и оно! А по-чулымски «яя» и есть «лето».

Шурка с интересом слушал эту историю. Запоминал. А в голове складывалась картина о сказочных охотниках. «Как же хорошо в Анжерке! Тут и Яя рядом», – думал в это время Шурка.

– А еще в Яе и Чулыме золото мыли. До сих пор много его тут на дне, – продолжал свой рассказ дядя Гера Кислухин. «Он, видать, много знает разных историй! Его тетя Вера – учительница. В доме уйма книг», – вспомнил Шурка. Он любил разглядывать книжные полки, когда бывал у них в гостях.

Особенно заинтересовало Шурку золото. Пока шел мужской разговор, Шурка пошел на берег, лег лицом к воде и стал рассматривать песок на дне. Сердечко колотилось от предвкушения. А вдруг найдет сейчас это самое золото?..

* * *

Посидев после ухи у костра, напившись чая из листа таежной смородины, мужики полезли в шалаш готовиться к ночевке. Утром пораньше надо было поднимать рябчиков из травы на полянах. Дядя Володя и дядя Гера хорошо их били влет из двустолок. У Виктора Щербакова была одностволка, но он стрелял не хуже других.

Шурка устроился в шалаше между больших и теплых мужиков. Черный лес с огромными деревьями и дикими зверями был не страшен в такой компании. Еловый лапник, которым был тщательно на-

крыт шалаш, скрадывал шум реки. Намаявшись за день, Шурка быстро уснул...

* * *

Среди ночи дядя Володя Курнаков проснулся и тихонько полез наружу. Захотелось до ветру. В пустом небе висела яркая круглая луна. Бревенчатый остров посередине реки виден был почти как днем. Костер уже совсем погас. Упавшая с вечера роса сулила солнечное утро. Дядя Володя в темноте обошел с дозором вокруг шалаша и вышел на берег покурить. И вдруг ему показалось, что на заторе виднеется что-то постороннее. Днем такого не было. Стал вглядываться.

– Ядри-ит твою налево... – только и смог он вымолвить.

На торчащем из реки бревне он разглядел маленькую человеческую фигурку. Перекрестившись на всякий случай, он стал всматриваться еще пристальней. Точно! На краю бревна, прямо над водой, сидел неподвижно маленький человечек, обхватив колени руками. На фоне лунного неба ясно выделялся его темный силуэтик. Первым делом дядя Володя хотел окликнуть ночное привидение, но не осмелился. Видавший всякое в своей жизни, испытанный в подземельях шахтер, он испугался и попятился от реки.

В шалаше храпели мужики. Посветив спичкой, дядя Володя с изумлением обнаружил, что среди них нет Шурки.

– Гера, вставай. Вставай, вставай, говорю! – воплолоса стал будить Кислухин.

– Где, кто, чего? – поднял заспанное лицо Гарольд Андреевич и потянулся в изголовье за своей двустволкой.

– Да тут, язви его, такое дело... Шурку проспали...

– Какого Шурку? Как проспали? – все еще не мог проснуться Кислухин.

– Какого, какого... Филиппова!

В шалаше стали просыпаться остальные мужики.

– Может, он под край закатился или выполз наружу? – высказал предположение Геннадий Курнаков.

Обшарили все внутри шалаша.

– На речке он! На бревнах замер! – сообщил испуганно дядя Володя.

– Как на речке?! Как замер?!

Все выбрались из шалаша. Направились к воде, всматриваясь вдаль и просыпаясь окончательно. Действительно, на островке виден был детский силуэт. Сомнений не осталось. Это был Шурка.

– Тихо! Не спугните! – зашипел на всех дядя Володя.

– А чо делать-то будем? – спросил кто-то шепотом.

– Доставать будем, – ответил дядя Володя, придавая твердость своему голосу.

Глубина в Яе была не очень большая: где-то по плечи, где-то чуть выше пояса. До середины можно было дойти вброд, если в ямы не попасть.

Разработали план. Дядя Гера пошел в воду ниже острова, к повороту. Если Шурка упадет с бревна и его понесет по течению, то нужно будет поймать до поворота. За поворотом уже не догонишь. Там глубина большая.

Геннадий взял один конец веревки и полез в воду. Виктора оставили на берегу держать веревку. Дядя Володя побежал по берегу вверх, чтобы оттуда подплыть к затору неслышно...

Операция по спасению длилась не очень долго. Мужики рассчитали все верно. Шурку осторожно сняли с бревна и аккуратно доставили на берег. Положили в шалаш на сено. Накрыли фуфайкой. Он даже не проснулся.

Рыбаки до утра просидели около потухшего костра. Курили папиросы одну за одной. Курил даже некурящий Кислухин. Разбирали детали происшествия.

– Надо же, спит...

– Как он умудрился? Ума не приложу!

– Уснул на бревне! И как-то ведь держался!

– Надо же, одежда на нем сухая!

Когда Шурка проснулся, лагерь был уже свернут. Дожидались его. На Шурку смотрели с какой-то опаской. Всю обратную дорогу ехали по лесным тропам без озорства. Шурка не мог никак понять, почему едут молчком.

* * *

После того случая на Яе женщины Черновы из бабушкиной родни судачили:

– Поля, ты бы не пушала Шурку к Никулиным-то. Фешка повлиять на мальчика ить может, – озабоченно говорила старшая баба Катя Павлова.

– Дак она, ведьма, уже повлиела, стало быть. Испортила парнишку. Лунатик он теперь! – добавляла младшая баба Хрестя Курнакова.

– Не приведи Господь! – крестясь, вздыхала баба Поля.

В это время со двора в дом зашел дед.

– Ну, чего попусту Фиену обижать вздумали? И про Лександру не смейте худое думать. Он по жизни дальше других пойдет, – стал спокойно вразумлять женщин дед Павел.

Упокойник

Накануне похорон деда Терентьева тетя Тоня попросила бабу Полю, чтобы хоть Шурка посидел с ней.

Ночь прошла с покойником. На двух табуретках посередине комнаты был установлен гроб из свежих струганых досок.

– Ты не трусь. Ухвати его за ноги, тады хорошим красноармейцем станешь, – басовито велела Шурке бабка-матерщинница. – Твой дед сказывал, что ты в солдаты собираешься? Свыкайся! – подтолкнула его к гробу.

В изголовье горела свечка. Над белой простыней торчала борода. «Кабы не загорелась!» – подумал Шурка.

Потом бабка-партизанка и тетя Тоня ушли. Сказали, что хотят малость вздремнуть. Шурка стоял один в полутьме, ухватив ручонками стопы покойника, и следил за мерцающим огоньком. На бороду не смотрел.

Где-то на задах завывала чья-то собака. Подобрался страх. «Только бы свечка не кончилась», – думал Шурка с надеждой. Сердечко громко колотилось. Стала пробирать дрожь. В комнате сделалось совсем прохладно. Печку днем не топили: нельзя. Шурке перед ночным бдением развязали шерстяной шарф, забрали у него шапку. Пальто не сняли. Только расстегнули пуговицы.

Так он и стоял перед гробом, боясь пошевелиться. Страх совсем было одолел. Хотелось выскочить вон, но на зимнем дворе было до жути темно. «А что деда Паша скажет? А как же тогда трусишку в солдаты примут?» Эти мысли какой-то неведомой силой помогали Шурке справиться со страхом и даже придавали ему некоторую уверенность.

На ум стали приходиться приятные воспоминания. Вот дед показывает, как надо полировать бархоткой зеркальную гладь хромовых сапог... Вот они надраивают зубным порошком золотую звезду на солдатском ремне...

К утру Шурка хоть и замерз, но страха к покойнику уже не было.

Рассвело. Пришла баба Поля. Принесла в полотенце теплые пирожки с картошкой и грибами. «И когда успела?» Поел, и дрожь унялась.

Следом стали собираться соседи. Женщины в доме заголосили: «На кого ж ты нас покинул?!» Мужики во дворе молчком курили махорку. Пришел с шахты после ночной смены запыхавшийся Анатолий, сын покойного. Начались хлопоты.

Вскоре приехал на конных санях дед Павел. Погрузили гроб и деревянный крест. Шурку отправили домой, с собой брать не стали.

– Слава богу, мал пока, – сказала баба Поля внуку и повела его домой.

– Насмотрисся еще, Лександра, – пообещал дед. И добавил вслед: – Все там будем.

Повезли покойника по заснеженной улице. За санями пошли несколько человек из числа соседей. Процессия направилась в ту сторону, где было начало Степной. Там, за оврагом, находилось старое городское кладбище под высокими черными елями и соснами.

– Баба, а когда мы там будем? – спросил Шурка.

– Ихде это там? – не поняла баба Поля.

– Ну там, где деда обещал!

– Дурачок ты, Шурка.

Он выдернул свою ручонку из бабушкиной. Его варежка осталась в руке у бабы Поли. Не хотелось ему быть дурачком.

– Как тока усе в энтой жизни управим, так и будем там! – успокоила она Шурку, ведя его через улицу. – Никуды не денемся.

Вошли в свой двор. Шурка попытался первым проскользнуть в дом.

– Вон там голик, обмети сперва пимы! – ухватила бабушка концы шарфа, которым был затянут под горло меховой воротник его толстого пальтишка.

Шурке пришлось достать из-под крыльца черный веник из березовых прутьев и обмести им снег с валенок. Только после этого он получил разрешение войти в избу.

Навстречу вышел Костя. Его тоже не взяли на кладбище.

– Мож, в подпол слазить за бражкой? – спросил он.

– Я т-те слазю! Ишь, варнак какой нашелся! – прищурив глаз и приподняв на лоб очки, зашипела на сына баба Поля.

– Упокойника помянуть бы... – не отступал Костя.

– Мужики воротятся, тады и слазишь! – оборвала пустой разговор бабушка.

Уже под вечер пошли к Терентьевым. Сели за стол помянуть покойного. В большой комнате было тесно. Собрались все, кого можно было ожидать. С кладбища пришли двое нищих поминальников. Их усадили за стол с краю. Соседская ребятня крутилась здесь же, под ногами у взрослых.

На стол поставили блины с медом и красный кисель. В граненые стопки наливали «Московской особой». Заедали холодной кутьей из риса с изюмом. Вспоминали про то, какой дед Терентьев был хороший хозяин, какой он был добрый и честный человек. С войны, можно сказать, целый пришел. Контузия не бралась в толк. С ней на работу тоже брали.

Руководил разговорами дед Павел. Давал слово всем по порядку. Следил, чтобы не чокались стопками и не говорили худого. Не дай бог!

Шурке выдался момент, когда удалось подобраться к деду.

– Деда, а упокойник совсем не страшный. Я не убоялся его, – прошептал Шурка на ухо своему дедушке.

– Это правильно, Лександра. Остерегаться надожно живых, – ответил дед Павел и поощрительно потрепал парнишку по белобрысой голове шершавой и мозолистой пятерней.

Потом подали горячий борщ со свиным мясом. Ели, пили, вели разговоры про жизнь. Ребяшня вольготно таскала со стола конфетки и печенье. Мужики выходили во двор покурить. Поговорив на свежем воздухе о работе, о своих домашних делах, снова возвращались в дом.

Застолье затянулось допоздна. Кто-то, забывшись, попытался затянуть песню. Нищие поминальники с кладбища тоже собрались поддержать певца. Их потихоньку попросили из-за стола. Завернули им с собой еды и проводили. Соседи тоже засобирались.

Наконец дед Павел объявил:

– Ну, вот и усе! Проводили в последний путь хорошего человека. Помянули добрым словом. Попрощались... Вечная память ему. А нам пожить еще надожно... Слава Богу.

В тот день Шурка узнал, кого надо остерегаться. Но научиться это делать ему только предстояло.

Ревунки

На Миколу зимнего в Анжерку приходили морозы под сорок градусов.

– Ступай, Лександра, на улицу. Ить, поди, хочется? Может, ревунка поймает! – предложил внуку дед Павел после утреннего застолья.

– Ага, хочешь, чтобы как прошлый раз получилось? – засмеялся Шурка.

Он уже знал, каким образом ловятся ревунки.

В морозные дни, даже в выходные, домочадцы находили себе работу в доме. Бабушка пряла пряжу. Женщины вышивали крестиком. Костя шуровал в печке кочергой, подбрасывал уголь. Наташка учила свою куклу читать разноцветные книжки. А Шурку всегда тянуло на улицу.

Накануне Миколы весь месяц Степную заваливало снегом. Сугробы вырастали выше заборов.

На дворе Костя неустанно боролся со стихией. Убирал снег широкой фанерной лопатой. От калитки на улицу прокапывал туннель. Двор до самого крыльца становился снежным коридором с высокими отвесными стенами.

Со стороны Роженцевых сугроб каждую зиму вырастал до самой крыши и на морозе становился

твердым. Шурка с Толяном могли на санках съезжать в их огород прямо с верхушки дома Филипповых.

Все большие пацаны на Степной, как только наступала зима, принимались ловить щеглов и снегирей. Из мягкой проволоки плели клетки с ловушкой. Особенно хорошо получалось у Федоровых ребят. Выставляют на улицу клетку с приманкой и ждут. Прилетает стайка дурных щеглов, и все одновременно лезут за приманкой. Кто вперед успевает, того ловушка и захлопывает.

Зимой во многих домах под потолком висели клетки с птицами. Их пенье и щебетанье напоминало о лете и скрашивало быт. Многие анжерские пацаны умудрялись в базарные дни продавать пойманных птиц. Давали за них немного, но азарт во круг купли-продажи вдохновлял и оживлял будни.

Только Роженцев не умел сам делать клетки. Был еще мал. Ему две штуки сделал отец. Одну для щеглов, другую для снегирей.

Доверчивые и неразборчивые в еде синицы попадались в любую ловушку. Шустрые щеглы хорошо ловились на кусочки сала. А вот для приманки красногрудых снегирей надо было класть рябину (они больше всего ее любили). Эти птицы особенно осторожничают. Не в каждую клетку полезут за приманкой. Долго присматриваются. Если что заподозрят – сразу улетают. Ловушку надо было снаряжать умело.

– Деда, а ты сделаешь мне клетку, как у Тольки? – спросил как-то раз Шурка.

– А на что она тебе?

– Птицу хочу поймать!

– Зачем ее ловить-то надожно?

– Поймаю, и пушай в клетке поет.

– В неволе песни-то никому не в радость.

Отказался дед Павел делать клетку. А Шурка не настаивал. Смотрел, как ловит Толька.

В прошлый раз попался щегол. Из ловушки его пересадили в клетку. Насыпали семечек и пшена. Долго ждали, когда петь начнет. А тот лишь прыгал по клетке как ненормальный. Цеплялся за стенки, висел на потолке вниз башкой.

– Красивый, подлюка! – Толька просунул в клетку длинную лучину, пытаясь ткнуть в бок пернатого пленника.

– Ага. Смотри, какие красные пятна у него на лице, – добавил Шурка. – Пестрый весь, а головка смоляная!

– А клюв-то, клюв какой острый!

– Глянь-ка, глянь! Усы под клювиком!

– Хватай семечки, хватай пшенку! Хватай, говорю, стервец! – Только старался попасть лучиной в бок своему щеглу.

Но тот подпрыгивал и ловко уворачивался.

– Мой дед говорил: как тока щеглы запоют, сразу солнце выглядывает!

Шурка с надеждой посмотрел на небо. Оно было затянуто беспросветной серостью. «Как же он запоет в неволе?» – подумал малец, глядя на пленника щегла.

Анжерку вторую неделю заметало снегом. Очередная зима только-только набирала свою сибирскую мощь. В доме Филипповых старались держать пост.

* * *

На Миколу, когда весь дом еще спал, дед сходил за насыпь в Петропавловскую церковь (а другой в Анжерке в то время и не было). Баба Поля хлопотала у печки. Пекла пышные миколойчики и разные пампушки: с вареньем, с маком и «с таким».

Когда дед Павел возвратился из церкви, все домашние уже проснулись и готовились к утреннему праздничному застолью. Наташке завязали белые банты. Шуркина мама и тетя Тамара надели красивые платья. Косте еще накануне купили темно-красную ситцевую рубаху в тоненькую полоску. Он застегнул пуговички под самое горло и сделался в ней серьезным мужчиной.

В доме вкусно пахло выпечкой. На середину стола водрузили пузатый самовар со сверкающими боками, всем расставили блюдца с золотыми каемочками.

Когда все расселись по своим местам, бабушка принесла из кладовки холщовый мешок, схожий с наволочкой для подушки. В нем хранили кусковой сахар. Только хозяин мог распоряжаться его потреблением. Сахар почитался застольной наградой. За проступок ее лишался всякий – без учета возраста и положения в семье.

Однажды во время чаепития дед Павел раздал сахар всем по кругу, кроме себя.

– Деда, а ты себе чего-то не положил? – заметил Шурка.

– Мне нонче не полагается, – ответил хозяин стола.

Все за столом переглянулись.

– Я человека на работе обидел, – объяснил дед.

* * *

Только дед Павел умел точно отколоть от большого куска нужную мерку. Шурка тайком пробовал так же. Ни разу не получилось.

Бабушка развязывала перед дедом мешок. Тот вынимал оттуда ослепительно-белый камень с беспорядочными гранями и углами, располагал его на ладони. Затем прицеливался и одним ударом ме-

таллической рукоятки ножа попадал в нужную точку. Откалывался ровно такой кусочек, чтобы хватило для чаепития одному члену семьи.

Чай пили вприкуску. Возьмешь свой кусочек двумя пальцами за краешек, поднесешь к влажным губам и сделаешь два-три сосательных движения. Потом со свистом втянешь сквозь полусомкнутые губы воздух снаружи. На миг придержишь во рту ощущение сахарной сладости и сразу начинаешь прихлебывать чай из блюдца. Умеючи сахару хватало, чтобы напиться чаю вдоволь.

В самовар входило целое ведро кипятку. Рядом стоял большой фарфоровый заварник. В нем баба Поля заранее густо заваривала морковный чай. Шурке очень нравился его цвет и аромат.

Но больше всего ему нравился индийский чай. Его берегли и пили только по праздникам. Когда все напьются морковного чая, напоследок давали чай индийского. На красочной жестяной коробочке, в которой он хранился, был нарисован слон с красной попой на спине. Коробочка стояла в шкафчике за стеклянной дверкой. Шурка любил рассматривать картинку на коробочке. «Когда вырасту, поеду в Индию и прокачусь на слоне!» – мечтал он.

Морковный чай заготавливали осенью. Жители Анжерки приучились пить такой чай во время войны.

Костя очень мелко резал знаменитым тоненьким ножом на разделочной доске морковку. Выбирал самую крупную, аккуратно доставал из нее желтую сердцевину и откладывал для Борьки. Красная часть шла на чай. Нарезанную морковную соломку баба Поля выкладывала на противни и ставила сушиться на припечек. Несколько дней соломка увядала, скрючивалась, темнела и уменьшалась в размерах. Когда ее цвет становился темно-коричневым, досушивала в горячей духовке. Сладковатый аромат наполнял весь дом и радовал Шурку. Приготовленный таким образом чай хранили в холщовом мешочке в сухом месте за печкой. Хватало до следующего урожая.

В красном углу с полуночи тлела масляная лампадка. С иконы Николай-угодник крестным знаменем благословлял дом Филипповых.

* * *

Как же поймал Шурка ревуна первый раз? Это случилось в начале зимы, когда в Анжерке установились крепкие морозы.

Еще летом дед Павел сделал санки из металла. На конном дворе кузнец выковал по его заказу ажурные элементы с лихо завитыми полозьями и с изящной спинкой.

Когда по первому снегу Шурка вышел с этими санками на улицу, сбежалась вся ребятня. Щупали, осматривали, восхищались. Шурка уселся в санки. Трое пацанов взялись тянуть за веревку. Санная

тройка красиво помчалась к Федоровскому переулку. Сбоку весело бежала ребятня и улюлюкала на всю Анжерку. Потом так же с гомоном вернулись обратно к дому Филипповых.

* * *

В морозы на Степной никто без надобности из дому не выходил. В этот раз Шурка гулял на улице один, со своими санками. Тянул спереди за веревку, толкал сзади перед собой. Железные санки были тяжелыми и оставляли на снегу красивые следы от полозьев.

Около дома Роженцевых на невысоком сугробе Шурка увидел клетку. Видать, Толька выставил ее для ловли снегирей. «В такую клетку щеглы не полезут!» – подумал Шурка. Он уже знал науку ловли птиц.

На морозной улице не только людей не было, не было и птиц. Даже синицы попрятались. «Вот бы поймать красивую птицу... Хочу такую, какой ни у кого на свете нет! Жар-птицу бы... А какая она, эта Жар-птица? В книжках ее по-разному рисуют...» С этими мыслями Шурка, нагнувшись, толкал перед собой дедовы сани.

Не сани, а песня кенаря! Ажурная спинка оплетена коваными узорами, будто сказочным оперением. Полозья спереди и сзади изящно выгнуты и заканчиваются красивыми завитками. Вороненый металл сверкает на морозном солнце.

Не ведая зачем, Шурка лизнул спинку саней. Язык тут же намертво прилип к металлу. Шурка замер на середине улицы, боясь пошевелиться. Попробовал помочь языку пальцами, но они тоже прилипали к металлу. Боли никакой не чувствовалось – до поры, когда Шурка стал пытаться отклеить язык от саней. Не тут-то было! И так и сяк. Не получилось. Наконец он понял, что сам не справится.

«Первым делом надо скорее добраться до дому! А как? Не знаю... А вдруг язык оторвется? Ох и влетит!»

Мысли мелькали одна за другой. Однако правильная так и не появилась. Появился страх. Шурка стал звать на помощь. Но, кроме невнятных горловых звуков, ничего нужного не извлекалось. Шурка стал осторожно двигать в сторону дома сани вместе с прилипшим языком. В носу, как назло, скопились сопли и мешали дышать. Попробовал высморкаться – и чуть не оторвал язык с корнем. Невыносимая боль! Слезы, сопли, слюни! Кажется, в этот момент все напасти одновременно свалились на маленького горемыку. Но нет, не все!

У Плыгачевых опять сорвалась с цепи огромная мохнатая собака. Она мчалась по Степной к тому месту, где тщетно боролся с бедой Шурка. И остановилась перед санями. Тяжело дыша, стала изучать ситуацию. Из ее открытой пасти с желтыми зубами

свисал длинный красный язык. Она не лаяла и, похоже, не собиралась кусать Шурку. Но он в первый момент подумал, что пришел ему конец. Сейчас грозное животное загрызет его. Потом оказалось, что собака проявляет дружелюбие. Она даже попробовала лизнуть Шуркин нос. Малец закрыл лицо руками и издал гортанный звук. Собаке, видимо, звук понравился. Она еще усерднее завилала хвостом. Норовила облизать детские руки.

Сколько времени прошло, никто не знает. Шурка в паре с собакой оказался около ворот родного дома. Но как их отворить? Сил уже не было. «Помру здесь!» – подумал он. Выручила собака. Она стала громко лаять. В окне, что выходило на улицу, появились лица домочадцев. И уже через секунду к воротам побежали все, кто был в доме.

– Надо чайник с водой принести! – распорядилась баба Поля.

Костя помчался обратно в дом.

– Не шевелись! – подсказывала Шурке Тамара и пыталась своими пальцами отклеить примерзший язык.

– Ой, ой, ой! Надо скорую помощь вызывать! – причитала Шуркина мама, хотя знала, что на всю Анжерку было только две-три машины, и те на ремонте.

– Пустите. Я полью из чайника! – протискивался к Шурке вернувшийся Костя.

– Что ж ты делаешь, варнак? Стрешный бы тебя побрал! Кипяток припер! – Баба Поля выхватила у Кости дымящийся чайник.

– Несите его в избу! Вместе с санками! – скомандовал дед Павел.

Он стоял на крыльце с непокрытой головой.

– Ну что башкой вертишь? Тебе сказано! – приказала баба Поля нерадивому сыну.

Костя подхватил своими могучими руками Шурку вместе с санями и бегом понес в дом. Перед крыльцом он поскользнулся и упал. Шурка заорал на всю Анжерку.

– Убили ребенка! Уби-и-ли! – запричитала Шуркина мама.

– Окстись! – прикрикнула на нее баба Поля.

...Когда все семейство Филипповых успокоилось и пострадавшему оказали всевозможную помощь, дед сказал внуку:

– Ну вот, Лександра, нонче ты поймал свою птицу. Ревунок называется.

Все засмеялись. Шурке тоже стало весело. Только вот смеяться надо было осторожно.

Тужурка нарастопашку

Тетя Тоня Терентьева, как обычно, пришла к бабе Поле просто так. Поболтать.

– Зятек-то у Елищевых, ну, Веркин муж... Мерзляком оказался. Утром горячего чаю напьется, идет по улице и мерзнет.

– А наших мужиков леший не берет! Холодного сала с горчицей налопаются и – тужурка нарастопашку! – отвечала баба Поля, не то осуждая, не то поощряя.

Шурка в это время стал собираться на улицу.

– Ба, достань мне пимы с печки!

– На что они тебе? – заволновалась бабушка.

– На улку хочу...

– Нонче там мороз окаянный... Нечего из дому иттить, сопли морозить!

– А я тужурку надену. Сала с горчицей поем и пойду... нарастопашку... Как мужики наши.

– Какую тужурку? Она есть у тебя? Мал еще!

Шурке стало обидно, что у него нет тужурки. «Вырасту, и у меня тоже будет». С этой мыслью Шурка весь день ждал деда с работы. Скоблил лед на стекле, пытаясь в окно рассмотреть морозную улицу.

Вечером после всеобщего ужина, когда дед Павел прочитал вслух все новости в любимой газете «Борьба за уголь», Шурка подсел к нему поближе.

– Деда, а почему тужурку только мужикам дают носить? – шепотом спросил внук.

Дед внимательно посмотрел на Шурку. Снял очки и не торопясь сложил их в специальный футляр.

– Тужурка... Это тебе не сюртук и не кухвайка какая-нибудь. – Дед сделал паузу, подкрутил один ус, потом другой. – Тужурки, Лександра, выдавались служивым людям. Были летние, а были зимние. С насечом, а то и вовсе на меху. Несешь службу – носи тужурку!

Шурка замер и даже рот раскрыл от интереса. Дед всегда рассказывал живо и со смыслом. 120

– А ты тоже был служивым?

– А как же!

– И тужурку тебе выдавали?

– При императоре Николае всем выдавали: и военным чинам, и статским. По тужурке службу можно было определить. Сам Миколай пример давал. Застигнет оба борта на все двенадцать пуговиц и держит себя в строгости. Порядок был у него такой к самому себе. В чине хозяина земли состоял. Служил отечеству.

Дед Павел даже приосанился при имени императора. Ему нравилось Шуркино любопытство. Но он почему-то предпочел скомкать свои рассуждения:

– После царя тужурки отменили.

– А почему все мужики в Анжерке в тужурках ходят?

– Нонче не те уже тужурки. Сошьют самовольно из чего попало, ватой подстегнут и носят в мороз. А то и вовсе короткие пальтишки тужурками называют. Не поймешь, кто есть кто... Одежда дана не стыд прикрывать, а обличье свое в строгости содержать. Вот так-то, Лександра.

– Дак ить не положено мужикам носить тужурки! – сделал радостное открытие Шурка.

– Ну пошто же не положено? Пуцай носят. Они же ходят на службу: кто на шахту, кто на железную до-

рогу... Для отечества стараются. Главное, понятие надобно иметь: в тужурке ты сурьезный человек, а не кто попало.

После таких разговоров у Шурки еще больше укреплялась важная мысль: «Вырасту – стану таким же, как дед».

В больнице

В первом классе шла к концу третья четверть. Шурку неожиданно положили в больницу с воспалением легких. Жар и немощ не мешали ему радоваться. В школу ходить не надо! Все вокруг пекутся о нем и стремятся позаботиться хоть как-нибудь. Букварь он знал еще в детсаде. Книжку по арифметике прочитал летом перед школой и решил там все примеры. Знал даже всю таблицу умножения.

И вот теперь семилетний парнишка лежал в палате со взрослыми мужиками. В те времена в Анжерке детских больниц не было. Они, видать, не требовались. Шуркина мама говорила ему, будто в нашем шахтерском городе медицина самая лучшая в мире.

Шурке повезло. Он лежал в больнице, где его мама работала в это время медсестрой. Ставила ему большим стеклянным шприцем уколы по четыре штуки в день. Когда она привозила в палату свою тележку с медициной, мужики, кряхтя и балагурия, ложились на живот и оголяли ягодички. После уколов дружно делились впечатлениями.

Между Шуркой и взрослыми мужиками соблюдалась возрастная дистанция. Никто в палате вслух не матерился.

– Если б не мальчонка, я бы сказал тебе, кто ты есть! – доносилось иногда в процессе их общения.

Или так:

– Чо ты нюни распускаешь? Постыдись ребенка!

Мужики без похабщины рассказывали друг другу свои интересные истории. Это скрашивало томительное течение больничных будней. Один взрослый анекдот Шурка запомнил. Сначала не понял, а когда вник, то громко смеялся. Анекдот рассказал сосед по койке.

«Лежали вот так же в больнице мужики. Рассказали все анекдоты. Чтобы не повторяться и не пересказывать заново, присвоили им номера. Кто-нибудь объявляет, к примеру: номер десять! Все ржут. Входит медсестра в палату. Кто-то вслух произносит: номер тридцать девять. Никто не смеется. Один встает с постели, открывает окно. Двое других берут остряка за руки и за ноги. Молчком выбрасывают на улицу.

– Что вы делаете?! – кричит на них сестра.

– Пусть не матерится в присутствии женщины, – отвечают ей».

Когда анекдот закончился, Шурка поинтересовался:

- Со второго этажа? И не убился?
- Не бойсь. Дело было на первом, – успокоил его рассказчик.

* * *

Многие пациенты знали Шуркину маму – Галину Павловну Филиппову – по недавним временам, когда она работала в медпункте на третьей шахте. Тогда девушка только что окончила медучилище. Работы на нее ввалили много. Она справлялась. Ей нравилось работать. В родительском доме Филипповых ее сызмальства приучили ко всякой работе относиться уважительно.

Шахтеры перед сменой проходили обязательный медосмотр у нее в медпункте. После смены травмированные тоже шли к ней. Бывали аварийные случаи, когда Шуркина мама спускалась в забой с группой спасателей. Насмотрелась и увечий, и смертей.

* * *

Мужики в палате всячески ублажали Шурку. Хотели понравиться его маме. Она была красавицей. Фигура точеная. Лицом белая. Чернобровая. С толстой косой. Ко всем относилась приветливо.

Один больной шахтер с «Физкультурника», поступивший в палату утром, по-своему оценил изящные движения молоденькой сестрички:

- Ишь, как передком вертит. Шмара!

Слава богу, что произнес он это, когда Шуркина мама уже вышла из палаты. Получилось как-то приклатенно. При этом он громко загоготал. Среди крупных прокуренных зубов выделилась золотая фикса. Он лежал, не накрывшись, на белоснежной простыне в черных трусах. На его волосатой груди слева проглядывался Владимир Ильич Ленин синего цвета. «Такой же Ленин висит на стенке в нашем классе! Только цветной», – отметил Шурка. На правом предплечье шахтера виднелась другая жирная татуировка. Шурка еще утром успел прочитать надпись: «Не забуду мать родную».

На циничную реплику мужики в палате вроде бы никак не отреагировали, сдержанно промолчали. Только зубами кто-то заскрипел. Шурка не придавал никакого значения возникшей ситуации. Он не умел еще понимать смысла подобных фраз. Однако ощутил необъяснимую для себя тревогу. Ему стало неуютно в палате.

* * *

Ночью, после отбоя, шахтеру с «Физкультурника» крепко досталось. Шурка еще не спал и видел в полутьме эту жестокую сцену. Били молча, все по очереди. Приклатенный не сопротивлялся. Понял сразу, за что бьют.

«Забьют ить до смерти!» – мелькнуло в Шуркиной голове. Он почему-то ощутил себя виноватым за случившееся. Ему стало страшно. Блатного били, а он не оказывал сопротивления. Шурка не знал, что ему делать. Закричать? Попытаться остановить? Спрятался с головой под одеяло. Крепко зажмурил глаза и зажал руками уши. Из его убежища все равно было слышно, как бедолага глухо стонал от тяжелых ударов. Потом все стихло. А Шурка еще долго не мог успокоиться в своем убежище: жив ли там избитый? Наконец все-таки уснул.

Снилось, как они с Костей кормят Борьку. Как обычно, утром Борька поднимал требовательный визг и ему несли в чугунке еду. Вываливали в долбленое деревянное корыто. Заваренные с мукой картофельные очистки издавали вкусный запах. Шурка с удовольствием вдыхал его на утреннем свежем воздухе. Борькину морду обдавал пар. Розовым пятком Борька бороздил кормушку с едой и аппетитно чавкал. Шурка чесал ему за ухом.

Потом снилось, как дед точил ножи.

– Вострые-то какие! – восхищался внук, пытаясь дотронуться до сверкающих клинков.

– Смотри не порежься! А то влетит нам от Пелагеи Даниловны... Строгая она у нас, – остерегал дед, проделывая священнодействовать.

Потом сон стал страшным. Во сне Шурка кричал и плакал. Соседи по палате разбудили его. Как могли успокаивали, пока он опять не уснул.

127

А приснилось ему, что из сарая в конце огорода раздался душераздирающий визг. Шурка сразу понял, что это погибает его друг Борька! Друг не зовет на помощь, он просто истошно визжит. В его визге нет надежды уже ни на него, ни на кого другого. Шурка выскакивает на крыльцо и видит, что искрящийся ноябрьский снег на огороде перед сараем становится черным. Черным становится и небо над всей его Анжеркой. Тьма хочет поглотить его. Отчаяние пронизывает душу. Он заскакивает обратно в дом. Мечется по комнатам. Срывает с вешалки дедову рысью шубу, лихорадочно заворачивается в нее с головой. Пытается найти спасение под своим любимым столом. Но там он ощущает себя пленником страха. И там его еще пуще достает истошный визг, проникает в Шуркино нутро. Его лихорадит. Ему становится невыносимо страшно! Ужасный плен лишает рассудка...

* * *

Шурка с невероятным трудом вырвался из ночного кошмара. Проснулся поздно, весь измученный. Все тело болело. Вставать не хотелось. Мужики в палате негромко что-то обсуждали.

Оказалось, что вчерашний шутник-горемыка уже выписался из больницы.

– Он на «Физкультурник» с шахты пять-семь пришел, с Судженки. Месяц назад примерно. Я ить тоже

с «Физкультурника», – словно извиняясь, сообщил больной с угловой кровати.

– Гоните его к ядрене фене! Толку с него на шахте не будет! – раздались голоса с других кроватей.

– Дык он не с нашей бригады. Говорят, на днях прогулял, а теперь вот бюллетень как-то оформил, – пытался рассудить ситуацию тот, что с угловой кровати.

* * *

Шурка был не в настроении. После врачебного обхода тоскливо бродил по длинным коридорам больницы. Убивая грустное время, прочитал всю настенную информацию. Пересчитал все пожарные гидранты на лестничных клетках и в коридорах. Обнаружил в каком-то закоулке дверь с табличкой: «Аварийный выход». Захотелось на Степную, в дом деда Паши. Нажал ручку и тихонько толкнул дверь. К Шуркиному удивлению, дверь отворилась. Его обдало холодом. На улице было начало марта...

Всей больницей искали пропавшего Шурку. Нашли в закутке около аварийного выхода. Свернувшись калачиком, он спал на полу.

* * *

Четвертую неделю температура скакала: то ее нет, то вдруг появится. Уколы и порошки, похоже, не очень-то помогали. Шурке уже давно хотелось домой. Болезнь утомила его.

– Мам, а мне деда снился, – сообщил шепотом Шурка матери, когда та готовилась поставить ему очередной укол.

Хотел про Борьку сказать, но не стал.

– Завтра выходной, он после церкви обещался прийти, – так же шепотом сообщила мама.

Шурка поначалу боялся уколов, а теперь стал к ним безразличен. Мать поставила укол и не удивилась, что в этот раз сын даже не вздрогнул. Она понимала, что в болезнь затянулась. Парнишка заметно похудел. Ручонки и ножонки стали тоненькими. Глаза сделались грустными.

– Доктор говорит, что заболевание серьезное. Так что, сынок, надо терпеть, – ласково сказала мама. – Надо ждать, когда полегчает.

– Я деду буду ждать. Я знаю, что он придет. Он не обманет! – Шурка немного оживился.

– Вчера он так и сказал за ужином, что, мол, Лександру надобно навесить! – Мама поцеловала сынишку в лобик, в щечку и покатила медицинскую тележку к другим больным.

У Шурки заблестели глаза. Весь день он оттаивал своим дыханием лед на оконном стекле. Образовалась солидная прогалина. Через нее стал виден больничный двор. Завтра дед Павел появится на этом дворе, войдет в больницу и встретится с внуком.

* * *

Дед Павел появился утром. На улице только-только начинало светать. Ходячие мужики в палате собирались на завтрак в общую столовую. Шурка заправлял кровать и вдруг почувствовал присутствие деда. Он кинулся к окну. И точно! Сквозь прогалину разглядел любимого человека. Дед Павел уверенно шагнул по расчищенному от снега двору. На ногах красовались ладно подшитые валенки на слоеной войлочной подошве. На плечах праздничная рысья шуба. В руке кирзовая сумка, с которой они вместе ходили на базар и в баню.

Шурка выскочил из палаты, как будто и не было у него никакой хвори. Вмиг преодолел длинный коридор. Вприпрыжку сбежал по лестницам на первый этаж и в большом холле увидел деда. Тот только что вошел с улицы, потопал ногами о каменный пол, стяхивая с мягкой обуви прилипший снег. Снял шапку и расстегнул шубу. Шурка кинулся к нему в объятия.

– В палаты, сказывали, не пускают.

Дед Павел стал осматриваться вокруг, выискивая взглядом место, где можно присесть. Народу было немного, большинство скамеек для посетителей пустовало. Расположились на первой попавшейся.

– Тут тебе гостинцы баба Поля послала. – Дед стал вынимать из сумки банки и плошки, завернутые в пуховые платки.

Шуркино лицо светилось от счастья.

– Передачи больным запрещены! Только выздоравливающим! – грозно выкрикнула женщина в белом халате, восседающая за приемной стойкой.

– Деда, нам тут только кашу можно. И постные щи на обед, – тихонько пояснил Шурка.

– Ты подумай-ка! Вот беда... Да как же тут здоровые воротись-то? – удивился дед и стал складывать назад в сумку свои свертки.

– Пойдем со мной, только незаметно... У меня тут местечко есть укромное, – поведал деду свою тайну Шурка.

Пока грозная женщина в белом халате отвлеклась на кого-то из посетителей, дед с внуком шмыгнули в дверь под каменной лестницей. Технические коридоры на первом этаже вывели их к тому месту, где обнаружился на днях аварийный выход. Три ступеньки вели вниз к той самой двери, под которой нашли спящим заблудшего Шурку. В этот раз на двери висел металлический замок. Уселись на верхней ступеньке. Здесь их никто не мог услышать. Место было теплое и непроходное. Лучше не придумаешь!

* * *

Пока дед Павел готовился угостить внука, Шурка вспомнил события полугодичной давности. Перед глазами возникли живые картинки прошлого...

Первая четверть заканчивалась перед праздником Седьмое ноября. Завтра наступят каникулы. Учительница велела всем нарисовать картинку, посвященную Октябрьской революции. Разрешила нарисовать все, что вызовет радость. Шурка нарисовал Борьку с красным пятаком. Получилось весело и жизнерадостно. Но учительнице не понравилась Шуркина идея.

– Надо революцию отразить! А ты чего? Вздумал баваться?

– Дак радостно же! – пытался возразить школьник.

– Так не пойдет. Подумай и нарисуй другую картинку.

У Шурки пропало настроение. Оставался последний лист для рисования, и он уже истратил его на Борьку. Что делать? Подумал, подумал и красным карандашом дорисовал над Борькиным изображением серп и молот. Внизу написал печатными буквами: «Слава Октябрю».

– А так пойдет?

– Ну вот, теперь другое дело, – похвалила учительница, но Шурке от похвалы радостнее не стало.

* * *

Баба Поля и Костя называли выходные дни на Седьмое ноября «октябрицкими» праздниками. Всем работникам в Анжерке давали аж три выходных дня! Накануне, кому надо, успевали сходить на утреннюю службу в церковь и совершить поход в баню. Шурке особенно нравился после бани шипучий лимонад.

Перед «октябрицкими» праздниками в домах шла генеральная уборка. В центре города на ДOME Советов вывешивали огромный плакат: «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!»

Все жители Степной очень радовались приближению революционного праздника. Наступало время резать выкормленных поросят. Устоявшиеся уже морозы позволяли делать мясные заготовки впрок. У Филипповых в холодной кладовке соленья и копченья сохранялись до следующей весны. В Анжерке все так делали.

Каждый хозяин умел в те времена резать своего поросенка сам. Но были и такие, которые приглашали резальщиков со стороны. Зарезать хряка или свинку – дело нешуточное. Из поколения в поколение это мастерство передавалось, как говорится, из рук в руки. Надо было уметь не только зарезать, но и правильно разделить тушу. Шесть, а то и семь пудов веса разрубали и разделяли по старинной крестьянской науке.

– Почем зря тут не разберется, – поучал Костя племянника.

Шурка крутился вокруг деда. Норовил все разглядеть и запомнить. «Вырасту и тоже так смогу!» – вертелось в его голове. Кабан лежал на снегу подле са-

рая. Внутренности уже вынули, разложили в эмалированные тазы и отнесли в дом. Дед паяльной лампой смолил бока и спину. Костя помогал переворачивать.

– Лександра, иди в дом. Погрейся. А то вон носом уже шмыгаешь, – велел дед внуку.

– Да не-е-е! Мне не холодно! – Шурка попытался оспорить распоряжение деда.

– Женщинам помощь твоя нужна...

Дед в это время согнул поросенчью ногу в коленке и провел острым лезвием по сгибу. Одно опоясывающее движение – и отрезанная нога с копытцем осталась в его руке. Точно так же – вторая, третья, четвертая.

– Ступай. Отнеси на кухню.

Шурка вытянул вперед ручонки. Костя сложил на них четыре свиные голяшки, и маленький работник, как поленья в охапке, понес их в дом.

Костя добавил вслед:

– Холодец из их варить будем. На Рыжество...

* * *

На кухне кипела работа. Тетушка Тамара и Шуркина мама под руководством бабы Поли что-то отрезали, отделяли, отскабливали, промывали. Женщины были заняты разборкой внутренностей. На печке кипела в чугунках и кастрюлях вода. В тазики и чашки складывали разные части и куски. Маленькая Наташка с куклой в руках крутилась под ногами и мешала всем. Не из вредности. Из любопытства. Ее никто не прогонял и не ругал.

Шурка сообщил, что дед отправил его на кухню помогать.

– Выворачивай наизнанку кишочки и протирай крупной солью. Вот так! – Баба Поля показала внуку, как надо делать.

– Дак собака не станет есть соленое. Ну, если только шибко оголодает, – не то утвердительно, не то вопросительно произнес Шурка.

Тамара с мамой рассмеялись.

– Что ты, что ты... Какая собака? Окстись! Из кишочков колбасы понаделаем. До самой Пасхи хватит, – принялась объяснять бабушка несмысленно.

Потом Шурка помогал маме и Тамаре. Работа спорилась. Костя периодически гремел дверями в холодной кладовке. Заносил с огорода части туши. Завтра из них будут готовить соленья и копченья.

Наконец работа приблизилась к концу. Стали собирать на стол. Дед Павел закончил прибираться около сарая. У бабы Поли на печке что-то шкворчало в сковородках и кипело в кастрюлях. Через форточку на улицу вырывался пар, наполненный запахами мясных деликатесов. Из многих домов на Степной поднимался такой же вкусный запах. По всей Анжерке чувствовался праздник.

На стол подали настоящую свежежину. По этому случаю из подпола достали бражку и налили всем

по стакану. Шурке с Наташкой заранее сварили любимый кисель из смородины.

Хорошими словами поминали Борьку. Родовались достатку на всю зиму. Хвалили «октябрицкую» революцию и Седьмое ноября, которое наступало завтра.

* * *

Дед достал из сумки белое полотенце и накрыл им Шуркины колени. Потом вынул глиняный горшок. Пуховый платок сохранил в горшке домашнее тепло. Следом дед подал внуку любимую ложку. Шурка стал поштучно доставать крупные горячие пельмени. Каждый из них едва умещался во рту. С деревянной ложки капало на полотенце, предусмотрительно укрывающее Шуркины штаны.

– Я нонче разговаривал кое с кем, – начал дед издалека. – Он сурьезный и очень мудрый фрукт. Может все сделать, коли попросить его как следует... Пантелеймоном зовут его...

– Знаю, знаю, – откликнулся Шурка, пережевывая очередной пельмень. – Это дед Пантюха. Он на Сахалинке живет, около водокачки.

– Нет, Александра. Этот святой человек на иконе изображен. Он исцеляет всех немощных уже тыщу лет... Так вот, я попросил, чтобы он помог вернуть тебе здоровье. Чуешь?

– Ага.

– И ты знаешь, что он сказал?

– Не-а.

– Надо, говорит, самому крепко постараться. А коли не получится, тогда и обращайся... Вот такие дела.

Дед Павел, перекрестившись, потрепал белобрысую Шуркину головку.

– Все! Не могу больше. Ух! – Шурка сделал глубокий выдох и отдал деду ложку.

– Глянь: тут всего-то две штуки осталось! Надобно осилить...

– Давай один ты, другой я.

– Ишь какой способный! Ну ладно, давай. Твоя взяла, – согласился старый.

Дед с внуком сидели на каменных ступеньках в полутемном подвале больницы и дружно жевали. Потом дед поил Шурку топленым молоком с маслом и медом. При этом приговаривал: «Старайся, старайся. Так надоть». Шурка старался изо всех сил. Не стал даже перечить деду, когда тот протянул ему краюху ржаного хлеба, накрытую скибочкой сала с чесноком. Сегодня вся еда была вкусная. Но главное, нужная.

Дед аккуратно собрал все крошки после Шурки и ссыпал их в сумку. От деда шло тепло и душевный уют. «Хоть и мал еще, но уже видно, что далеко пойдет», – думал дед Павел. А Шурка ни о чем не думал. Вернее, думал сразу обо всем.

Так они сидели рядышком, не замечая времени. Вскоре молчание было нарушено.

– Деда, а ты на октябрицкую Борьку убил, да?

Малец сделал акцент на слове «убил». Вопрос вырвался наружу случайно, будто даже еще не созрев в голове.

Дед Павел замер, слегка прищурил глаза и стал внимательно рассматривать внука. Пауза длилась, и Шурка чувствовал, что его простой вопрос озадачил деда. Мелькнула мысль: «Не обидел ли?» Он сообразил, что ляпнул несурзное. И, как всегда бывало в неосторожных случаях, ему стало стыдно и тревожно. В глубине дедова прищура притаился неизвестный для Шурки ответ.

Дед выпрямил спину. Кашлянул в кулак. Подкрутил вверх свои «миколаевские» усы и стал держать ответ на Шуркин вопрос.

– Как ты думаешь, Александра, я к тебе с кем пришел?

Шурка втянул голову в плечи. Стал осторожно и внимательно осматривать пространство вокруг. Даже вверх посмотрел.

– Я к тебе с Пантелеймоном пришел... С мамкиными ночными слезами... С Костиными пожеланиями. Он до ворот меня провожал. Сказал: «Пуцай скорейча вылечивается...» Даже Наташкина кукла приветы тебе прислала. Вся Степная тут со мной... – Дед Павел говорил не спеша, с остановками. – И друг твой Борька о твоём здоровье позаботился. Здесья он. – Дед показал на сумку. – И молоко, и мед, и хлеб... Да что говорить-то... Вся природа о тебе заботится...

Шурка открыл рот и как замороженный молчал. Не ожидал он такого ответа. Вмиг представил себе всех перечисленных. Он снова оказался среди них! Душа словно вырвалась из больничных стен. Ощутил, что не одинок. С ним оказались рядом все, кого помнит и любит. Вдруг понял, что они его тоже любят.

– Убивают друг дружку люди, когда вражду замышляют... Когда бес отымает обманом любовь промеж них... Вот так-то, Александра, – закончил свою речь дед Павел.

* * *

В понедельник Шурке сделали рентген. Воспаление прошло. В среду его выписали домой. Велели принимать лекарства. Дед Павел объявил, что будет поить его горячим барсучьим жиром. Как потеплеет, пойдет ловить барсука в Шпалопропиточном лесу. Обещал взять с собой на охоту Шурку.

И еще дед сказал, что в воскресенье возьмет его и Костю на базар. Пойдут покупать маленького розового поросеночка. На Масленицу из соседних деревень в Анжерку привозят недельных поросят на продажу. Шурка сам сможет выбрать себе дружочка...

г. Кемерово

Вячеслав КАБИН

БАЙКИ СИБИРСКОГО АБОРИГЕНА

**Историко-публицистическая
и документально-фантазийная версия
жизни династии Кабиных –
представителей абинцев,
древней малой народности
Западной Сибири**

В очередном томе исследовательского материала члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств Вячеслава Николаевича Кабина в форме фамильных баек рассказывается о вкладе в развитие Сибирского региона вообще и Кемеровской области – Кузбасса в частности всего лишь одной династии из числа аборигенов. В предлагаемом вашему вниманию обзоре семейного древа собраны сведения о двух сотнях представителей рода (сеока) абинцев. Среди которых можно было встретить как шаманов и паштыков – предводителей древних родов сибирских аборигенов в прошлом тысячелетии, так и сотрудников Министерства иностранных дел СССР и ЦК КПСС из XX века.

При подготовке данного издания использовались литературные публикации автора в журнале «Огни Кузбасса»; журналистские материалы, опубликованные им на страницах областных газет «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «С тобой!»; отрывки из книг автора «Кузбасс принимает вызов!» (Кемеровское книжное издательство, 1985), двухтомника «Фамильные и казачьи байки» (Киселевск, 2010), двухтомника «Байки пилигрима» (издательство Кузбасского центра искусств, 2020); научные материалы кузбасских ученых: д.и.н. В. М. Кимеева и д.т.н. А. И. Копытова («Горная Шория», Кемерово, издательство «Примула», 2018); художественное произведение А. Б. Куца «Сага о Кабиных» (Барнаул, 2009). Автор сердечно благодарит Сергея Валентиновича Кабина (Москва) за предоставление своего варианта семейного древа.

Посвящается 300-летию с начала промышленного освоения Кузбасса.

Историческая байка от аборигена

По данным последней переписи населения, на территории нашей области проживают представители около 150 наций и народностей. Среди них есть несколько групп из числа коренных, населяющих эти

места уже многие сотни лет. Но когда Кузбасс весь 2021 год праздновал 300-летие с начала промышленного освоения его минеральных богатств, в наших средствах массовой информации на слуху были лишь такие аборигены, как шорцы и телеуты. У меня много друзей и знакомых из этих этнографических групп, однако я считаю, что это все же не вполне справедливо.

Исследуя историю своей семьи, для себя я выяснил, что принадлежу к почти уже забытой малой народности аборигенов Западной Сибири – к абинцам. Поэтому хочу восстановить историческую справедливость и познакомить любознательных читателей со своими фамильными корнями.

По утверждению некоторых местных ученых, первые поселения появились в южной части нынешнего Кузбасса около тридцати тысяч лет назад, в районе города Новокузнецка. Территория, на которой проживали сибирские аборигены, была фактически ничья. Иногда сюда налетали южные соседи: китайцы, монголы и скифские племена. Затем, в VI–X веках, появились кочевники – турки. Образовался Тюркский каганат.

Примерно тогда же здесь появились и сформировались новые этнические группы: сабиры, шорцы, телеуты, кумандинцы, бирюсинцы, тюльберы и абинцы. Но то были разрозненные дикие племена, которые жили сами по себе. В XIX веке на территории нынешней Кемеровской области проживало (по данным чиновника царского Министерства земледелия и государственных имуществ П. Г. Сувэйдзиса) чуть больше двух десятков тысяч человек из числа вышеперечисленных аборигенов – представителей различных сибирских племен, которые именовались по своему местообитанию: черневые татары – проживающие в черневой тайге; мрасцы – живущие вдоль реки Мрассу; кондомцы – селившиеся вдоль реки Кондомы; верхотомцы и тюльберы – ставившие свои жилища вниз по течению реки Томи. А самым крупным сообществом аборигенов тогда были абинцы, научившие шорцев выплавлять из руды железо. Общим самоназванием всех этих групп на шорском языке является слово «татар-кижи», и ученые XIX века как-то чохом объединили их одним понятием – сибирские (кузнецкие) татары.

За пределами своих мест проживания (при общении с соседними представителями сибирских аборигенов – алтайцами и хакасами) они называли себя «татар-кижи», «шор-кижи» или «аба-чыш-кижи», а при общении с русскими именовали себя просто кузнецкими татарами.

Специальную попытку исследования родового состава аборигенов Кузбасса предпринял (путем изучения русских исторических документов) в начале 1960-х годов этнограф Борис Осипович Долгих. Он

условно выделил три основных «племена» кузнецких татар: абинцев, шорцев и верхотомцев.

Некоторые исследователи нашего края считают, что и само слово «Сибирь» произошло от монгольского «шибир», дословно переводящегося как «лесная чаща». Другие ученые утверждают, что термин произошел от самоназвания одной из наших этнических групп – сабиров. Это понятно.

Но почему все-таки «татары»? Я думаю, что абorigены нашего края не имели никакого отношения к наиболее известной в России национальности – казанским и крымским татарам.

Я считаю (опираясь на мнение некоторых ученых), что этноним «татары» (в китайском произношении – «дадань») появился в эпоху раннего Средневековья. Так книжники Поднебесной в своих древних рукописях именовали все кочевые племена, проживающие к северу от Великой Китайской стены. Тогда это название употреблялось достаточно широко. Татарами именовал себя могучий союз племен, который противопоставлял себя Китаю. По моим данным, имя «тата» или «татар» носило одно из монгольских племен, которое составляло основную боевую единицу войска Чингисхана. Во времена монгольской экспансии на запад это наименование пошло гулять по странам и континентам. Татарами стали себя называть все тюркские подданные Золотой Орды.

Для большинства русских людей (и для некоторых российских ученых тоже) местные сибирские племена разговаривали на непонятном «тараторском» (или «тарабарском») языке, постоянно используя слово «татар». И вообще на Руси издавна всех иностранцев из западных и северных европейских государств звали немцами, а представителей азиатских (южных и восточных) стран – татарами.

Сибирь всегда привлекала внимание разных крупных племен наших южных соседей, проживающих на нынешних территориях Монголии и Китая. Этот лакомый кусок земли уже давно притягивал их деловых людей. Да и не только деловых. Многие правители, царьки, вожди и ханы хотели прибрать к рукам эти богатые земли путем захвата. Из древних китайских летописей нашим ученым стало известно, что проживающие на территориях нынешнего Алтая и Кузбасса абинцы уже во второй половине VI века добывали из руды железо и этим металлом платили китайцам-жужаням дань. Затем из более поздних источников (сохранились кое-какие документальные подтверждения) мы знаем, что население, жившее по берегам рек Томь, Мрассу, Аба и Кондома, до момента принятия русского подданства обязано было платить дань железом и пушниной енисейским кыргызским князьям и через них – владельцу северной Монголии Алтын-хану. С начала XIII века сибирские абorigены стали платить дань (ясак) монгольскому хану Батю – через его доверенных людей (баскаков), которые

осуществляли ханское правление сибирскими «угодиями» огнем и мечом, кнутом и пряником почти 300 лет.

Наконец, в XV веке Золотая Орда распалась. Из нее выделились Ногайская Орда, Тюменское и Сибирское ханства, а также другие, малочисленные улусы (княжества). Абorigены продолжали платить ясак джунгарскому хану Канн-тайши, представителю оставшейся западномонгольской части Золотой Орды.

С объединением славянских племен сначала вокруг Киева (Киевская Русь), а затем вокруг Москвы возрастала мощь нового европейского государства. Ему требовались земли для расселения, да и сбором дани «на свое житье-бытье» нужно было активнее заниматься. Тогдашние российские правители еще до начала XV века облюбовали для себя юг Сибири и низовья Оби. Правда, возможность завоевания Зауралья им представилась лишь после появления у русских воинов огнестрельного оружия, чем не могли похвастаться коренные народы – абorigены Западной Сибири.

XVII век послужил отправной точкой для присоединения бескрайних сибирских просторов к создающемуся новому государству – великой Российской империи. Сама историческая обстановка того времени предопределила освоение земель, лежащих к востоку от Урала.

Именно там, «за Камнем» (т. е. за Уральскими горами), как писалось в летописях, лежала огромная, необъятная сибирская сторонushка. И вхождение Сибири в состав русского государства могло стать эпохальным событием для судеб будущих поколений. Поэтому российским казакам и был дан царский приказ: «Вперед, на восток!»

Зная это и чтобы избежать войны, в 1555 году сибирский хан Едигер прислал своих послов к русскому царю с просьбой взять его владения «под высокую государеву руку». Такое согласие было быстро дано. Благодаря этому соглашению богатые пермские солепромышленники Строгановы сначала укрепились в Приуралье, а затем стали посматривать и дальше – за Урал. Туда, где лежала Сибирь. Однако после захвата власти в Сибири ханом Кучумом (выходцем из Бухары, не из местных) мирная жизнь на этих богатых землях нарушилась. Кучум, воспользовавшись тем, что царские войска были отвлечены на борьбу с турками (отстаивали в то время Астрахань), нарушил договоренности и перестал платить царю дань, стал наглеть и начал даже сам совершать набеги на Русь. Тогда-то и направил царь за Урал для наведения порядка большой казачий отряд под руководством атамана Ермака, сына Тимофеева. И всего через два месяца, 26 октября 1582 года, отряд уже вступил в столицу Сибирского ханства – Кашлык!

Кучум отступил и основал свою новую ставку около устья реки Ирмени (на территории нынешней Но-

восибирской области), при впадении ее в реку Обь. Здесь в 1598 году и закончилась власть последнего сибирского хана!

Главная задача, которую теперь должны были решить казаки, – это перевод под власть русского царя всего местного населения, организация сбора налога (ясака) для пополнения государственной казны. Поэтому и двинулись вглубь Сибири русские люди потоками – осваивать новые земли. Основными путями их продвижения стали сибирские реки (дорог у нас тогда не было и в помине). Тобол, Иртыш, Обь и Томь – вот те «реки-дороги», по которым пробивались на восток русские люди. А по берегам этих рек, как мы уже знаем, жили местные племена. Они принадлежали к аборигенам северной, таежной части Саяно-Алтайского нагорья, представляя ряд родовых групп (сеоков), выступавших в различных комбинациях. Объединяла их общность языков и наречий (за основу был взят алтайский язык), а также совместная хозяйственная деятельность по выживанию в суровых сибирских условиях. К тому же постоянная зависимость данных этнографических групп от более сильных соседей, выражавшаяся в обязанности платить дань, порой настолько сблизжала родовые группы, что они начинали осознавать свою единую общность.

В начале 1604 года Тоян, один из местных князев, поехал в Москву и обратился с просьбой «построить в его вотчине город». И уже осенью того года был основан Томский острог. Следующим князем, который принял русское подданство, стал один из предков нашей династии – абинский князь Абак (Кока Абаков). Малочисленные группы аборигенов продолжали платить своеобразные «откупные» вышеперечисленным соседям даже после того, как русские казаки, «холопы московского государя», по заданию томских воевод после длительных усилий привели всех сибирских татар под высокую государеву руку. То есть они были «двоеданцами» – платили двум хозяевам (а некоторые сообщества – и трем, это были «троеданцы»). По мнению моего друга, доктора исторических наук, профессора Кемеровского государственного университета В. М. Кимеева, «самым большим сообществом из числа аборигенов – малых народов, проживающих на землях нынешнего Кузбасса, были абинцы. Их тогда насчитывалось более 15 000 душ».

Обложение сибирских аборигенов ясаком со стороны томских воевод случилось в начале XVII века. Оно совершилось как отдельный акт общего процесса колониальной политики московских государей, посылавших казачьи команды в Сибирь для завоевания «новых земель, людишек и животишек».

Особенно привлекала русских царей ценная сибирская пушнина.

Именно тогда главной статьей доходов становившегося на ноги государства Российского стало по-

ступление ясака в виде меха и пушнины. Это подтверждает и исследователь Сибири Флетчер. В своих трудах он сообщает, что «в конце XVI века (в царствование уже Федора Иоанновича) кроме удовлетворения потребностей московской казны мехами отправлял пушнины за границу на сумму 400 000–500 000 тогдашних рублей, что составляло треть всех доходов, поступавших в казну».

Ему вторит историк Котошихин: «...а присылается из Сибири царская казна ежегодно: соболи, мехи соболя, куницы, лисицы черные и белые, горностаи, белка в розни и мехами, бобры, рыси, песцы черные и белые, и зацы, бобры, барсы. А сколько числом тае казны придет в году, того описать не в память, а чаять тое казны приходу в год больше шти сот тысяч рублей».

По некоторым данным, иногда в казну поступало из наших мест мехов на 600 000 тогдашних рублей путем сбора ясака. При этом нужно учесть, что царские чиновники воровали в огромных масштабах! Массовые хищения ясачной казны осуществлялись и сибирскими воеводами, и их «административным аппаратом» – до сборщика ясака включительно. А еще после них это право было предоставлено купцу, который производил окончательную «зачистку» казны. Именно за счет пушнины, добытой трудом наших предков, сибирских охотников, за счет ясака покупались заморские вина и сласти, которыми отягощалась трапеза московских царей. И их разноцветные кафтаны, в которых они щеголяли при дворе. Груды золота и серебра, которые наполняли царскую казну и приводили в изумление иностранцев, – все это приобреталось на наши сибирские меха, уважаемые земляки! Соболями и лисицами, между прочим, платили цари и за монашеские молитвы об их здравии, об упокоении их предков, и за воинскую доблесть защитников, и за безусловную покорность холопов.

Наконец, этой богатой царской казной, подарками и прочими материальными благами тогдашняя московская власть привлекала к себе знатные и умные головы из Рима, Византии, Киева. Поэтому в «иногородческих» землях не велено было никому, кроме ясачных людей, ловить зверей «тенетами, бить из луков и из пищалей и иным обычаем». Воеводам и служивым людям то и дело летели строгие царские указы, чтобы царскую казну «не воровали бы». Но не только от воевод и служивого люда берег казну московский царь. Не хотелось ему делиться пушным богатством с назойливыми и пронирыливыми «коллегами»-купцами.

В наказе тогдашнему кузнецкому воеводе царь отписывал: «А которые торговые люди учнут приезжати с товары своия в Кузнецкий острог, у тех торговых людей велети товары их переписывати на лицо, и торговати им своими товарами до тех мест, покамест ясачные люди государев ясак заплатят весь с полна,

не велеть, а как государев ясак ясачные люди запла-
тят, и торговым и всяким людям велети торговати
только на гостине дворе, а по волостям и татарским
юртам и по деревням не ездити и торговать отнюдь
нигде не велети».

Короче, ввел тогда русский царь свою государ-
ственную монополию на всю Сибирь-матушку! Поми-
мо десятинной обязательной пошлыны, с купцов еще
взималась и «отъезжая» пошлина. Им запрещалось
торговать и скупать меха при переездах из селения в
селение. Разreshалось это только в определенных
местах, а именно в тогдашних гостиницах – на посто-
ялых дворах. У нарушителей данного указа весь то-
вар конфисковывался в пользу царской казны. Этим
же указом запрещалось торговать «мягкой рухлядью»
и воеводам. Так московский царь обеспечивал себе
право монопольной эксплуатации сибирского пушно-
го богатства. А при Петре I издается специальный
указ, по которому ввели «бартерные» расценки мехов
на водку, вино и пиво! Ведь с пьяным человеком лег-
че договориться! Поэтому было рекомендовано том-
ским воеводам строить кабаки и выше по Томи.

Мы знаем, что в 1604 году казаками был основан
город Томск, ставший центром дальнейшего освое-
ния востока России. И вот уже через три-четыре года
томским воеводой были отправлены казачьи отряды
вверх по реке Томи к сибирским татарам (в «Абин-
скую волость») для постройки Кузнецкой крепости.

По словам исследователя Миллера, «кузнецкие
татары были ближайшим объектом, о включении ко-
торого в границы русского государства старались в
Томске. Томские воеводы поэтому систематически
посылали казаков для объясачивания живущих вверх
по Томи кузнецких татар».

Казаки рьяно взялись за дело. Двигаясь вверх по
Томи, рубили по пути остроги – деревянные соору-
жения в виде сторожевых башен и густого частокола
вокруг них. Здесь, в укрепленных стенах острогов,
они хранили свой провиант, захваченную добычу и
собранные ясачные сборы. Во время этих походов
казакам пришлось столкнуться не только с сопро-
тивлением местных коренных жителей, но и с вме-
шательством енисейских кыргызов. Объединившись
с шорцами, они не только не отдавали ясак, но и пы-
тались побить казаков. И только благодаря заступ-
ничеству дальновидного нашего предка, абинского
князька Базаяка, казаки тогда еле избежали погibe-
ли. И ушли обратно в Томск несолоно хлебавши.

На следующий, 1610 год казачий атаман Иван
Павлов с 45 казаками был вновь послан к непокор-
ным сибирским аборигенам с инструкцией: «по при-
бытии на место сначала укрепиться, а только потом
рассылать людей с требованием уплаты ясака и по-
сылки в Томск князцев татарских для признания вла-
сти белого царя». Но экспедиция Павлова тоже не
увенчалась успехом. Видя слабость Московии (из

истории мы помним, что в Кремле в то время сидели
польские паны во главе с Мариной Мнишек), местные
не делали того, что с них требовали. И просто выну-
дили казаков уйти обратно почти с пустыми руками,
взяв их не силой, а измором – отказываясь давать и
даже продавать что-либо съестное в дорогу.

В последующие годы экспедиции за ясаком к куз-
нецким татарам не были удачней предыдущих, при-
чем в 1611-м казаки вновь отсиживались под защи-
той того же князька Базаяка, который, предвидя не-
избежность покорения русскими, добровольно
оказывал поддержку казакам в расчете на будущие
блага от завоевателей.

После прихода к власти в Москве царя Михаила
Романова (1613) томский воевода стал действовать
более решительно и послал в «Абинскую волость»
уже две сотни казаков под предводительством стре-
лецкого сотника Пущина и казачьего атамана Кон-
стантинова.

Этой экспедиции вменялось в обязанность «во
что бы то ни стало объяснить» непокорных абинцев.
Посланные в разные стороны отряды провели полно-
масштабную военную операцию. Казакам удалось
взять два основных улуса – не только Абинский, но и
Сарачерский, во главе с паштыком Кузгой. Абориге-
нов избивали, брали в плен, силой собирали с них
ясак. Но в это время на помощь к местному населе-
нию подоспели енисейские кыргызы и калмыки со
степеней, которые тоже считали кузнецких татар свои-
ми данниками. Казаков окружило объединенное вой-
ско численностью около пяти тысяч человек! Отбива-
ясь от нападений в течение десяти недель, казаки
были истощены голодом. И все же решились на не-
ожиданный и смелый прорыв сквозь неприятельские
ряды, что им и удалось. Пробив кольцо окружения,
казаки ушли обратно в Томск («раны зализывать») и
даже сумели захватить знатных пленных. Такой высо-
кий боевой дух казаков произвел большое моральное
воздействие на аборигенов Кузнецкой котловины. И
уже в следующем, 1616 году, когда для сбора ясака к
ним явился из Томска казак Ананьин с отрядом, они
стали аккуратно платить дань за «крышу» русскому
царю.

В казачьих донесениях того времени уже отмеча-
ется это усердие кузнецких татар при уплате ясака:
«и кузнецкие, государь, люди тебе, государю, шерто-
вали (т. е. присягали. – Прим. авт.) и ясак с себя дали,
и тебе, государю, нынче кузнецкие люди служат и
прямят, и ясак государю дают».

Правда, в другом донесении того же года казак
Ивашка Теплинский, посланный «в Тюлеберскую, да в
Абинскую, да в Сачаровскую, да в Чорчкую, в Елескую
волости, в Каргу, да в Ковы», жалуется, что «кузнец-
кие, государь, князьки и лучшие люди тебе, государь,
ясак не дали и не шертовали, и меня, государь, холо-
па твоего, ограбили и платье поснимали».

Наш предок, тогдашний абинский паштык Базаяк со своим малым народом одним из первых аборигенов Притомья присягнул русскому царю на верность и стал выплачивать ему ясак. За это наш род после «добровольного» присоединения к царю был освобожден от всех податей и включен в разряд так называемых служилых татар.

Новая власть стала широко использовать абинцев как переводчиков в сношениях с различными сибирскими народами, как участников «подводной гоньбы» (т. е. перевозки грузов и людей по указанию местной администрации «для государева дела») или как военную силу в борьбе за присоединение к России территорий местных жителей. Так применялась тактика ведения войны против сибирских азиатов руками самих же азиатов. А для укрепления своего присутствия на этих землях русские казаки повторно (на всякий случай) захватили столицу абинцев – поселение Аба-Тура (в переводе – «Отечество») и уже навсегда обосновались в наших родовых местах.

Для того чтобы закрепить за собой обьясаченных сибирских татар, находящихся довольно далеко от Томска, было решено построить здесь остроги. Одним из первых стал временный острог в районе нынешнего Абагура (под Новокузнецком). А вскоре томский воевода поставил перед царским Сибирским приказом (тогдашним министерством) вопрос о строительстве постоянного укрепления в верхнем течении Томи (надоело, видно, гонять туда-сюда казаков). И уже в 1617 году из Москвы последовало подтверждение – указ «О строительстве постоянного острога». По распоряжению нового царя Михаила Федоровича Романова, переданному через тобольского воеводу князя И. С. Куракина и туринского воеводу Д. Вельяминова, томский воевода набрал отряд из своих служивых людей из Тюмени и Верхотурья. Сын боярина Остафия Харламова (Михалевского) с сорока пятью казаками отправился в 1617 году вверх по Томи – к месту строительства постоянного острога. Однако ранние морозы заставили отряд сделать незапланированную остановку в среднем течении реки. И только 18 февраля 1618 года, когда на лыжах из Томска пришел еще один отряд под командованием томского татарского головы Осипа Кокарева и казачьего атамана Молчана Лаврова, они стали дальше подниматься вверх по реке.

Новый острог расположился на правом берегу Томи, на родовых землях абинцев, которых казаки прозвали «кузнецами» за умение плавить и ковать железо. Отсюда и пошло название острога – Кузнецкий.

Он стал служить опорным пунктом для сбора ясачных платежей с местного населения. В начале XVII века Кузнецкий острог был самым южным пунктом освоения земель в Сибири. Статус города Кузнецк приобрел уже в 1622 году. А в 1656-м получил и царский герб с изображением волка. До этого мо-

мента здесь сменилось 14 воевод. Воевода назначался в Москве, в Казанском приказе, и обязательно утверждался лично царем. Кузнецкие воеводы, по существу, управляли огромным краем, можно сказать целой страной, и имели полномочия даже на внешние сношения с сопредельными государствами и мелкими соседними племенами.

Первыми жителями Кузнецкого острога стали служилые люди из Томска, литовские казаки и пашенные крестьяне из Верхотурья. Основание Кузнецкого острога делало борьбу местного населения с русскими казаками особенно затруднительной, и исход этой борьбы почти всегда был предопределен. Тем не менее овладение и освоение русскими районов Кузнецкой котловины потом затянулось на целое столетие. Главными противниками этого продвижения были кыргызские и калмыцкие князья, местные феодалы. Раньше они монопольно эксплуатировали население путем взимания дани, которую брали пушной, военным и охотничьим снаряжением из железа.

Жили тогда аборигены бедно. Примечательно свидетельство одного из томских боярских сынов, который в 1683 году писал в Москву: «В кузнецком и красном острогах людишки нужные и бедные, по два по три на одной лошади, а иной пеш всегда бродит и запас на себе таскает нартами, от того во время походов на кыргызы они голодают и от того голоду разные люди всегда погибают от киргиз. Что государевы разные люди голодны в их землю приходят и отходят на дороге погибают без хлебных запасов».

Как бы там ни было, но к концу XVII века Кузнецкая земля стала российской! В 1657 году между сторожевыми казачьими станицами Ярославской и Иткарской появился еще один острог – Сосновский. В 1665-м к югу от него томскими служивыми людьми был поставлен Верхотомский острог. Последним по времени возникновения стал в 1715 году Мунгатский острог – близ современного районного центра Крапивино. Движение русских на восток продолжалось весь XVII век. Коренные народы Сибири «добровольно» соглашались стать данниками русского царя...

Правда, в последнюю четверть XVII столетия первопроходцы встретили сопротивление хорошо организованной китайской армии. Но подписанием знаменитого Нерчинского договора о границе России с империей Цин в 1689 году закончилась история масштабного расширения Сибири, началась эпоха ее активного освоения.

Прошлое Сибири и Кузбасса всегда вызывало большое внимание ученых и краеведов. Уже достаточно полно изучены многие важнейшие события, но на этом поле исторические и особенно культурные корни аборигенов остаются пока белым пятном. Просто потому, что до начала освоения русскими Сибири отсутствуют письменные источники.

В своей книге «Казачьи байки» я уже осветил некоторые вопросы продвижения русских служилых и вольных людей из Томска вверх по Томи до Кузнецкого острога и установления торгово-ясачных отношений с аборигенными князьками. Вот только с тех пор и стал накапливаться кое-какой письменный исторический материал, который можно использовать в качестве доказательства существования нашей родовой и уже фамильной династии.

До сих пор в официальной научной литературе, на мой взгляд, упорно замалчивается роль абинцев и российского казачества, их значение для развития Кузбасса и России.

А ведь велик он, этот вклад аборигенов – основателей первых поселений на территории нашей области – в дело промышленного и особенно культурного освоения Сибири. И, возможно, не только ее одной.

В конце 2019 года газета «Аргументы недели» опубликовала интересную заметку под заголовком «В Мексике признали, что ацтеки были родом из Сибири». Далее в тексте сообщалось: «Коренные народы Америки переселились на этот континент из Западной Сибири через Берингов пролив примерно 15 тысяч лет назад». Это доказали генетики разных стран, изучившие более 25 000 проб ДНК, взятых у 90 народностей России и соседних государств. В итоге удалось окончательно доказать, что все индейцы Америки генетически связаны с аборигенами Сибири! Кроме того, в статье утверждалось, что наши сибирские предки постепенно расселились по Австралии и Меланезии (это совокупность островных групп в Тихом океане, расположенных к северо-востоку от Австралии). Этот процесс подробно описан в книге «Краткая история человечества» Юваля Ной Харари, изданной в 2022 году московским издательством «Синдбад».

Так что и там, далеко-далеко в океане, имеются следы моих предков, «сибирских татар», основу которых составляли абинцы. Чем я и горжусь!

Но вернемся к нашим просторам. Начнем с казачества...

Казаки значительно обогатили культуру коренного сибирского населения (различных сеоков), принеся к ним из своих мест самые разнообразные формы новых знаний. Именно они заложили основу нынешнего нашего экономического и духовного благосостояния.

Давайте для начала вспомним тобольского казака Михайло Волкова, открывшего каменный уголь на территории Кузнецкого края в 1721 году. Так же активно участвовали в освоении территории Сибири и Дальнего Востока казачьи экспедиции под руководством В. В. Атласова, С. И. Дежнева, В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова в XVI–XVII веках.

Здесь уместно будет привести пояснение сибирских ученых-антропологов и этнографов В. Кимеева и А. Копытова: «Сибирские татары» – это тюркоязыч-

ный народ, проживающий кроме Кемеровской области в смежных горно-таежных местностях Республики Хакасия и Горного Алтая. А живущие в таежной южной части нашей области причисляются к уральской (промежуточной) расе. Другие, проживающие севернее (в лесостепной зоне), тяготеют к южносибирской переходной расе».

Академик В. В. Радлов еще в 1865 году впервые предложил назвать мрасских и кондомских «инородцев» шорцами – по названию одного из горно-таежных родов – «шор». А миссионер В. И. Вербицкий выделил среди исторических предков шорцев моих предков – абинцев. В научном мире до сих пор принято считать, что наиболее развитой сферой деятельности у исторических предков шорцев до конца XVIII века являлась традиционная металлургия и кузнечество. Железную руду кузнецкие татары добывали с поверхности гор слоями или по долинам рек под дерном. Прямо на месте переплавляли ее в «крицы» (бруски, заготовки), которые потом доставляли на плотках или на вьючных лошадях к местам вторичной их переплавки в улусах. Из трех фунтов руды абинцы за три часа получали около двух фунтов железа. Из полученной заготовки, используя зубила, клещи, молотки, ковали наконечники, мотыги – «абылы», котлы, кувшины, кольца, серьги и другие украшения для женщин.

130

Стихийные миграционные передвижения русско-го населения с XI века, а особенно со второй половины XVI века привели к изменению общего национального состава страны. В эти годы наше государство вобрало в себя огромные пространства и многие народы. Только в состав сибирской России вошли такие крупные этносы Северной Азии, как обские угры и северные самодийцы, северные тунгусы, юкагиры и северо-восточные палеоазиаты с эскимосами, тюркоязычные и монголоязычные группы населения, часть маньчжуров и южных тунгусов. Некоторые группы населения Сибири в это время откочевали или были насильно уведены южными соседями в сопредельные районы. Но были и такие группы, которые сознательно приходили вместе с казаками на государственные земли, вливаясь в состав государства Российского.

По своим масштабам переселение в Сибирь в XVII веке было настолько массовым, что представляло собой особую страницу не только российской, но и мировой истории. Исследователей этих процессов ждет еще немало открытий...

А я предлагаю вновь вернуться к нашей династии.

Итак, в Средние века абинцы представляли собой достаточно большую группу аборигенов юга Западной Сибири, насчитывающую около 15 000 человек. Из различных исторических документов известны прозвища древних вождей нашего племени (сеока):

речь идет о паштыках абинских улусов, князях Базаяке и Кузге.

Первый Кузнецкий острог располагался недалеко от аила князька Базаяка. Больше всего от карательных рейдов служилых русских людей пострадали ближайшие проживающие к острогу абинцы. Последним упомянутым в документах («Кузнецких актах») был наш князек Урушпайка, юрты которого стояли по реке Рушпайке, протекающей мимо Кузнецкого острога в черте современного Новокузнецка. При перестройке острога в 1620 году этот непокорный наш предок был пленен и впоследствии сгинул. Кроме того, многие люди Урушпайки были убиты, а казаки «жон его и детей в полон поимали». Однако уже в 1652 году абинцы числом в 20 человек начинают упоминаться в составе кузнецкого гарнизона. Наиболее дальновидные абинцы стали принимать православие (отходя от шаманизма), а крещенные и миловидные молодые абинки стали охотнее создавать семьи с «осевшими на пашню русскими служилыми людьми».

К сожалению, у меня как у исследователя своих династических корней пока нет документальных материалов о нашей династии почти за 200 лет ее существования в Средние века. Единственная оказавшаяся в руках ниточка – князь Абак. Согласно древней шорской легенде и по некоторым историческим документам, Абак правил в абинском улусе (где проживало несколько сеоков наших предков) в конце XVI и в начале XVII столетий. Известно, что в 1609 году он уже принял русское подданство. Тем не менее, как глава рода, он старался поддерживать у своих подданных, т. е. у абинцев, древние верования: веру в духов тайги, гор, рек, озер, огня и в промысловые культы, переданные ему отцом и дедом. И это притом, что тогда у абинцев изготовление идолов, как у других племен и сеоков Горной Шории, не практиковалось, письменности и вовсе не существовало.

Вся информация хранилась и передавалась через героические поэмы (кай) и более распространенные среди абинцев сказки бытового, фантастического содержания, рассказы и легенды, загадки, песни и танцы. Занимались этим специальные люди – кайчи, которые исполняли фольклорный репертуар при помощи своего голоса и под аккомпанемент щипкового двухструнного музыкального инструмента – комуса. В этих напевах и сказаниях, которые передавали сказители, духи представлялись нашим предкам как существа, почти ничем не отличающиеся от людей по образу жизни. Наибольшим почитанием у абинцев пользовались духи гор Таг-ези и духи воды Суг-ези. Эти духи представляли в образе мужчин-охотников или нагих женщин с распущенными волосами. Жизнь любого члена сеока в улусе, по представлениям абинцев, полностью зависела от окружающих духов и божеств. А общение с этими духами и божествами происходило через

посредника – шамана (по-шорски – кам), особого избранника небесного божества Ульгения. У такого избранника обычно имелась отметина Ульгения: лишний палец на руке, лишний зуб во рту, ямка в мочке уха или другие внешние изъяны. Другой признак избранности шамана – это его быстрое вхождение во время проведения обряда (камлания) в транс и проявление «шаманской болезни» – эпилепсии, во время которой избранник как бы разговаривал с духами.

По силе своего воздействия шаманы разделялись на несколько категорий. Сильный кам всегда имел чалу (бубен) с изображенными на нем духами – его помощниками. Обтягивался бубен кожей самца марала или оленя. Князь Абак, шаманя, чаще всего обращался к самому главному духу – хозяину гор. Происходило это по разным случаям жизни, поэтому и призывался этот дух в молитвах и заклинаниях наряду с другими духами.

По преданиям наших предков, мужчины-абинцы, готовясь к ежегодному жертвоприношению во время весеннего ледохода на Томи, готовили тутпаш (кусочки теста, сваренные в мясном или рыбном бульоне), старейший из родственников подавал каму Коке Абак-кову мясо в чашке и абыртку (водку) в деревянном ковше. Камлая, Абак отрезал ножом жирные кусочки мяса и бросал их в огонь, прося его уберечь детей от ожогов, а свой улус – от пожаров. Затем Абак громко выкрикивал по старшинству названия гор вокруг. И, выслушав внимательно эхо, указывал рукой на выбранную гору, после чего все родственники совершали восхождение на ее вершину. И уже там, на горе, все пришедшие абинцы, подняв руки вверх, к верховному своему божеству Ульгению, просили его дать всем жителям улуса зверя, рыбу и сохранить пашню. Вот так Кимеев и Копытов описывали шаманские обряды аборигенов в своих научных книгах. Я же буду продолжать свои изыскания дальше.

А первым обнаруженным мною предком, имеющим уже нашу фамилию, является Трофим Кабин, родившийся (приблизительно) в 1720 году.

Кабин Трофим (бабка Каба) (1720 – ?)

Уже молодого Трофима не зря называли бабкой: по семейным преданиям, он тоже был главным шаманом нашего рода – сеока, но без звания князек. По его шаманскому представлению, весь наш мир был разделен на три сферы:

1-я сфера. Это небесная земля доброго верховного божества Ульгения – небо;

2-я сфера. Это средняя земля Бистынчер – наша земля;

3-я сфера. Это земля злых духов Айначер – подземный мир.

Во владениях Ульгения имеется девять небес.

1. На первом, самом нижнем небе Кошкан помещается молния Сарыджи. Это плетъ для бело-сивого

коня Ульгения (гром – удары этой плетью). В середине первого неба (Санчи) живет его хозяин, у которого свой дом, жена, дети.

2. Второе небо называется Кек-кур – это синий пояс, где помещается синяя часть радуги Тенгричелизе.

3. Третье небо Кызыл-кур – красный пояс.

4. Четвертое небо Кыр-кур – серый пояс.

5. Пятое небо Кектамош-кур – голубой пояс.

6. Шестое небо Кызылтенгри – красное небо, там живут красные женщины.

7. На седьмом небе находится луна и звезды.

8. На восьмом небе живет солнце.

9. На девятом небе живет сам Ульгень – доброе верховное божество абинцев.

Батьку Кабу абинцы из нашего семейного улуса всегда приглашали на камлание, с обязательным применением шаманского бубна чалу и местного слабого алкогольного напитка абыртка – настоя муки, смешанной с ячменным солодом.

Про личную жизнь Трофима Кабина почти ничего не известно, остается загадкой и имя его жены (или жен). Но если у него был сын Илларион, значит, была и мать сына. Проживая в среднем течении реки Абы (что в переводе с шорского, телеутского и абинского языков означает «отец»), которая впадала в самую большую нашу реку Томь (под современным городом Новокузнецком), батька Каба с гордостью отвечал на вопрос: ты чьих кровей будешь, к какому роду принадлежишь? «Я принадлежу к абинцам, я сын своего отца!» – говорил он.

В шорских и абинских сказаниях и легендах я ходил сюжеты о происхождении родоначальников из горы или из камня. Может быть, и батька Каба так отвечал на вопрос о своем происхождении: «Вскормившего отца моего не знаю, родившей матери моей не знаю. Из черного камня с четырьмя углами, с четырьмя гранями, находящегося в устье реки Абы, я сотворенный». Будем (пока) считать так и мы – его потомки.

Дети Кабина Трофима

Кабин Илларион Трофимович (1765 – ?)

Илларион Трофимович пошел дальше своего отца по «карьерной лестнице», он стал паштыком (от слова «паш» – голова), то есть главой нескольких родственных сеоков, выбираемым из самого многочисленного сеока или из наиболее влиятельных семей. Через паштыка все сородичи, где бы они ни проживали, должны были платить ясак в управу, к которой были приписаны. Паштык только этой управы мог решать судебные дела. Еще в XVIII веке паштык выполнял обязанности предводителя при облавной коллективной охоте или в отражении набега кочевников и карательных рейдов русских казаков. Переход абинцев к пушной индивидуальной охоте (по мере повышения спроса на пушнину со стороны царской вла-

сти – взимания так называемого «ясачного налога») явился следствием того, что выборная должность паштыка стала наследственной. Этот факт способствовал накоплению относительного богатства в отдельной семье, из которой избирались паштыки. Поэтому с середины XVIII века Кабины стали зажиточнее.

Про жену Иллариона Трофимовича пока данных не обнаружено. Но известно, что сам он обладал какими-то навыками врачевания. А в качестве культового атрибута при лечении родственников травами и настоями как символ «врача скорой помощи» он использовал свой посох – черемуховую палку длиной около 70 сантиметров с орнаментом на срезанной коре в виде спиральных и прямых линий. На одном из концов посоха на веревочке подвешивался скрученный кусок бересты. Этот посох еще долго хранился в нашей династии – передавался старшему сыну. Но в 1917 году он бесследно канул в пучине революционных дней.

Дети Кабина Иллариона Трофимовича

Кабин Илья Илларионович (1796–1880)

Еще до появления русских казаков на территории Кузнецкого края уже существовала меновая торговля. Абинцы в порядке натурального обмена сбывали горным алтайцам и красноярским кыргызам оружие из металла: «пансыри» (кольчугу) и «копыи», рогатины и сабли. Обменивали, как написано в документах, «колмацким людям на лошади, и на коровы, и на овцы». Наиболее активным в этом торговом деле был паштык Илларион Трофимович Кабин. А его сын Илья Илларионович, став первым в нашей династии авторитетным купцом, менял на дефицитную мануфактуру (разного вида ткани) свои железные изделия: литые или кованые топоры, серпы и косы, молотки, стремена, удила и гвозди, иногда добавляя к этому товару домашний скот и пушнину. Для чего у него были открыты обменные и торговые лавки на Алтае, в Томске и Кузнецке.

Когда он стал побогаче, закупил большой табун лошадей и стал заниматься ямской повинностью, играя роль транспортного проводника, перевоза грузы для казаков Томского и Кузнецкого острогов, сную туда-сюда между поселениями по всему Томско-Кузнецкому тракту. Кроме того, за определенную плату был и «бродником» (переправлял людей и скот через броды больших рек: Обь, Томь, Абакан, Кондома, Мрассу). Однако основной доход ему приносила, говоря современным языком, логистико-снабженческая функция – обслуживание отдаленных таежных шорских и алтайских улусов, где невозможно было поставить капитальные торговые лавки или большие лабазы. Туда караванами вьючных лошадей привозились различные охотничьи припасы (порох, ружья, дробь), одежда, предметы быта (топоры, котлы, чай-

ники, ножи, посуда), женские украшения и спирт. В улусах и на летних стойбищах все это добро, включая выючных лошадей, обменивалось на пушнину, мед, орех. Или товары отдавались в долг под большие проценты – с отдачей после окончания осеннего промысла.

У Ильи Илларионовича были сын и дочь. Сведения о женах и дочери отсутствуют.

Дети Кабина Ильи Илларионовича

Кабин Илья Ильич (1824–1890)

Согласно церковной записи, был крещен в православной церкви 2 августа 1824 года. Человеком был работающим. Очень любил трудиться на земле. У наших близких родственников Недорезовых много лет сохранялась в сараюшке деревянная соха, с помощью которой Илья Ильич сызмальства работал на семейном огороде.

После уборки урожая Илья любил ходить охотиться на крупного зверя в маревой тайге. Кроме того, там, вдали от людских глаз, он первым в нашей династии стал потихоньку заниматься мытьем золотишка в горных ручьях Алтая и добычей серебра в Салаирской тайге (напомню, недалеко от села Сергеево в 1816 году был пущен Гурьевский сереброплавильный заводик по переработке руды, содержащей серебро). Но особенно привлекало Илью Ильича Телецкое озеро («Алтын-коль», что в переводе с алтайского означает «золотое озеро»). Однажды он встретил в тайге экспедицию, которую возглавлял геолог Гельшерсон. У костра за чаем разговорились. И геолог рассказал, что глубина озера, равная 288 метрам, была определена еще в 1760 году. А также посоветовал искать золотишко в долине реки Ойер, впадающей в озеро южнее их стоянки...

По семейным преданиям, Илья Ильич обладал от природы редкими дарами: мог предсказывать будущие события и владел гипнозом. Эти таланты ему достались от деда Иллариона Трофимовича, который был камом. Он «акамлял» сородичей весной – на хороший урожай, а поздней осенью – на здоровье и сытую зимнюю жизнь. Кроме того, в нашем роду знали, что Илья с дедом обладают телепатическими способностями – умеют передавать свои мысли на небольшие расстояния.

Первенцем в семье у Ильи стал сын Асинкрит, вскоре родился еще один сын – Григорий. Затем пошли дочери: Пелагея, Мавра и Татьяна.

Отец с раннего детства поучал сыновей: «Нашей династии, сыны мои, Господь дал священный дар шаманов – внушение своих мыслей другому человеку на расстоянии и воздействие на толпу людей. Этим даром можно пользоваться только в целях своей защиты и для помощи родственникам. Обычные люди не должны знать о наших способностях!»

С возрастом трудиться на земле с сохой Илье стало тяжело. Сам он больше времени проводил на пасеке, а для работы по домашнему хозяйству нанял батраками двух бедных односельчан – сеять хлеб, овес и ухаживать за скотиной.

К сожалению, способности предсказателя и гипнотизера не помогли Илье Ильичу Кабину на его последней зимней охоте. В глухой тайге он поднял из берлоги огромного медведя, который от голода еще не впал в зимнюю спячку. Волшебные чары опытного шамана действовали только на людской род, обладающий разумом, – на дикого зверя его воля не распространялась. Да еще дала осечку «кремневка» – старинное дедовское ружье типа мушкета, калибра 20–23 мм. Потому медведь и вышел победителем в той кровавой схватке. И старинный посох – черемуховая врачующая палка деда – уже никак не помог...

Дело Ильи Ильича продолжил его старший сын Асинкрит, который стал, пожалуй, самым знаменитым в нашей династии.

Дети Кабина Ильи Ильича

Кабин Асинкрит Ильич (1844–1918)

*Жена – Зеновия Ивановна (Недорезова)
(12.11.1849 – 1928)*

К началу XIX века почти все Кабины перешли в православную веру, начали забывать занятия своих предков – шаманов. В значительной мере этому способствовала активная деятельность Алтайской духовной миссии для «просвящения верою Христовой» алтайцев, шорцев, телеутов и абинцев. Вот родители и дали своему первенцу необычное, чисто православное имя Асинкрит, что в переводе с греческого означает несравненный. Это имя он получил в честь святого апостола, священномученика епископа Асинкрита Гирканийского.

В возрасте одного года Асинкрит Кабин был крещен в той же православной церкви, что и его отец Илья Ильич. Глава Алтайской духовной миссии отец Макарий тогда добился от царского правительства закона о льготах для новокрещенных инородцев – освобождения от уплаты ясака и прочих налоговых повинностей сроком на три года. Будущему купеческому роду Кабиных это было на руку. Но все же самым главным положительным итогом деятельности Алтайской духовной миссии было широкое распространение грамотности – через миссионерские школы с библиотечками.

Частые поездки на Алтай сподвигли Асинкрита на новые прибыльные дела. Он начал менять металлические изделия (топоры, ножи, чугунки, котлы, ведра) и ячмень с пшеницей на алтайскую скотину, которую можно было перегнать известными ему тропами в Кузнецкую крепость (90 км). Кроме того, здесь же, у

выхода реки Бии из Телецкого озера, он стал копать шурфы и мыть золото.

Официально, по бумагам первое россыпное золото в Кузбассе было зарегистрировано в Мариинской тайге на реке Кии и ее притоках. А наши предки мыли его в другом месте. Это был 1865 год – год становления большого купеческого дела кабинской династии. Асинкриту пришло время жениться! И вот однажды на ярмарке в селе Монастырском (сегодня это город Прокопьевск) он увидел необычайную красавицу – с гибкой фигурой, с толстой, до пояса косой. Выяснилось, что девицу эту звали тоже довольно необычно: Зена, Зеновия. Она была представительницей одного из самых зажиточных родов села Монастырского – династии Недорезовых, а называли ее в честь великомученицы Зиновии. Отец Иван ничего не жалел для своей любимой дочери, в том числе дал ей хорошее образование, для чего отправил в Бийскую женскую гимназию. Там она жила и училась до 17 лет. А на летние каникулы всегда приезжала в родное село – помочь родителям по хозяйству.

Там же, на ярмарке, между Асинкритом и Зеновией сразу вспыхнула любовь. Скоро дошло до свадьбы в селе Сергеево, которое гуляло по абинскому обычаю целых три дня. Крестьяне еще долго вспоминали, как батюшка местной церкви отец Александр, задрав рясю, вприсядку выплясывал барыню, а отец жениха Илья Ильич Кабин, выпив немало медовухи, под гармошку выделывал непослушными ногами ухабистые кренделя. Венчаться же молодые поехали в церковь в Кузнецк (где, к слову, венчался и великий русский писатель Федор Достоевский).

Бабушка Зена – под таким именем вошла Зеновия Ивановна в историю нашей семьи. Молодая хозяйка начала быстро осваиваться на новом и необычном для себя месте.

Здесь нужно чуть подробнее сказать о родовом селе Кабиных. Вся наша династия в описываемое мной время проживала постоянно в селе Сергеево Кузнецкого уезда Томской губернии (сейчас это сельское поселение Старосергеево Прокопьевского района, в восьми километрах восточнее поселка Трудармейского), на берегу речки Прямой Ускат. А рядом протекает река побольше – Аба, которая и дала название нашему малому народу: абинцы.

Так почему это место было для Зеновии необычным? Если в селе Монастырском печи топили дровами, то в Сергееве дрова шли только на растопку домашнего очага и протопку бани, а после дровяного розжига приходилось засыпать в печь «горючий камень» (целый пласт его выходил на поверхность земли прямо за околлицей села). Летом все Кабины завозили во двор несколько телег с углем, ссыпали его в сарай и потом всю зиму пользовались этим жарким топливом. А белье после стирки женщины нашей Сергеевки ходили полоскать на речку (в том числе и

зимой – в проруби). Так Зеновия постепенно узнавала тяжелый крестьянский труд.

В то время Сенатом был принят Указ «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежами в казну подати». И вот летом 1874 года, когда Асинкриту исполнилось уже 30 лет, он с друзьями Василием Подмаревым и Иваном Бастрыкиным отправился на Алтай, в район Телецкого озера – по семейной традиции мыть золото в долине речки Ойер. Здесь им здорово подфартило: за один летний сезон добыли столько же желтого металла, сколько за пять предыдущих лет!

Случайно на их промысловый стан вышла научная экспедиция, которую возглавлял геолог и географ, путешественник, почетный член Петербургской академии наук Петр Александрович Чихачев (впоследствии именно он составил первую геологическую карту Кузнецкого каменноугольного бассейна). Кабин познакомился со знаменитым исследователем Западной Сибири и указал ему место на карте, где уголь выходил прямо на поверхность – в шести-семи километрах от соседнего села Бочаты. Про свои же, сергеевские, залежи «горючего камня» мой предок хитро промолчал. В результате через десять лет после той алтайской встречи были официально заложены угольные копи на Бочатском месторождении, указанном Чихачеву Асинкритом Ильичом Кабиным.

Но вернемся к Зеновии Ивановне. Моя прапрабабушка прожила долгую и счастливую супружескую жизнь с Асинкритом. Они успели произвести на свет пятерых детей: Василия, Михаила, Гавриила, Марфу и Марию.

Весной 1891 года Асинкрит Ильич решил в последний раз сходить «за золотишкой» в черневую Салаирскую тайгу на реку Кара-Чумыш. Здесь он и его закадычные друзья Василий и Иван снова намыли в ручьях по пуду (16 кг) золотого песка на каждого. На радостях быстро отдали остатки своих продуктов и охотничьи капканы встречному охотнику из соседнего села Бочаты, а сами налегке вернулись в родное село – так об этом событии говорят семейные байки.

За зиму Асинкрит срубил омшаник для пчел, изготовил с десяток ульев и рамки к ним. Если Илья Ильич держал своих пчел в колодках, то сын перешел уже на более современную технологию – на рамочное содержание пчел. Закупал в Кузнецке на восковом заводике вошину и на все лето вместе с женой поселялся на пасеке – в домике, который занимал когда-то его отец. Здесь Асинкрит Ильич и Зеновия Ивановна обычно оставались до глубокой осени.

Пережив две революции (Февральскую и Октябрьскую) 1917 года, в следующем, 1918-м, весной, когда расцвела черемуха и поля покрылись зеленью, Асинкрит Ильич Кабин тихо угас во сне. А че-

рез несколько лет скончалась и Зеновия Ивановна. По христианскому обычаю их схоронили на сергеевском сельском погосте.

Дети Кабина Асинкрита Ильича

Кабин Василий Асинкритович (1863–?)

Жена – Анна Васильевна (Подмарева)

В 1863 году у Асинкрита и Зеновии родился сын Василий. Бывшая нянька Зены, проживавшая (вместе с мужем) у Кабиных уже пять лет, теперь начала нянчить и Васю.

У семьи было много книг. Асинкрит всегда привозил из Бийска, Томска и Кузнецка новые издания. В домашней библиотеке были хорошо представлены и русские классики: Пушкин, Лермонтов, Чехов. В доме стоял для этих целей большой кедровый шкаф с полками. Почти все дети Кабиных умели читать с раннего возраста.

Василий Асинкритович пошел в отца – был крепким мужиком и по здоровью, и как хозяин. По сведениям НКВД, еще до 1917 года Василий Кабин являлся кулаком.

Когда пришла пора жениться, он заслал сватов к 18-летней Анне Васильевне Подмаревой. Ее семья жила в селе Христорождественском, в трех верстах от Кузнецка. У молодой четы чередой пошли дети: в 1888 году – Владимир, в 1890-м – Анастасия. А в 1892 году у братьев Василия Асинкритовича и Михаила Асинкритовича Кабиных в один день (14 февраля) родились дочери. Братья решили назвать их одинаково – в честь своей недавно умершей младшей сестры Марии. Затем, 19 декабря 1893 года, у Василия родился сын Николай, через год, в 1894-м, – сын Антон, 20 марта 1895-го – сын Василий. А после пошли одни дочки: 12 апреля 1900 года – Клавдия, 8 апреля 1901-го – Раиса, 7 декабря 1904-го – Августа и 9 августа 1908-го – Прасковья.

Породнившись с родителями жены, тестем Василием Мироновичем Подмаревым и тещей Марией Ивановной, Василий стал вести свои коммерческие дела еще более успешно: закупал скот у кочевников в труднодоступных горных местах Алтая, а затем перепродавал его в городе Кузнецке казакам и местному населению. Вскоре к нему присоединился и стал компаньоном друг детства Николай Иванович Баstryкин, женившийся на младшей сестре Аннушки Подмаревой – Марии.

Кроме торговли и бартера наши предки занимались и ореховым промыслом. Осенью шли в глухую тайгу и разбивали временный стан в кедраче. Изготавливали специальные приспособления для заготовки ореха: валеk – длинный ребристый брусok с рукояткой для катания и шелушения шишек, а также большую колотушку типа деревянной кувалды для

битья по кедрu. Затем сбитые шишки несли на стан, где вальком шелушили их, а готовые отборные орехи ссыпали в мешки. Заготавливали так по 15–20 мешков за три-четыре дня. А попутно, видимо, еще и золотишко мыли в ручьях Салаирской тайги.

Теперь в Старосергееве династия Кабиных могла позволить себе приобрести механизированную молотилку «для себя», а на реке Абе – мельницу «для общества». Развели живность всякую: в речке плавали утки и гуси; на вольных выпасах паслись лошади и коровы, а также стадо овец. Серьезно относились и к благотворительности: именно на их семейные деньги в селе было построено новое здание церкви. Кроме того, в 1900 году Василий Асинкритович построил двухэтажный дом с сараями, стойками и погребам. Затем отделил своего старшего сына Владимира, у которого уже было шесть своих детей (а затем прибавилось еще четыре дочки).

Все это крепкое крестьянское состояние семьи Кабиных было «зачтено» советской властью позже, в 1930-х годах. Тогда по всей стране стали организовываться колхозы. Не желающих вступить добровольно в «коллективное хозяйство» облагали большим налогом как единоличников. Наиболее крепких мужиков объявляли кулаками и подкулачниками. Совсем страшно жить стало после убийства первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кирова. Наступили трагические годы сталинских репрессий...

Дети Василия Кабина со своими семьями стали спешно покидать родную Сергеевку. А сам Василий Асинкритович был раскулачен: скот его передали в колхоз, молотилку и мельницу реквизиовали, двор разграбили. Многочисленные родственники разъехались по городам и весям. К началу Великой Отечественной войны двухэтажный дом Кабиных от постоянных обысков и реквизиций (чекисты и милиционеры искали золото) почти совсем опустел. Тишина и горе поселились в нем. В разгар войны мой прадед Василий Асинкритович Кабин скончался бедняком – в пустом доме. В семье говорили, что вскоре в нашем родовом доме открылся сельский клуб с избой-читальней.

Кабин Михаил Асинкритович (1862 – ?)

Родился в 1862 году, а в 1890-м, как сообщает церковная запись, женился. Детей у Михаила было поменьше, чем у брата Василия: сыновья Александр, Андрей, Дмитрий, затем дочь Мария (та самая, что появилась на свет в один день со своей двоюродной сестрой и тезкой), а после нее родились еще Иван, Поликарп, Плот и Марина.

Кабина (Кирсанова) Марфа Асинкритовна

Марфа вышла замуж за учителя Сергеевской церковно-приходской школы Кирсанова (имя и отчество неизвестны). Он был грамотным и достаточно обе-

спеченным человеком. Приобрел в Бийске фотоаппарат и стал фотографировать родню и проявлять снимки. Сам Асинкрит не позволял себя снимать, считая, что на фотографии будут запечатлены его мысли. На семейных съемках на его место всегда садился сам фотограф Кирсанов.

После октября 1917 года Россия раскололась на два лагеря: на белых и красных. Поручик Кирсанов оказался командиром отряда колчаковцев, действовавшего на Алтае против красных партизан. Вскоре состоялась встреча Александра Михайловича Кабина, красного чекиста, который по линии ВЧК был направлен из центрального аппарата на родину в Сибирь, с белогвардейцем Кирсановым (см. далее). Марфу Асинкритовну с детьми сослали в болота Томской области. Борясь за жизнь сыновей Виктора и Александра, она уже глубокой осенью выкопала землянку, смогла к зиме заготовить дрова и с помощью соседей-ссылных затопить в новом жилище печку. Ведь там, на севере Томской области, холода были такие лютые, что даже воробьи замерзали на лету! Зимой Марфа отваривала целебный пихтовый настой и только этим спасала своих детей от цинги и авитаминоза. А еще соседи помогали продуктами, рыбки – рыбой, охотники – дичью. Большинство же семей сосланных «врагов народа» не пережили и первой зимы в томских болотах. И Марфа с сыновьями без поддержки соседей наверняка не протянули бы долго... Только к весне стало чуть полегче: пошла в болотах колба, там же вырастала сибирская пучка. Мальчишки пристрастились к рыбалке и часто приходили с хорошим уловом. Семья вскопала свой огорожок, ребята пошли в школу. Потом началась война и дети «врага народа» были призваны в ряды Красной армии...

Кабина Мария Асинкритовна (? – 1890)

Маша росла болезненной девочкой, постоянно кашляла, и доктора из Кузнецка рекомендовали поить ее сурочьим жиром. Старшие братья Василий и Михаил постоянно ходили на охоту – били соболей и сурков. Из соболей шили шубы и воротники, а из сурков топили жир для лечения своей младшей сестреники. Но не смогли ее спасти. В 1890 году Маша покинула наш белый свет.

Дети Кабина Василия Асинкритовича

Кабин Владимир Васильевич (1888–1948)

Жена – Дарья (1893 – ?)

В тридцатых годах прошлого столетия, взяв у родителей денег, Владимир Васильевич Кабин со своей семьей уехал подальше от Сергеевки – в Иркутск. Там он купил дом на окраине города и устроился крепильщиком на шахту. Всю заработную плату и приработок с огорода вкладывал в образование своих детей: Александра, Николая, Петра, Зинаиды, Марины, Марии, Клавдии и Евлампии.

Кабина Анастасия Васильевна (Хитрова) (1890 – 2.5.1929)

Муж – Хитров Михаил Васильевич (1885 – 12.1919)

Настя Кабина училась в Кузнецкой женской гимназии. Там же она познакомилась с выпускником Томского технологического института Михаилом Хитровым, который, получив от богатых родителей стартовый капитал, стал купцом второй гильдии, имея в городе Кузнецке большой магазин и склады с товаром. Именно у него работали приказчиками братья Николай и Василий Кабины.

У Хитровых родилась дочь Августа – наследница всех каменных магазинов в Кузнецке и Бийске. Поздрослев, Августа Михайловна вышла замуж за Мертвцова Александра Ефимовича. Вскоре у них родились две дочки: Софья и Ольга.

Когда в декабре 1919 года «партизанско-бандитский» отряд Григория Рогова появился в Кузнецке, купец Хитров ни минуты не мешкал: запряг тройку лихих коней и с семьей умчался в ночь – в Старосергеевку, к тестю и теще. Опасаясь преследователей, они выпрягли лошадей и спрятали их в закрытую соседскую конюшню, а кошевку (легкую телегу) замаскировали в ближайшем овраге. Жену с дочкой Хитров отправил на пасеку, а сам спрятался у родственников. Но когда на следующий день прискакал отряд Рогова, кто-то из земляков указал место, где искать купца. Нашли быстро. Разговор с ним был коротким: у Михаила Васильевича забрали связку ключей от всех лабазов, магазина, денежного сейфа, а затем обезглавили.

Анастасия Васильевна пережила мужа на десять лет. 2 мая 1929 года она скончалась во время операции в клинике Томского медицинского института. Была похоронена на городском кладбище Томска. Сейчас этого кладбища не существует: на его месте построено заводууправление и цех № 6 завода «Томскабель».

Кабина Мария Васильевна (Небогатова)

(14.2.1892 – 3.10.1984)

Муж – Небогатов Александр Евграфович (1886–1937)

Мария Васильевна вместе с мужем и пятью детьми (Евдокией, 1914 года рождения, Галиной, 1917 г. р., Раисой, 1920 г. р., Виктором, 1924 г. р., и Юрием, 1927 г. р.), спасаясь от репрессий, сбежали в Новокузнецк. Там построили домик на окраине города, рядом с домом Поликарпа Михайловича Кабина. Однако в 1937 году Александр Евграфович Небогатов все же был арестован по статье 58 УК СССР и расстрелян, как «враг народа», в Новокузнецкой тюрьме.

Кабин Николай Васильевич

(19.12.1893 – 31.10.1971)

Жена – Ефросинья Матвеевна (Клемешова) (25.9.1893 – 21.3.1942)

*Жена – Прасковья Спиридоновна (Лаптева)
(26.10.1901 – 3.6.1981)*

Братья Николай и Василий набирались ума-разума, став учениками приказчика у своего родственника, купца 2-й гильдии Михаила Хитрова в городе Кузнецке. Затем, после революции 1917 года, вернулись в Сергеевку. Когда большая семья перестала помещаться в двухэтажный дом, а местная беднота со все большим вождением начала смотреть на богатое хозяйство династии, Николай вместе с женой Ефросиньей и детьми (Николаем, Леонидом, Александром, Виктором, Еленой, Геннадием, Руфой, а позже родилась еще и Нина) решили уехать от греха подальше. Но не слишком далеко: на родительские деньги обосновались возле Прокопьевска.

Чтобы не привлекать внимания карательных органов, поселились на окраине города, что примыкала к соседнему Киселевску. Здесь строилась очередная прокопьевская шахта – «Зиминка». Говорят, такое название она получила потому, что находилась в болотистой местности, проехать к ней из города можно было лишь по «зимнику» – скованной морозом дороге, которая действовала только поздней осенью и зимой.

Николая Васильевича взяли на эту шахту взрывником-отпальщиком (была такая специальность, когда уголь под землей добывался взрывным методом). Работа очень опасная. Потому-то мой дед Николай и жил с одним глазом – второй потерял при взрыве. Да и руки у него были все в синих крапинках – в осколках взвешенного шахтового динамита. И все же он успел всем своим сыновьям дать средне-техническое образование (Прокопьевский и Томский техникумы). Это позволило им позже, уже во время войны, получить офицерские должности.

В 1937 году старшего сына, Николая, у которого уже была своя семья, арестовали, как «врага народа». Ему дали восемь с половиной лет лагерей по знаменитой статье 58 «за контрреволюционную деятельность». Однако в октябре 1939-го его освободили. А с началом Великой Отечественной войны все сыновья Николая Васильевича были призваны в ряды Красной армии: сначала Николай – в Омское пехотное училище, затем Леонид – в Тюменское пехотное училище, Александр – в Борисовскую танковую школу (на Украине), Виктор – в трудовую армию (была и такая, примерно как нынешний стройбат).

Великая Отечественная война смертельной косой прошла по династии Кабиных: сначала пропали без вести Леонид и Александр, а под Воронежем был тяжело ранен Николай. Сердце матери Ефросиньи Матвеевны не выдержало потока горестных известий, и 21 марта 1942 года она скончалась. Была похоронена на Тайбинском кладбище города Прокопьевска.

Виктор Кабин после окончания войны и службы в трудармии переехал в город Киселевск и там женился. «Враг народа», старший сын Николай, вернулся домой гвардии старшим лейтенантом, дважды орденосным и с пятью боевыми медалями.

Николай Васильевич Кабин, выдержав все испытания, выпавшие на его долю, выдал замуж своих дочерей: старшую Елену – за Шалгинова Александра Николаевича, среднюю Руфиму – за Коротких Павла Михайловича, а младшую Нину – за Вакурова Александра Васильевича.

Елена Николаевна с мужем купили домик в начале улицы Тайбинки (отец жил в конце этой улицы). Руфа с Павлом переехали в соседний поселок Парниковка. Младшая дочь Нина с мужем Александром перебрались в город Дивногорск Красноярского края. Их квартира находилась рядом с Красноярской ГЭС – самой крупной в мире гидроэлектростанцией на то время.

Когда Николай Васильевич остался в доме один и ему стало трудно вести свое большое хозяйство, он женился на Прасковье Спиридоновне Лаптевой, эвакуированной во время войны из Кировской области. Они с ней продали большую усадьбу с садом и купили домик с огородом рядом с железнодорожной линией, по которой день и ночь пыхтели паровозы. Дед Николай устроился на работу сторожем в шахтовый магазин в поселке и кроме ночной охраны вверенного ему объекта занимался еще и тем, что приторговывал спиртными напитками, которые днем закупал по госцене, а продавал уже со своей наценкой. Видимо, в нем проснулись купеческие гены его отца – Василия Асинкритовича Кабина.

Его дети, жившие поблизости, не забывали отца и мачеху, ежедневно их навещали: или сын Николай, идя с работы, или дочь Елена, приходя в магазин, а то забегали и внуки от старшего сына: Владимир, Александр, Вячеслав и Леонид.

31 октября 1971 года, на 78-м году жизни, Николай Васильевич Кабин тихо умер. Похоронен на Тайбинском кладбище Прокопьевска, рядом со своими женами.

*Кабин Антон Васильевич (19.12.1894 – 30.11.1974)
Жена – Евдокия Елизаровна (Чебекова)
(14.3.1896 – 15.5.1982)*

После раскулачивания основной семьи в Старосергееве Антон Кабин вместе с женой Евдокией, ее сыном Николаем (который вскоре стал его приемным сыном), а также 6-летней совместной дочкой Анной оказались на юге Кузбасса, в поселке Малышев Лог, что затерялся в Горной Шории, на берегу чистой реки Кондомы. Здесь у них вскоре, в 1938 году, родился сын – Анатолий Антонович Кабин. Все работали в угольной отрасли Кузбасса.

*Кабин Василий Васильевич (20.3.1895 – 3.5.1983)
Жена – Евгения Алексеевна (Шабалина)
(1900–1979)*

После начала сталинских репрессий Василий Васильевич Кабин вместе с женой Евгенией Алексеевной и детьми Антониной (1920 г. р.), Людмилой и Вячеславом (1930 г. р.) уехали на железнодорожную станцию Тайга, где им дала временный приют семья родственников – сестра Василия Прасковья и ее муж Александр Симаковский. А затем перебрались в Новосибирск, на улицу Линейную, 22.

В 1941 году Василий Васильевич был призван в трудовую армию. Сопровождал лошадей из Монголии до фронта по железной дороге. Удостоился медалей «За отвагу» и «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации в 1945 году устроился рабочим на базу горпромторга. Его дочь Тоня окончила Новосибирский пединститут, преподавала в школе рабочей молодежи и вышла замуж за своего ученика Якова Евтифеевича Евдокимова, аппаратчика Новосибирского химкомбината. Вторая дочь, Людмила, вышла замуж за дипломата, родила ему двух сыновей. И когда в Москве они принимали гостей из Афганистана или Ирана, вызывали свою мать Евгению Алексеевну из Новосибирска, чтобы та попотчевала важных иностранных персон настоящими сибирскими пельменями, которые лепила мастерски. Отправлял ее в столицу Новосибирский обком КПСС, а встречал в аэропорту представитель ЦК.

Сын Василия и Евгении Вячеслав военную службу проходил, предположительно, в Китае. После демобилизации работал на Новосибирском оптико-механическом заводе. Продолжателей рода не оставил.

*Кабина Клавдия Васильевна (Недорезова)
(12.4.1900– 14.2.1988)*

Муж – Недорезов Андрей Михайлович

Спасаясь от репрессий, Клавдия Васильевна Кабина (Недорезова) со своим мужем и двумя сыновьями (Михаилом, 1921 года рождения, и Петром, на два года младше) оказались в городе Гурьевске. Андрей Михайлович работал счетоводом на местном металлургическом заводе. Однако был найден НКВД и здесь. Последовал арест и расстрел...

Сын «врага народа», Недорезов Михаил Андреевич, окончив артиллерийское училище, прошел всю войну. В 1945-м был тяжело ранен и лежал в Киевском военном госпитале. Там познакомился с медсестрой Асей (данные неизвестны). В 1946 году они поженились, и сибиряк остался на Украине. В 1947 году у пары родилась дочь Людмила, а в 1950-м – сын Владимир. В начале 1952 года у Андрея Михайловича открылись военные раны, и в июне он скончался. Похоронен в Киеве.

Кабина Раиса Васильевна (Куц) (8.4.1901 – 21.7.1987)

Муж – Куц Борис Галактионович (6.8.1891 – 20.5.1981)

В 1921 году купец Хитров привез своего знакомого приказчика Томской угольной компании Бориса Галактионовича Куца сватать восьмого по счету ребенка Василия Кабина – Раису Васильевну. И не только быстро договорились и сосватали, но и свадьбу быстро сыграли.

В январе 1922 года у молодоженов родился первый сын, которого назвали Иннокентием (согласно данным Центрального архива Министерства обороны СССР, Иннокентий был артиллеристом 715-го стрелкового полка 122-й стрелковой дивизии и пропал без вести 15 сентября 1941 года на западном берегу реки Средний Верман около горы Лысой в Мурманской области).

А 5 сентября 1936 года у Раисы Васильевны родился второй сын – Анатолий Борисович, который стал писателем и радиоинженером, а также инициатором создания и первым руководителем радиопередающего центра (РПЦ) Алтайского края.

Супруги Раиса Васильевна и Борис Галактионович похоронены рядом на Черницком кладбище города Барнаула.

*Кабина Прасковья Васильевна (Симаковская)
138 (9.8.1908 – 17.1.2000)*

*Муж – Симаковский Александр Фадеевич
(18.8.1904 – ?)*

Когда Прасковье пришла пора выходить замуж, за нее посватался Александр Фадеевич Симаковский – прокопчанин из поселка Усята (так долгое время называлась главная железнодорожная станция Прокопьевска). Сначала молодые жили в городе Тайге, где 28 ноября 1929 года родили двойню, Игоря и Юрия. А затем переехали в Томск.

Оттуда в 1941 году Александр Фадеевич был призван в армию. Служил в части морской авиации, что дислоцировалась на аэродроме на Кольском полуострове. Главной задачей наших летчиков было прикрытие морских конвоев из Англии – союзника СССР. Симаковский служил оружейником. В его обязанности входила зарядка самолетных пулеметов и пушек, подвеска авиабомб и торпед. В 1944 году Александр Фадеевич был ранен и целый год пролежал в госпитале. Удостоен ордена Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». В 1945 году вернулся из госпиталя в Томск. Устроился завскладом Томского облпотребсоюза, где и проработал до пенсии. В мае 1950 года у Симаковских родился еще один сын – Владимир Александрович.

Прасковья Васильевна до пенсии трудилась заведующей хлебным магазином. Александр Фадеевич скончался в военном госпитале от вскрывшихся ран. Прасковья Васильевна умерла 17 января 2000 года в возрасте девяноста двух лет. Оба похоронены на кладбище в Томске.

В «Книге памяти Кузбасса», в томе, посвященном воинам, призванным в ряды Красной армии во время Великой Отечественной войны из Гурьевского района Кемеровской области, я обнаружил такую запись:

«Кабин Николай Васильевич, 1910 года рождения, деревня Сергеево, Киселевского района, Кемеровской области, старший сержант, погиб 27.04.1943 года, похоронен на хуторе Кучман, станции Зимовичи Ростовской области (архив Гурьевского ГВК, дело 6, 1946, лист 28, № в электронном архиве 128940)».

Но Николай Васильевич Кабин – это мой дед, который родился 19 декабря 1893 года, а умер в Прокопьевске 31 октября 1971-го. Сходится фамилия, имя и отчество, сходится адрес проживания нашей династии в деревне Сергеево. Но в моих списках второго Николая Васильевича Кабина нет! Возможно, пока нет. Что ж, буду разбираться.

Дети Кабина Михаила Асинкритовича

Кабина Александра Михайловна (Кумандина)

Муж – Кумандин Иван Яковлевич

Александра Кабина вышла замуж за Ивана Яковлевича Кумандина. Его отец – личность на Алтае довольно известная. Впервые в нашем династическом исследовании зафиксирован брак представительницы одной малой народности (абинцев) с представителем другой малой народности (кумандинцев).

Сведения из архива

Клировская ведомость 1902 года Александро-

Невской церкви села Александровского

Раздел «Об увольнении заштатных священно-церковных служителей, их вдовах и сиротах»

«Псаломщик миссии Яков Игнатьевич Кумандин – 59 лет. В семействе у него: жена Евдокия Дмитриевна, 48 лет, и дети:

1. Иоанн – 27 лет, состоит на должности учителя в селе Бочаты.

2. Лука – 25 лет, священник в Паспаульском отделении.

3. Сергей – 23 года.

4. Макарий – 21 год.

5. Параскева – 19 лет.

6. Иустинна – 17 лет.

7. Варвара – 13 лет.

8. Екатерина – 11 лет.

9. Мария – 6 лет.

10. Доминика – 1 год.

Уволился по собственному прошению вследствие болезни. Состоял на службе миссии 28 лет».

А вот данные на его сына из того же источника:

«Кумандин Иоанн Яковлевич, сын инородца Алтайской миссии, образование в Бийском катехизаторском училище, 31 год, учитель карасукской миссионерской школы Удалинского отделения.

1893 год сентябрь 14 дня.

– по его прошению переведен штатным псаломщиком Кузедеевской Иоанно-Предтеченской церкви, Кузнецкого уезда.

1887 год август 14 дня.

– по его прошению переведен в Бочатское отделение Алтайской миссии на должность учителя.

1898 год сентябрь 15 дня.

– рукоположен в дьяконы к Чолуховской Пантелеймоновской церкви.

1904 год 15 дня.

– рукоположен во священники той же церкви и назначен вторым миссионером.

1905 год август 28 дня.

– имеет темнобронзовую медаль за труды по всеобщей переписи 1887 года для ношения на груди на ленте государственных цветов.

– в семействе: жена Александра Михайловна – 21 год. Дети: Петр – 5 лет, Геннадий – 4 года, Анна – 2 года».

Кабин Дмитрий Михайлович (? – 6.12.1919)

Иван Кумандин, муж Александры Кабиной, был не единственным служителем православной церкви у нас в династии. Из абинцев был еще один – Дмитрий Михайлович Кабин, священник Сергеевской церкви. Но он трагически погиб совсем молодым... Далее привожу отрывок из рассказа моего родственника из Алтайского края Анатолия Борисовича Куца, из его книги «Сага о Кабинах»:

«В ноябре 1918 года власть в Сибири захватил адмирал Колчак, устроив в Омске свою ставку Верховного правителя. По селам началась реквизиция хлеба, была объявлена мобилизация всех мужчин призывного возраста. Мужики в Сергееве стали прятать хлеб в тайге так, что ни одна карательная экспедиция не смогла его отыскать. Не могли его отыскать и партизаны.

Одним якобы партизанским отрядом, скомплектованным в основном из местных жителей сел Сорokino и Жуланиха, командовал бывший фельдфебель царской армии, зажиточный и грамотный по тому времени крестьянин из Жуланихи Григорий Рогов. Они ездили по Кузнецкой котловине, по Салаиру и Алтаю – и грабили всех подряд: магазинные лавки, церквушки и население побогаче. Заодно разгоняли местную милицию, лесную стражу и роту колчаковских войск. В их обозах была богатая добыча: туки с

мануфактурой, свертки с широкими половиками и коврами, перины и пуховые подушки. Отдельно лежала церковная утварь, золотые кресты и позолоченные ризы.

Решив передохнуть перед дальней дорогой, роговцы остановились возле Сергеевской церкви, где службы правил Кабин Дмитрий Михайлович. Где-то раздался крик петуха. Наступило утро шестого декабря 1919 года. Роговцы выломали вместе с косяком дверь церквушки и ввалились в помещение. Командир рявкнул пропитым голосом: «Где хозяин?» Из ризовой в белой рубашке вышел молодой священник и хорошо поставленным голосом сказал: «А в храме Господнем головные уборы снимают!» Рогов после этой простой просьбы священника рассвирепел: «Я сам сейчас с тебя голову сниму». А затем распорядился: «Забирайте ризы с позолотой, заворачивайте в них кресты, иконы, кадила и все остальное». С икон стали срывать оклады.

«Заморочил народу мозги своей верой, надо, чтобы он при народе отрекся от Бога! Собирайте народ!» – последовал новый приказ Рогова. Дмитрий пытался остановить разграбление церкви и распростер руки в стороны православным крестом. Главарь выхватил саблю и ее острием проткнул тело молодого священника. Так погиб первый христианский священник нашей династии, абинец Кабин Дмитрий Михайлович!»

Вскоре «псевдопартизанский» отряд Григория Рогова был разоружен в Щегловске (ныне город Кемерово), а его главарь расстрелян.

Кабин Иван Михайлович (1892–1992)

Жена – Валентина Михайловна (18.2.1898 – 1.6.1968)

Жена – медицинская сестра (других данных нет)

Уроженцев всех восточных окраин Российской империи, принадлежащих к одному из национальных меньшинств, называли «инородцами». Раньше в российскую армию аборигенов Сибири не брали. Но в 1914 году началась Первая мировая война, и царю-батюшке потребовалось «пушечное мясо». Своим указом он распорядился о призыве инородцев в армию, т. е. их стали считать русскими. С тех пор все Кабины стали не абинцами, а русскими. И почти все братья Кабины пошли служить в царскую армию. Служили кто где: кто в Кузнецке, кто в Томске. Иван Михайлович попал служить на Тихоокеанский флот, на остров Русский, где получил специальность минера, а затем продолжил службу на военном корабле. Экипаж там подобрался дружный, офицеры были грамотны и интеллигентны. Мордобитие отсутствовало, всеми делами вершили большевики. Здесь Иван и был принят в их партию. И его, как молодого и перспективного большевика, откомандировали в Петроград для защиты революции.

Потратив трое суток на заезд на малую родину – в Сергеевку, он вскоре прибыл в город на Неве и... попал прямо в Смольный. Ему было поручено отлавливать белых офицеров, скрывавшихся от советской власти.

После переезда правительства Ленина в Москву чекист Кабин был переведен в центральный аппарат ВЧК на Лубянку. Когда началась Гражданская война, Иван стал проситься на фронт. И в середине лета 1919 года его направляют начальником особого отдела пятой армии к Тухачевскому в Новониколаевск (сейчас Новосибирск). Измены, разруха транспорта, голод, холод – дел у чекистов в Сибири было много... А еще надо было, проверив на лояльность новой власти, решать: отпустить по домам тысячи солдат, насильно мобилизованных Колчаком, или продолжать искать среди них белых офицеров-карателей. При проведении очередного рейда на городском вокзале Иван проверил документы у невзрачного инородца Трофимова, крестьянина села Черепаново. Пригляделся... и узнал своего родственника Кирсанова, мужа Марфы Асинкритовны Кабиной! Вскоре, судя по сообщению в газете, поручик Кирсанов по приговору Сибирского революционного трибунала был расстрелян.

Впрочем, по некоторым неподтвержденным семейным слухам, Кирсанов тогда избежал расстрела: родственник-чекист «расстрелял» его только на бумаге и помог ему скрыться в болотах Томской области.

В любом случае вскоре за заслуги перед новой Россией чекист Иван Кабин был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Получив кратковременный отпуск, орденоседец заехал в родную Сергеевку и познакомился там с молодой учительницей Валентиной Михайловной. Предложил ей стать его женой, и она согласилась. Пошли дети: 13 марта 1921 года родилась дочь Кира, а в 1923-м – сын Иннокентий. До войны Иннокентий Иванович окончил Свердловское артиллерийское училище, затем, уже в Великую Отечественную, проходил службу на Дальнем Востоке в составе войск под командованием Родиона Яковлевича Малиновского (будущего министра обороны СССР при Хрущеве). Был удостоен правительственных наград за победу над Японией.

Его отец, Иван Михайлович Кабин, после трехмесячной учебы на курсах в Москве был назначен начальником НКВД Новокузнецка. Но в 1937 году в Новосибирское областное управление НКВД (тогда, напомним, Кузбасс входил в состав Новосибирской области) пришло письмо от его сослуживца, заместителя по ЧК Копыловского (?), в котором утверждалось, что Иван Кабин – скрытый враг народа и работает на немецкую разведку! И вот по такому навету чекиста и орденосеца Кабина исключили

из партии, сняли с работы и арестовали. Ничего не признав и не подписавшись под предъявленными ему сфабрикованными обвинениями, выдержав все пытки, Иван Михайлович был осужден трибуналом «за измену Родине» на десять лет заключения в лагерях. Целое десятилетие, от звонка до звонка, он «добывал для родины» золото на рудниках Колымы. За это время его жена оформила развод и сменила фамилию...

В 1947 году, после освобождения, Иван Михайлович Кабин повторно женился – на медицинской сестре (других данных об этой женщине нет), у них родился сын – Владимир Иванович Кабин. Умер Иван Михайлович в 1992 году в Кемерове, на квартире у своей дочери Киры Ивановны. Похоронен на старом городском кладбище.

Кабин Поликарп Михайлович (2.4.1896 – 10.6.1990)

Поликарп Михайлович (мы все его звали дядя Каня) проживал в основном в Новокузнецке. 16 июня

1927 года у него родился сын Юрий, который в 1945 году был призван в ряды Военно-морского флота СССР, служил матросом Амурской военной флотилии, участвовал в войне на Дальнем Востоке, был награжден медалью «За победу над Японией».

Приезжая к нашему деду, Николаю Васильевичу Кабину, и рассказывая о своей службе в царской армии, Поликарп Михайлович почти всегда вспоминал один и тот же эпизод:

«Я из Сергеевки, был призван на царскую военную службу в город Томск. Как-то мой начальник, командир роты, с виду грамотный и интеллигентный поручик, очень раздраженный моим упрямством в каком-то споре, обозвал меня:

– Ах ты, шорец!

– Я не шорец, – гордо ответил я, – я абинец!»

Умер Поликарп Михайлович Кабин 10 июня 1990 года в Новокузнецке. Похоронен там же.

Окончание следует.

Сергей КУЗНЕЧИХИН

МИША СТРЕЛЬЦОВ

Язык не поворачивается назвать его Михаилом, тем более Михаилом Михайловичем. Впрочем, в библиотеке, где он работал, наверное, называли и так. А для близкого окружения он всегда оставался Мишей. Все считали его простым, и все просчитались. И мнения о нем – от самых теплых до крайне брезгливых – ничего не значили. Никто не знал, какие кошки скребут в его душе и какие вихри бушуют в голове. Если кто-то решится написать роман о Мише Стрельцове и будет не только честным, но и вдумчивым, то, поставив точку и перечитав готовый текст, с удивлением обнаружит, что его герой похож на Остапа Бендера, Хлестакова и кого-то третьего, пока еще не зафиксированного в литературе.

В самом начале нулевых ко мне подошел хрупкий юноша с реденькими усиками, сказал, что приехал из Кемерова и передал (вроде как рекомендательное письмо) привет от Володи Ширяева. С Ширяевым я познакомился в Новосибирске на зональном совещании молодых. Он называл себя критиком, который ради баловства пописывает иронические стишки. Стеснялся или кокетничал – несущественно. Когда переваливает за 30 и нигде не печатают, признаваться в детской болезни особого желания не возникает. Ходил он в паре с похожим на деревенского мужика Виталием Крёковым, которого считал гением, и вообще утверждал, что у них в Кемерове не менее десятка первоклассных поэтов.

Через полтора года встретились уже в Москве на всесоюзном совещании. Красноярцев было четверо, нас заселили в один номер. Ширяев пообещал навестить. Пришел на другой день с утра. Весь в синяках. Пожаловался, что соседями оказались парни с Северного Кавказа и выпивка завершилась дракой. Расторопные кавказцы пожаловались, объявив его зачинщиком. Нашего друга отчислили с совещания и выселили из гостиницы. Организаторам не пришло в голову, как рыхловатый мужичонка отважится затеять драку с тремя крепкими парнями. Но обижать малые национальности было нельзя, и виноватым назначили русского. До конца совещания он обитал в нашем номере. Пока мы выслушивали похвалы и разносы мастеров пера, репрессированный отлеживался, поправляясь портьейном, а ночами терзал всех рассуждениями о несправедливости и наивности наших суетных на-

дежд на успех. Плюс ко всему при расчете выяснилось, что нам предстоит заплатить солидную сумму за переговоры с Кемеровом...

Я почему так долго рассказываю о Ширяеве? Потому что его рекомендация большой пользы Мише не принесла, скорее наоборот. И все-таки хочу досказать, поскольку личность далеко неординарная. Когда появилась возможность издавать книги за свой счет, Ширяев продал урожай тыквы – с участка, доставшегося по наследству, и выпустил сборник стихов, весьма своеобразных. Заявленных при знакомстве критических статей его пера я не видел. А закончил он трагически – сделал хакакири. Откуда у парня японская грусть?

А Миша обжился в Красноярске. Устроился в библиотеку Технологического института и сумел организовать издание книги выпускников этого старейшего вуза. Выпустил пару своих сборничков и вступил в Союз писателей. На одном из собраний он предложил выслушать его организационные предложения. От него пытались отмахнуться – куда, мол, лезешь, молод еще, но парень не смутился, выдержал и зачитал свой план развития. Никто, конечно, не прислушался. Все устали от демагогии. Смирились, уверовав, что ничего хорошего нас не ждет.

Прошло года три. После очередного пустого собрания шли мимо его общежития и Миша позвал меня и Мельниченко выпить по рюмке. Когда вышли покурить, Миша озадачил вопросом: как я отнесусь к тому, что на ближайших выборах он предложит свою кандидатуру? Я не сразу и сообразил, на что парень нацелился.

В свое время Олег Корабельников предлагал мне сменить его на этом посту, но я отказался. Не создан я для подобной дипломатической деятельности. В пятом классе меня выбрали звеньевым, но через месяц учительница русского языка услышала нецензурное слово, вылетевшее из моих уст в споре с приятелем, и меня разжаловали. Публично на пионерской линейке отпороли лычку с рукава. Больше никаких выборных должностей ни в школе, ни в институте не занимал. Что я мог посоветовать? Предупредил на всякий случай: если выберут, времени на сочинительство у него не останется. Да и не верил я, что выберут. А он сказал, что ему нравится устраивать чужие дела и чувствует, что у него получится.

Ну, коли нравится, нельзя лишать удовольствия, пусть и сомнительного. Дерзай!

Кстати, о сочинительстве. Не помню, чтобы Миша рвался почитать собственные стихи, вроде как скромничал, хотя скромником никогда не был. Единственный раз в редакции «ДиН» (красноярский литературный журнал «День и ночь». – Прим. ред.) слышал его посвящение теннисистке Анне Курниковой – игривое, но остроумное. Предложил дать в

журнал, но Миша отказался, видимо, уже заботился о репутации.

В Москве Союз писателей размежевался на две неравные половины еще в перестройку, а в Красноярске, усилиями Олега Корабельникова и Сергея Задереева, долго держались вместе. Делить было нечего. Плохой мир лучше хорошей войны. Но в город нагрянул генерал Лебедь с командой собственных летописцев, и военные люди профессионально организовали развод, подготовив место для себя. Образовалось две организации с двумя начальниками. Так случилось, что в союзе, в котором оказался Стрельцов (до сих пор путаю их аббревиатуры), в отличие от параллельного, не оказалось рьяных желающих порулить. Приходилось упрашивать принять на себя «бремя власти». Писатель соглашался, но после двухгодичного срока, отбив номер, молил о пощаде. Конкурентов у Стрельцова не ожидалось. Но неожиданно выставил свою кандидатуру Успенский. Что возбудило в нем желание призрачной власти, судить не берусь. Писатели разных весовых категорий. Один – широко известный в столичных рядах любителей фантастики, лауреат многих премий, второй – автор двух тоненьких поэтических сборников. Но, как ни странно, Успенский победил с преимуществом всего в один или два голоса. В Москве посчитали победу неубедительной и предложили провести второй тур. Успенский от него отказался, и Стрельцов стал председателем. После этого один из приятелей сказал мне, что перестанет ходить на собрания.

Есть два распространенных типа писательских функционеров: первый заставляет собратьев пригнуться, вскарабкивается на чужие плечи и превращает их в собственный пьедестал; второй подставляет свою спину, чтобы другие стали чуточку заметнее. У Стрельцова выбора не было. Ему оставался только второй вариант.

Не сразу, разумеется, но постепенно к нему начали прислушиваться. Методом проб и ошибок он овладел высоким искусством переговоров с чиновниками, и в городе после долгого перерыва начали выходить книги местных авторов. Появились хорошо изданные коллективные сборники стихов, рассказов, фантастики. Ожила литературная жизнь у молодежи с ежегодными выборами «Короля поэтов». Следом за коллективными сборниками стали выходить и авторские книги. И следует особо подчеркнуть, что в число авторов попадали не только так называемые «нужные люди». Издавалось много тех, у кого другой возможности выпустить книгу не было вообще. Единственным мерилom служило качество текста. Роман Александры Николаенко, изданный Стрельцовым, получил Букеровскую премию. Миша малоизвестного автора сделал знаменитым. А еще была премия Фазиля Искандера,

полученная Эдуардом Русаковым. И как не вспомнить любовно изданный том Льва Тарана, вобравший в себя почти полное собрание сочинений замечательного, но недооцененного поэта?

Выдвигая себя на выборы, он собирался работать на других. И работал. Не потому, что обещал, а потому, что получал удовольствие. Подобного в нашей организации до него не припомню. Кто-то может возразить, что он и себя не забывал. Да, не забывал. Но нас приучили, что человек при власти в первую очередь заботится о себе и напрочь забывает об остальных.

Как бы сложилась его жизнь, если бы он проиграл те выборы, гадать не хочется. Знаю точно, что до харакири бы не дошло – слишком жизнелюбив.

Но выиграл – и раскрылся.

Удивляюсь, как ему удавалось располагать к себе серьезных людей. Явно не анекдотами, которые любил рассказывать (и сам смеялся, опережая слушателей), и не историями о родственных связях с коронованными криминальными авторитетами. Врал он вдохновенно. Как-то привез ко мне московского поэта Гену Калашникова. Речь зашла о моем друге хирурге Гамлете Арутюняне, и Миша заявил, что Гамлет ему постоянно докладывает, если кто-то из писателей попадает в онкологию. Я попробовал возразить, что такого быть не может. Миша даже глазом не моргнул: «Нет, Данилыч, ты просто не в курсе, у нас тайная договоренность». Не хотелось при госте уличать его. А потом вообще перестал обращать внимание, когда Мишу заносило. Тормозить его было бесполезно.

Когда увлекаешься и не очень следишь «за базаром», легко нарваться на неприятности. Миша (то ли устно, то ли письменно) назвал одного пенсионера, сочинявшего детективы, бывшим судьей. А тот обиделся и указал на неточность, мол, бывших судей не бывает. Возражение мне кажется надуманным, потому как любой человек, ушедший из профессии, становится бывшим (неважно – судья он, актер, политик или сапожник). Мелкую обиду можно было и простить, но Миша заявил, будто многочисленные награды и титулы этого писателя куплены. Оскорбленный лауреат подал в суд. Мише советовали найти адвоката, но герой отказался, самонадеянно решив, что сумеет защитить себя сам. Все знают цену большинству нынешних титулов и орденов, однако не все об этом говорят и готовы сознаться. Миша проиграл. По суду он должен был выплатить 100 тысяч, которых у него никогда не было. Да он и не собирался их платить...

А ведь приходилось ему вести и деловые переговоры. И как-то получалось убедить партнеров.

После Букеровской премии Николаенко Миша объявил, что Гарик Сукачев ставит по роману пьесу и приглашает его завитом в театр, а параллельно

его зовут редактировать прозу в альманахе «Лед и пламень». Он согласился и, как только расклевывается с красноярскими обещаниями, переезжает в Москву и женится на Ирине Горюновой. Но вдруг сорвался в Италию учиться варить сыр. Заявил, что хочет открыть выгодное дело и наконец-то купить собственную квартиру. Дело, скорее всего, затеяли более опытные люди. Зачем им понадобился Миша? Не знаю. Может быть, для каких-то рекламных услуг. Когда я попросил его угостить обещанным сыром, он только отмахнулся. Но я подозреваю, что, вписываясь в эту авантюру, он был уверен: у него получится. Мне кажется, что он никогда не сомневался в успехе любого своего начинания, и если что-то не срасталось, не раскисал и подыскивал новые варианты. Сыр оказался не по зубам, в театр Гарики Сукачёва так и не уехал и на Горюновой жениться не успел. Маленький, толстый, лысый, в дурацкой розовой шляпе – он не комплексовал по поводу внешности и всегда выбирал красивых женщин. Завзятым бабникам оставалось только удивляться, чем он их завоевывает. Не исключаю, что и сами женщины удивлялись.

В 2018 году нас вдвоем пригласили на Байкальский фестиваль поэзии. Перед поездкой я умудрился порвать связи. Рука висела на перевязи. Миша полностью взвалил на себя заботы о багаже и об устройстве. Поселили нас в маленькой частной гостинице с уютным двориком, куда можно было выйти перекурить. Основная поэтическая масса жила в отеле «Ангара». Лично меня жизнь на отшибе вполне устраивала, тем более что по Мишиной просьбе иркутский поэт Юра Якобсон не только заезжал за нами, но и возил на экскурсии по городу. Раздражало другое: слишком подбострастно организаторы фестиваля лебезили перед двумя заморскими поэтами – Цветковым и Кенжеевым. На заключитель-

ном концерте в Доме культуры сибирякам даже слова не дали. Словно охранник при особо важных персонах, рядом с эмигрантскими звездами неотлучно шествовал фундаментальный грузин. Стихи читал он на русском языке и почти без акцента, но назойливо подчеркивал свою национальность. Держались они особняком, но Миша успел с ними познакомиться. Его никогда не смущала разница в статусе. Он даже пытался подарить Кенжееву одну из своих шляп, купленных в Коктебеле, но тот отказался принять подарок, приобретенный уже в русском Крыму. А мне хватало общения с прекрасными поэтами Димой Мурзиным и Аней Гедымин. Запомнились красивые иркутские поэтессы и живописный монгол Галсансух Баатарын.

На третий день после завтрака Миша привел в номер бурятку. Она работала в гостинице, услышала мою фамилию и попросила познакомиться. По ее рассказу получалось, что я спас ей жизнь. Не лично я, но герой моей повести. Оказалось, что на выпускном вечере после интерната ей подарили мою книгу, которая очень понравилась. Она перефотографировала портрет и повесила на стенку в общежитии. Когда ее бросил парень, пошла на мост, чтобы утопиться, но вспомнила книгу и вернулась домой. Миша утверждал, что, когда она рассказывала, смотрела на меня как на шамана. Мне даже стыдно стало, что рядом со мной на тумбочке стояла недопитая бутылка пива. К вечеру Мишиными стараниями о спасенной бурятке знали почти все гости фестиваля. А у меня до сих пор нет-нет да и мелькнет сомнение: а не Миша ли подговорил наивную женщину, чтобы сделать мне приятное?

Он любил делать приятное людям. Уверен, если бы не ранняя смерть, Миша продолжал бы удивлять нас.

г. Красноярск

Анна МАМАЕНКО

НАГОРНОЕ

Вечер надвое криком разъяла выпь.
Но сомкнула протяжные воды Обь.
Солнца хватит – все купола покрыть.
А Сибири – все горе перемолоть.
К небу тянутся белые сны берез.
Их увидел однажды – и все, погиб.
Свет костров шаманых плеснет до звезд,
чтобы Млечным Путем прирастал Транссиб.
Вырастают реки из берегов
во всю ширь, во весь рост, как в последний раз.
Если в этих сумерках есть любовь –
это то, что накрыло тебя сейчас.
Это те, кто с тобой по дороге вверх
через дождь и ветер несут огонь.
С кем делил стихи, как вино и хлеб,
у костра ночами, ладонь в ладонь.
Где Сибирь шагает по облакам,
наметая не снег – тополиный пух.
И чем дальше расходятся берега,
чем темнее ночи – теснее круг.

...AD ASTRA...

Константин Эдуардович гонит велосипед
вверх по калужским улицам, по сиротской
своей стране.
И смешки соотечественников растекаются
по спине,
впадая Окою в дождем разведенный свет.
Гимназической парты черная изрезанная доска
непохожа с виду на стартовый стол ничуть.
«Я еще научусь, – он думает, – научу
этих сытых лабазников думать про облака».
Видеть звезды, что скованы душной
суконной мглой.
Кумачовой осенью много осыплется листьев,
но больше – лиц.
В дождевом дребезжании гнутых
велосипедных спиц
глухая эпоха расслышит ракетный вой.
Константин Эдуардович льнет к слуховой
трубе,
словно мальчик, что ищет в ракушке шорох
далеких волн.
Но в ответ получает не то погребальный
звон,

не то слово «вечность», не то немоту небес.
Велосипед взлетает. Внизу, под ним,
Березуйский овраг похож на скользкий
расстрельный ров.
Константин Эдуардович, ваших лучших
учеников
истребят другие ваши лучшие ученики...
Но ему все равно. Он мудрый воздушный змей.
Реактивный двигатель.
Металлический дирижабль.
Тяготенье земное подразверзнутых калужан –
лишь расчетная схема,
небольшая погрешность в ней.
Константин Эдуардович разгоняет
свой драндулет.
Прямо по курсу – звезд болотные огоньки.
А на дне оврага светятся
бессмертники и васильки,
безотчетно радуясь, что их в этой
схеме нет.

АНГЕЛ ЧК

В 20-х годах прошлого столетия в здании
краснодарской поликлиники № 4 находилась
коммунальная квартира, в которой жил поэт и
переводчик Самуил Маршак.
Согласно городской легенде, иногда в
поликлинике появляются призраки ее жильцов.

В четвертую поликлинику очередь в 6 утра:
тащат бутылочки, баночки, будто во
вторсырье.
Расходятся по кабинетам хмурые доктора
и, помолясь на компьютер, начинают прием.
И санбюллетени пугают людей
со стенки, где тени портретов вождей.
Но вдруг из глубин неведомых
в процедурной пахнёт борщом.
Заплачет навзрыд младенец.
Заплещет белье в тазах.
Мигнут и погаснут лампочки разбитые, а еще
встрепенет пыльные фикусы
потусторонний сквозняк.
Из бывшей комнаты Маршака
выйдет суровый ангел ЧК.

В махорочном перегаре и скрипе тугих ремней,
неприступнее «Капитала», как тезис
апрельский, прост,
твердой рукой поглаживая маузер на бедре,
способный, если прикажут, дорогу прогрызть
до звезд.

Он лексикон сократить сумел
до слова единственного – расстрел.

Молча пройдет сквозь очередь,
через мочу и кал.
Придавит гранитным взглядом. Легонько
двинет под дых.
Предъявит ордер и скажет: «Я долго тебя
искал...» –
и, сплюнув под ноги матерно, добавит:
«Пошла на вых...»

И призрачными дверями в упор
коммунальный захлопает коридор.

Ангел ЧК вознесется с добычей в железных
когтях.

И тени с красными звездами слетятся
со всех сторон,
когда в раздевалке запутаюсь
в штанинах и рукавах,
хватаясь как за соломинку за выключенный
айфон.

По ходу молясь до сведенья скул
Самуилу Яковлевичу Маршаку.

А он смеется из темноты и говорит:
«Ну и дура ты...»

Никаких привидений нет.
Что взять с тебя, кроме твоей мочи.
Еще раз санбюллетень прочти
и топай себе на свет.
Где ангел ЧК не совет гнезда. Где красная
в поле гниет звезда.

Где нет ни добра, ни зла.
И помни: страшной и прекрасней нет
эпохи, когда ты пришел на свет».
И очередь подошла.

г. Краснодар

**Юлия
МАЛЕВАНОВА**

ЛЕТО НА ПОДОКОННИКЕ

Рассказ

Моим сыновьям и любимой улице Серебряный Бор

ПРОЛОГ Зимняя радуга

Зима в Сибири выдалась какая-то летняя! Яркое солнце освещало бирюзовые и оранжевые многоэтажные дома.

Лес на окраине города зеленой полоской заботливо обнял улицы и дороги.

И... в один из понедельников над зимним городом появилась радуга.

«Вот это да!» – удивилась мама.

«Вот это да!» – повторил папа.

«Вот бы мне такую скакалку!» – мечтательно сказал сынишка.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Кто-то закрывается от снега варежкой.

Кто-то укутывается шарфом.

Кто-то прячется от снега под капюшон.

А мы с мамой в лесу снежинки носом вдыхаем. Задираем голову и ловим воздух. Снежинки залетают в ноздри и тают, а нос еще курносее становится!

* * *

Только снег выпадет – все торопятся, бегут к нему, как к лучшему другу на день рождения. Столько следов на снегу от сапог! Ух! И так громко во дворе, так шумно!

Мелькают шапки, ведерки, лопатки, снеголепы.

И я спешу. Одеваюсь. Поглядываю за окно и прыгаю ногами в штаны.

Не люблю зимой быть толстым! Сегодня тепло на улице – я худой: в тоненькой шапке, легкой куртке...

* * *

Слепил я с другом снеговика. Снеговик холодит, и я холода люблю. Только я в шапке и в курточке, а снеговик грустный и холодный.

Попросил я у мамы для снеговика шапку, потом морковку, потом варежки на резиночке. Даже улыбку нарисовал свекольным соком!

А утром снеговик исчез! Мы весь двор обыскали – нету. Только шапку нашли. Я проглотил обиду. Не заплакал. Но маме все рассказал.

«Вот была бы у меня собака, – подумал я, – она бы непременно нашла моего снеговика!» Я ждал, я говорил и мечтал о собаке каждый день.

Однажды мама, вернувшись с работы, объявила:

– Решено! К Новому году у нас непременно появится собака! Обещаю!

ПОЛНОЛУНИЕ

– Завтра полнолуние, – сообщил папа.

– А завтра – это когда? – спросил я.

Брат хихикнул. Мама улыбнулась. А папа объяснил, что такое полнолуние и что такое завтра.

Вдруг позвонила баба:

– Внучок, в полнолуние надо желание загадать!

Вечером я написал: «Дорогая полнолуния! Я так хочу, чтобы у меня появилась овчарка! Но если у тебя не будет овчарки, то можно мне прислать любую собаку! Глеб».

Письмо ночевало под подушкой, а утром мама написала на конверте крупными буквами: «В космос. Луне». И отправила письмо в почтовый ящик.

МАНДАРИНОВОЕ НАСТРОЕНИЕ

Перед Новым годом мы приехали к бабе Наташе в гости. Она сюрприз пообещала. Дверь открылась, а у бабы в руках пушистый комочек.

Я как закричу:

– Да это же котенок, оранжевый!

Все засмеялись:

– Котенок не оранжевый, а рыженький!

На круглом столе лежали мандарины.

Мама сказала:

– У бабы Наташи всегда зимой запах Нового года.

Я приложил дольку к губам, и получилось мандариновое настроение!

ДЕД МОРОЗ СУЩЕСТВУЕТ

А утром заскрипел снег. Мороз не выпускал людей из теплых квартир.

– Интересно, у Мороза прописка временная или постоянная? – пошутила мама.

Я холода не боюсь. Только вот толстым становишься: теплая шапка, манишка, толстая куртка, варежки... Пришлось все это надеть ради вечерней прогулки с мамой. Перед сном мы, толстые, пошли на улицу.

Ночь прогуливалась в белой мантии, освещая себя звездами.

– Ну, прямо белые ночи в Сибири! – радовалась мама своему открытию.

Неожиданно к нам подбежала собака.

Мама заметила:

– Дрожит, холодно ей!

Я наклонился к собаке. Так жалко ее стало...

Собака не отставала от нас, как будто ее кто-то подгонял. Мы впустили собаку в квартиру, и мама сказала:

– Заблудилась, бедняга, вот Мороз ее к нам и отправил!

И тут папа заинтересовался:

– Собака на временную прописку или постоянную?

– Надеюсь, на постоянную! – подмигнула мама.

КАК МЫ ИЗМЕНИЛИСЬ

Ур-ра! Благодаря собаке наша семья стала многодетной да и мама немного очень изменилась. Мама, конечно, отнекивается, но я же вижу: чаще полы моет (шерсти ох как много, хоть подушки ею набивай). Даже мозоль на левой коленке натерла.

С появлением Тоби (мы с братом несколько дней подбирали кличку, но папа настойчиво называет собаку мадам Жульбен или Жу-Жу) я стал больше обращать внимание на других собак.

Как-то иду я по улице. Вижу, собачка: хорошенькая такая, худенькая, мордочка вытянутая, глазки черненькие, шерсть кудрявая, а под глазом желтое пятнышко. Перевел я взгляд на хозяйина и остолбенел от удивления! У хозяина глазки черненькие, лицо худенькое, носик длинненький, челка кудрявая, а под глазом фингал! Бывает же такое! Дети на родителей похожи, а собаки – на хозяев!

Задумался я: на кого наша собака похожа? Мы из одной семьи, а какие-то все разные. У мамы волосы волнистые. Папа частенько говорит ей ласково: «Кудряшкина ты моя». У брата волосы густые, у папы – русые, как у Ивана Царевича.

У папы гармошечка на пузике, когда за роялем сидит. А брат широкий в плечах, стройный. Ноги у него ровненькие, не то что у нас с мамой – косолапенькие. Мы лишь чуточку друг на друга похожи, так уж случилось.

И я решил: «Поживет у нас собака – и будем мы на нее похожи или собака на нас. Только надо немного подождать!» Но! Важнее другое: наша жизнь понемногу, но начала меняться. И я это чувствовал.

ИНОГДА

Иногда мне хочется похвастаться. Ну хоть немножечко, хоть чуточку. Ведь у меня появилась собака!

После уроков я побежал с собакой в деревню к дому одноклассницы и громко так начал кричать:

– Воробьева, выходи! Воробьева-а-а!

Мне нравится ее фамилия. Кажется, в мире только две фамилии красивые: моя и Воробьевой!

Но Воробьева меня не услышала. Наверное, собаки в деревне громко лаяли.

А я все равно орал:

– Воробьева, это я – Лисицын!

В тот день я немножечко похвастался, да и то только нашими фамилиями. Жаль, Воробьева не слышала. Зато меня слышал ветер!

ВЕТЕР

Кто-то в шуме ветра средь сосен слышит вой.

Кто-то слышит гул.

Кто-то вообще не слышит ветер.

А мы с мамой слышим шум моря и в мечту играем!

Ночью ветер спит, а днем летает по лабиринтам леса. Надевает шапку-невидимку и шалит.

Зимой ветер в снежки играет, скидывая снег с сосновых веток. Летом шишками обкидывается.

Заметил я, что летит ветер как самолет! В гущу леса не любит заглядывать. Вдруг врежется в дерево?

Ветер общительный: кого за нос ущипнет, кого по лицу погладит, кому подмигнет, а мне щеки ярко-розовым цветом разукрашивает. Брат частенько этому удивляется.

А мама догадалась: «Это ветер краски заката на щеках оставляет!»

И тогда я подумал: «Так кто же мне веснушки рисует в конце зимы?»

ЛЕСНОЕ МОРОЖЕНОЕ

Наконец на улице потеплело. Два дня падал крупный снег. Улегся.

Поехали мы с мамой на лыжах. А снег мягкий, аппетитный, на мороженое похож.

– Вот бы мороженовую полянку! – помечтала мама. – Приходишь в лес, а на поляне пломбир!

– Нет, не так! – говорю я. – Полянка только для нашей семьи. Мы будем мороженое в лесу набирать и всех во дворе угощать!

А слюнки бегут. Лыжи в снег проваливаются, по мороженому катятся.

Пока мы мечтали, собака наша взяла и съела мороженовый снег. Да еще и облизнулась. Везет же ей!

ЛЕТО НА ПОДОКОННИКЕ

Обычно в подъезды подкидывают котят. Этой зимой у нас случай произошел необычный – подкинули герань, да еще под наш балкон. Горшок старенький, цветок печальный.

– Мороз погладил герань холодной ладошкой, – с грустной ноткой сказала мама.

С наступлением ночи мама, вспомнив про цветок, приютила сиротинушку.

Так герань поселилась рядом с кактусами на подоконнике.

– Земли в горшке маловато, – деловито заметил папа.

Земля бездельничала в ведерке в кладовой (ее папа на даче накопал, на всякий случай). К тому же и соседям герани повезло – всем по горсточке досталось. Земля мелкой крошкой уютно рассыпалась по цветочным горшкам.

Шло время. Однажды зимним утром мама, гуляя по лесу, сфотографировала верхушки сосен.

– Да они же на крапиву похожи! – закричал я, рассматривая фотографии. – Такие же остренькие и к небу тянутся!

Вечером я поливал цветы и резко отдернул руку:

– Ой, жжет!

Папа удивился:

– Герань? Жжет?

Мама, папа и брат окружили подоконник с цветами. В карих, зеленых и серых глазах отражалась проросшая крапива! Забавно, но почему с появлением герани выросла эта жгучая красавица?!

И тут маму осенило:

– Да это же семена крапивы в земле спрятались! На даче крапивы было ух как много! Семена

в горшках тепло и влагу получили – вот и крапивный урожай.

Ну и дела! На дворе зима, а у нас лето на подоконнике!

ЛЕСНАЯ СЕДИНА

По утрам меня выгуливает собака. Первым делом, когда я просыпаюсь, Тоби, она же мадам Жульбен, она же Жу-Жу, облизывает меня своим горячим языком, а иногда тычет носом в пятку.

Тоби поскуливает и крутит хвостом.

Так однажды утром я с собакой двинулся по направлению к бору. Вижу, лес поседел! Присмотрелся – точно, седина на иголках у каждой сосны.

А солнце, рыженькое чудо, лампочкой пробивается между стволами деревьев.

Я прищурил левый глаз – ну прямо фонарь среди бела дня!

Да, такое бывает только в холодный зимний день. Солнце яркой планетой всходит над лесом, а мороз своим дыханием раскрашивает хвойные лапы.

Вернулся я с собакой домой, а мама напротив зеркала крутится и чем-то недовольна. И тут я заметил в ее волосах иней.

– Какой Мороз шустрый, – тихонечко сказал я. – Иней даже на маминой голове нарисовал!

– Это не Мороз. Это не иней, – засмеялась мама. – Это старость ко мне тихими шагами приближается.

– И чего это старость к моей маме любимой подкрадывается?! – пробурчал я.

Взял я тетрадь в клеточку, цветные карандаши и маму нарисовал. На рисунке мама улыбалась. А от солнца в ее волосах желтые лучики переплелись!

Мама обняла меня крепко-крепко, и на ее ресницах я увидел растаявшие снежинки.

На следующий день ее кудряшки превратились в золотистый цвет, и мама больше не грустила.

ВЕЗУЧИЙ ДЕНЬ

Однажды мы с мамой решили: «Сегодня у нас везучий день!» Но ничего интересного не происходило.

На пороге появился папа и объявил:

– Вы дома скучаете, а в лесу – баня!

Валенки, сапожки и зимние кроссовки скрылись за порогом нашей квартиры. Брат, мама, папа и я спешили посмотреть лесную баню.

В лесу, несмотря на переполох, мелькали шапки, ледянки, собачьи хвосты. Люди тянулись из гущи бора, спешили домой.

Деревья утонули в пышных снежных шубах.

– Сосны в горы превратились! – закричал я.

После короткого затишья ветер набирал силу и, как банщик, парил вениками деревья.

С сосен вихрем разлетались снежные шапки. Лес кипел, лес гудел! Неожиданно с западной стороны раздался хруст.

– Ветер дрова в топку подкидывает, – сказала мама.

– Славно попарились! – пошутил папа.

Дух захватывало. Щипало лицо.

Впервые мы в такую баню попали. Вот что значит – везучий день!

ЕЖИКОВАЯ ШУБА

Всем известно, что после вчера идет завтра, а между ними вприпрыжку – сегодня. Мне стало любопытно, что же будет завтра в лесу после бани, когда наступит это долгожданное сегодня.

На следующий день снег на земле был усыпан сосновыми иголками.

Мама радостно воскликнула:

– Да это же ежиковая шуба!

Я перевел взгляд с земли на деревья и удивился:

– Вчера на соснах был цвет зимы, а сегодня цвет лета!

– Да, в Сибири погода переменчива, – рассуждала мама.

– Как и твое настроение, – заметил папа.

– Точно! – подхватила воодушевленно мама. –

У меня характер резко континентальный, ну прямо климат нашей матушки-Сибири!

А я подумал, подумал и сказал:

– Нет, мамочка, у тебя характер разноцветный!

И крепко-крепко обнял маму, уткнувшись ей в живот.

ОБЛАКО

Мой папа рисует в небе снежные полосы, а мама оставляет следы от лыж на снегу. Я даже рифму придумал: «Мой папа – пилот, у него есть самолет». А у мамы есть лыжи, она любит на них кататься.

Перед полетом папа меня удивил. Папа попросил удочку!

– Тсс, только маме не говори, – прошептал папа.

И я прошептал:

– Может, спиннинг?

– Нет, удочку, – настоял папа. – Позже, сын, все объясню.

Во вторник папа перегонял самолет на Танаи. Его воздушный коридор проходил над полем на окраине нашего города, рядом с деревней, где жила Воробьева.

Мы с мамой спешили на лыжах к этому полю. Только бы успеть! Снегоход прочистил дорожку, мама озорно подмигнула удаче.

Три самолета оставили на небе ровные полосы.

– Как по линейке рисуют, – заметила мама.

Нас ослепило утреннее солнце. Мама повернулась к солнцу спиной, и ее тень упала на все поле – от ног, туловища, головы и лыжных палочек.

– Ух ты, я великанша! Теперь нас папа точно заметит!

Самолет приостановился. И на снег упали мешки – один, второй. Я папе помахал, и папа мне помахал, наверное. С правой стороны солнца сверкало как золоченый бублик, рассыпая по белоснежному снегу желтую пыльцу. В глазах появились красноватые пятна.

Мы с мамой поспешили домой. Едем, торопимся.

В одном мешке лежала удочка. А во втором, не поверите, самое настоящее, воздушное, легкое облако! Вот это улов!

У нас дома облако повисло над столом. И я решил: буду для облака ветром. Даже компас вырезал из картона. Я дую, а облако порхает по квартире, куда компас укажет!

Но одному дуть скучно. Как только папа вернулся из рейса, мы договорились: папа – северный ветер, мама – ветер южный, брат – восточный, а я – западный. Мы еще и новые правила придумали: кто кого передует!

Крутанул я стрелку – летит облако на кухню (там юг). Крутанул на север – летит облако на балкон. На восток – в мою спальню, а на запад – в комнату брата. Прямо кругокомнатное путешествие!

Перед сном я прижимался к облаку щекой и чувствовал его прохладу и влагу. Я шептал, засыпая:

– Спокойной ночи, дружище. Поскорей бы выспаться и поиграть с тобой!

Каждое утро мама проветривала квартиру: открывала дверь балкона и форточки, а я прятался под теплым одеялом. От потока воздуха быстро менялись картинки. Облако принимало форму то белого кролика, то кудрявого ежика с вытянутым носиком. Из пузатого дракона появлялась лошадка с взъерошенной гривой, сенбернар превращался в хрюшку с длинными ушками и смешным пятчком!

В субботний день к нам пришла в гости баба Наташа. Облако оп – и село ей на голову!

Баба Наташа засмеялась:

– Мне весь день говорили, что я сегодня витаю в облаках. Вот облако прямо на голову и прилетело. Чудеса!

Пошли мы втроем прогуляться в лес: я, собака и баба Наташа в белоснежной шапке на голове. Громко каркнула ворона. Мы подняли головы и увидели огромные облака. Красотища! Вдруг ветер сорвал наше облако и стремительно поднял его к небу.

– Внучок, загадывай желание! – закричала баба Наташа.

Я растерялся. Так быстро и не сообразишь, когда неожиданности врываются в твою жизнь.

Наше облако поднялось и рассыпалось на три маленьких облачка.

– Баба, смотри, смотри, облака стали похожи на летающие тарелки! – воскликнул я.

– Глеб, да от этих летающих тарелок исходит бирюзовый свет! – удивилась баба Наташа. – Я такое впервые вижу!

И тут я понял: облако задержалось, чтобы я успел загадать желания, все три! И я загадал! Мы помахали белоснежной стае.

– Облака отправились в кругосветное путешествие, – догадался я.

– Согласись, внучок, – задумчиво сказала баба Наташа, – в квартире облаку тесновато.

МЕЛЬНИЦА ДЛЯ ВЕТРА

В январе собрались во дворе старушки и ветер ругают:

– В нашем районе так ветрено, так ветрено!

И что в этом плохого, не пойму!

На следующий день ветер разозлился и обжигал щеки. Даже ворчливые старушки не показали свои носы. Решил я с ветром поболтать. Я ему по-русски (признаться честно, на других языках я еще плохо говорю), а он «у» да «у».

Тут на помощь мама пришла. Мама догадалась, что с ветром происходит.

– Понимаешь, – загадочно начала говорить мама перед сном, – ветру надо энергию расходовать, ну-у, примерно 150, нет, маловато! О, 650 калорий в секунду. В городе это невозможно. Вот ветер от безделья и становится сердитым. Но еще...

Мама не успела договорить, ей неожиданно позвонили с работы.

Утром ветер стал мягче и старушки опять собрались гурьбой обсудить замеченные снегом тропинки, работу тракторов и вновь обвинили ветер.

– Разлетался тут! – ворчали соседки. – Снег до десятого этажа поднимает! Так воеет, как будто волки стаями в округе ходят!

После этих слов ветер исчез. Из трубы ровно поднимался дым. Старушки разбежались по теплым кухням печь внучатам пирожки да блинчики.

Тихо... Непривычно... Прошло три дня. Газы от машин и дым от печных труб поднялись над землей. Длинные волосы мамы приносили в дом этот тяжелый запах.

Мне стало так одиноко, как будто я с любимым другом расстался навсегда. «Ну и ну, да как же нам ветер вернуть? Как людям объяснить, что ветер нужен?!» – думал я.

Неожиданно маме влетела в голову идея. Наверное, ветер прошептал ей на ушко.

Мама объявила:

– Надо построить для ветра мельницу!

– Ого! – подпрыгнул на стуле папа. – Наконец-то я смогу применить свои инструменты!

– Верно, – подхватила мама. – А то они заржавеют от безделья.

– Пап, говорят, каждый мужчина должен посадить дерево и построить дом. А мы построим мельницу! – рассуждал я. – Тем более в нашей семье три мужика.

Что тут началось! Все мальчишки нашего двора помогали папе. Во дворе запахло свежими опилками, иногда гудел бульдозер, стучал дворový дятел – молоток: тук-тук, тук-тук-тук, тук да тук!

Наконец свершилось: деревянная мельница собралась вокруг себя все лица, которые были до этого за окнами. В каждом взгляде я заметил надежду, что вот-вот крылья мельницы раскрутит ветер!

Но ничего не происходило: тишина и стена дыма, дым и тишина. Затишье прервал скрипучий голос.

Низенькая незнакомая старушка сказала:

– В старину любили ветер. Мельница – это мука, а мука – это хлеб. Вот потому-то люди ветер ждали!

Старушка еще долго что-то бурчала себе под нос...

Я загрустил. Опустив голову, побрел к дереву.

Вдруг кленовые крылатки тихо задрожали (к нашему удивлению, они перезимовали на ветках). Я даже вздрогнул. Листья зашелестели сильнее. Подул теплый ветер, и крылья мельницы крикнули! Еще. Ну же! Ну же! Заработала!

Все соседи радовались: мамы прослезались, дети хлопали в ладоши и прыгали, папы подкидывали в воздух шапки. Я с друзьями плясал вприсядку.

– Но где же старушка?! – спохватился я.

Ее нигде не было.

Слова старушки вертелись в моей голове: «В старину ветер любили... люди ветер ждали!»

Прищурившись, глядя на солнце, я прошептал:

– Здравствуй, Ветер! Мы всегда тебе рады! Веришь?

157

ЧАЙ С СОСУЛЬКОЙ

В конце зимы я заболел. Вообще-то обычное дело для ребенка. Во рту – пустыня, в носу – ручьи. Ни пить, ни есть не хочется. Мама и брат уготоваривали выпить чай, даже собака тявкнула. А у меня в горле как будто иголка застряла. Я сказал неохотно: «Я не согласен». И залез грустить под одеяло.

Мама глазом подмигнула, пальцами щелкнула, накинула шубку, хлоп дверью. Через некоторое время мама влетела в квартиру с сосулькой. «Пш» – и сосулька оказалась в кружке с кипятком!

– Ну вот, была температура в кружке 39 и 9, а через минутку 36 и 6! – весело сказал папа.

– Пей. Облепиховый чай с сосулькой! – гордо объявила мама.

Я пил, пил – все выпил! Чай с сосулькой намного вкуснее любого другого. Это я вам точно говорю!

СЫЩИК

Под утро, перед пробуждением, я начал думать: «Надо провести расследование, где мама нашла зимой сосульки». Во дворе их точно нет!

Я упрекал себя, что вечером ее об этом не спросил. Утром мама и папа были на работе, а брат в техникуме. Эх!

– Здорово было бы сосульками запастись на весь февраль, – размышлял я. – А еще лучше заморозить их в морозилке и на весну, и на лето. Вот друзья удивятся!

– Тоби, след! – решительно скомандовал я, и собака нырнула носом в кружку, где вчера был чай с сосулькой.

Я еле-еле стянул с ее мордочки кружку. Так бы и пошла наша собака в стеклянном наморднике на спецоперацию!

Тоби упрямо тащила меня в лес, обнюхивая все на своем пути.

– Молодец, Тоби! – подбадривал я собаку. – Вперед, ищи, ищи!

Собака принюхивалась, упрямо бурила снег и смешно фыркала. Я даже подумал, что сосульки в сугробах спрятались.

Вдруг я услышал: «Хрусть. Дзынь-дзынь». Стекланный звук исходил от двух сосен. Ветки нарядились в пушистые снежные варежки, и в каждой варежке спряталась сосулька.

– Ух ты! – закричал я. – Да их тут тысячи-и-и!

Ветер играл в снежки: с верхушек падал ком снега, задевал сосульки и раздавался хрустально-стекланный звук. Кр-расота-а-а! Я слушал, слушал, любовался, любовался и решил позвать друзей. Мы два ведра сосуллек набрали!

Во дворе Юля построила башню из сосуллек и принцессу в сосульковом парике. Мой лучший друг Рашид выложил на снегу звезду. У Пети и Василисы сосульки превратились в мороженое и леденцы.

Петя орал на весь двор:

– Не проходите мимо: леденцы из сосуллек! Подходите, мороженое по акции: два берешь – третье в подарок! Ну а я играл – дзынь-дзынь – хрустальную мелодию.

На нашем сосульковом острове было весело и красиво!

А вечером мама пригласила друзей на чай с малиновым вареньем и... Вы уже догадались, еще с чем? Все пили чай по две-три кружки. Дома стало шумно и вкусно!

Я подумал: «В лесу сосульки прожили пару дней, а в морозилке холодильника 145 дней пролежат. Буду на мой день рождения удивлять гостей и спрашивать: вам сок или коктейль с сосулькой?» А зимой лучше чай друзьям предложить!

г. Кемерово

**Анна
ФЕНИНА**

ЗАДЕРЖАНА ПО ЗАПРОСУ ИНТЕРПОЛА

Рассказ

– Ее хочет Интерпол. Зови Тадеуша. – Пограничник передает коллеге мой загранпаспорт.

– Анна, по запросу Интерпола мы должны проверить обстоятельства вашего приезда в Бельгию. Пожалуйста, пройдите за линию досмотра.

– Интерпола? – застываю, провожая взглядом паспорт с торчащим из него билетом «Брюссель – Рейкьявик». – В чем дело?

Пограничник показывает в сторону серой двери с надписью «Полиция»:

– За вами пришли.

Передо мной возникает Тадеуш – огромный лысый полицейский. Он смотрит на меня без тени сочувствия. На поясе оружие, с другой стороны наручники.

– Говорите по-французски? – спрашивает он меня по-французски.

– Ноу, – на всякий случай говорю я, чтобы мочь подслушивать (ну, как в кино).

– По-английски?

– Ес!

Дальше все на английском.

– Пройдемте со мной. У нас к вам вопросы. Вы подозреваетесь в преступлении на территории своей страны.

Мы пошли бесконечными коридорами. Я постаралась успокоиться, но не вышло. От стресса от уха до уха на моем лице расплзлась безумная улыбка. Я не могу с ней справиться, кривлю рот и вдруг начинаю хихикать. Тадеуш оборачивается на меня, приподнимает бровь, и я тут же делаю вид, что поперхнулась.

Мы свернули в последний темный коридор, Тадеуш открыл магнитным ключом пошарпанную дверь, и я попала в просторную комнату с решеткой и лавками по периметру.

– Сидите здесь. Вас позовут, – хмуро сказал Тадеуш, поправил кобуру и закрыл за мной дверь.

Я шмыгнула на лавку, нервно выдохнула и решила оглядеться.

Помимо меня, подозрительных лиц за решеткой было еще четверо. Семейная пара мусульман в черных одеждах заняла всю угловую секцию кресел; они то молились, а то ругались друг на друга и, казалось, вообще не обращали внимания на окружающий мир. В противоположном углу сидел «сумасшедший ученый». Это мой любимый типаж с детства: взлохмаченный пожилой мужчина, непременно в очках, немного дерганый. В идеале должен переливать что-то зеленое из колбы в колбу или кричать: «Мы все умрем!» – и раскати-сто хохотать. Но этот сидел смирно, только зачем-то обшаривал взглядом стены помещения.

Между нами всеми широкими шагами курсировал темнокожий парень с маленькими кудряшками на голове. У него были огромные руки и потрясающей формы череп, будто он не раз штурмовал им двери и стены. Я бы и хотела не пялиться на него, но не могла. Он заметил это и ободряюще улыбнулся. Передние зубы отсутствовали.

И я сразу поняла, что именно он в нашей команде супергероев будет ударной силой. Когда сумасшедший ученый вычислит, где здесь зава-ленный древний ход, парень сокрушит стену, раздвинет руками старинные чугунные прутья и оста-нется прикрывать наш отход. Я, разумеется, буду лидером побега, его душой и храбростью, буду кричать: «Берегись!», печенкой чужа встроенные в стены ловушки.

Пара в черном будет все время отставать, и придется ученому на бегу готовить зелье, заволакивающее туманом наше отступление. Возможно, мы доберемся до выхода, даже не пожертвовав темнокожим парнем, и вот тут, оказавшись на маленьком пятачке скалы над бездонным обрывом, мы порадуемся, что не сдали врагу пару в черном. Потому что перед нами в воздухе зависнет огромный вертолет и оттуда, протягивая руки, закричат: «Господин шейх, вы целы? Скорее садитесь! Это ваши друзья?»

Мы все запрыгнем внутрь, сумасшедший ученый кинет последнюю дымовую бомбочку, и вертолет взмлет в небеса. И там, на высоте, за пределами недружественной страны, мы все по-доброму посмеемся над неловкостью бельгийской полиции, восхвалим мужество парня, смекалку ученого и предусмотрительность шейха.

Жена шейха возьмет меня за руки и проникновенно добавит: «Но если бы не ты, Аня, мы бы никогда не решились на этот дерзкий план! Ты со-

брала нас в команду, ты почувствовала наш потенциал, и за это мы с шейхом хотим подарить тебе нормальный ноутбук, часы «Ролекс», нервующиеся капроновые колготки и, конечно, настоящего арабского скакуна. Наш дворец – твой дворец, и все такое...»

Мои мысли прервал звук распахнувшейся двери. «Янек Рогович, на выход!» – раздался знакомый бас Тадеуша.

Сумасшедший ученый поднялся, неловко улыбнулся, нашарил под креслом свою котомку и исчез за дверью. План героического побега отменялся. Придется ориентироваться по обстоятельствам.

После того как Янека увели, я решила, что пора взять себя в руки. Ну какая из меня преступница, я же себя знаю. Хотя, насмотревшись героических фильмов, я очень опасалась, что мой сюжет будет развиваться по сценарию «главную героиню подставили».

Я еще решала, какую выбрать стратегию: сразу во всем признаться, не сознаваться до последнего, забыть английский, требовать личного адвоката или расплакаться – как дверь снова грохнула.

Тадеуш вырос в дверном проеме:

– Анна Фенина! Пройдите за мной.

Меня завели в небольшой серый кабинет, велели разложить содержимое рюкзака на столе, а спустя пять минут в комнату вошел Жан. Если взять внешность Энтони Хопкинса, а голос Никиты Джигурды – вот Жан и получится. Он молча сел на стул передо мной, стул надрывно скрипнул.

Жан улыбнулся и сказал:

– Анна Фенина, прошу отвечать на мои вопросы, нам предстоит определить вашу личность.

Моя личность икнула, затем кивнула, и началось...

Жан задавал мне вопросы на английском, а я отвечала. Но была одна проблема: то ли у Жана было что-то с дикцией, то ли это такой особый бельгийский акцент, но периодически мне казалось, что я говорю с не вполне вменяемым человеком.

– Анна. Так... Провозите ли вы с собой оружие?

– Нет.

– Произведения искусства?

– Нет.

– Металлические грехи?

– Э-э-э-э?..

– Металлические грехи, – повторил Жан по-английски, глядя на меня как на слабоумную. – Провозите?

– Я... не понимаю!

Жан вздохнул и подошел к моим вещам, изучил их и вернулся на свой стул.

– Вы везете много ниток, – сообщил затем Жан.

– Это правда, – ответила я с легкой гордостью: столько удалось упихнуть в маленький рюкзачок.

Связать шарф в Исландии с видом на вулкан было моей давней мечтой! Но на всякий случай уточнила у Жана:

– Это незаконно?

– Это индюк, – ответил он.

Мы посмотрели друг на друга долгими взглядами.

– Это овца, – очень серьезно ответила я. – И немного акрила.

– Это индюк, – повторил Жан без эмоций и что-то записал в свою тетрадь.

Черт, что за безумие здесь происходит? Я перестала понимать по-английски? Это тест? Или Жан хотел дать какую-то подсказку? Я почувствовала, как у меня изнутри снова начинает вылезать нервный хохоток. Аня, только не сейчас, держись! Ты на допросе, в конце концов! Я напрягла рот и быстро изобразила приветливую улыбку, мол, все в порядке, Жан, продолжай.

Жан перешел на несмешные темы: сколько мне лет, где я живу. А потом спросил, как зовут моих родителей и как-то о-очень внимательно уставился на меня.

– Ну-у... – растерялась я от такого внимания. – Мама Наташа, папа Сережа...

– Полностью! – вдруг рявкнул Жан (а вы помните, что он Джигурда!).

Я вжалась в стул и быстро назвала имена и фамилии родителей. Что стало с Жаном! Он прямо-таки расцвел! Заулыбался, наклонил голову, спрятал тетрадку.

– Спасибо вам за беседу, Анна, вы можете быть свободны!

Я не двинулась с места.

– Мы закончили! – радостно сообщил он мне. – Вы можете идти!

Я подошла к вещам и вопросительно оглянулась на Жана.

– Это индюк, – кивнул он. – Собирайтесь.

Загрузив всех своих «индюков» в рюкзак, я, сдерживая истерику, вышла из комнаты, а в коридоре меня уже ждал старый знакомый Тадеуш. Мы снова пошли долгими коридорами, и где-то посередине пути я все-таки осмелилась.

– Извините. Пожалуйста, не могли бы вы мне объяснить причину моего задержания? – спросила я, нагоняя Тадеуша.

Полицейский резко остановился, развернулся, держа руку на кобуре, и вдруг... улыбнулся!

– Вы напугались? Я сожалею. Такова работа...

И наконец-то как награду за все испытания я узнала всю правду.

Задержали меня неслучайно. Интерпол действительно имел на меня виды. Точнее, не на меня – на другую девушку с моим именем, фамилией, точно такой же датой и местом рождения! Пограничник, который и поднял тревогу, глянул на фото преступницы в компьютере, затем на меня, произвел в своей голове какие-то сопоставления и решил, что надо девчонку брать.

– Мы все потом смотрели: ну не похожа! – доверительно поведал мне Тадеуш.

Но проверять все же пришлось. Как выяснилось, они запрашивали обо мне всю известную информацию, и, судя по нескольким листам, которые Жан просматривал при допросе, ее оказалось немало. Интересно, было ли там написано, что я хрюкаю, когда смеюсь? Или что я люблю сыр и ненавижу пуговицы?

Пока я бежала к своему выходу на посадку, мне не давали покоя эти «индюки» и «металлические грехи». И кажется, мне удалось это расшифровать. Индюк (It's a turkey), скорее всего, послышался мне во фразе: «It is OK», сказанной с сильным акцентом. Хотя может быть, Жан дважды настаивал на турецком происхождении моей пряжи (вдруг он такой спец, потому что любит повязать, расслабляясь между допросами?). «Металлические грехи» (metal sins) мне дались труднее. Это точно были не металлические вещи: о них Жан уже спрашивал. И все же потом я догадалась, что он имел в виду лекарства – medicines – звучит отдаленно похоже.

В тот день мой статус опытной путешественницы вырос в моих собственных глазах до небес. Я прокручивала в голове все произошедшее, поднимаясь по трапу, летя в самолете и приземляясь в холодной желанной Исландии. Уф, это было весело, но больше не надо, пожалуйста. Теперь только отдых. Только удовольствие.

Блаженно улыбаясь, я подошла к пропускному пункту и протянула паспорт пограничнику – белобровому скандинаву с почти прозрачными глазами.

– Анна Фенина? – спросил он. – Цель поездки?

– Путешествие, – мурлыкнула я.

– Минуту, пожалуйста, пройдите направо. – Скандинав указал головой на пяточок сбоку от пункта пропуска.

Я автоматически отошла. За спиной пограничника открылась дверь, и оттуда вышел рыжебородый великан с надписью «Полиция» на груди.

– Прошу следовать за мной. Вы задержаны по запросу Интерпола.

– Металлические грехи! – чуть не разрыдалась я.

г. Йошкар-Ола

**Елена
БАСАЛАЕВА**

СЧАСТЛИВАЯ БЫЛА

Рассказ

Интернат на Ботанической только формально назывался домом престарелых: кроме дедушек и бабушек там жили и молодые выпускники детских домов, имевшие инвалидность. Бывших детдомовцев руководство интерната заселяло на второй и особенно третий этажи, а старикам досталось левое крыло второго и весь первый.

Попала я в этот интернат практически случайно. Никого из родных у меня там не было, и более того, их не было рядом вообще: я недавно развелась и вместе с четырехлетним ребенком переехала в чужой город. Я перебивалась надомными подработками и еле сводила концы с концами, чтобы снимать комнату. Не меньше безденежья меня угнетало одиночество. Единственным местом, куда я могла пойти и не чувствовать себя чужой, был храм – маленький, выкрашенный голубой краской, уютный и снаружи и внутри. Я любила ходить туда вместе с дочкой на вечерние службы и за несколько месяцев выучила лица служителей и прихожан. Эти люди мне стали казаться немного родными. Хотелось познакомиться с ними ближе, хотелось найти какое-нибудь общее дело, чтобы, вместе занимаясь им, мы скорее могли перемолоть горечь своих личных обид и потерь. И когда ранней весной одна бойкая женщина объявила, что нужны волонтеры в дом престарелых, я, не раздумывая ни секунды, подняла руку.

Нас, добровольцев, набралось шесть человек: четыре женщины разных возрастов и двое молодых парней. Мы иногда помогали персоналу интерната по мелочи: подстригали бабушкам и дедушкам ногти, меняли белье, споласкивали чашки.

Но сами сотрудники в голос уверяли, что с подобными нехитрыми делами они хорошо справляются и сами:

– Это мы всё сделаем, это не проблема... Вы посидите да поговорите с ними лучше. Они ведь что хотят – пообщаться, а нам про всю их жизнь слушать – до второго пришествия не закончим.

Но общаться со стариками было непросто. Некоторые смотрели на наших с подозрением: ничего не требуют, даже в религию, как баптисты, не вербуют – что за люди такие?! Другие были очень туги на ухо, и приходилось чуть ли не кричать им в уши. Третьи и вовсе не слишком хорошо осознавали, кто они и где находятся... Однако, уверившись, что люди мы безопасные, старики стали встречать нас доброжелательно и уж тогда говорили, говорили – вправду, не переслушаешь.

Я ходила в интернат сначала к пожилому мужчине из Ангарска, которого потом забрал домой сын, потом – к самой настоящей влюбленной паре возрастом под семьдесят годов. Этих счастливых молодоженов весной переселили в другой интернат, и я, казалось бы, могла больше не ездить на Ботаничку, но то ли привычка, то ли чувство долга привели меня туда снова.

Более того, в этот раз я решила спуститься на первый этаж, куда раньше почти не заходила. В нос мне ударил запах хлорки, которой здесь мыли полы, чтобы перебить тяжелый старческий запах. Длинный коридор с кафельным полом заканчивался широкой белой дверью, которую одна остроумная старушка, бывшая учительница, поименовала вратами в мир иной. Через ту дверь не заходили ни гости, ни жители интерната, так что она в самом деле казалась каким-то зловещим тупиком, за которым хранилось страшное, секретной дверью из сказок, какую не смел отпирать никто из живых.

Растерянно озираясь в коридоре, я заглядывала в полуоткрытые палаты и гадала, куда бы мне войти. В одной из комнат на дальних койках сидели две чрезвычайно друг на друга похожие старушки с редким белесым пухом вместо волос – ни дать ни взять божьи одуванчики. А на ближайшей...

Только завидев мою четырехлетнюю дочку, она попыталась приподняться с кровати и растянула тонкие губы в улыбке:

– Иди ко мне, иди ко мне, внучечка.

Таня, привыкшая к вниманию вообще и бабушек – в частности, тут же подбежала с раскрытой пачкой печенья. Протянула печенье в широкую ладонь с узловатыми пальцами.

– Спасибо, внучечка. Какая ты хорошая – я не вру. Честное слово.

Таня предложила печенье и двум другим старушкам. Они оказались немymi и, промывав что-то (мне почудилось, неодобрительное), угощение брать не стали.

Я осторожно подошла к лежавшей у входа женщине:

– Меня Леной зовут.

– А меня Люда. Баба Люда – вот так ты меня и зови. Угу?

Я кивнула.

– Ну, садись, раз пришла. – Пожевав губами и пытливо оглядев меня, она пригласила сесть на край своей железной койки. – Слушай.

Я слушала долго. И в этот раз, и в следующее воскресенье, и в то, которое было потом. Казалось, что баба Люда молчала не то что днями или месяцами – годами. Вставить мне хотя бы пару слов было решительно невозможно. Я иной раз пыталась что-то говорить в ответ, но это пока было не нужно: как тяжелая глинистая земля долго не впитывает воду, так и баба Люда не могла впитать моих слов. Я подстригала ей ногти, расчесывала волосы, убиралась у нее в тумбочке или просто сидела и молчала.

* * *

Она рассказывала мне об отце, который безумно ждал мальчика и поэтому все детство называл ее «сына», о муже Илье Ананьевиче, который родился раньше нее на двенадцать лет, за что она добродушно дразнила его «старинушка», о зверосовхозе и психбольнице (в первом месте трудилась сама баба Люда, во втором – Ананьевич), о своих дочках Анжеле и Ксении.

– Анжелка у меня родилась такая рыжая, кучерявая. Я, как увидела ее, думаю – вот те девка. А че я ее Анжелка назвала? Потому что был тогда этот фильм... доча... как его?

– «Ангелика, маркиза ангелов», – догадалась я.

– Точно. А характером она у меня была такая... как тебе сказать... Стерва. С детства все фыркала. Ну, зато красивая, ниче не скажу. И я ее тоже любила. А Ксения у меня добрая была, ласковая такая...

«Где ж теперь твоя ласковая Ксения, баба Люда?» – поневоле приходило мне на ум.

Но баба Люда, кажется, совсем не думала об этом. Из всех историй, что она рассказывала (в общем-то, у нее всегда была единственная бесконечная история, в которой одно перетекало в другое), становилось ясно, что этот человек прожил счастливую жизнь.

Она рассказывала мне много вещей, которые почти любой назвал бы неприятными, а то и страшными. Отец, который «жуть как любил меня», только однажды обратился к ней «дочка», до самой своей смерти так и видя в своем втором ребенке вождя-наследника. В третьем классе он купил Люсе телку Рябинку в качестве живой игрушки, у которой потом десятилетней девчонке пришлось самой принимать роды, а папка пришел только тогда, когда она, обливаясь потом и слезами, уже полчаса тщетно пыталась вытянуть ноги слишком крупного теленка. А благоверный Илья Ананьевич, сколько-то немало лет отпахавший санитаром в психушке, за какую-нибудь дурацкую провинность мог взять да и выпороть ее солдатским ремнем – да не просто так, а с чувством, толком и обязательными комментариями. Красивая Анжела в свое время выгнала бабу Люду из своего с мужем дома за неугодный характер и пристрастие к бутылке, а ласковая Ксения уехала и с концами пропала...

Но все это дикое, темное, страшное, то и дело всплывая в рассказах бабы Люды, переплавлялось в ее сердце и неизменно превращалось в воспоминание любви. В отличие от меня, ждавшей раньше каких-то идеальных отношений, бабе Люде было уже совсем нечего ждать и нечего представлять. В июле ее перевезли в трехместную десятиметровую комнатенку с выкрашенными в болотный цвет стенами, и теперь все, что у нее было, – это узкая столешница и железная койка, с которой она привставала, только если кто-нибудь поддерживал ее за высохшие посиневшие руки. Поэтому, наверное, она и могла позволить себе роскошь любить, несмотря ни на что.

На третьем и втором этаже дома-интернета жизнь шла бойко: там жила какая-никакая, но молодежь, устраивались посиделки, концерты по праздникам, закипали ссоры и любовные страсти. На втором, где жили представители разных поколений, ссорились не меньше, так же часто мирились и могли утром быть друг другу врагами, вечером – самыми родными людьми. Первый этаж был пугающе тих, и каждый, кто впервые попадал туда, долго оставался под впечатлением от без-

жизненно-белого цвета кафеля, запахов хлорки и тлена. Но жизнь была и там, и не только в воспоминаниях.

Баба Люда любила жизнь. Даже говоря о каких-то своих ошибках, она не осуждала себя, только говорила, сияя карими глазами:

– Ну что поделаешь, такая уж я бессовестная.

Привыкнув ко мне и моему ребенку, она стала глядеть на меня внимательнее, с живым, почти детским интересом. И сразу же начала называть «доча».

– Ты моя доча. Я не вру. Честное слово. А это моя внучка. Правда?

Конечно, формальная правда заключалась в том, что передо мной была полусумасшедшая старуха, обреченная провести остаток своих дней на казенной железной кровати с вонючим матрасом, в убогой комнате с подслеповатой лампочкой, брошенная и забытая. И еще была я, одинокая мать с висящим за душой банковским долгом, совершенно чужая женщина для обитательницы дома престарелых Прохоровой Людмилы Михайловны, ничем по факту не могущая ей помочь.

Но все это стало абсолютно неважно. Мы с бабой Людой знали и другое – знали истину, в которой я на самом деле была ее дочкой и обе мы были прекрасны.

Потом она стала рассказывать мне уже не только давно былое, но и то, что происходило сейчас. И даже спрашивать меня: «Ты сама как?»

Однажды она встретила меня и как-то странно посмотрела:

– Слушай, доча... А где у тебя муж?

– На Парашютной улице, – ответила я первое, что пришло в голову.

Баба Люда выругалась по матушке.

– А какую холеру он там делает? Че ко мне не приезжает?

Мне совсем не хотелось рассказывать ей невеселую и довольно банальную историю своей распавшейся семьи, и я попыталась перевести разговор на другое, но баба Люда так и вцепилась в меня за рукав пальцами.

– Хороший он?

– Да... Хороший...

– Любит тебя?

– Я не знаю... Нет, наверное.

– Как ты не знаешь? Да он живет с тобой?

– Нет... Давно уже.

– Еж твою клеш. А че ты раньше молчала? Я тебе все про себя, про себя... Вот бессовестная.

Она развернула ко мне лицо и взяла мою руку в свою, может быть, приготовившись слушать. Но

у меня не оказалось совсем никаких слов. Жаловаться не хотелось, ворошить прошлое – тем более. Я просто села внизу у кровати, обняла бабу Люду и прижалась лицом к ее руке.

– Знаешь, ты такая красивая, – сказала я, когда наконец поднялась с пола.

– Ну да, – охотно согласилась моя «матушка», кокетливо приглаживая смолисто-черные пряди слегка вьющихся волос. – Мне бы вот еще сережки вставить, и совсем бы хорошо.

– У тебя же есть сережки.

– А я еще хочу. Золотые вставлю – во красotka буду! Доча, честно, я не вру. Тут у нас санитар новый, парнишка молодой – вот с золотыми сережками-то я его, это... охмурю! Скоро как раз должен прийти.

Мне хотелось пошутить вместе с ней:

– Не-ет, бабонька, если молодой и красивый – мне оставь!

Из коридора вдруг послышался сердитый мужской голос:

– Вы что там, с ума сошли?! Я вообще-то медбрат, а не санитар!

Мы с бабой Людой в голос расхохотались.

* * *

Как и все мы, за свою жизнь баба Люда наломала немало дров. В детстве она дразнила старшую сестру-очкарика, грубила матери, прогуливала школу, потом – подворовывала из совхоза корма для своей скотины, выпивала так крепко, что могла иной раз не выйти на работу. Однажды она рассказала мне, что никогда не любила первого мужа, которого для нее нашли родители, и в конце концов изменила ему с тем самым санитаром Ильей Ананьевичем, который вот-вот собирался жениться на бабы-Людиной подруге.

– А что поделаешь, такая уж я бессовестная, – повторяла она свою коронную фразу. – Сердцу-то не прикажешь. Так мы с ним и схлестнулись. Вот грех, конечно, а что делать? Счастливые были! Нельзя было иначе, да?

– Да, – согласилась я, и на ум мне пришли строчки из цветаевской «Бабушки»:

*Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то – глянть! – бела...
Скажу: «Родимый, – грешница!
Счастливая была!»*

Однажды я спросила, верит ли она в Бога, и баба Люда ответила:

– Наверное, да, доча. А ты?

Я ответила, что верю и молюсь Ему.

Тогда она сама попросила меня:

– А как это ты молишься? Научи.

Из моих слов она поняла – можно говорить обо всем, что тревожит сердце, и складывала такую молитву:

– Господи, миленький... Как там мой Илья Ананьевич, передавай ему привет. И Анжелку с Ксеньей не оставь, пожалуйста. Присмотри за ими, пусть они не пьют, не ругаются, хорошо живут.

В такую минуту она была очень сосредоточенна. Но в другое время баба Люда редко бывала серьезной. Часто даже подкалывала меня, как, например, в тот раз, когда я долго не могла отыскать в коридоре выключатель.

– Ну, ты какая-то глупая стала, доча. Надо тебе тут маленько со мной полежать, тут быстро человека в порядок приводят.

Я смеялась, где-то в глубине души осознавая, что и в самом деле когда-нибудь могу оказаться на месте бабы Люды, на этой ее железной койке, и думать об этом оказалось не так страшно, как могло бы быть.

Она любила, когда я приходила вместе с Таней, и однажды улыбаясь сказала:

– На меня похожа.

Нельзя было понять, шутит она или вправду так думает.

Когда наступила осень, я принесла бабе Люде букет из багряных рябиновых листьев, пахнущего шоколадом топинамбура и бархатцев.

Она с нежностью погладила лепестки цветов и попросила меня:

– Расскажи-ка, что там за окном дееется. Я осень люблю.

В последний свой визит я спросила у «матушки», какой гостинец привезти ей в подарок.

– Да что хочешь, доча, лишь бы из твоих рук. Но лучше всего – конфетку. Я ведь сладкое люблю... Ананьевич прятал от меня, ругался: не ешь много! нельзя тебе! А я ведь все равно ела... – Она развела руками и выразительно, с еле заметной улыбкой посмотрела на меня: – Ну что поделаешь, бессовестная...

Я ездила к ней два раза в месяц от самого начала лета вплоть до зимы, потом заболела на две недели, а после того еще две недели не приезжала из-за каких-то дел. Когда в конце декабря я появилась на первом этаже интерната и заглянула в знакомую комнату, бабы Люды там не было. На одной койке сидела высохшая старуха с птичьим лицом и задумчиво затягивалась папиросой. Другая кровать была пуста.

Оказалось, что бабу Люду с инсультом увезли в больницу, там она пробыла несколько дней и умерла. В доме престарелых каждые два или три месяца кто-то уходил на тот свет, и ничего сверхординарного тут не было.

Когда я вышла из дома престарелых на крыльцо, то вздрогнула от неожиданности: в пуховике, накинутом на белый халат, стоял тот самый медбрат, которого баба Люда когда-то назвала санитаром. Я поневоле остановилась рядом с ним. Танюшка убежала играть с белками.

– Она умерла легко. Вспоминала тебя, – сказал он мне, закуривая сигарету.

– Это хорошо, – ответила я, ничуть не удивляясь, что почти незнакомый человек называет меня на «ты».

– Придешь еще сюда? – спросил он с улыбкой, но в то же время совершенно серьезно.

– Приду, – пообещала я. – Через неделю, в субботу...

Падал снег, и мне казалось, что за его плотной завесой мелькают души всех людей, которые когда-то жили в доме-интернате и, может быть, как я, встретили здесь близких людей, ставших даже роднее, чем родные. Впрочем, мне хотелось, чтобы и настоящие дочери бабы Люси вспомнили о ней, нашлись. А если не дочки, то когда-нибудь найдутся, придут на ее могилку внуки от Анжелы или Ксении.

*Вы ж, ребрышко от ребрышка,
Маринушка с Егорушкой,
Моей землицы горсточку
Возьмите в узелок.*

г. Красноярск

**Андрей
МАХАЛОВ**

ТАЕЖНАЯ СКАЗКА

Внуку Александру посвящается

На вершине скалы, в которую с яростью билась и, обессилев, спокойней текла дальше горная таежная река, стоял могучий столетний Кедр. Он простирал над обрывом свои мохнатые руки, словно повелевая всей округой.

Рядом расположились мохнатые пихточки, изредка перемежаемые холодными осинами. По Кедру порой скакали неугомонные белки, играя в пятнашки. Когда какая-нибудь из заигравшихся белок срывалась с ветки, Кедр заботливо ее подхватывал раскидистой лапой.

В корнях жил полосатый Бурундук, который каждое утро здоровался с ним длинным свистом. Была осень, и Бурундук даже не лазил по кедровым ветвям за орехом, а довольствовался падалицей, лежащей на земле. Ореха было вдоволь и хватало всем, даже тарактелке Кедровке, прилетавшей на Кедр несколько раз в день, чтобы набрать по нескольку зерен и спрятать их под какой-нибудь пенек про запас.

Сорока, прилетавшая вечерами, рассказывала Кедру последние таежные новости, с комментариями, похожими больше на сплетни. Но с ней он общаться не любил, ее тарактенье его утомляло. Общаться он больше любил с Соколом-сапсаном, который каждую весну прилетал из южных краев и рассказывал ему новости дальних мест. Вот и в эту весну Сокол, снова появившись, приветствовал его громким писком. Для виду подремонтировав старое гнездо – жена все равно переделает по своему – и дождавшись, когда она улетит на охоту, он тут же поднялся со скалы и уселся на плечо Кедру, чтобы побеседовать со старым другом. Обычно, обсудив все главные новости здесь и за рубежом, они переходили к частным вопросам. Выведя за это лето трех соколят, Сокол готовился опять улететь с семьей на юга.

В один из осенних дней, как всегда, прилетела Сорока, и Кедру пришлось слушать ее трескотню. Сорока со скоростью пулемета стала перечислять все новости, начиная с жизни муравейника у старой пихты за речкой и кончая информацией о том,

сколько уток нынче табунится на озере. Рассказала она и об отрощенных старым лосем рогах, которые тот, конечно же, по своей рассеянности скоро потеряет у торфяного болота. При этом она успела разок слететь с ветки Кедра, чтобы поучить Медведя, какие пихтовые иголки надо есть на зиму. Наконец, Сорока выдохлась и замолчала.

Правда, не прошло и трех секунд, как она зататорила снова:

– Нет, вы только гляньте на ту молоденькую березку... Да вон там, на речной излучине. Нашла где прорасти! Неужели она считает, что молодой тополь, что рядом с ней, укроет ее от госпожи зимней стужи?! Ну и молодежь пошла...

С этими словами Сорока вдруг резко нырнула с Кедра к земле, испугавшись мелькнувшей тени. Это был Черный Ворон, старинный друг Кедра. Он аккуратно спланировал ему на плечо, вытер клюв о ветку и поздоровался.

Сокол своим острым зрением сразу разглядел ту Березку, но она мало его заботила (он ведь не зимовал в этих местах, да и вообще деревья интересовали его только в виде удобных для отдыха веток). А вот Кедр словами Сороки был огорчен. Ведь вся растительная округа да и все звери, которые питались его шишками, находились под его юрисдикцией.

Он еще весной понял, что Березка проросла не в том месте, чтобы пережить суровую зиму. Кончик острова, где она стояла, зимой продувался всеми студенными ветрами, и Березка просто вымерзнет на лысом галечнике. Он так подумал, но Сокола спросил о другом.

– Когда думаешь на юга? – спросил Кедр.

– Завтра-послезавтра. Когда задуют северные ветра, – ответил Сокол.

На следующий день задули те самые ветра, отряхивая последние желтые листья с осин. Облетела и Березка, поживаясь тоненьким стволом на холодном ветру.

К Кедру прилетел Сокол – попрощаться до следующей весны.

– Ну, бывай, – сказал Сокол, а потом громко крикнул, собирая свою семью для перелета.

По небу тянулся косяк гусей, и вслед за ним последовала семья Сокола.

Скоро пришла зима. Ночная пурга к утру кончилась, и ударил первый мороз. Из норы под корнем Кедра вылез Бурундук и, весело свистнув морозному солнышку, побежал искать под тонким слоем снега кедровые шишки. Пихты, стоящие на склоне между Кедром и островом, спасаясь от холода, распушили свои теплые шубы. А тонкий ствол Березки, почти не прикрытый снегом, одиноко ежил на морозе, пытаясь отогреться на утреннем солнце.

В пихтач прилетела Сорока и стала громко стрекотать, рассказывая про Березку-неудачницу. И пихты присоединились к обсуждению этого вопроса своим ворчанием.

– Смотрите на нее, какая бедная, даже куцую шубку не смогла приобрести на зиму! – галдели товарки.

Кедру надоела эта болтовня, и он уронил на сплетниц со своей ветки большой пласт снега.

Сорока улетела. Пихты притихли.

Кедр смотрел на Березку и думал о незавидной ее участи в студеную зиму. Он понимал, что настоящие морозы придут позже и, если Березка не укутается снегом, до весны она не дотянет. А на мысе, как он знал за многие годы, снег сдувается ветрами и укрыться Березке нечем...

Его мысли прервал Черный Ворон, грузно севший Кедру на плечо. Ворон был его старым другом и почти ровесником.

Немногословный и мудрый Ворон посмотрел туда же, куда смотрел Кедр, и, оценив ситуацию, резюмировал:

– Каждому свое.

Ворон только сегодня прилетел с севера. На зиму он не улетал далеко на юга, как гуси и утки, а лишь откочевывал немного южнее.

Недалеко от них кружила жена Ворона, дожидаясь супруга.

– Ну ладно, до весны. А то моя старуха заждалась, – сказал Ворон и, тяжело взмахнув большими крыльями, слетел с ветки.

– Как там, на севере? – вдогонку спросил Кедр.

– Идет большая стужа, – обернувшись, прокричал Ворон.

Шли дни. Мороз становился все более колючим, а снега все не было. Кедр, повидавший на своем веку многое и не склонный к особым переживаниям, ловил себя на мысли, что судьба Березки не выходит у него из головы. Он даже пару раз отпугнул прицелившегося на ее молодую кору зайца, громко крикнув: «Брысь!»

Кедр даже приказал Сороке сообщить всем, чтобы Березку никто не трогал. Сорока с радостью полетела всем расстрекотать, что старый Кедр влюбился в эту глупую Березку.

Впрочем, приказ действовал, и никто, начиная от зайцев и лосей и кончая полевыми мышами, не решался тронуть Березку.

Дни шли за днями. Морозы усиливались. В один из вечеров задул вниз по реке хоть и не очень сильный, но вымораживающий ветер. Температура резко упала, и вся тайга ежилась от холода, распушив иголки. Бурундук поглубже спрятался в своей норке, свернувшись калачиком, лоси укрылись в густом пихтаче среди мохнатых лап. Даже Кедру стало зябковато, и он передернул плечами. Хотя к полуночи

пошел мелкий крупный снег, он не укрывал Березку на открытом мысу. Ветер безжалостно сдувал снег на свежий лед реки. Березка гнулась на пронизывающем ветру и уже почти не распрямлялась, когда порывы ненадолго прекращались.

Власть Кедра не распространялась на мороз и ветер, и он с тоскою смотрел на обреченную Березку. Он вспоминал, как в молодости пережил свою первую зиму на этой скале, но ему было легче. От суровых ветров и морозов его прикрывал стоящий рядом трехсотлетний дед. Он погиб лет тридцать назад, когда молния обвалила край скалы вместе с дедом Кедром.

Березка стонала под ветром все тише и тише, пока не затихла...

И тут сердце старого Кедра не выдержало. Он напрягся и потянул из скалы сначала свои правые ноги. Собрав все силы, он все-таки вытащил их, оборвав корни. Потом он то же самое проделал с левыми ногами и на оставшихся культиях тяжело и медленно зашагал вниз по склону мимо пихтача, распугивая удивленных лосей. Взломав тонкий лед, он перешел протоку и зашагал в сторону Березки. Встав в нескольких метрах от нее, он из последних сил напрягся и запустил свои культи в мерзлый галечник.

Березка, почувствовав, что ветер утих, приподняла голову и удивленно посмотрела снизу вверх на Кедра.

Кое-как закрепившись на галечнике, Кедр подмигнул Березке и сказал:

– Ничего, перезимую.

Ветер, закрутившись о Кедр, стал потихоньку наметать за ним снег, который укрывал Березку. Убедившись, что деревце в безопасности, Кедр погрузился в тяжелый зимний сон.

Сны его были сумбурны и болезненны. Иногда, просыпаясь, словно Медведь в берлоге, он убеждался, что Березка хорошо, с головой укутана теплым снегом, и снова забывался сном.

Весна пришла в середине апреля, подсвечивая теплым солнышком и позвякивая мелкими перекатывающимися камушками в ручьях и на перекатах. Разбудил Кедра Большой Пестрый Дятел, вклепав ему в шею дробь своих брачных стуков.

– Ты что? Белены объелся? Во мне червей нет! – прикрикнул на Дятла Кедр, стряхнув его со своей ветки.

Дятел улетел на другое дерево.

Кедр посмотрел вниз и увидел, что Березка неплохо перезимовала. Она тоже проснулась, потягиваясь спросонья к солнцу своими молодыми веточками.

Проснувшись окончательно, она посмотрела на Кедра и, улынувшись, произнесла только одно слово:

– Спасибо!

Дни становились длиннее, и Березка стала выпускать свои первые листочки.

Проснулся Бурундук и, выбравшись из норы на поверхность, удивленно свистнул, не обнаружив хозяина.

...В один из дней прилетел Черный Ворон. В недоумении покружив над старым местом, где рос Кедр, он наконец заметил его неподалеку и уселся другу на плечо.

– Ты ли это? Что ты тут делаешь? – спросил Ворон.

– Да вот решил место сменить, поближе к молодежи, – ответил Кедр и показал ветвью на Березку.

– Ты что, старый, сбрендил? – сказал Ворон, покрутив маховым пером у виска.

– Так было надо! – сухо ответил Кедр.

– Впрочем, дело твое, – философски заключил Ворон и полетел к кружившей неподалеку супруге. Обернувшись, он предупредил: – Идет большая вода... И лед!

Кедр и сам знал это. Его ноги-культы почти не пускали молодых корней, почки почти не набухали, и иголки стали желтеть. Он знал, что это его последняя весна. Но все же готовился принять бой с ледоходом.

С каждым днем вода прибывала, и вот наконец как-то ночью по реке разнесся глухой треск... Пошел лед.

Основной удар принял на себя верхний конец острова, но и здесь, на нижнем его конце, хоть и с более мелким льдом, началась настоящая битва. Собрав все силы и вцепившись культями в дно, Кедр принимал на себя удары льдин, которые снимали с него кожу, как Медведь, делавший задиры на его коре. И в эти минуты Кедр испытывал какую-то странную гордость: задиры его друга Мишки нахоятся все же выше, чем задиры льдин...

Два дня Кедр стоял как стойкий оловянный солдатик, принимая удар за ударом. Березке, стелившейся под водой, удары льдин не грозили, так как льдины шли поверху.

На третий день вода неожиданно стала убывать. Основной лед заканчивался. Кедр сам не ожидал, что устоит.

Из-под воды показалась голова Березки, которая мило улыбнулась и спросила:

– Это все?

Кедр посмотрел вверх, где кружил Сокол, и спросил его то же самое:

– Это все?

Сокол, видевший далеко вокруг, ответил:

– Выше затор, сухая лиственница перекрыла русло.

Кедр понял, что самое страшное впереди. Когда прорвет затор, будет большая волна – и тем больше, чем позже затор прорвется.

Где-то выше по течению раздался громкий треск.

– Приготовься, – сказал Кедр Березке, – идет большая волна.

– Ох! – только и воскликнула Березка.

И, прикрыв голову руками, согнувшись по течению, приготовилась к удару.

Стена воды высотой почти три метра с гулом локомотива ударила в Кедр. И тот, вцепившись во все что можно и всем чем можно, выдержал этот удар.

Стремительный поток трепал его оголенные, уже без коры, нервы еще несколько минут. Когда вода стала опять спадать, Кедр обернулся, чтобы посмотреть: как там Березка? Та показала голову из воды и улыбнулась. «С ней все будет в порядке», – подумал Кедр.

И тут он получил неожиданный страшный удар в спину. Это подплывшая лиственница со всей дури врезалась в него своим комлем. Кедр качнулся... И, не удержавшись за дно своими калечными ногами, стал заваливаться на спину. При этом он понял, что может упасть на Березку, и последним усилием, опершись на левую руку, рухнул в воду, не задев подопечную.

Река приняла свою дань и, ворочая Кедр по дну, ломая его конечности, понесла вниз по течению. На узком повороте реки Кедр перегородил русло, и вода снова стала прибывать. Березка удивленно, тревожно смотрела на него, слегка улыбалась и плакала березовым соком. Кедр улыбнулся ей, поднял из воды мохнатую лапу, махнул на прощание. Прибывающая вода приподняла его, развернула и понесла по реке.

г. Кемерово

47 ОСОБЫХ ГОЛОСОВ

(к выходу в свет
1-й книги
«Современная литература
Кузбасса»)

Книга эта целиком посвящена современной поэзии Кузбасса. Как и все издание «Классика земли Кузнецкой» в трех томах, задумано и осуществляется Кемеровским областным отделением Союза писателей России и Кузбасским центром искусств при финансовой поддержке правительства области. Составители – Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай и Г. И. Карпова.

В первой книге III тома собраны стихотворения 47 поэтов Кузбасса. В первой части издания представлено и охарактеризовано творчество 13 поэтов, во второй опубликовано по несколько стихотворений еще 34 авторов, приведены их краткие биографии и названия выпущенных ими сборников.

Разделение это предпринято по следующему принципу. Стихотворения первых 13 поэтов были так или иначе замечены литературной критикой самого различного уровня, включая таких авторитетов, как Игорь Волгин, Станислав Куняев, Вячеслав Лютый, Николай Переяслов, Нина Ягодинцева; их творчество исследовали другие поэты (Владимир Соколов, Валентин Сорокин) и ученые (например, профессор, доктор филологических наук Наталья Налегач). Также о них дала свои отзывы целая группа вузовских преподавателей, кандидатов филологических и педагогических наук, опытных преподавателей средних учебных заведений и библиотекарей. Огромная заслуга в том Галины Ивановны Карповой: именно она установила связь со всеми этими восемнадцатью литературоведами, подвигла их к участию в издании.

Остальные поэты, чьи стихи опубликованы в книге, вполне могут рассчитывать на внимание и читателей, и специалистов: все они члены Союза писателей России.

В чем еще огромное значение самого факта этого издания? В нашей стране, не так уж давно самой читающей в мире (вспомним слова Евгения Евтушенко: «...стихи читает чуть не вся Россия и чуть не пол-России пишет их», поскольку «Россия рвется, мучась и любя, тайком, тихонько или громогласно, но выразить, но выразить себя»), после переворотов 90-х годов ситуация в духовной сфере резко изменилась.

Литература оказалась очень умело и под благовидными предложениями вытеснена из общественной жизни. Началось, естественно, со школы, с детства любого человека. Как учебный предмет литература была выведена из числа предметов для обязательного изучения в число предметов по выбору, то есть в средних и старших классах читать стало необязательно. Аргумент хороший: для разгрузки школьников. А вышло – для разгрузки от умения думать и говорить, для выработки клипового мышления.

Вузовские программы по литературе сократили до неприличия. Книгоиздание отдано в «невидимые руки рынка», то есть книга стала предметом купли-продажи, обязанным приносить прибыль. Цены взлетели. Пропаганда литературы прекратилась. И вряд ли сделано это было необдуманно или по недоразумению.

В этой атмосфере издание трехтомника литературы Кузбасса – событие, которое очень дорогого стоит. Оно, конечно, не изменит ситуацию ни в стране, ни в регионе, но оно нужно, как глоток воздуха, без преувеличения десяткам тысяч людей.

Попытаюсь предельно коротко сказать о содержании этой книги. Первые поэты, подборки стихотворений которых представлены вниманию читателей, – старейшины поэтического цеха Кузбасса: главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Сергей Лаврентьевич Донбай и председатель Кемеровского областного отделения Союза писателей России Борис Васильевич Бурмистров.

Поэтическое творчество С. Донбая поддержано в книге статьями Станислава Куняева, Вячеслава Лютого и поэта Владимира Соколова. Первично в них слово Куняева, назвавшего свой отзыв «От мира сего». В самом деле, в центре творчества С. Донбая судьба родного края в переплетении с судьбой самого поэта: послевоенное детство, рабочая биография автора и Кузбасса, родные люди и родная природа, русская народная, сибирская речь, быт и нравы.

По мнению В. Лютого, «природное и детское живут в Донбае не споря и помогают друг другу», у него «цепкое литературное зрение» и твердая укорененность в русской литературной традиции. А в отношении к собратьям по перу «нет распространенного сегодня литературного суждения»...

Жизненный путь Бориса Васильевича Бурмистрова наполнен такими трудностями, такой тяжелой работой, такими утратами и испытаниями, что, читая его биографию, трудно представить, как все это сформирует лирического поэта. Но и его творчество, по отзыву Ст. Куняева, «заполнено картинками вечной народной трудовой страды». Лично проходя все эти круги земного ада, «бросая свой взгляд в мир социальных страстей», поэт вовсе не впадает в публицистическую остроту и кликушество, а предпочитает видеть и выражать в своих стихах и «скрытую тепло-

ту патриотизма» (Л. Толстой), и «теплоту любовей, друзей и семей» (В. Маяковский).

По мнению Ст. Куняева, «любовь, как воздух разлитая по страницам лирических книг Бориса Бурмистрова, связывает, скрепляет все частицы... нашего внутреннего и внешнего мира, любовь к жизни, любовь к Родине, любовь к женщине, любовь к истине, любовь к поэзии».

Представлена в книге и большая подборка стихотворений Владимира Васильевича Иванова, члена Союза писателей еще СССР, с 1983 года. Он поэт, прозаик и журналист. В прозе работает в самом трудном жанре – жанре рассказа. О стихах его отзывались и московская поэтесса Людмила Щипахина («Владимир Иванов радуется неизбитостью, образностью, остротой поэтического мышления»), и кемеровский поэт Игорь Киселев («Я сказал бы, что у него природная постановка поэтического слуха»).

В книге из серии «Классика земли Кузнецкой» стихи его характеризует друг по жизни и творчеству, исследователь Владимир Михеев. В стихах Иванова он отмечает их органичность: «...поэт жестко отказывается от всякого рода экспериментов, всяческой внешней искусственной экспрессии стиха» и при этой органичности «соединяет два противоположных начала: макро- и микрокосм», то есть надмирное, высокое и обыденное.

Во время подготовки к изданию этой замечательной книжной серии, посвященной творчеству кузбасских писателей и поэтов, в феврале 2021 года, оборвалась жизнь одного из самых интересных и талантливых наших авторов – Александра Ивановича Каткова. Сын строителя и учительницы младших классов, он с детства проявил самый серьезный интерес к литературе, искусству, языку. Легко поступил в Пятигорский институт иностранных языков и уже на третьем курсе, как один из самых талантливых студентов, был направлен в Лейпцигский университет (ГДР) для завершения образования.

Кандидат филологических наук, доцент Ирина Ащеулова в статье о творчестве поэта и переводчика Александра Каткова подчеркивает, что его европейская образованность, талант в сочетании с глубокой и искренней любовью к родине и своим корням, к родным людям, родной истории и языку и создают феномен поэта, свободно владеющего основами мировой культуры. Ключевой темой его поэзии станет путь лирического героя через, казалось бы, неодолимые препятствия, опасности и соблазны к своим корням, к духовной родине, какой проделает легендарный герой античности Одиссей на свою Итаку...

Близок Каткову по духу, хотя и совершенно отличен по судьбе поэт Виктор Анатольевич Коврижных, тоже безвременно ушедший от нас совсем недавно,

в августе 2022 года. Он родился и всю жизнь прожил в селе Старобачаты Беловского района Кемеровской области.

Казалось бы, парадокс: человек всю жизнь прожил в одном селе (кроме службы в армии), а стал известным поэтом, которого совсем не скучно читать. Секрет прост: все впечатления бытия, самые яркие впечатления детства, как он сам говорит в автобиографии, «по сей день живут в моем сердце, и уже ничем их не вытравить и не заслонить. Они как узор на пальцах – неистребимы». А поэтический дар – это Бог поцеловал. Как тут не вспомнить Есенина, который и сам на всю жизнь остался «поэтом золотой бревенчатой избы»...

Сергей Кузнецихин в статье о Викторе Коврижных подчеркивает, что разнообразная тяжелая и прозаическая работа, быт и труд земляков, родная природа находят в душе и творчестве поэта отклик искренний, взволнованный, чистый и талантливый.

Совершенно не рядовой, а очень самобытный и глубокий поэт – Иосиф Абдурахманович Куралов. Самобытность его прежде всего в том, что он стоит на стыке двух культур – татарской и русской. Татарскую он впитал от своего дедушки, глубоко знавшего поэзию национального классика Габдуллы Тукая, а русскую постигал, по его собственным словам, из библиотеки, собранной родителями и хранившейся в огромном деревянном шкафу. Неустанное, увлеченное чтение даст знания и сформирует мировоззрение, разбудит собственный талант – да так, что не иной кто, а сам Юрий Поликарпович Кузнецов заметит и высоко оценит стихи Куралова.

По мировоззрению он человек абсолютно советский, творчество его широко и многообразно по тематике, очень богато по языку. Екатерина Тюшина в обстоятельной статье подчеркивает: «Стихи Куралова – это яркий, ироничный, разнообразный портрет современности, срез времени, в котором живет сам поэт... Гражданский пафос у него органично переходит в задушевный лиризм, лирика расцветается ироническими интонациями».

От себя добавлю, как солидарен я с такими его строками:

*...А есть какой-то голый стыд и срам.
Многоканальная теледубина.
Базарный хам заполнил Божий храм,
А Родину заполнила чужбина...*

Павел Николаевич Майский – поэт, сформировавшийся в советские годы. Отец его – горный инженер, один из руководителей строительства Таштагольского рудника, а в годы войны – боевой офицер, командир истребительно-противотанкового отряда, затем политрук 43-й добровольческой сибирской бригады, погиб в боях под Москвой. Мать большую часть своей жизни стояла во главе Кемеровского об-

ластного профсоюза работников лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Павел после окончания Сибирского металлургического института работал инженером-проектировщиком металлургических заводов, в том числе и Запсиба. Окончил Литературный институт им. Горького в семинаре Егора Исаева, и темой его поэтического творчества на всю жизнь стала земля Кузнецкая, ее природа, героический труд ее людей, ее история, настоящее и будущее. По свидетельству его давнего друга и помощника Василия Александровича Галактионова, Павел Николаевич всегда находил себе и труд и отдых в поселке Сарбала, в преддверии тайги, что и позволяет ему наполнять дыханием родной природы многочисленные сборники стихотворений...

Сложным и драматичным был жизненный путь, и выстраданным стало творчество поэта Олега Ефимовича Максимова, живущего в Таштаголе. Сын профессора, секретаря литературного журнала, окончившего в свое время Пражский университет, и певицы, работавшей в окружении Петра Лещенко, он в 1949 году пятилетним ребенком был депортирован с родителями в поселок Спасск за Таштаголом.

С четырнадцати лет начал работать в механическом цехе Таштагольского рудника, окончил вечернюю среднюю школу, отслужил в армии, уезжал к родственникам в Кишинев и вернулся из-за болезни родителей. Начал работать литсотрудником в газете «Красная Шория», входил в духовную и творческую жизнь страны и Кузбасса и глубоко постигать суровую таежную природу. Литературный институт им. Горького в Москве окончил в 1990 году, снова вернулся в Кузбасс.

Светлана Старовойтова в теплой и содержательной статье о творчестве поэта подчеркнет: «В стихах Олега Максимова есть и исторические образы, и сатирические хлесткие строки о современном обществе, есть горькие гражданские стихи и лирические нежные размышления об отношениях мужчины и женщины, о вековом укладе и небесном промысле земного пути человека».

Самые молодые и перспективные поэты из всех, чье творчество представлено в первой половине книги, – это Дмитрий Владимирович Мурзин и Андрей Владимирович Правда. Об их стихах отзывались люди очень компетентные и глубоко уважаемые.

О Дмитрие Мурзине благожелательно написал его руководитель в семинаре Литературного института, профессор Игорь Волгин и сопроводил свой отзыв хорошим напутствием. Профессиональную и глубокую рецензию на книгу стихов «Клиническая жизнь» дал известный современный критик и литературовед Нина Ягодинцева.

Стихотворения Андрея Правды проанализировал в своем обстоятельном и одобрительном эссе доктор филологических наук, профессор Н. В. Налегач.

Нет никакого сомнения, что высокие оценки обоими кемеровскими поэтами вполне заслужены и добрые пожелания авторитетных критиков будут ими реализованы.

Поэт из Новокузнецка Татьяна Николаева тоже ушла из жизни недавно – в марте 2021 года. Вот как она говорила о себе:

*Жизнь моя – как сломанная дудка...
Но Господь поднес ее к устам...*

И в продолжение:

*Лишь минутку длилась Божья милость:
«Ну, а дальше ты сама живи».*

Вот такая диалектика: от Бога – Божий дар, талант, а от себя – бесконечные метания по жизни. По всей жизни – поиск красоты и совершенства во всем. Она и художник, и поэт, и на целых пять лет – монахиня, и педагог, и наставник молодых поэтов, вышивальщица икон, жена, мать.

Вот опять же она о самой себе:

*Мягче, ветер, мягче, – я без кожи, –
Не сдувай лицо с моей души.*

О поэзии Татьяны Николаевой взволнованно и проникновенно написала ее сподвижница по творчеству и жизни Ольга Козлова. Написала хорошо. Дополнять не хочется.

Еще поэт из Новокузнецка – Александр Дмитриевич Раевский. Для меня, как бывший мой студент, – просто Саша. Приехал в Кузню из деревни, где в ранней юности начал писать стихи, работал пожарным (ушел в отставку капитаном внутренней службы), окончил факультет русского языка и литературы, по сей день пишет.

Странно было бы, если бы юноша из деревни в стихах не подражал Есенину. Но длилось это недолго. Сейчас основная тональность и язык его поэзии – русские, народные. Тематика – разнообразная. Лирика любви – и проникновенно-нежная, целомудренная, и озорная, как спортсмены говорят, на грани фола, но никогда не пошлая. Картины природы не из пальца высосанные, а вошедшие прямо из натуры в душу. Уроки жизни, усвоенные от бабушки и родителей, и серьезные, подчас горькие раздумья о современной жизни. И очень искренние исповеди перед людьми, друзьями-поэтами. А еще – свое видение истории и современности.

По языку, как он сам говорит, – «подражания» народным сказкам, всякого рода легендам и «поба-

скам». И замечательные поэтические миниатюры. Читать Раевского интересно...

И еще поэт, представленный в первой части книги, о котором говорить очень горько, – это Татьяна (Тайана) Васильевна Тудегешева. Она умерла 14 февраля 2022 года, когда приехала в Петербург в гости к младшему сыну.

О себе она писала так:

*Я дочь, я ветвь абинского народа...
Я песня-плач абинского народа...*

Абинский народ – это древние шорцы, испокон веков населявшие таежные пространства Южного Кузбасса, народ со своей самобытной историей и культурой.

Секретарь Союза писателей России Николай Перясов в предисловии к ее книге «Медногривое солнце встает» писал: «Поэзия Тайаны Тудегешевой – это непрерывный поиск своего национального, духовного и культурного начала; это шествие по тропе исторической и генетической памяти в глубины забытых веков».

Родом она из маленького таежного селения Усть-Анзас, где сейчас и похоронена. Пятилетней девочкой побежала за отцом, директором сельской школы, с портфелем, набитым книжками, да так и не отстанет потом в этом стремлении к знаниям и даже среднюю школу окончит на два года раньше ровесников.

Стихи ее будут замечены, литературное образование завершит на Высших литературных курсах при Литинституте им. Горького в семинаре Юрия Поликарповича Кузнецова.

В стихах Тудегешевой живая жизнь таежной природы, родного народа, сохраненная в легендах и преданиях. И самое ценное – что она выражает в них вечные ценности любви, труда, отваги, преданности, верности и веры. Сегодня, в противостоянии той бесовщине, которую пытается навязать миру «цивилизованная Европа», эти стихи – самый настоящий глоток свежего воздуха...

На правах автора статьи я позволю себе немножко нарушить установленный в книге регламент, что-

бы чуть подробнее рассказать о творчестве Любови Никитовны Арбачаковой, отнесенной в группу авторов во второй части издания. Ее творческий путь – это феномен, возможный, на мой взгляд, только при советском строе. Девочка из самой таежной глухомани, из семьи, никак не причастной ни к поэзии, ни вообще к большой культуре, получит высшее педагогическое образование, станет кандидатом филологических наук, старшим научным сотрудником Института русского языка Сибирского отделения Академии наук, членом Союза писателей и Союза художников России.

Она автор научных монографий, картины ее представлялись в Москве, Новосибирске, Кемерове, Новокузнецке и других городах России, а также в Германии. Автор нескольких сборников стихов. Без всякого преувеличения – голос народный. Стихи ее не очень разнообразны по тематике и, как правило, невелики по объему. Но, как и в ее замечательных картинах, это то простое, что не выдумано и не вычитано, идет из глубин подсознания. За простыми деталями природы, быта, органичными и живыми метафорами ее стихотворений – видение художника...

Представленные во второй части книги подборки стихотворений еще тридцати трех поэтов – это выражение того, как живо и значимо в людях духовное, творческое начало. Не может человек жить без света в душе, без стремления к высокому, чистому, без внутреннего преодоления обыденности и прозы жизни.

Духовная жизнь, поэтическое творчество – та почва, без которой просто невозможны стихи великих поэтов, которыми мы живем и дышим. По роду своей работы, больше полувека преподавая литературу, не перестаю удивляться, как много, хорошо и охотно люди пишут стихи.

Видимо, правильно сказал Есенин:

*Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.*

Анатолий САЗЫКИН,
кандидат педагогических наук,
г. Новокузнецк

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

12 октября в библиотеке «Книгоград» г. Кемерово состоялась творческая встреча с писателем Н. Дубровской.

12 и 13 октября на базе Кузбасского техникума архитектуры, геодезии и строительства проходили творческие встречи с поэтом С. Донбаем, организованные Кузбасским центром искусств. На встречах поэт читал стихи, рассказывал о своей жизни, отвечал на многочисленные вопросы студентов. Все участники получили массу положительных эмоций.

13 октября в библиотеке им. Н. В. Гоголя состоялась встреча с читателями «Знакомьтесь, писатели – наши земляки». В ней приняли участие Е. Краснова и Н. Дубровская.

14–16 октября в Москве прошел Всероссийский фестиваль молодых поэтов «Мцыри». Первое место (Гран-при) занял А. Назаров из Кемерова. Дипломантами фестиваля стали В. Емельяненко (Кемерово), Е. Гончарова (Прокопьевск), Е. Андропова (Березовский), А. Пронкевич (Кемерово).

16 октября поэт Д. Филиппенко провел творческую встречу в Центральной городской библиотеке Осинников.

20 октября в Колмогоровской модельной библиотеке состоялась литературная гостиная «Разговор по душам» с членом Союза писателей России Н. Башевым.

21 октября в ДК «Центральный» г. Анжеро-Судженска прошла встреча в честь 55-летия литературного объединения (первый руководитель – поэт Н. Теплов) и 25-летия присвоения студии имени поэта В. Д. Федорова. Поздравить студийцев приехали поэты Б. Бурмистров, З. Козлова, референты Союза писателей Кузбасса Г. Карпова, М. Шеховцов. Выступили анжерские писатели С. Подгорнов, Ю. Матвеев, нынешний руководитель студии О. Исаенко и др.

21 октября Центр детского и юношеского туризма и экскурсий им. Ю. Двужильного посетил поэт Н. Мурзина. С ребятами из клуба «Серебряные струны» она провела беседу о бережном отношении к Слову, познакомила с творчеством поэта И. Киселева, показала редкий фрагмент сохранившихся видеоматериалов, где поэт читает свои стихи.

22 октября в Центральной библиотеке г. Мыски прошло собрание Совета молодых литераторов Кузбасса.

23 октября в Ленинске-Кузнецком в Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской прошла презентация книги Ю. Сливиной «Неестественный отбор».

26 октября в библиотеке им. А. М. Береснева прошли VII Бересневские чтения с участием писателей Б. Бурмистрова, В. Лавриной, Е. Тюшиной, К. Стафиевского, кандидата филологических наук Г. Карповой. Театрализованное представление по стихотворениям А. Береснева представили школьники из творческого объединения «Я + ты» Центра дополнительного образования им. В. Волошиной.

26–28 октября в Томске прошел Международный фестиваль-конкурс «Устами детей говорит мир». Среди мастеров фестиваля был поэт из Кемерова, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» С. Донбай. На одном из занятий творческих лабораторий присутствовал губернатор Томской области В. Мазур. Участники задавали ему вопросы и за хороший вопрос под аплодисменты получали ответ губернатора и журнал «Огни Кузбасса». Среди победителей конкурса – молодые литераторы из Кузбасса: обладатель Гран-при Е. Евсюков (Яя) и дипломант З. Изосимова (Ленинск-Кузнецкий).

27 октября в Березовском прошла творческая встреча с членом СМЛ Кузбасса Ю. Малевановой.

27 октября в библиотеке им. Г. Юрова поэт Д. Мурзин провел для школьников Рудничного района мастер-класс «Как читать стихи?».

28 октября в пгт Тяжин, 29 октября в пгт Тисуль, 30 октября в пгт Верх-Чебула поэты Д. Филиппенко и Д. Мурзин провели мероприятия в рамках литературно-социального проекта «На честном слове. Поселки городского типа».

29 октября в Тисульской центральной районной библиотеке прошла творческая встреча с поэтами Д. Мурзиным и Д. Филиппенко.

1 ноября в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского открылась выставка «Сквозь переплеты книг», посвященная памяти поэта Т. Николаевой (1956–2021). Организовали выставку сотрудники музея и члены Кемеровского регионального представительства Союза российских писателей и Кемеровского областного отделения Союза писателей России. В торжественном открытии приняли участие новокузнецкие поэты и прозаики Г. Шемелин, Е. Трухан, С. Ерофеев, О. Комарова, С. Озеров.

2 ноября прозаик А. Королев представил на заседании студии «Притомье» свою книгу «Провожатый». Рассказал о своем творческом пути, поделился планами с участниками студии.

5–7 ноября в Нижнем Тагиле и Горноуральском городском округе прошла XXIII конференция Ассоциации писателей Урала и Сибири и Маминские дни, посвященные 170-летию Д. Мамина-Сибиряка. Писатели почти из 20 регионов России посетили родину Мамина-Сибиряка – поселок Висим и Черноисточинск, где в центре культуры прозвучали доклады (Н. Ягодинцева), прошли прения (А. Кирилин, Л. Быков, А. Титов, В. Ерофеева-Тверская и др.) и была вручена премия им. Д. Мамина-Сибиряка. Кузбасс на конференции представлял поэт Д. Мурзин.

7 ноября, накануне дня рождения писателя, директор и шесть научных сотрудников новокузнецкого Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского были награждены памятной медалью Министерства культуры Российской Федерации «Великий русский писатель Ф. М. Достоевский. 1821–2021». Вручил награды праправнук знаменитого романиста Алексей Дмитриевич Достоевский, почетный президент Международной наградной коллегии ордена «Звезда Достоевского».

8 ноября в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского для старшеклассников гимназии № 10, которая с 2019 года носит имя великого романиста, прошла презентация книги члена Союза писателей России Е. Трухан «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского 1855–1857 годов». Мероприятие стало частью межмузейной просветительской программы «Достоевский 200 + 1».

11 ноября поэт Н. Мурзина встретила с ребятами из клуба «Серебряные струны» в Центре детского и юношеского туризма им. Ю. Двужильного. Встреча была посвящена творчеству замечательного кузбасского поэта Л. Гержидовича. Ребята познакомились с его биографией, посмотрели видеофрагменты, услышали воспоминания о нем. Во время встречи звучали добрые, живые, прекрасные стихи.

12 ноября в пгт Инском, 18 ноября в пгт Бачатском и 27 ноября в пгт Краснобродском прошли встречи с молодыми литераторами в рамках проекта «На честном слове. Поселки городского типа».

13 и 14 ноября прошли Дни «Литературной газеты» в Кемерове. За два дня было проведено четыре мероприятия: в библиотеке для детей и молодежи состоялась презентация литературной премии «Гипертекст» и круглый стол на тему «Дорогу молодым», в областной библиотеке им. В. Д. Федорова – твор-

ческая встреча с Максимом Замшевым и Александром Чистяковым, в Кемеровском государственном институте культуры – круглый стол «Настоящее прошлое» на тему «Земля Кузнецкая».

21 ноября проведен поэтический телемост между СМЛ Кузбасса и СМЛ Рыбинска «Рыба-шахтер».

22 ноября СМЛ Кузбасса начал реализовывать литературно-краеведческий онлайн-проект «Почитай старших», в рамках которого молодые писатели снимают видеоролики, где читают стихи известных кузбасских писателей.

23 ноября в Междуреченске прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

24 ноября в Центральной детской библиотеке Ленинска-Кузнецкого состоялась встреча школьников с поэтами родного края: В. Гуляевым и А. Абушаевым (Полысаево). Поэты познакомили ребят не только со своим творчеством, но и рассказали интересные факты биографии. Ребятам показали видео о заповеднике «Кузнецкий Алатау», познакомили с журналом «Огни Кузбасса», рассказали об альманахах «Кольчугинская осень» и «Образ», которые выходят в Ленинске-Кузнецком.

167

28 ноября в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло представление четвертого номера журнала «Огни Кузбасса». Поэт С. Донбай представил свою юбилейную публикацию, поэт Д. Филиппенко прочел новые стихи о шахтерском труде, Е. Тюшина рассказала о своей публикации к 100-летию АИК «Кузбасс». Выступили авторы журнала В. Чурилов, С. Чернопяттов, О. Кусакина. О публикациях отсутствующих авторов рассказывали Б. Бурмистров и Д. Мурзин. Вел встречу главный редактор журнала С. Донбай.

29 ноября прошла творческая встреча поэтессы И. Фроловой со студентами Кузбасского педагогического колледжа. Тема встречи: «Малая родина в творчестве кузбасских поэтов».

29 ноября в литературной гостиной музея Ф. М. Достоевского состоялось открытие выставки «Дачный альбом. Лето» и поэтический вечер-вернисаж. Свои стихи читали А. Раевский, О. Комарова, Ю. Чайка, Е. Трухан, Г. Шемелин, Н. Палаткина, Н. Лучкина. На выставке были собраны произведения пейзажной лирики П. Майского, А. Раевского, Л. Никоновой, Н. Николаевского, О. Комаровой, Е. Трухан, В. Баянова, Р. Сидорова и других поэтов Кузбасса.

29 ноября состоялась творческая встреча поэта Д. Мурзина со студентами Кузбасского медицинского колледжа.

2–3 декабря в г. Кстово (Нижегородская обл.) прошел фестиваль иронической поэзии «Русский смех». Кузбасс на форуме представлял поэт Д. Мурзин.

4 декабря Н. Мурзина приняла участие в концерте, посвященном 18-летию создания дружины «Кемеровоград» БПС (Братства православных следопытов), который состоялся в зале Кемеровского колледжа информационных технологий и права.

7 декабря ответственный секретарь журнала «Огни Кузбасса» Д. Мурзин встретился с читателями библиотеки «Книжный меридиан». На встрече были представлены 3-й и 4-й номера журнала, книжная серия «Приложение к журналу “Огни Кузбасса”» и книга А. Королева «Провожатый», антология «ПозЗия русского лета». По заявке читателей поэт рассказал о «Кузбасской саге» С. Павлова.

15 декабря была вручена Евразийская премия в области журналистики, литературы и медиа «Мост». В полуфинал премии прошел поэт Д. Мурзин.

16 декабря поэт Н. Мурзина провела литературный вечер, посвященный творчеству поэта В. Коврижных, для ребят клуба «Серебряные струны» Центра детского и юношеского туризма им. Ю. Двужильного.

16 декабря поэт Б. Бурмистров и кандидат филологических наук Г. Карпова представили студентам 4-го курса отделения журналистики Кемеровского государственного университета трехтомник «Классика земли Кузнецкой», выпущенный Кузбасским центром искусств. Работа над фундаментальным изданием научного типа заняла четыре года.

20 декабря в Кузбасском центре искусств на ул. Дзержинского, 6 состоялось отчетное собрание Кемеровского отделения Союза писателей России. С отчетами выступили председатель правления Б. Бурмистров, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» С. Донбай, заместитель руководителя Совета молодых литераторов Кузбасса О. Рокова. В прениях можно было услышать В. Коняева, И. Куралова, Д. Мурзина и др. Собрание рекомендовало в Союз писателей России Е. Краснову, В. Гуляева, А. Поселену, Т. Катрич.

20 декабря в Кузбасском центре искусств на ул. Дзержинского, 6 прошло награждение победителей регионального конкурса профессиональных писателей «Литературная премия года». Жюри рассмотрело книги (поэзия, проза, публицистика), изданные в период с 2020 по 2022 год. Всего было прислано 24 заявки. В конкурсе приняли участие члены профессиональных творческих союзов Кузбасса из Кемерово, Новокузнецка, Березовского, Ленинска-Кузнецкого, Полысаева и Таштагола. Победителями стали:

- в номинации «Проза» – И. Тюнина с книгой рассказов «До встречи в сентябре!»,
- в номинации «Поэзия» – А. Раевский с книгой стихов «Золотой жук»,
- в номинации «Публицистика» – Е. Чириков с книгой «Александр Бобров: роли и жизнь» (серия «Замечательные люди Кузбасса»).

21 декабря в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского были подведены итоги X открытого городского конкурса детского творчества «На утренней зорьке», посвященного литературной деятельности кузбасских братьев-писателей Владимира и Геннадия Неунывахиных. В нем приняли участие более 160 детей разных возрастных групп из Новокузнецка и Мысков. В номинации «Литературное творчество» победителями стали Кристина Громова (школа № 33, Новокузнецк), Валерия Паршина (школа № 101, Новокузнецк), Полина Итальяева (школа № 13, Новокузнецк), Алина Понофидина (школа № 8, Новокузнецк), Анастасия Кемерова (школа № 3, Мыски), Дарья Семко (школа № 100, Новокузнецк).

22 декабря в Кемеровском епархиальном управлении состоялось вручение VIII Кузбасской литературной премии имени святителя Павла Тобольского. Церемонию возглавил митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх. Лауреатами премии стали: в номинации «Проза» – Б. Бурмистров; в номинации «Православное краеведение» – коллектив авторов акафиста священику Амфилохию (Скворцову), епископу Красноярскому и Енисейскому: протоиерей Дионисий Злобин, В. Ермоленко, Г. Малашин и А. Иркова. Кроме того, митрополит вручил ряд благодарственных писем. Наград удостоились: протоиерей Сергей Адодин – за организацию цикла просветительских спектаклей на приходах митрополии и вклад в формирование литературного наследия Кузбасса; С. Донбай и Д. Мурзин – за патриотическую позицию во время проведения специальной военной операции.

22 декабря в Москве подвели итоги Международной премии им. Ф. Искандера. В номинации «Поэзия» специальный почетный диплом получил Д. Мурзин.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В антологию русской военной поэзии 2014–2022 гг. «Воскресшие на третьей мировой» вошли стихи поэта **Д. Мурзина**.

На сайте еженедельника русских писателей «День литературы» 7 июля вышла статья **В. Коняева** «Англичанка отгадила».

«Литературная газета» № 45 опубликовала подборку стихотворений **Д. Мурзина** «Офис ушел на фронт» и рецензию Р. Сенчина на книгу стихотворений **Д. Филиппенко** «Качели ностальгии».

Журнал «Бийский вестник» № 4 напечатал юбилейную подборку стихов **С. Донбая**.

Молодежный журнал «Пролиткульт» (Москва) № 3 опубликовал подборки молодых писателей Кузбасса: **В. Емельяненко**, **М. Сычевой**, **В. Шагиахметова** и **К. Дорышевой**.

Альманах «Российский колокол» в спецвыпуске «По следам “Книжной Сибири”» напечатал подборку стихотворений **Д. Мурзина**.

На сайте еженедельника «День литературы» 5 октября опубликован очерк **А. Сазыкина** «Путеводитель по русской душе» (по сборнику стихотворений Н. Зиновьева «Портрет неизвестного»).

Альманах «Русский смех» за 2022 год напечатал стихи **О. Яковлевой** и **В. Конькова**.

В декабрьском номере электронного журнала «Формаслов» опубликованы «Две кукольные истории» **Ю. Сычевой**.

ИЗДАНЫ КНИГИ

Береснев А. Солнышком согреты: стихотворения. – Кемерово: ГНБК им. В. Д. Федорова, 2022. – 160 с.

Классика земли Кузнецкой: в 3 томах. Т. 3. Современная литература Кузбасса, кн. 1. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. – 594 с.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» за 2022 год

ПОЭЗИЯ

Аксенова Ксения. Голос болит обо мне	III-82
Белохвостова Юлия. Папина яблоня	IV-77
Брюзгина Марина. Тревожное одиночество	VI-52
Бурко Алексей. Вспомнишь струну магистрали	VI-58
Ватутина Мария. Ева живет не в саду, в аду	IV-49
Дмитриев Валерий. Бой за Русский мир	VI-27
Долгарева Анна. Говорила да выпевала	III-28
Домарёв Денис. Можно быть, как я, хорошим	III-91
Донбай Сергей. Гори, моя слеза!	IV-3
Еременко Владимир. Не разменяю дальних гор	II-124
Каганов Владимир. России непреклонный дух	II-116
Казаков Евгений. Бабочка в небе заблудилась	I-85
Клёстов Дмитрий. Своих хватает бед	II-49
Климанов Юрий. Свет и греет, и играет	III-18
Коврижных Виктор. До свидания	V-74
Колач Татьяна. Перемешаны мгновенья	IV-101
Михайлов Юрий. Сыграй «калашниковым»	IV-47
Могутиев Юрий. Отзвук жизни прожитой	I-124
Москвитин Сергей. После летней грозы	I-92
Надирова Ирина. Эпоха раздражения	VI-80
Правда Андрей. На прогулке	I-65
Ревякина Анна. Шахтерская дочь. Поэма	II-3
Рубанов Роман. Мы – русские! С нами Блок!	VI-7
Русанова Елена. Русское словушко, где ты, соловушка?	I-75
Рыбкин Сергей. По направлению в нежность	III-80
Скарлыгин Геннадий. Скорбим о Родине большой	IV-86
Сычева Юлия. Битый день	III-9
Трухан Елена. Жизни березовый сок	II-52
Тюнина Ирина. Часовня тополя	II-114
Филиппенко Дмитрий. Жизнь длиною в штрэк	IV-12
Хапилова Ольга. Потерпи обо мне	V-67
Четверикова Мария. Я – охотница за печалью	VI-69
Четверикова Татьяна. Ветер с Иртыша	V-3
Шагиахметов Виктор. Пейзаж с пустырем	V-104
Щацков Андрей. Век двадцатый – это на века!	V-89
Щелканов Владимир. С тех пор прошли большие годы	V-117

ПРОЗА

Ахметшин Артур. Нити закончились. Рассказ	III-6
Байлагашев Виктор. Тридцатьвторушка. Рассказ	VI-54
Башев Николай. Знамение. Рассказ	IV-88
Борисова Евгения. Рассказы	III-71
Брюховецкий Виктор. Старик и Сеттер. Рассказ	VI-82
Вежбицкая Ксюша. Рассказы	III-11
Давыдов Александр. Рассказы	V-55
Декина Женья. Мартини. Рассказ	III-84
Дюкин Борис. Долгий летний день. Рассказ	VI-60
Иванов Владимир. Рассказы у костра	V-78
Иванов Леонид. Рассказы	IV-79
Ивасьева Ирина. Шелк и кашемир. Рассказ	III-3
Кармалита Кристина. Бог с соседнего балкона. Рассказ	I-68
Кердан Александр. По главной линии. Рассказ	I-87
Ким Инна. Рассвет. Рассказ	V-106
Кирилин Анатолий. Где-то далеко, в России-матушке	V-92
Коняев Виктор. За Родину умереть не страшно. Отрывок из повести	II-11
Королев Андрей. Догони радугу. Роман	I-4
Кренёв Павел. Рассказы	VI-29
Крупин Владимир. Жертва вечерняя. Рассказы	V-7
Лагутин Дмитрий. Лишний воздух. Рассказ	III-87

Максимов Владимир. Праздник, который всегда...

Повесть	I-94
Малышев Игорь. Хлам. Трагедия-комедия-фарс	VI-10
Романов Андрей. Таежный взвод. Повесть	II-54
Савченко Александр. «Нет, он первый». Рассказ	IV-6
Смышляев Александр. Женщина для бродяги. Повесть	IV-51
Сычева Марина. Рассказы	III-20
Убогий Андрей. Река навсегда. Повесть	IV-14
Усольцева Надежда. Рассказы	I-78
Чириков Евгений. На линии огня. Рассказ	VI-3
Шаргунов Сергей. Дружок. Рассказ	V-69
Шип Эмилия. Советские будни. В поисках смысла. Повесть	III-31

ДРАМАТУРГИЯ

Косарев Михаил. Там жили поэты... Диалоги в ресторане... I-126

ПУБЛИЦИСТИКА

Анашкин Эдуард. Заветам Суворова верны	V-133
Балтин Александр. Огни поэзии Кузбасса	VI-101
Воронина Нина. Забыть?	II-122
Некоторые размышления о «русском следе»	V-136
Цена прогноза	VI-88
Коняев Виктор. Англичанка отгадила (заметки неравнодушного)	V-120
Савченко Александр. Не тем путем плывем, товарищи!	VI-91
Сазыкин Анатолий. «Россия, Русь! Храни себя, храни!» Русская поэзия и русская историческая память	VI-97
Ткаченко Петр. «Ваши храбрые сердца в жестоком харалуге скованы...»	II-118

100 ЛЕТ ЖУРНАЛУ «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

Щукин Михаил. Все, что созвучно эпохе II-127 |

СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ КУЗБАССА – 60 ЛЕТ

Бурмистров Борис. Поиски духовного родства	II-146
Тюшина Екатерина. Вечные вопросы в творчестве Тамары Ян	II-150

И БОЛЬШИМ, И ДЕТАМ

Махалов Андрей. Таежная сказка VI-159 |

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

прот. Адодин Сергей. Справочник православного христианина	III-124, IV-128
Аристарх, митрополит Кемеровский и Прокопьевский. Приветствие	I-136
Поможем каждой личности стать творцом своей судьбы	V-143
Коновской Николай. Богословие в его детстве. Эссе-размышление над рассказом Н. Дорошенко	V-146

КНИГА ПАМЯТИ

Вигандт Лариса. Александр Родионов	IV-103
Кабин Вячеслав. Байки сибирского аборигена	VI-125
Келлер Владимир. Из Поволжья – в Кузбасс	I-138
Коваленко Александр. Шуркина Анжерка и его дед Павел	VI-111
Кузнецких Сергей. Миша Стрельцов	VI-142

«Не горюй, мама, не грусти». Письма с фронта павшего смертью храбрых. Подготовил **Кузнецов Геннадий** II-130
Тюшина Екатерина. «И все-таки наш эксперимент удался» (к 100-летию АИК «Кузбасс») IV-120
Черемнов Сергей. «Павловский метод» Сергея Павлова V-150
Щелокова Зинаида. Сиротское детство II-141

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Голубничий Владимир. «И жить мне очень нравится на свете». Памяти Виктора Коврижных V-160
Черемнов Сергей. Ипостаси Евгения Красносельского III-97
Чириков Евгений. От Павки – к Павлу. Очерк II-152
Шалакин Григорий. Возвращение подвига V-163
Ярошук Александр. Инженер-романтик, всегда дававший результат I-157

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Пшеничников Сергей. Шория VI-104
Чурилов Виктор. Мои пернатые соседи IV-125

ДАЛЬНИЕ КРАЯ

Чернопятов Сергей. Семь дней в Крыму IV-140

ЭССЕ

Арбачакова Любовь. Небесный полет. О поэте Тайане Тудегешевой II-158
Тюмерова Вера. Журавлинский рифмовник поэта Александра Ибрагимова II-156

РУССКАЯ ШКОЛА

Аристарх, митрополит Кемеровский и Прокопьевский. Украина и Русская православная церковь: прошлое и настоящее III-93

ЦИТАТА

Соловьев Владимир. Три разговора. Из «Разговора первого». Подготовил **Дмитрий Мурзин** II-162

ИСКУССТВО

Кусакина Ольга. Безжалостно-прекрасный край земли IV-159
Скачкова Наталья. Герметический мир Ярославы Хмель и его живописные воплощения III-151
Цветкова Ольга. Портреты боевых товарищей. Слово об отце II-160

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Ягодинцева Нина. Книга как прочный фундамент будущего V-157

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Молодежный литературный фестиваль-конкурс «Оперение». **Пронкевич Аня, Малиновский Климентий, Рытенков Богдан, Назаров Андрей**. Стихи I-160

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Арышева Татьяна. Речная кинохроника в «Кийском дневнике» Максима Долгова II-166

Балтин Александр. По поэтическим страницам «Огней Кузбасса» II-165
 К 80-летию С. Донбая IV-164
Бушуева Мария. Одиннадцать мужских лиц II-166
Заболотская Ирина. До выстрела подумать о душе (к 80-летию Анатолия Кулемзина) I-163

Инякина Нина. «И мысли сложатся в слова...». Отклик на творчество Юлии Сычевой IV-162
Калинин Михаил. Кузбасская драматургия II-167
Колач Татьяна. Россия и стихи – едины I-164
 Молитвенные строки – тревожный зов души IV-162
Копытова Татьяна. По плечу кольчужка! (к 80-летию поэта Дмитрия Клёсова) III-166
Надирова Ирина. От читателя к читателю. О книге Дмитрия Филиппенко «Зайди за мною жить» I-164
Сазыкин Анатолий. Потому что поэзия не публицистика. О книге А. Раевского «Золотой жук» III-159
 47 особых голосов (к выходу в свет 1-й книги «Современная литература Кузбасса») VI-162
Ткачева Вика. Теплые деревенские истории II-166
Трухан Елена. И все просил: «Огня! Огня!», или Хождение за Пушкиным в земли Кузнецкие III-162
Филиппенко Дмитрий. На честном слове. Два смысла – и оба правильны I-166
Черникова Тамара. Подольше побыть с любимыми II-167
Чурилов Виктор. Впечатления от знакомства с прозой «Огней Кузбасса» в 2021 году II-164

БЕЛЬМАСОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Басалаева Елена. Счастливая была. Рассказ. **Мамаенко Анна**. Стихи. **Малеванова Юлия**. Лето на подоконнике. Рассказ. **Фенина Анна**. Задержана по запросу Интерпола. Рассказ VI-145

НА 55-Й ШИРОТЕ

Андропова Елена, Емельяненко Владислав, Панарина Татьяна. Стихи. **Сычева Марина**. Тигрицы. Рассказ. **Худякова Марина, Ячменев Дмитрий**. Стихи V-138

СВЕТЛИЦА

Ермоленко Яна. Стихи. **Карлышев Давид**. Проза. **Кислицына Катя**. Стихи. **Коновалова Аня, Тыванюк Миша**. Проза III-153

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Дубатов Юрий, Зайцева Арсения, Коржова Александра, Порошина Анастасия, Рокова Оксана. Стихи III-148
 Гости из Крыма. **Осминкина Елена, Смирнов Владимир**. Стихи V-155

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Душа в белом халате.
Вайман Евгений. Рассказы. **Горбунова Татьяна, Колпинский Глеб, Путинцев Александр, Твердохлебова Татьяна**. Стихи V-166

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин** I-169, II-169, III-168, IV-166, V-137, 170, VI-166

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылаются авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, АО «Стройсервис».

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 6. Дата выхода в свет: 15.03.2023

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 193. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Вектор-Принт»: 650021, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»

(650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

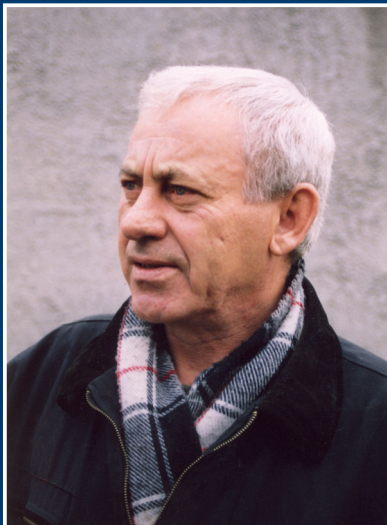
Корректор **М. Н. Долгов**

Верстка: **Е. К. Метякова**

Лауреаты литературной премии года

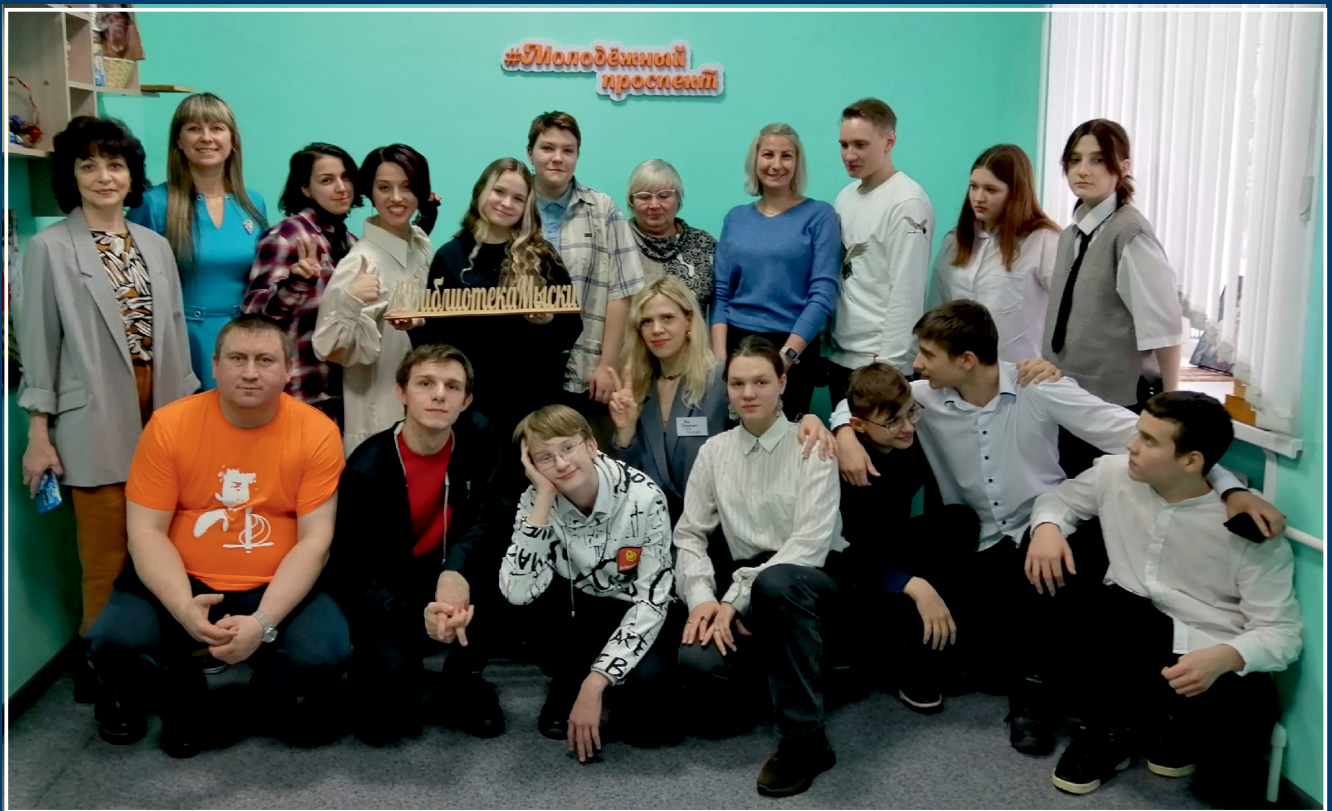
в номинации «Проза» –
И. Тюнина

в номинации «Поэзия» –
А. Раевский

в номинации
«Публицистика» –
Е. Чириков

Первая Конференция Совета молодых литераторов
Кемеровского областного отделения Союза писателей Кузбасса.
28 января г. Мыски.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40